Георгий Владимирович

ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Древняя РУСЬ

Георгий Владимирович ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Древняя РУСЬ

Тверь Москва
ЛЕАН АГРАФ
1996

1887–1973

ИСТОРИЯ РОССИИ

ББК 63.3.(2)4
В35

Редакция выражает благодарность
Андрееву Алексею Алексеевичу (г. Тверь)
за неоценимую помощь
в осуществлении настоящего издания.

Перевод с английского

Предисловие, введение, главы 1 - 3
Губман Б. Л.

Главы 4 - 8
Беренштейн Е. П.

Идея, вступительная статья,
редакция русского текста
Николаев Б. А.

ISBN 5-85929-014-4

© Издательство ЛЕАН. 1996 г.

Жизнь и труды Г. В. Вернадского

Расколотая в октябре 1917 г. на красных и белых Россия в братоубийственной борьбе теряла своих лучших сынов как с той, так и с другой стороны. Судьба уготовила одним из них смерть, другим - изгнание, третьим - забвение. Многие из бежавших, несмотря на невзгоды смутных лет, потерю родных, близких, и, наконец, Родины, смогли не только выжить, не утратив человеческого достоинства, но и сохранили свой талант, энергию и работоспособность. Находясь вдали от России, они продолжали работать во славу Отечества. Их имена невозможно ни оболгать, ни замолчать. В этом ряду находится и замечательный русский историк Георгий Владимирович Вернадский, ставший, по признанию одного из его критиков, столпом новейшей историографии США.[1]

20 августа 1887 г. у Владимира Ивановича Вернадского родился сын. Роды были трудными, и врачи всерьез опасались за жизнь матери и ребенка. К счастью, все обошлось. Мальчик родился здоровым и крепким. В честь деда-сенатора его назвали Георгием.[2] Смышленый мальчуган, всеобщий любимец, получивший домашнее воспитание, хорошо учился в гимназии. Особенно ему нравились уроки истории, которые вел Яков Лазаревич Барсков, ученик великого Ключевского. Я. Л. Барсков добивался от гимназистов не только знания предмета, но и его понимания, учил самостоятельно мыслить. Владимир Иванович, заметив склонность сына к истории, всячески старался поощрять и развивать его интересы, поэтому у молодого Вернадского не было сомнений в выборе жизненного пути, и после окончания гимназии, в 1905 году, он становится студентом историко-филологического факультета Московского университета.[3]

Осенью 1905 года Москва бурлила. Занятия в университете были нерегулярными, постоянно срывались частью крайне лево настро-

енных студентов. Посоветовавшись с отцом, Георгий уезжает в Германию, чтобы там продолжить обучение. Но уже через полгода, осенью 1906 г., он возвращается в Москву и продолжает занятия в университете. Революционная волна пошла на спад, жизнь постепенно нормализовалась.[4]

Политика мало интересовала молодого Вернадского, и тем не менее он не мог не определить своих взглядов на происходящие события. Как и большинство либерально настроенной интеллигенции, Георгий ратовал за перемены в стране, но он всегда был против крайних, экстремистских методов достижения цели. В университете он вступает в студенческую фракцию Партии народной свободы, более известную под названием партии кадетов. Оставаясь приверженцем либеральных демократических идей, он не участвует в политике, его все больше и больше привлекает академическая карьера. Этому способствовали и такие прекрасные преподаватели как В. О. Ключевский, Ю. В. Готье, Р. Ю. Виппер, А. А. Кизеветтер; большое впечатление на него произвели труды С. Ф. Платонова. В студенческие годы Георгий Вернадский попробовал себя и в роли преподавателя - читал русскую историю на рабочих курсах в Дорогомилове. Ездил в Мытищи, в воскресную школу, где всегда с нетерпением ждали и внимательно слушали его рассказы о далеком прошлом.[5]

В 1910 году Г. В. Вернадский закончил университет и решил продолжить изучение истории. Но оснований, чтобы остаться в университете для подготовки к званию профессора, у него не было, и он решает начать самостоятельные исследования по истории Сибири. Результатом кропотливой работы в московском архиве Министерства юстиции стали три статьи о продвижении русских в Сибирь. Но сдать экзамены и защитить диссертацию на степень магистра в Московском университете он уже не мог, поскольку в 1911 году после университетских волнений из Alma Mater ушли его любимые педагоги Д. М. Петрушевский и А. А. Кизеветтер. Покинул университет и переехал в Петербург и его отец. Поэтому Георгий обращается к преподавателю Санкт-Петербургского университета С. Ф. Платонову с просьбой стать его научным руководителем.[6]

Переезд в столицу и удаленность от московских архивов заставили Вернадского изменить тему диссертации. И вновь сильнейшее влияние он испытал со стороны своего бывшего гимназического учителя Я. Л. Барскова, которого встретил в Петербурге. Яков Лазаревич убедил Георгия заняться изучением истории масонства

при Екатерине II.[7] Научное мировоззрение Г. В. Вернадского формировалось и на вечерах, которые устраивали С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Рождественский. На квартирах этих маститых ученых собирались их молодые ученики и увлеченно спорили о прошлом, настоящем и будущем России.[8]

Весной 1914 года - после пробной лекции - Георгий Владимирович был принят в число приват-доцентов Санкт-Петербургского университета и получил право на чтение лекций, проведение семинаров по русской истории.[9] В начале 1917 года его диссертация была готова, и ему посоветовали опубликовать ее к моменту защиты. В мае исследование Вернадского "Русское масонство в царствование Екатерины II" было издано, и на 22 октября назначена защита.[10]

При содействии С. Ф. Платонова, Георгий Владимирович получает место профессора русской истории в Омском политехническом институте. Но в Перми, на полпути к Омску, где Г. В. Вернадский вынужден был задержаться из-за нескончаемых забастовок на железной дороге, ему предложили преподавать русскую историю нового периода в местном университете. Пермь понравилась молодому профессору, и он решает остаться. Однако в октябре на короткое время он возвращается в Петроград, чтобы защитить магистерскую диссертацию. Защита прошла успешно, и после двухдневного пребывания в кругу семьи, утром 25 октября, Георгий Владимирович уезжает в Пермь. И только там, от жены, Вернадский узнал, что в Петрограде за то короткое время, что он находился в пути, произошел большевистский переворот.[11]

Пермь еще оставалась нетронутым уголком старой России. Здесь было тихо, в лавках и магазинчиках еще продавались продукты, жизнь текла размеренно, как будто революционные события в Петрограде и Москве происходили где-то в другом мире. Георгий Владимирович читал лекции в университете, вел научную работу. Он участвовал в создании "Общества философии, исторических и социальных знаний" при университете, редактирует первый сборник трудов этого общества.[12]

В январе 1918 года в Перми устанавливается Советская власть. Имя Г. В. Вернадского вносится в списки неблагонадежных. Сейчас трудно понять, что привлекло внимание ЧК к молодому профессору истории. Может быть, его полузабытое участие в студенческой организации партии кадетов, или же публикация биографии одного из лидеров Временного правительства, а может,

неосторожные высказывания на лекциях, или его непролетарское происхождение. А может быть, все вместе взятое. В мае друзья предупредили Вернадского о грозящем аресте, и Георгий Владимирович счел за лучшее уехать из Перми сначала на лето в глухую деревню, а затем на Украину, в Киев, где жили его родители.[13] При содействии отца он получил место профессора в Таврическом университете и переехал в Симферополь. Наряду с преподавательской работой, Вернадский активно сотрудничает с таврическим архивом: занимается разбором и публикацией документов Г. А. Потемкина. В сентябре 1920 г. Георгий Владимирович занял пост начальника отдела печати в правительстве генерала Врангеля, что и предопределило его дальнейшую судьбу: он должен был покинуть Россию. 30 октября Вернадский с женой отплывает в Константинополь, а оттуда - в Афины, где прожил целый год, работая в библиотеке Греческой археологической ассоциации.[14]

В среде русских эмигрантов Георгий Владимирович выделялся умеренными взглядами: для него были неприемлемы крайние меры политической борьбы, вражда между многочисленными эмигрантскими группировками, модернистские тенденции в православной церкви, затронувшие часть верующих. Эти качества способствовали тому, что в ноябре 1921 г. Вернадский был делегирован на Карловицкий Собор от православной русской общины Афин. Работой Собора он остался недоволен, так как, по его мнению, делегаты больше обсуждали политические вопросы, а не состояние русской православной церкви.[15]

После возвращения в Афины Г. В. Вернадский получил приглашение занять место профессора Русского юридического факультета Карлова университета в Праге, и в феврале 1922 г. он переехал в Чехословакию.

В начале 20-х годов Прага была одним из центров русской эмиграции. Этому способствовала и так называемая "Русская акция" (финансовая поддержка чехословацким правительством беженцев из России), благодаря которой возник целый ряд научных учреждений, таких как Русская народная библиотека (1921), Русский институт (1922), Русский юридический факультет при Карловом университете (1922), Русское историческое общество (1925) и другие. Наиболее значительным из них был Семинар (позднее Институт) им. Н. П. Кондакова.[16] Основанный уже после смерти этого выдающегося историка средневекового искусства и византиниста в 1925 году, Семинар работал до 1945 г. Издаваемые им труды по

истории русского и византийского искусства, по археологии и истории получили мировую известность и признание. Идеи Н. П. Кондакова о взаимосвязи степной, византийской и славянской культур оказали существенное влияние на научное мировоззрение Вернадского. Георгий Владимирович стал активным участником Семинара, и даже после своего отъезда в США не порвал связи с ним.

Не менее важным событием в жизни и деятельности Вернадского стало знакомство с лидерами евразийского движения и в первую очередь с П. Н. Савицким. Евразийство как направление русской мысли оформилось в 1921 году в Софии, когда четверо молодых эмигрантов из России выпустили в свет сборник статей "Исход к Востоку". Это были П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский, П.П. Сувчинский. В разное время к ним присоединились многие видные деятели русской эмиграции. Получив прекрасное образование и сформировавшись как личности в старой России, они были вынуждены работать в совершенно новых условиях, это определило их мировоззрение, необычайную широту интересов.

Россия - Евразия признавалась ими как особый географический, этнический и культурно-исторический мир. Отсюда логически вытекало утверждение "самостоятельной ценности русской национальной стихии". Россия, заявляли евразийцы, не принадлежит ни Востоку, ни Западу. Эти мысли соответствовали представлениям Г. В. Вернадского, и он счел необходимым подкрепить философские разработки евразийцев конкретными историческими исследованиями. Первой работой в этом направлении стала его статья "Соединение церквей" в исторической действительности", вышедшая в свет в 1923 году в евразийском сборнике "Россия и латинство".[17]

Основой русского национального самосознания евразийцы считали православие, поэтому проблема унии с католической церковью была одной иэ ключевых. Вернадский подошел к рассмотрению вопроса "соединения церквей" в контексте конкретной исторической действительности. По его мнению, решить столь важную проблему формальным путем, через заключение договора, невозможно: слишком уж различны интересы церквей, взаимное недоверие усугубляют корысть и разногласия церковных иерархов. На основании исторического опыта "соединения церквей" в прошлом, Вернадский предостерегает христиан от бесконечного повторения давних исторических ошибок.

На начальной стадии евразийства его лидеры, исходя из своих профессиональных интересов, как бы поделили между собой сферы разработок. Историческая концепция разрабатывалась Г. В. Вернадским и наиболее полно была изложена в "Начертании русской истории", вышедшей в Праге, в 1927 году, на русском языке. Строго говоря, эта работа не претендовала на всеобъемлющее исследование - она носила научно-популярный характер и была рассчитана на широкую аудиторию. В основу своей концепции Вернадский заложил чисто евразийскую схему "...Жизненная энергия, заложенная в каждой народности, стремится к своему наибольшему проявлению. Каждая народность оказывает психическое и физическое давление на окружающую этническую и географическую среду. Создание народом государства и освоение им территории зависит от силы этого давления и от силы того сопротивления, которое это давление встречает. Русский народ занял свое место в истории благодаря тому, что оказывавшееся им давление было способно освоить это место".[18] Россия провозглашалась "евразийской" страной, так как располагалась в четырех широтных зонах: тундре, лесной зоне, степи и пустынях, являющихся географической основой русской истории. Прошлое России - Евразии сводилось к "соотношению леса и степи".[19] Вначале это были попытки объединения "леса" и "степи" (до 972 г.), затем (972 - 1238 гг.) - равная борьба "леса" (оседлых славян) и "степи" (кочевников). В монгольский период (1238 - 1452) "степь" победила "лес". Но уже с середины XV в. "лес", превратившийся в Московское царство (1452 - 1696 гг.), взял реванш над "степью", и закончилось все это объединением "леса" со "степью" (1696 - 1917). По мнению Г. В. Вернадского, русская историческая наука увлеклась изучением роли православной церкви и византийского духовного наследия и прошла мимо такого очевидного факта, как "обрусение", христианизация татарщины. Георгий Владимирович утверждает, что Московское государство образовалось на развалинах Золотой Орды, что "татарский" источник русской государственной организации - определяющий. Православию и влиянию Византии он отводит роль духовного источника.[20]

В конце 20-х гг. и без того нелегкое материальное положение русских ученых-эмигрантов ухудшается. Связано это было с тем, что чешское правительство значительно сократило субсидии - страна вступала в полосу острого кризиса. Борьба за выживание отнимала у эмигрантов много сил и времени. Из-за отсутствия средств

возникли трудности с изданием работ, сложно стало получить доступ в архивы, начали закрываться русские научные учреждения, сокращаться число русских студентов.[21] В таких условиях Г. В. Вернадский принимает приглашение Йельского университета, которому требовался специалист по русской истории. В 1927 г. Вернадские выехали в США. В первый год своего пребывания за океаном Георгий Владимирович по заказу университета пишет учебник по истории России. В 1927 г. книга была издана на английском языке, затем переведена почти на все европейские языки, она переиздавалась в Дании, Нидерландах, Аргентине и даже в Японии. Георгий Владимирович с головой окунулся в работу: его пригласили читать лекции в Гарвардском, Колумбийском, Чикагском университетах. В 1933 г. в Лондоне на английском языке вышла его книга "Ленин. Красный диктатор", которую ему заказал директор Гуверского института, его старый знакомый по Петербургу, Ф. Голдер. Вернадский ведет переписку с коллегами, оставшимися в Праге, пытается наладить сбор средств для Института им. Н. П. Кондакова.[22]

30-е годы - время расцвета творческих сил Вернадского. Он пишет монографии: "Русская революция. 1917-32", "Политическая и дипломатическая история России". Его избирают членом "Американской академии средних веков". На русском языке выходят работы Вернадского: "Опыт Истории Евразии с VI в. до настоящего времени" (1934) и "Звенья русской культуры" (1938), в которых Георгий Владимирович продолжал развивать идею взаимодействия природных и социальных факторов в русской истории, впервые высказанную в книге "Начертание русской истории". В это же время Вернадским и его близким другом, профессором Гарвардского университета, Михаилом Михайловичем Карповичем был задуман грандиозный по своему масштабу проект: создание многотомной "Истории России". По замыслу авторов серия должна была состоять из десяти томов: первые шесть - до создания Российской империи - пишет Г. В. Вернадский, следующие четыре - с начала XIX по XX век включительно - М. М. Карпович. Несмотря на то, что проект был совместным, авторы в предисловии к первому тому подчеркнули, что каждый из них несет персональную ответственность за свою работу. Вернадский написал пять книг. Первый том - "Древняя Русь" - вышел в 1943 г., второй - "Киевская Русь" - в 1948, в 1953 г. появился третий - "Монголы и Русь", спустя 5 лет - в 1958 г. - четвертый - "Россия на пороге

нового времени", и в конце шестидесятых, в 1968 г. - пятый - "Московское царство". Смерть Михаила Михайловича в 1959 году помешала завершить проект, и "История России" Вернадского и Карповича осталась "Историей" одного Вернадского.

Нужда в подобном издании была очевидна, так как "в течение последних десятилетий в области русской истории имело место внушительное накопление новых материалов первоисточников, и в монографической литературе как в России, так и в других странах, выявилось много новых существенных точек зрения". Авторы задались целью "систематически представить общий ход русской истории" с широким "использованием вновь собранного материала, так же как и результатов специальных научных исследований". Грандиозность идеи заключалась в том, что Г. В. Вернадский, впервые в зарубежной литературе, в одиночку, решился проанализировать и синтезировать результаты исследований советских историков того времени. В самом Союзе в этот период аналогов подобному проекту не существовало. а "История СССР с древнейших времен...", над которой трудился весь цвет советской исторической науки, появилась гораздо позже и в незавершенном виде.

Вернадский выступал не только в роли интерпретатора и популяризатора русской истории и советской исторической науки. В своей "Истории..." он развивал историческую концепцию, изложенную им в более ранних работах. Идея взаимосвязи природы и общества как главного двигателя всемирно-исторического процесса легла в основу его исторической концепции. По Вернадскому, своеобразие национального развития русского народа было обусловлено саморазвитием социального организма и влиянием на общество природно-географических факторов. Причем Георгий Владимирович главную роль в прогрессе материальной и духовной культуры отводил саморазвитию общества, а природно-географический фактор рассматривал лишь как элемент своеобразия. В "Истории России" получил дальнейшее развитие и тезис о влиянии "месторазвития" на исторические особенности общественных институтов, изложенный Вернадским в "Начертании русской истории".

Первая книга "Истории России" - "Древняя Русь" - вышла в 1943 году, когда США и СССР были союзниками в войне против фашистской Германии. Интерес к Советскому Союзу, к его истории и культуре был огромен, поэтому выход первой книги, как и последующих, вызвал широкий резонанс в Америке и в СССР. В Соединенных Штатах восторженные рецензии сменяли одна дру-

гую, автора называли "крупнейшим знатоком вопроса", говорили о нем как об ученом, который "дал грандиознейшую и увлекательнейшую по схеме, по подробностям и общей манере изложения картину истории евразийского мира, столь судьбоносно включавшего в себя русское месторазвитие".[23]

В СССР к работам Г. В. Вернадского отнеслись иначе. Первые отклики появились в 1946 г., когда две великие державы перешли от военного союза к соперничеству в разделе мира. Кроме того, для советской исторической школы концепция евразийства была неприемлема. Тем не менее рецензенты благосклонно отметили многие стороны труда Вернадского и прежде всего масштабность его работы. Позитивную оценку получили "...широкий исторический фон, увязка фактов русской истории с историей других народов и с далеким, античным и первобытным прошлым нашей страны, широкое использование разнообразных источников, особенно археологических, многочисленные ссылки на советскую литературу, вплоть до новейшей, положительные оценки, даваемые автором советской науке и трудам советских ученых".[24] "Проф. Вернадский, конечно, прав в том, что начинает историю России с отдаленных первобытных времен. Это внимание к отдаленным эпохам составляет, несомненно, ценную сторону труда проф. Вернадского, так как многие явления позднейших периодов уходят своими корнями в очень отдаленное прошлое".[25] Но это, пожалуй, все плюсы, которые подметили советские историки в трудах Г. В. Вернадского. Наибольшей критике была подвергнута концепция Георгия Владимировича. Его ругали, главным образом, за "...последовательное игнорирование важнейшего, что внесла в историографию именно советская наука", за то, что "часто сочувственно цитируя те или иные работы советских ученых (акад. Б. Д. Грекова, проф. Б. А. Рыбакова и др.), автор развивает в своей книге взгляды прямо противоположные концепциям этих исследователей".[26] Вернадскому вменяли в вину предложенную им периодизацию истории России, его концепцию смены "народов-господ", подчиняющих и "организующих" другие, более слабые племена, гипотезу о происхождении Русского государства, которую окрестили "новым изданием норманнской теории".[27] Рецензии советских историков имели явную политическую окраску, впрочем, в 40-х - 50-х гг. иначе быть не могло.

Конечно же, "История России" Г. В. Вернадского не бесспорна. В первой книге "Древняя Русь" внимание автора сосредоточено в

основном на истории степных народов - скифов, сарматов, готов, гуннов, авар, хазар. Автор настолько подробно прослеживает появление, перемещения и исчезновение этих народов, что создается впечатление, будто он пишет историю юга России, неоправданно мало внимания уделяя истории севера. Трудно не согласиться с мнением академика М. Н. Тихомирова: "...не готы, авары или аланы создали русскую государственность, а славяне. Поэтому славяне и должны были находиться в поле внимания историка России... Между тем истории славян отведено в книге проф. Вернадского поразительно мало места."[28]

Некоторые проблемы истории Киевской Руси получили в трудах Вернадского новую интерпретацию. Так, например, основываясь на лингвистических данных, он придерживается гипотезы о единстве славянской (русской) и туранской (восточной) культур. Эта гипотеза и аргументы, ее подтверждающие, не были приняты большинством историков и лингвистов.[29] Слабым местом работы Г. В. Вернадского является идеализация роли степи и кочевников в прошлом России. Особенно это проявилось в третьей книге "Истории России" - "Монголы и Русь", значительная часть которой посвящена истории монгольской империи, в то время как история Руси представлена фрагментарно, без описания обширных сфер социальной, экономической и культурной жизни России под властью монголов. Стоит, впрочем, заметить, что подобный подход характерен для евразийской концепции. Тем не менее, как бы мы ни относились к евразийству, нельзя отрицать рационализм некоторых наблюдений его последователей. Исследования отдельных сторон евразийской теории убеждают в назревшей потребности "первопрочтения" работ ее идеологов. Ряд трудов евразийцев уже стал достоянием современного читателя, однако они не могут заменить знания фундаментальных работ, содержащих собственно научно-историческую и политико-географическую аргументацию идеологии евразийства. Историческую основу евразийской концепции составляет прежде всего "История России" Г. В. Вернадского, ставшая заметным событием не только в научной жизни русской эмиграции, но и всей культуры России.

Борис Николаев

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение последних десятилетий был собран внушительный объем новых источников по русской истории, и в монографической литературе, выпущенной как в России, так и за ее пределами, появились многие новые и значимые точки зрения. Широта охвата русской истории значительно увеличилась во времени, были осуществлены дальнейшие исследования как недавних, так и ранних периодов, и многие, не получившие ранее достаточного внимания, аспекты были разработаны значительно полнее, хотя и в неравной степени. Авторы этой серии убеждены, что в настоящее время в достаточной степени подготовлена почва для систематического представления целостного курса русской истории с соответствующим размахом, позволяющим предложить ее глубокое изложение, которое бы базировалось как на собранном источниковом материале, так и на результатах специальных научных исследований.

Планируется опубликовать историю в десяти томах, из которых первые шесть, написанные профессором Вернадским, будут связаны с освещением периода от начала русской истории до конца восемнадцатого столетия, а оставшиеся четыре, принадлежащие профессору Карповичу, - отрезка истории от начала девятнадцатого века до нашего времени.

Хотя каждый из авторов несет индивидуальную ответственность за свою часть работы, мы надеемся, что сохранится определенное единство подхода, поскольку были согласованы общие основания создания серии в целом. Наряду с рассмотрением основных тен-

денций русской политической, экономической и социальной истории, будет предпринята попытка их объединения с анализом культурного развития страны. Особое внимание будет уделено истории составляющих частей Российской империи до и после их объединения под единой политической властью. Положение русских в мире будет обсуждаться на каждой стадии истории России не только с точки зрения внешней политики государства, но и в перспективе культурных контактов.

Авторы, каждый из которых преподает русскую историю в американских университетах более пятнадцати лет, испытывают глубокое удовлетворение от того факта, что недавно русские исследования пустили крепкие корни в стране и значительно прогрессируют Особенно важно формирование среди младшего поколения американских исследователей серьезных специалистов в области русской истории, которые уже имеют на своем счету солидное количество ценных монографических работ. С другой стороны, сложился постепенно растущий общий интерес к русской проблематике. Таким образом, можно надеяться, что настоящая попытка развернутого рассмотрения целостного курса русского исторического развития будет отвечать подлинной потребности как специалистов, так и широкого круга читателей.

Публикация этой работы не могла бы быть осуществлена без финансовой поддержки Гуманитарного Фонда Нью-Йорка, и авторы хотят выразить свою признательность этой организации.

Георгий Вернадский
Михаил Карпович

ВВЕДЕНИЕ

Том, предлагаемый вниманию читателя, освещает наиболее ранний период русской истории вплоть до прихода варягов. Подход автора к материалу в этом томе требует некоторого объяснения. До недавнего времени было принято начинать русскую историю с варягов, в то время как все произошедшее до этого времени, если и вовсе упоминалось, относилось к "доистории" с точки зрения изучавшего прошлое России. Именно археологи, отталкивающиеся от "доистории", впервые попытались проанализировать наиболее ранние тенденции развития истории России, и публикация двадцать лет назад работы М. И. Ростовцева "Иранцы и греки в Южной Руси" может рассматриваться как важная отправная точка в русской историографии.

Намерение автора при написании настоящего тома состояло в подходе к раннему периоду не с точки зрения археолога или историка классики, а с позиций историка России: целью было рассмотреть его как органическую часть русской истории. Поэтому он начинает не с девятого, а со второго века, не с варягов, а с антов и ранних племен русь. В то время как вряд ли кто-либо будет отрицать значимость такого плана, его исполнение встречается с почти непреодолимыми трудностями, поскольку соответствующие письменные, в особенности отечественные источники, характеризующие наиболее ранний период, чрезвычайно редки. Можно сравнить эту задачу с восстановлением сломанной вазы из фрагментов, среди которых лишь немногие остались невредимыми; из-за широких пробелов трудно поставить на свои места даже те кусочки, которыми мы обладаем. Поэтому во многих случаях было необхо-

димо обращаться к методу предположения, но в каждом из них автор попытался многократно проверить свою гипотезу при помощи всех доступных непрямых свидетельств. Учитывая широкую миграцию ранних славянских племен, в этом томе внимание было уделено не только событиям в границах географического пространства самой России, но также развитию некоторых прилегающих регионов, как, например, на Балканском полуострове, а также политике существовавших в то время империй - Византийской империи, Тюркского каганата и халифата. Тем не менее, хотя читатель найдет в этой книге много информации об истории Византийской империи, булгар, хазар и т.д., автор хочет пояснить, что этот том ни в коей мере не является очерком византийской или балканской истории. Лишь некоторые моменты истории византийского мира, которые имеют прямое или косвенное отношение к развитию народа и русской цивилизации, привлечены в данной связи. Что касается глав I и II, рассматривающих "доисторию" и скифский период, то они должны послужить просто введением.

Настоящий том является итогом многих лет работы, в течение которых автор ощущал добрую поддержку и помощь многих своих товарищей и друзей. Особенно он обязан Борису Бахметьеву за его теплую симпатию и интерес к работе. Признательность другим авторам за использование их печатных трудов отражена в сносках, но особо следует отметить исчерпывающие по глубине исследования М. И. Ростовцева о скифо-сарматском элементе и ценность его личных советов по ряду важных моментов. В значительной степени противоречивая проблема византийского элемента обсуждалась с Анри Грегуаром, разделяя ряд воззрений которого, например, по поводу венгерского вопроса, автор был не в состоянии принять его скептицизм относительно ранней активности племени русь в Черноморском ареале. Но даже не соглашаясь с мнениями Грегуара, автор всегда находил их исключительно стимулирующими мысль. Он также хочет выразить свою благодарность Адольфу Б. Бенсону, Якобу Бромбергу, В. Ф. Минорскому, Роману Якобсону, А. А. Васильеву за ценные предложения, а также Николасу Толлу, который прочитал первый вариант глав I и II. Альфред Р. Беллингер проявил любезность, познакомившись с рукописью глав I - VI и критически проанализировав текст как стилистически, так и содержательно. Карты, за исключением № 4,

были подготовлены и выполнены Николаем Крижановским, являющимся членом Американского географического общества.

Благодарность автора должна быть так же адресована персоналу библиотеки Йельского университета за постоянную помощь, как и сотрудникам библиотеки Конгресса и общественной библиотеки Нью-Йорка; издательскому отделу Йель Юниверсити Пресс и мисс Аннабел Лёнд за их помощь по подготовке рукописи к печати.

Георгий Вернадский
Нью Хейвен, Коннектикут
Март, 1943 г.

Глава I

ПРЕДЫСТОРИЯ

1. Подход к проблеме происхождения русского народа

Исторические корни русского народа уходят в глубокое прошлое. В то время как древние анналы содержат значительную информацию о русских племенах в девятом и десятом столетиях нашей эры, очевидно, что соответствующие группы их предков сплотились значительно раньше, по крайней мере в сармато-готский период, а процесс их консолидации должен был начаться еще значительно раньше, в скифский период. В целом проблема этногенеза любого народа чрезвычайно сложна. Мы не должны подходить к ней в свете таких упрощенных традиционных схем как теория генеалогического древа языков, которая длительное время рассматривалась как универсальная панацея не только филологами, но и историками.

В отношении доисторического фона формирования русского народа мы должны в особенности избегать таких генерализаций как "изначальный панславянский язык" (Ursprache, праязык), который, как предполагается, существовал до разветвления новых славянских языков, или же "изначальная панславянская родина" (Urheimat, прародина), в которой, согласно предположению, предки всех славянских народов начали свою историческую жизнь. Подобные обобщения не оказывая какой-либо помощи историку,

скорее, затемняют вопрос. Иордан, который писал в шестом веке нашей эры, уже знал три группы славянских племен: венеты, склавены и анты. Иные имена упоминались классическими авторами, жившими ранее, для обозначения племен Южной Руси, которые могут рассматриваться как группы прародителей склавенов и антов. Следует принять во внимание и данную Геродотом информацию (пятый век до н.э.) относительно скифов и их соседей. Любое этнологическое отождествление классических племен и национальных имен затруднительно, особенно в отношении таких народов как скифы и сарматы, которые объединили под своим контролем огромные территории. Их имена могли относиться не только к правящим племенам, но также и к завоеванным ими местным племенам. Не надо думать, что каждое такое вторжение завершалось общим истреблением местных племен, которые осели в стране задолго до прихода завоевателей. Часть их в любом случае обычно получала разрешение остаться в стране после признания власти захватчиков. Таким образом, после прихода скифов некоторые из протославянских племен могли остаться на границе степной территории, в то время как принадлежащие к ним другие группы, возможно, были вытеснены в лесную зону. Что же касается сарматского владычества, у нас имеются более убедительные свидетельства того, что некоторые из групп прародителей русских племен уже были в черноморских степях под сарматским контролем.

Принимая во внимание высказанные выше соображения, мы должны полагать, что группы прародителей славян появились частично в лесной зоне и частично в степях и что процесс их формирования был затяжным и очень сложным. Как мы уже отметили, с точки зрения историка не существует достаточных свидетельств, а также никакой необходимости, чтобы постулировать существование изначальной панславянской прародины. Напротив, свидетельства, даваемые ранними авторами, хотя и редки, но говорят скорее в пользу существования в древние времена нескольких - по крайней мере трех - групп протославянских племен, отличающихся друг от друга. Каждая из них должна была даже в отдаленной древности говорить на своем собственном диалекте и обладать особыми обычаями. Более того, каждая контролировала свою собственную территорию. Мы обозначим эти три группы как западные славяне, средние славяне и восточные славяне. Можно пред-

положить, что во время рождения Христа места обитания западных славян были в регионе средней и верхней Вислы; поселения средних славян простирались от Карпат до среднего Днепра, в то время как кланы восточных славян распространились по северной кайме степей, по территории, известной с семнадцатого столетия и далее как Левобережная Украина или Слобидшина (Харьковская, Курская, Полтавская, Воронежская губернии)[1]. Некоторые восточные славянские группы возможно проникли и дальше на юг, по направлению к региону нижнего Дона.

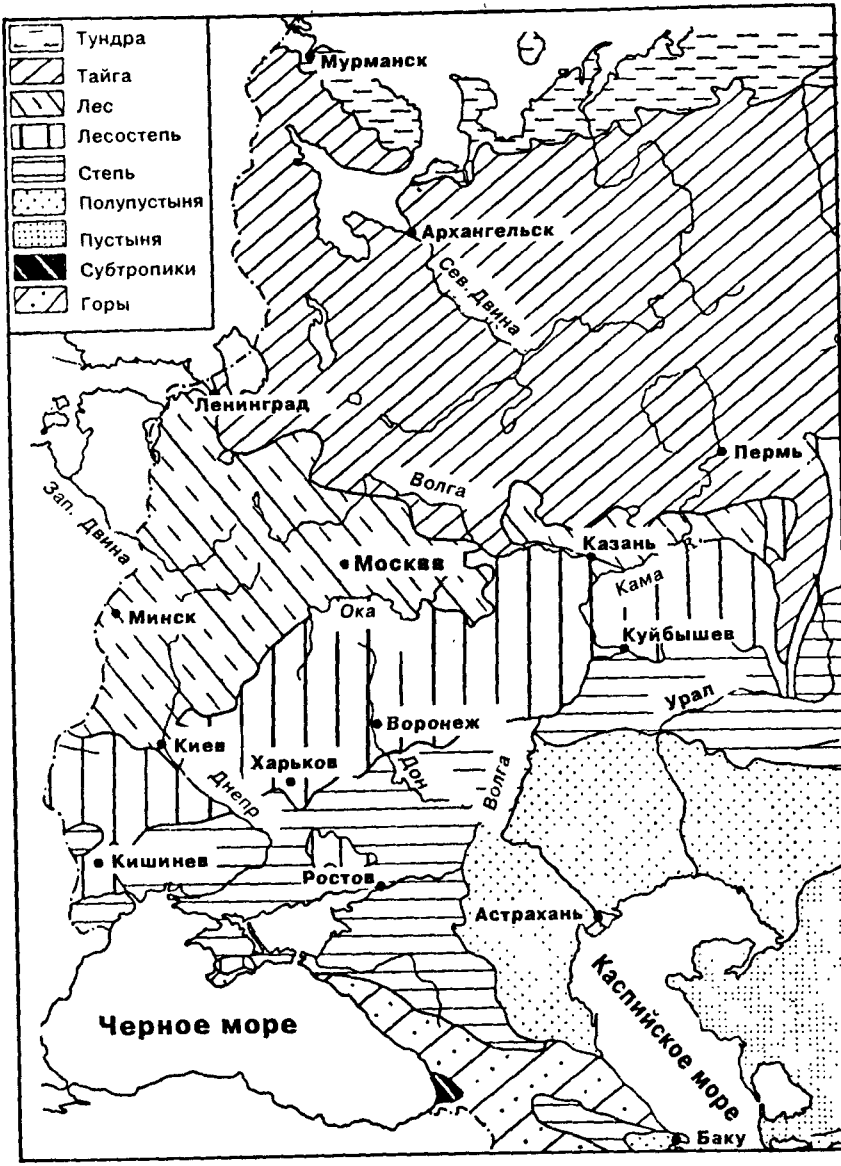
Не существует археологических свидетельств для предположения, что вышеупомянутые славянские группы были просто новыми пришельцами на территории, которую они занимали в первом веке нашей эры. Напротив, свидетельства указывают скорее на определенную преемственность культуры на этой территории в течение тысячелетия от 500 г. до н.э. до 500 г. н.э.[2] Мы можем таким образом заключить, что группы прародителей славянских племен осели в этом месте по крайней мере не позднее 500 г. до н.э.

Лингвистические отношения и родство культуры не обязательно предполагают расовое родство. Племена, принадлежащие к тому же самому "лингвистическому ареалу" или той же "культурной сфере" могут быть различны в расовом отношении или принадлежать к разным антропологическим типам. История предлагает обильные примеры принятия одним народом языка и культуры другого. Так, во времена расширения Римской империи кельты и иберийцы в Галлии и Испании соответственно приняли язык их победителей - латинский язык, на базе которого эволюционировали современный французский и испанский языки. Не менее разителен пример персидского языка, который после завоевания Ирана арабами подвергся полному изменению. Не только арабские слова были восприняты оптом, но и сама структура персидского языка была глубоко затронута арабскнм, несмотря на тот факт, что персидский принадлежит к группе индоевропейских языков, а арабский - к семитской. Русская история подобным же образом предостерегает нас от поспешной идентификацин языкового единства с расовым. Хорошо известно, например, что скандинавы, ставшие правящим классом Киевского государства в девятом и десятом столетиях, быстро ассимилировались среди местного населения, приняв славянскнй язык. Интересный пример социальной группы, объединенной культурой и

языком, но построенной на варьирующих расовых элементах, является собою русская знать. Некоторые из наиболее древних русских знатных семей имеют своих предков среди предводителей аланов и варягов; другие несут в себе польскую, литовскую, украинскую, немецкую, шведскую, монгольскую, татарскую, армянскую или грузинскую кровь. Все эти гетерогенные элементы слились воедино, поскольку состоялось принятие русского языка и русской культуры. Схожие процессы могли иметь место в ранний период. Анты, которых историки шестого столетия нашей эры считают сильнейшим среди славян племенем, управлялись иранскими кланами возможно со второго века нашей эры. Во времена Прокопия их язык был, тем не менее, славянским.

Таким образом признавая спорную природу вопроса, мы все же можем предположить со всеми положенными оговорками, что изначальные славянские племена принадлежали в основном к кавказской расе, отличной своими физическими чертами от монголоидной. Каждое из трех протославянских племен имело, однако, различных соседей и таким образом подвергалось смесительному воздействию различных чужеродных этнических черт. Западная славянская группа должна была иметь определенные отношения с балтийскими (литовскими) племенами на севере и с немцами на западе. Среднее славянское племя было, возможно, в тесных отношениях с фракийскими племенами Трансильвании и Балкан. Восточная группа была более открыта взаимосмешению с кочевыми и полукочевыми племенами степей - и имя им легион. Племена фракийского, кельтского, иранского, готского, угорского, тюркского и монгольского происхождения преследовали одно другое в бесконечной последовательности. Каждое должно было оставить некоторый след в стране.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что именно некоторые изначальные средние и восточные славянские племена могут рассматриваться как группа предков русского народа. Эти ранние славяне оседали в основном на границе степной зоны, хотя некоторые из их частей расположились более к северу, в лесах, в то время как другие группы спустились на юг в степи. Сельское хозяйство должно было составить главное занятие людей: жившие в лесах занимались охотой и пчеловодством; жившие на юге были скотоводами. Поскольку в реках было много рыбы, рыболовство



Ландшафтные зоны европейской части СССР

было также важным средством выживания. Так, ранние восточные славяне были хорошо знакомы с речной жизнью; они делали лодки, выдалбливая стволы деревьев. Их мастерство управления судами позволяло им чувствовать себя уверенно при выходе в открытое море, когда они спускались к берегам Азовского и Черного морей. Разнообразие их естественного окружения и экономических условий привело к раннему формированию различных типов экономической и социальной организации людей. Клановые или семейные общины типа задруги[3] должны были преобладать среди групп, чьим главным занятием было сельское хозяйство. Охотничьи и рыболовецкие коллективы представляли иной тип социальной единицы, в то время как другие, рискнувшие уйти на юг в степи и используемые сарматскими предводителями как воины, были, возможно, организованы в военные коммуны позднего казацкого типа.

Территория раннего распространения средних и восточных славян предварительно совпадала с той местностью, что позднее стала известна как Украина. Около восьмого века нашей эры они распространились на более широкой территории, которая теперь называется Европейской Россией, но, возможно, может быть лучше обозначена как Западная Евразия, понятие "Евразия" объединяет регионы европейской и азиатской России воедино[4]. Западная Евразия таким образом может рассматриваться как первая, единая древняя и средневековая стадия русской экспансии, а Евразия - как целое в качестве ее второй и завершающей стадии.

В определенном смысле Западная Евразия уже в древние времена формировала общее географическое основание для развития восточных славян, хотя в это время они в действительности занимали лишь ее юг. Географически и экономически Юг и Север, как и теперь, были взаимосвязаны. Для осуществления подхода к ранней истории восточных славян, нам необходимо поэтому изучить их доисторический фон в более широкой географической рамке. Хотя население Западной Евразии в доисторические времена было редким, страна не представляла собою пустыню. Человек жил здесь многие тысячелетия или скорее десятки тысяч лет до рождества Христова. Именно в далекой древности сложились его основные занятия на всей территории Евразии; приспосабливаясь к природным условиям страны, человек создал раннюю экономику, а куль-

турные традиции постепенно сформировались для передачи его потомкам.

Разбросанные по евразийским равнинам, поселения доисторического человека не были изолированы друг от друга. Отношения как мирного, так и военного плана устанавливались между различными группами в первобытный "докланового период" (дородовое общество), согласно терминологии советских ученых, и в период более организованной родовой жизни. Имели место миграции и войны; торговцы шли вслед за воинами. Реки, возможно, служили в это время в качестве главных коммерческих путей, и характерно, что большинство доисторических поселений, открытых до сегодняшнего дня археологами расположены на речных берегах или поблизости. Взаимодействие различных групп не сводилось к местной торговле. В значительной степени поражает, что уже в эти древние времена были установлены коммерческие пути международного значения, и племена Западной Евразии таким образом связывались с прилегающими странами.

Занимавшиеся сельским производством в районе среднего Днепра наладили связи с людьми аналогичных интересов в Трансильвании и на Балканах. Коммерция продвинулась далеко на юг и восток. Товары кавказского типа были принесены как в Днепровский, так и в Верхневолжский регионы; раскрашенная керамика района среднего Днепра в этот период обнаруживает поразительную схожесть с глиняной посудой Туркестана, Месопотамии и Китая. Так же как и в более поздний период, причерноморские степи были открыты для набегов кочевых племен Центральной и Восточной Евразии. Фактически эти степи были просто продолжением евразийских. Нет сомнения, что задолго до прихода скифов их предшественники использовали зону степей для своей миграции. Было очень важно, что степная дорога из Китая к Черному морю проходила через такие провинции древней цивилизации как Иран и Кавказ, культурный базис которых находился в Месопотамии. Через народы степей эти старые центры культуры распространяли свой свет далеко на север. Во втором тысячелетии до нашей эры жители Верхневолжского региона заостряли свои каменные топоры по типу бронзовых топоров кавказцев и украшали свои глиняные изделия типично кавказским рисунком. Поскольку кавказская культура этой эпохи находилась под влиянием хетт-

ской цивилизации, стереотипы и дизайн хеттской Азии находили путь на север России.

Изучающий русскую историю не может предать забвению игру экономических и культурных сил, которая имела место на территории России задолго до появления собственно России. Именно в этот доисторический период сформировалось "жизненное пространство" русских людей. Некоторое знание этого базисного фона необходимо для понимания основных тенденций ранней русской экономической и политической истории.

2. Историографические замечания

Изучающий историю Древнего Востока - Малой Азии, Месопотамии и Египта - имеет в своем распоряжении письменные источники, характеризующие период в более чем три тысячелетия до рождества Христова. Интересующийся классической античностью - Грецией и Римом - может использовать эпические поэмы, традиция которых уходит к началу первого тысячелетия до н.э., в то время как для второй половины этого тысячелетия имеется обилие эпиграфических и литературных источников. Специалисты по германской истории имеют твердое основание в работах Цезаря и Тацита соответственно первого столетия до н. э. и ее начала.

Занимающийся русской историей находится во много более сложной ситуации. Тацит был одним из первых авторов, упомянувших славян, но он сделал это лишь случайно. Только в работах Иордана и Прокопия, историков шестого века н. э., мы впервые обнаруживаем реальные попытки описания жизни славян. Разумеется, имеется значительная информация о народах, живших в причерноморских степях в течение многих столетий до н. э. - скифах и сарматах, - в работах ряда классических авторов, начиная с Геродота (пятый век до н. э.). Китайские хроники также передают некоторые данные о евразийских кочевниках. Тем не менее свидетельства о протославянских и ранних русских племенах, подчиненных иранским кочевникам, которые мы можем извлечь из этих сообщений, скудны и предположительны. Еще хуже дело обстоит с письменными источниками на славянском языке. Можно отметить, что русские имели некоторые рудименты литературы в седь-

мом или восьмом столетиях, используя греческий или иной адаптированный алфавит. Тем не менее "русские персонажи" упоминаются только в 860 г. н. э., а каковы они - все еще составляет предмет обсуждения. Однако вскоре после этого (и возможно на основании этих ранних "русских персонажей") Константином Философом (св. Кирилл, апостол славян) был создан более совершенный славянский алфавит, это было так называемое глаголическое письмо (глаголица); одновременно или немного позже, но не позднее, чем в конце девятого века, разрабатывается другой славянский алфавит, известный как кириллическое письмо (кириллица)[5]. И только после этого искусство письма широко распространилось среди славян, включая русских. Первая русская летопись была написана в Киеве в одиннадцатом столетии н. э.; нам она знакома в варианте раннего двенадцатого столетия, который сохранился в некоторых поздних компиляциях четырнадцатого и пятнадцатого веков. Наиболее ранний памятник русской эпиграфии так называемый Тмутараканский камень относится к 1068 г.

Самые ранние документы русских иностранных дел - русско-византийские переговоры десятого века - являются переводами с греческого. Переводы были сделаны во время подписания каждого договора, но оригиналы утеряны, мы имеем в результате позднейшие копии, хотя они и кажутся аккуратными. Древнерусский кодекс законов - "Русская Правда" - был записан в одиннадцатом столетии, но старейшие известные списки его опять же относятся к более позднему периоду тринадцатого - четырнадцатого столетий.

Итак, мы видим, что русские письменные источники доступны только с периода, начинающегося десятым столетием, а зарубежные документальные свидетельства лишь с шестого столетия н. э. и неполны. Учитывая эту ситуацию, изучающий древний период русской истории должен полагаться в основном на археологические свидетельства. В то время как археология обладает чрезвычайной значимостью для изучения классической истории и также истории Древнего Востока, она еще более значима для ранней русской истории. Лишь на основании археологических открытий можно вообще создать историю возникновения России. Негативным моментом для развития русской исторической науки является то обстоятельство, что русская археология относительно молода. Совсем недавно были предприняты попытки соединить археологи-

ческие данные с ранними источниками и использовать археологический материал с точки зрения русской истории.

В дополнение к археологическим исследованиям лингвистические данные могут стать большим подспорьем для историка. К сожалению, никаких надписей или документов какого-либо рода не было найдено до появления греков на северном побережье Черного моря (VII век до н. э.). Для скифского периода мы имеем ряд греческих надписей; тем не менее они относятся либо к греческим колониям, либо к скифам, но не к местным племенам. Нет, следовательно, никакого лингвистического ключа к объектам, обнаруженным археологами. Итак, археологический материал о Древней Руси нем с точки зрения историка. В результате, нелегкой задачей является даже предположительное опознание находок, которые могут относиться к жизни предшественников русских, в особенности учитывая возможное значительное влияние народов, примыкающих к ранней славянской культуре. Свидетельства указывают на распространение на территории, где позднее процветали славяне, гомогенной "культурной сферы", просуществовавшей приблизительно с 500 г. до н. э. до 500 г. н. э. Но лишь предположительно мы можем определить эту "культурную сферу" как "протославянскую культурную сферу". Такое определение - не более чем гипотеза, хотя она и кажется убедительной.

В свете колоссального значения археологии для изучения истории России будет кстати предложить здесь краткий очерк развития археологических исследований в России. Древние могильные холмы с золотым и серебряным богатством давно привлекали внимание охотников за сокровищами. Петр Великий первым среди русских властителей понял значимость подобных находок для науки. Он издал несколько указов (1721 - 1722), призывающих губернаторов на местах покупать и коллекционировать золотые и серебряные вещи, достойные хранения в музеях. Именно так была собрана в музее Академии Наук (1725) первая коллекция сибирских древностей.

Около этого же времени астраханский губернатор В. Н. Татищев, известный историк, создал продуманное руководство для коллекционирования материалов по археологии и этнологии. План Татищева был частично реализован Академией Наук, многие из членов которой немало путешествовали по всей России и узнавали о нахождении важных могильников и древних стоянок на ее

юге и в Сибири. Путешествия Палласа, Лепехина, Гмелина и Рычкова принесли ценные результаты. Следуя примеру Татищева, некоторые губернаторы на местах также обнаруживали свой интерес к археологии. В 1763 г. губернатор Новой Русской Территории (Новороссии) А.П.Мельгунов приказал раскопать курган, теперь известный как Литой, находящийся на расстоянии около тридцати пяти километров к западу от Елисаветграда (ныне город Кировоград). Здесь был найден ряд золотых и серебряных предметов скифского периода, отправленных в Академию Наук, откуда они были переведены в Эрмитаж, который с этого времени стал центральным хранилищем подобных находок из Южной Руси. Именно скифские и классические предметы искусства в основном привлекли внимание русских археологов в первой половине девятнадцатого века.

В начале этого столетия академик Келер изучил и описал некоторые памятники древнего Боспорского царства на берегу Керченского пролива. В самой Керчи раскопки были проведены с 1817 по 1835 гг. французским эмигрантом Полем Дюбрюксом, который воспользовался интересом и поддержкой работ со стороны главы керченской полиции Стемпковского. В 1826 г. генерал-губернатор Новороссии граф М. С. Воронцов одобрил проект Стемпковского по учреждению музея древностей в Керчи. Музей, открытый в том же году, стал важным провинциальным центром археологических исследований. Можно вспомнить о том, что он был разрушен британскими войсками в Крымскую войну (1855), но вскоре восстановлен. Около Керчи в 1831 г. Дюбрюкс и Стемпковский раскопали курган Куль-Оба - одно из наиболее важных скифских захоронений. Вскоре в 1840 г. город Одесса начал играть активную роль в поддержке археологических исследований. В 1844 г. начали появляться ценные "Комментарии" ("Записки") Одесского общества истории и древностей.

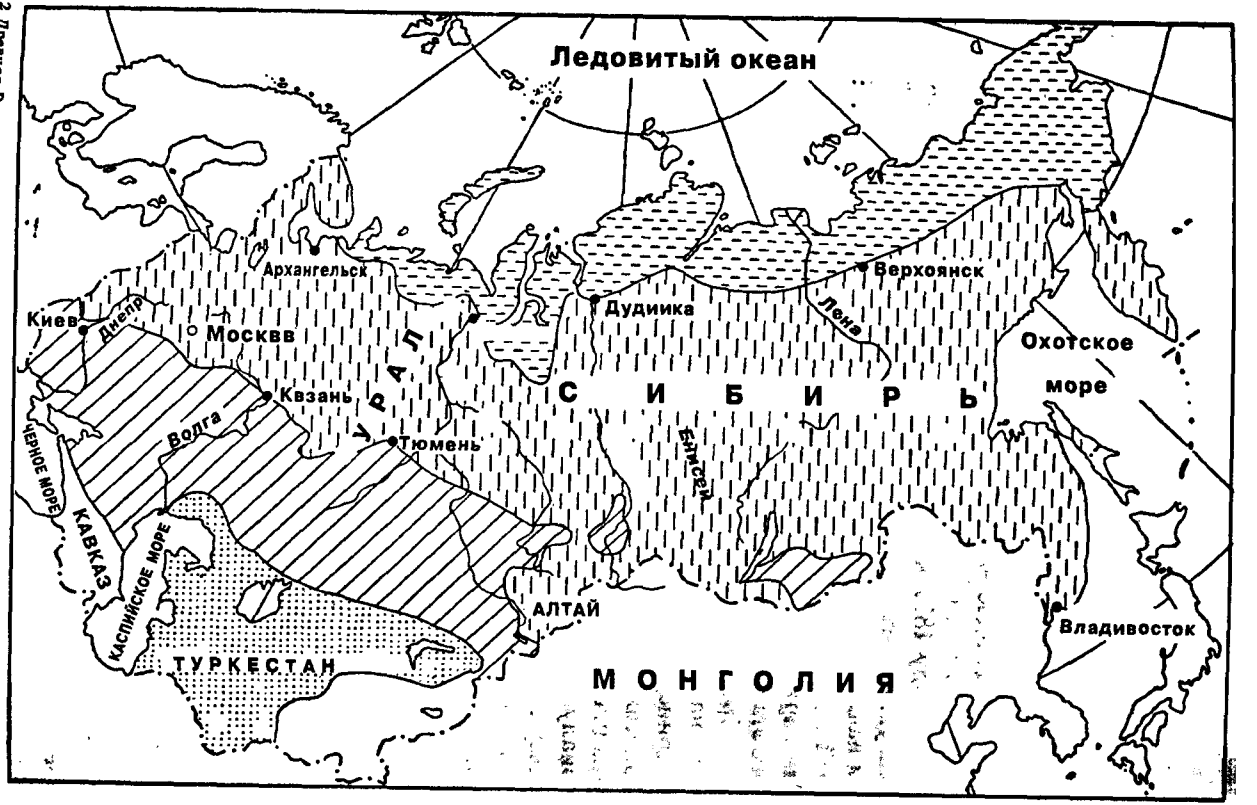
Столица империи, С.-Петербург, несколько отставал. В 1846 г. там было основано "Археологическое и нумизматическое общество", но лишь в 1865 г. эта группа стала по-настоящему деятельной под новым именем "Императорского археологического общества". Наиболее значительным событием в развитии археологических исследований в России была организация в 1859 г. Императорской Археологической Комиссии, которая вскоре заняла лидирующее место в

направлении и координации исследований в России. Среди видных членов втой Комиссии, особенно активных в начале двадцатого века, могут быть упомянуты имена Н. П. Кондакова, Н. И. Веселовского, М. И. Ростовцева, графа А. А. Бобринского и Б. В. Фармаковского. После русской революции Комиссия была реорганизована в Институт истории материальной культуры, недавно слившийся с Академией Наук. Археологическая Комиссия посылала в Южную Россию ряд экспедиций, которые проводили раскопки скифских и сарматских могильников, древних греческих городов.

Очевидно, что в течение девятнадцатого столетия работа русских археологов сфокусировалась на древностях классического периода, что в определенном смысле объяснялось великолепием находок. Это было вполне естественно для первой стадии развития археологической науки в России. Постепенно, тем не менее, находки каменного века также начали привлекать внимание ученых, поначалу куда менее многочисленных, нежели их коллеги, которые раскапывали скифские могильники. Граф А.С.Уваров может быть назван пионером исследования каменного века в России. Он также основал Московское географическое общество (1864). Многие из стоянок каменного века были раскопаны им и его сотрудниками в Центральной России в 1870-х годах. В 1881 г. была опубликована книга Уварова об археологии России, базирующаяся в основном на результатах его собственных раскопок. Не менее важными в изучении культуры каменного и бронзового веков стали раскопки, предпринятые в период между 1880 и 1917 гг. рядом русских и украинских ученых, включая В.Б.Антоновича, Н.Ф.Беляшевского, В.В.Хвойко, Е.Р. фон Штерна, Ф.К.Волкова, графа А.А.Бобринского, В.А.Городцова, А.А.Спицына и др. Большинство предметов, найденных в Центральной России, хранились в Московском историческом музее; для находок на Украине важнейшим хранилищем был Киевский археологический музей. Многие местные музеи как на севере, так и на юге обладают ценными коллекциями. Археологические исследования в Сибири также достигли ощутимых результатов, формируясь вокруг местных музеев, из которых наиболее значимыми являются Иркутский (основан в 1805; расширен в 1851; сгорел в 1879; реставрирован в 1882), Тобольский (1870), Минусинский (1877) и Красноярский (1889).

После революции 1917 г. археологические исследования получили еще большее внимание, раскопки приняли организованную форму. Институт истории материальной культуры и Академия Наук - важнейшие учреждения в этой сфере. Академия Наук Украинской ССР в Киеве осуществляет контроль за археологическими исследованиями на Советской Украине. Государственный исторический музей в Москве организовал серию археологических экспедиций в различные части Российской Федеративной Социалистической Республики. Некоторые местные музеи также активны. За последние два десятилетия наиболее удивительные открытия относятся к палеолитическим стоянкам, культуре неолита и бронзы также уделялось большое внимание.

Первая достойная упоминания попытка использовать археологические свидетельства для изучения русской истории была сделана И.Е.Забелиным в его книге "История русской жизни" (1876 - 1879)[6]. Еще более амбициозным стал план исследования В.М.Флоринского "Первобытные славяне" (1895 - 1898)[7]. Эти две работы, весьма интересные во время их публикации, теперь безнадежно устарели. М.И.Ростовцев в своей книге "Иранцы и греки в Южной Руси" впервые приблизился к проблеме отношений между русской археологией и русской доисторией в современном ключе. Хороший обзор археологического материала с точки зрения изучающего русскую историю был опубликован в 1925 г. Ю.В.Готье ("Изучение истории материальной культуры в Восточной Европе"). Ценные археологические исследования появились в течение последних двух десятилетий в "Бюллетене" ("Известиях") Академии истории материальной культуры. Он сейчас заменен "Краткими сообщениями" Института истории материальной культуры Академии Наук, в который была реорганизована бывшая Академия истории материальной культуры. С 1936 г. выходит специальное археологическое обозрение "Советская археология", уделяющее особое внимание каменному веку. Определенный интерес к современным археологическим исследованиям заметен в "Журнале (Вестнике) древней истории", издающемся с 1938 г. Здесь может быть упомянуто общее введение в археологическое исследование А.В.Арциховского ("Введение в археологию", 1940)[8].



Ландшафтные зоны Евразии

3. Палеолит[9].

Первые раскопки с целью выявления мест поселений палеолитического человека в России и на Украине начались в 1870-х гг. В 1873 г. было открыто поселение в деревне Хонцы (Гонцы) на реке Удай (Полтавская губерния). Четыре года спустя граф Уваров исследовал участок в Карачаровском овраге, который спускается к Оке. Эти две экспедиции дали хорошее начало исследованию остатков палеолитической культуры в России, и в течение периода между 1877 и 1917 гг. были раскопаны многие стоянки. Как мы уже отмечали[10], более систематическое изучение этой проблемы началось с 1917 г. Новые открытия теперь делаются почти каждый год, и вскоре картина будет еще более ясна.

Сама археологическая наука развивалась, в особенности на ее ранних этапах становления, на материале европейских находок - тех, что были сделаны во Франции, в Германии и Скандинавии. Именно на базе этого материала была дана классификация вещей, принадлежащих к культуре каменного века, равно как и хронология стадий культуры. До какой степени подобная классификация и хронология могут быть применены к евразийскому материалу - проблема, которая еще не достаточно освещена. Даже используя традиционную терминологию, мы должны иметь в виду, что она не может быть совершенно приемлема к археологии Евразии.

В изучении палеолитической культуры многое зависит от результатов геологического исследования. Хронология и классификация слоя, предложенного геологами, также неопределенны, но все же в целом данные геологии более достоверны, нежели археологические. Геологическая наука была построена на более широком географическом основании, поскольку исследования в этой сфере давно проводились на международном уровне. В Евразии также геологические исследования начались задолго до археологических. Стоянки каменного века, открытые до сих пор на территории как цизуральской (европейской) России, так и Сибири, могут быть отнесены к четвертичному периоду: а именно, к среднему и верхнему слою плейстоцена. С точки зрения историка, это - глубокая древность, поскольку она должна быть измеряема тысячелетиями или даже десятками тысячелетий.

Географическая ситуация в ту отдаленную эпоху была совершенно иной, нежели в наше время. В начале четвертичного периода большая часть Западной Евразии была покрыта льдом. Геологи определяют последовательность трех или четырех оледенений, разделенных промежуточными периодами, в течение которых ледник отступал.

В течение каждого ледникового периода гигантский ледник простирался от Скандинавии на юг и юго-восток, покрывая целиком Северную и Центральную Россию. Во время наиболее широкого распространения ледника его южный край достигал линии, которая может быть проведена от Карпат до Киева на Днепре и оттуда до Орла; от Орла он шел изгибом до Воронежа и вверх на восток к Волге, затем вверх по Волге к устью Камы и далее через северную часть Уральских гор к истокам Оби в Сибири. Регион Южного Урала был в это время покрыт водой. Огромное южноуральское озеро было связано с двумя другими озерами, которые позднее сформировали Каспийское и Аральское моря.

Даже после того как ледник в конце концов начал отступать на север около 4000 г. до н. э., его следы еще долго были заметны по всей стране. Огромное озеро появилось в северо-западной части России, малыми остатками которого являются Ладожское и Онежское озера. На юге в процессе постепенного отступления ледника и таяния ледниковой кромки сформировались грязевые потоки, сливающиеся в Черное море, которое в это время протянулось на север за границы своих современных берегов до степной полосы. Именно из этих потоков появились Днепр, Дон, Волга и другие реки. Как раз в постледниковый период сформировались основные субпочвы Центральной и Южной России и Украины, известные как лессы; нечто наподобие гранулированного глинозема светло-серого цвета. Лессы появлялись лишь постепенно из-под ледяного покрова. Уходя, ледник оставлял на своих границах то, что теперь известно как морены, состоящие из отполированных камней и гранитных валунов. Возможно, климат областей, недавно освобожденных от ледяного покрытия, был холодным, как климат теперешних субполярных районов. Подобные природные условия были благоприятны для распространения мамонтов, и очевидно, что это животное водилось по всей Западной Евразии в постледниковый период. Постепенно климат становился мягче, но существо-

вали интервалы, когда ледник разрастался опять, и холодная волна двигалась на юг. Широко принято мнение, что в течение так называемого Мадленского периода[11] вновь похолодало. Когда снова потеплело, южные равнины покрылись обильной растительностью, и постепенно над лессом сформировался верхний слой гумуса; именно так появилась знаменитая "черная земля" (чернозем) в степях Южной России и Украины.

Человек в течение ледникового периода мог жить только на юге. Человек среднепалеолитического, так называемого Мустьерского периода[12], находился еще на низком уровне культурного развития. Он был, тем не менее, способен разводить огонь. Он жил в основном в пещерах или под выдвинутыми вперед краями скал. Охота была основным источником его существования, принося ему как пищу, так и одежду. Его главным инструментом было ручное рубило (coup-de-poing), кусок кремня, один конец которого был заострен, а другой закруглен или оставлен тупым. Он мог служить как колун или топор. Это орудие не имело рукоятки и должно было держаться в сжатом кулаке. Для охоты использовалась деревянная пика, конец которой заострялся в огне. При помощи этих орудий человек мог убивать диких быков, лошадей, оленей, а также и хищников, даже пещерного льва и медведя. Это был, возможно, период первобытного коммунизма. Средняя охотничья группа или орда могла состоять из двух десятков людей.

Многие стоянки каменного века, открытые в России, принадлежат к периоду среднего палеолита. Таковы некоторые пещеры в Крыму, как, например, Волчий Грот, Киик-Коба, Шайтан-Коба; стоянка Ейская на Кубани и стоянка на берегу реки Деркул, где она вливается в Донец. Во время раскопок этих стоянок были найдены кремневые орудия, кости убитых человеком животных и иногда части человеческих скелетов. Судя по находкам в Киик-Коба, люди, жившие в крымских пещерах того времени, принадлежали к неандертальскому типу[13].

От культуры периода среднего палеолита мы теперь обращаемся к верхнему, известному в западной археологии как Ориньяко-Солютрейская культура[14]. Поселения этой эпохи были, очевидно, более постоянными, нежели в предшествующий период. Жилища вырывались в земле; стены облицовывались бревнами или камнями; крыша, возможно, делалась из лозняка. В качестве инстру-

ментов и оружия характерны острые кремневые пластины на короткой рукоятке и копье с кремневым наконечником. Кремневый резец также был важным инструментом. Другие орудия и инструменты были изготовлены из костей и оленьих рогов. Рог иногда орнаментировался рисунками, фигурами оленей или иных животных. Статуэтки женщин делались из бивней мамонта. Как и в предшествующий период, охота была главным занятием человека.

Среди стоянок каменного века в Западной Евразии, принадлежащих к верхнепалеолитическому слою ориньякского и солютрейского типов, здесь могут быть упомянуты: пещера Сюрень в Крыму; Борщево, Гагарино и Костенки в бассейне Дона; Мезино в регионе Днепра. Палеолитическое поселение Мальта, в районе Иркутска в Сибири (на реке Белая, притоке Ангары) обнаруживает схожую культуру[15].

В конце этого периода климат сменился с мягкого на холодный. В течение следующего периода мадленской культуры как растительность, так и животный мир должны были приспособиться к холодной волне. Это была эпоха оленей. Человеческие привычки соответственно претерпели глубокие изменения. Охота на оленей и рыболовство были главными источниками существования человека в это время. Обычным приспособлением для ловли рыбы были запруды и ручейки с каменным барьером в период нереста. Большая рыба среди устремлявшихся через запруду вылавливалась гарпуном. В своих поисках дичи и рыбы люди тех времен возможно вели кочевую жизнь, следуя миграции оленей. Временное жилище использовалось в интервалах между миграциями. На зиму убежищем служили землянки. Летом строились внешние укрытия, защищающие очаг от дождя. Платформы с остатками очагов были обнаружены, например, на стоянках Кириллово и Борщево. На некоторых стоянках были раскопаны ямы с костями животных и различными отбросами (стоянки Карачарово и Костенки). Кремень в этот период использовался реже, чем раньше; кость, рог оленя и бивень мамонта были теперь преобладающим материалом, из которого изготовлялась утварь. Копье с аккуратно заточенным костяным наконечником было стандартным инструментом для охоты. Существовало большее разнообразие в утвари и орнаментированных изделиях. Некоторые из предметов искусства явно обладали религиозным смыслом.

Согласно типам найденных объектов, следующие евразийские поселения каменного века могут быть классифицированы как принадлежащие к Мадленскому периоду: Костенки и Борщево в районе Дона; Карачарово на Оке; Кириллово в Киеве; Гонцы в Полтавской губернии; Новгород-Северск; Сушкино близ Рыльска[16]; Студеница на Днестре; Томск и иные стоянки в бассейне Оби и Иртыша; Афонтова Гора близ Красноярска; Верхоленская Гора около Иркутска. Следует отметить, что по крайней мере некоторые стоянки этого периода находятся близ стоянок предшествующей эпохи, что указывает на последовательность в создании селений.

4. Период неолита[17].

Уход ледника открыл для человека районы Центральной и Северной России. Как мы видели, наиболее далеко уходящие на север поселения верхнепалеолитического периода обнаружены на берегах Оки. Остатки неолитической культуры или полированных каменных изделий замечены как в Северной, так и Южной России, на Украине и в Сибири; не говоря о Кавказе, где культура была не менее древняя и развивалась более широкими шагами, благодаря близости Месопотамии и Ирана. В различных местах были раскопаны кладбища неолитического человека, его жилища и мастерские, еще более широко распространены случайные находки инструментов и оружия - топоров, молотков и стрел. Судя по топографии неолитических находок в лесной зоне, люди того времени селились в основном на берегах рек. Что же касается степной зоны, могилы кочевников находились на удаленных от моря территориях на водоемах, что совершенно согласуется с известными нам их привычками, ибо они создавали дороги в основном у водоемов.

Хронологически распространение неолитической культуры по территории России относится к концу четвертого или началу третьего тысячелетия до н. э. Поверхность земли должна была значительно измениться по сравнению с условиями ледникового периода. Его последствия, тем не менее, ощущались долго. Контуры морей постепенно сжимались до современных очертаний. Озера были распространены по всей стране. Климат, хотя и стал мягче,

чем в Мадленский период, был все же холоднее, чем в наше время. И флора, и фауна были уже близки к современным, но виды, неизвестные в наше время, все еще существовали. Еще в двенадцатом веке до н. э. первобытный зубр (тур) был широко распространен в русско-украинских степях, а академик Гмелин видел на Украине дикую лошадь (тарпана) еще в восемнадцатом столетии.

Новые формы родовой социальной организации появились в неолитический период, равно как и новые направления человеческой экономической активности - земледелие и скотоводство. Духовная жизнь человека также приобрела иные выражения. Продуманный похоронный ритуал, который мы знаем из находок, указывает на развитие идеи загробной жизни. Люди должны были уже обладать определенной системой религиозных верований, среди которых похоронный ритуал был лишь частным проявлением. Материальная культура также значительно прогрессировала. Полированные каменные изделия неолитического периода дают свидетельства значительных навыков в ремеслах. Обрабатывались не только кремень, но и другие породы. Новые типы инструментов и оружия появились в итоге производительной деятельности. Находки кремневых и костяных наконечников стрел доказывают, что лук был уже изобретен. Он стал на долгие годы наиболее практичным оружием охоты и войны. Искусство керамики также очевидно продвинулось вперед. Различный дизайн орнамента глиняных изделий использовался в разных регионах - некоторые были примитивными, другие - в достаточной степени сложными. Эти вариации в орнаменте особенно важны для изучающего археологию, поскольку типы оформления могут служить критерием для сравнения посуды в различных "культурных сферах", так же как и для установления взаимоотношений между ними. Подобные различия в орнаменте также служат как предположительные вехи для хронологической фиксации находок.

Поскольку в значительном количестве захоронений неолитического периода были обнаружены человеческие черепа и скелеты, можно получить некоторое представление об антропологическом типе населения этой эпохи. Оказывается, что по крайней мере две расы жили тогда в Западной Евразии, одна из них - брахицефальная, а другая - долихоцефальная. Судя по скелетам, найденным в Херсонской губернии, рост людей, живших там, не превы-

шал 169 см; раскопки в Киевских провинциях обнаружили кости более высоких людей, ростом около 185 см.

Сравнение основных неолитических находок в Евразии дает возможность исследователю видеть различные культурные сферы, существующие на этой территории. Мы должны прежде всего кратко охарактеризовать культуру Анау в Туркестане. Именно в Туркестане основные типы культуры евразийских кочевников встретились и взаимно повлияли друг на друга.

КУЛЬТУРА АНАУ[18].

Стоянка Анау находится близ Мерва. Основная работа по археологическим раскопкам там была проделана в 1903 г. американской экспедицией, возглавляемой Р.Пампели. Были изучены три основные культурные слоя. Слой Анау I относится О.Менгином к приблизительно 3500 г. до н. э.; Анау II представляет период около 2500 г. до н. э.; Анау III может датироваться 2000 г. до н. э. Даже в первый период люди Анау были не только охотниками, но и крестьянами. Ячмень и пшеница являлись основными культурами. Бык и овца были приручены задолго до периода Анау II, в то время как свинья, коза, собака и верблюд появились лишь в Анау II. Жилища делались из глиняных кирпичей. Инвентарь каменных инструментов довольно беден: в основном резцы и терки. Посуда, с другой стороны, довольно интересна. Горшки - ручной работы и хорошо обожжены. Многие из них окрашены в красный и черный цвет; орнамент в основном коричневый. Веретена, найденные во всех слоях, являются свидетельством раннего искусства прядения.

Следует отметить, что раскрашенная глиняная посуда, схожая с Анау, была обнаружена как в Китае (в провинциях Кан-Сю и Хонань), так и на Украине.

ТРИПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА[19].

Культура раскрашенной глиняной посуды в бассейне среднего Днепра на Украине известная как трипольская культура, берет свое название от стоянки Триполье в Киевской губернии, где впервые было сделано важное открытие этого типа. Орнаментированная глиняная посуда - одна из ее основных черт. Имеются примеры как раскрашенной посуды, так и глиняных изделий со вдавленным орнаментом. Узор был геометрическим; широко использовались спиральный и вьющийся типы. Когда изображались люди,

животные или растения, они также контурно вводились в геометрический стиль. Глиняная посуда Триполья в определенных планах схожа с посудой Анау и Балкан.

Судя по остаткам трипольской культуры, ее представители являлись земледельцами, которые, однако, были также знакомы с животноводством. Большое количество трипольских поселений раскопано с 1880-х годов особенно в районе Правобережной Украины[20]. Характерной чертой этих стоянок стали так называемые "платформы" (площадки), укрепленные обожженной глиной. Эти платформы в основном имеют форму квадрата; их ширина варьируется от 5 до 13 м, а длина от 6 до 18 м. Они были раскопаны на глубине от 0,2 до 1 м под современным слоем земли. Функция этих платформ длительное время озадачивала археологов. Ранее полагали, что платформы были частью кладбища; сейчас, основываясь на результатах недавних раскопок, принято считать, что большинство из них составляли фундамент домов. Это были, возможно, деревянные рамочные дома, когда рамка дома наполнялась глиной, и по этой причине они сохранились плохо, за исключением фундамента. В некоторых случаях, тем не менее, удалось обнаружить нижнюю часть деревянной кладки. Что же касается крыши, то она была, возможно, двускатной, с двумя покатыми поверхностями, наполненными лозняком. На некоторых стоянках были обнаружены остатки очагов. Плиты строились из обожженной глины со сводчатым верхом. Высота плиты варьировалась от 1 до 1,5 м. Горшки и подсушенная на солнце посуда, сосуды, глиняные фигуры, кости животных, зерно и кипы мусора были найдены на многих платформах. Некоторые из ваз содержали сожженные человеческие кости; это были, очевидно, похоронные урны. Платформы обычно составляют группы, каждая из которых сама является частью поселения. План типичного поселения трипольского типа очень интересен. Дома расположены в два концентрических круга, которые должны были облегчить защиту поселения в случае атаки. В поселении Коломийшина Киевской губернии, исследованном в 1938 г., находился тридцать один дом, составляя внешний круг, и восемь, составлявших внутренний. Диаметр внутреннего круга - 60 м; внутри него не было домов, эта территория, очевидно, являлась городской площадью. Без сомнения, поселение принадлежало людям определенного рода или задруги.

В позднем слое трипольских поселений были найдены медные и бронзовые предметы. Таким образом очевидно, что перед своим падением трипольская культура эволюционировала от чисто неолитической стадии. Анализируя инструменты и остатки пищи на стоянках трипольского типа мы можем получить достаточно четкое представление об экономической жизни трипольского человека. Его инструменты, такие как топоры, ножи и молотки, были сделаны из камня или кости. В позднейшей страте были найдены бронзовые серпы, указывающие на постепенный прогресс в сельскохозяйственной технике. Выращивались злаки нескольких видов, такие как пшеница, просо, ячмень, а также конопля. Пища человека состояла в основном из мяса и хлебной выпечки; мука изготавливалась путем перемолки зерна ручной теркой. Были приручены многие животные - овца, коза, свинья и собака; позднее к ним прибавились корова и лошадь. Люди Триполья, очевидно, были знакомы с прядением, поскольку на стоянках были найдены многочисленные веретена. К сожалению, не было обнаружено каких-либо надписей, которые бы проливали свет на язык трипольского человека, и, следовательно, трипольские люди не могут быть определены как лингвистически, так и этнографически.

КУЛЬТУРА ДОЛЬМЕНОВ[11].

Эта так называемая мегалитическая культура распространилась по крымскому и кавказскому побережьям Черного моря. Дольмен северокавказского типа - строение со стенами из грубого камня и крышей из плоских каменных блоков. Он служил домом не для живых, а для мертвых, которых обычно оставляли в сидячем положении с расставленными на полу ногами. Горшки и различные орудия были обнаружены помещенными рядом со скелетом. В больших дольменах обнаружены несколько скелетов; они, возможно, служили склепами для всего семейства. В большинстве случаев дольмены располагались группами, как бы составляя родовое поселение мертвых. Происхождение этой культуры - спорный вопрос. В течение позднего неолита и раннего бронзового века она распространилась по всей передней Азии и средиземноморскому побережью, на севере достигая Британии, Дании и Южной Швеции. Наиболее вероятно, что путь экспансии дольменов на Северном Кавказе и в Крыму начался в Транскавказском регионе. В этом случае мы мо-

жем предположить миграцию людей, построивших дольмены, от передней Азии до северочерноморского побережья.

КУЛЬТУРА ОКРАШЕННЫХ КОСТЯКОВ[22].

Курганы этой культурной сферы распространены по всей Южной России и Украине, в основном в степях. Они обычно невысоки - от 1 до 2 метров. Тело помещалось в гробницу в скрюченном состоянии и всегда покрывалось красной охрой; инвентарь могил беден, в особенности в сравнении со скифскими захоронениями позднего периода. Глиняная посуда иногда покрыта линейным орнаментом. В могилах обнаружены кремневые ножи и топоры, а также боевые топоры, конфигурация которых очень схожа со скандинавским типом боевого топора.

В то время как трипольский человек был землевладельцем, человек культуры окрашенных костяков был в основном пастухом. Орды этих кочевников должны были контролировать черноморские степи от Днепра до Северного Кавказа. Приручённая ими лошадь относилась к первобытному типу; она предположительно воспроизводится на серебряной вазе, обнаруженной в Майкопском могильнике, в Северокавказском регионе. Возможно, что по северной кайме степей некоторые из племен постепенно адаптировались к земледелию. Множество сельскохозяйственных орудий было обнаружено археологом В. А. Городцовым на одной из стоянок Харьковской губернии. Этот район служил, очевидно, мостом между трипольской и степной культурой. На этой харьковской стоянке была открыта крашеная глиняная посуда, декорированная в трипольском стиле.

ФАТЬЯНОВСКАЯ КУЛЬТУРА[23].

Эта культурная сфера получила свое имя от могильника в деревне Фатьяново близ Ярославля, где находятся наиболее типичные находки. Ее ареал располагался в бассейне рек Оки и верхней Волги и охватывал территорию следующих русских губерний: Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Владимирской и Московской. Во время наибольшей экспансии фатьяновская культура достигала на западе Смоленска и на юге Мичуринска (Козлов). Хронологически ее каменный век относится к концу третьего и первой половине второго тысячелетия до н. э.[24].

В наиболее древних неолитических погребениях Окского региона мертвых хоронили в неглубоких траншеях без каких-либо

могильных холмов. Могилы, найденные в Волосово близ Мурома, были вырыты под корнями пней сосен, очевидно для того, чтобы содержимое могилы было защищено от вымывания дождями. На кладбищах более позднего периода - собственно фатьяновского типа - мертвых клали на слой древесного угля. У головы и ног тела ставились перевернутые горшки. Следует упомянуть тщательно отполированные каменные топоры среди инструментов и утвари, обнаруженных в могильниках фатьяновского типа. Некоторые из этих топоров, также как орнаментированные вазы с округлым дном, указывают на влияние северокавказского типа на фатьяновское искусство[25]. Так же как и в трипольском регионе, медные и бронзовые предметы начинают появляться в позднем слое фатьяновской неолитической культуры. Этот процесс изменения, который в трипольской культуре был прерван определенной катастрофой, в случае фатьяновской культуры был постепенным и длительным. Бронзовая стадия фатьяновской культуры будет шире обсуждена в следующем разделе.

ЗАПАДНАЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ СИБИРЬ[*].

Как погребения, так и поселения неолитического периода были открыты в различных местах Западной Сибири: озеро Андреево близ Тюмени, на Чудацком холме близ Барнаула и на берегу реки Улаган в Западноалтайском регионе. Несколько кладбищ неолитического типа были обнаружены на берегу Енисея, из которых наиболее хорошо изучено обнаруженное на Афанасьевской Горе близ деревни Батени. Культурная сфера, к которому оно принадлежит, также известна как афанасьевская культура. Тела в могилы афанасьевского типа клали в траншеи глубиной 1,5 м, а могилы покрывались камнями. Скелеты обнаружены в скрюченном состоянии или же в любом случае с согнутыми ногами. В некоторых могилах открыты сожженные человеческие кости, свидетельство кремации. Было обнаружено множество плохо обожженных глиняных горшков, большинство из них с конусообразным дном. Рисунок довольно груб; в некоторых случаях он выполнен вдавливанием, в других - рельефным наложением глины. Некоторые из ваз покрыты медью. Найдено мало орудий или оружия, среди них каменные наконечники стрел и пестики, а также костяные иглы. Открыты остатки еды, кости рыбы, сибирского оленя (изюбря), дикого быка, а также некоторых прирученных животных, таких

как лошадь, бык, овца. На основе этих находок предполагается, что человек афанасьевской культуры был знаком не только с охотой и рыболовством, но и с животноводством. Характерно, что бусины на шее и запястьях многих скелетов были сделаны из раковин моллюсков, принадлежащих к виду из региона Аральского моря. Очевидно, в этот период были установлены связи между людьми, жившими в регионе Енисея, и обитателями региона Аральского моря. И, разумеется, некоторые недавние находки в Хорезме, к югу от Аральского моря, показывают сходство между афанасьевской и кельтминарской культурой[27]. Поскольку последняя развивалась под влиянием культуры Анау, мы можем предположить определенное единство культуры в Туркестане и Сибири в эпоху позднего неолита и раннего бронзового века.

Интересная неолитическая стоянка была раскопана в Бирюзине, на холмистом берегу Енисея в 45 километрах к югу от Красноярска. В этой местности в холмах обнаруживается множество известковых пещер, в некоторых из них были обнаружены следы поселений. Как на стоянке Бирюзина, так и в прилегающих пещерах открыто огромное количество каменных изделий, таких как ножи, резцы, скребки, равно как и некоторые костяные изделия, а именно: кинжалы, гарпуны, иглы и шилья. Поскольку некоторые из резцов принадлежат палеолитическому виду, мы можем заключить, что поселения уже существовали в палеолитический период, а также предположить наличие преемственности локальной культуры в этом регионе. Вокруг стоянки Бирюзина были обнаружены кости следующих животных: быка, козы, северного оленя, лося, косули, лошади, лисы и зайца. Очевидно, что охота была главным занятием людей. Различимы пять культурных слоев, верхний из которых уже содержит некоторые железные предметы.

Что же касается неолитических захоронений Байкальского региона, то они могут быть разделены на два типа, известные по именам характерных стоянок Китой и Глазов. Кладбище Китой расположено на левом берегу Ангары, в пяти километрах от места ее слияния с Китоем. Мертвых хоронили в неглубоких рвах без могильных холмов; их клали на спину и окрашивали охрой. Ожерелья из оленьих зубов и костей птиц одевались на лоб или на шею. Нефритовые топоры, каменные наконечники стрел и копий, костяные гарпуны и шила, глиняная посуда были обнаружены в

большинстве захоронений. Могилы глазовского типа более совершенны, они имели встроенную гробницу из каменных плит. Над каждой укладывались могильные камни, составляя надгробие конусоидального типа. Положение скелетов в могиле схоже с могилами Китоя, но без следов охры. Инвентарь каменных орудий небогат. В некоторых из могил были обнаружены медные ножи.

В целом, техника сибирского неолита находится на сравнительно высоком уровне. Наконечники стрел и некоторые инструменты отличаются хорошим ремесленным мастерством. Камень обрабатывался как путем полировки, так и пилки. Даже такой твердый минерал как нефрит подвергался полировке. Аккуратные отверстия высверливались в частях камня, предназначенных для нанесения орнамента.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ В ЕВРАЗИИ.

Определенные замечания более общего порядка могут быть выведены из нашего обозрения неолитических находок в Евразии. Очевидно, что большая часть цизуральской России, так же как части Сибири были необитаемы. Экономическая жизнь неолитического человека была гораздо разнообразнее, нежели в палеолитическую эру. Именно в эпоху неолита возникли некоторые фундаментальные типы человеческой экономической активности, подобные земледелию, скотоводству, ремеслу. Благодаря различию природной среды в различных местностях превалнровали свои типы сельскохозяйственной деятельности. В цизуральской России важны следующие три региона: пограничная зона лесов и степей на Украине, где было развито земледелие и скотоводство; регион Оки и верхней Волги, благоприятный для охоты и рыболовства, где, однако, практиковалось и земледелие; южные степи, где особое внимание уделялось коневодству и скотоводству. Реки служили главными торговыми путями, при этом Волга играла особенно важную роль как связующее звено между северокавказской культурной сферой и Верхневолжьем и рекой Камой. У нас уже был случай упомянуть, что торговые отношения неолитической эры приняли действительно интернациональный характер[28]. Конечно, регион среднего Днепра был связан с территорией Балкан с одной стороны и с Кавказом - с другой. Через Кавказ область Оки-Волги была открыта влиянию культуры Месопотамии. А из региона Вол-

ги-Камы купцы должны были проникать в Западную Сибирь и наоборот. Народы Западной Сибири торговали с народами Казахстана, а они, в свою очередь, нашли дорогу на Кавказ. Так был завершен круг.

Историк естественно склонен останавливаться на политических аспектах международной экономики. Он может предположить, что экономические взаимосвязи между различными неолитическими губерниями в Евразни в некоторых случаях сопровождались интенсивной политической и военной борьбой. Империи возникали и погибали, как это и происходило позднее. Тем не менее, из-за отсутствия письменных источников по политической истории неолитической Евразии нет ничего кроме простых гипотез. Несколько подобных предположений использовались для интерпретации археологического материала, но их правдоподобность может быть поставлена под вопрос. Очевидно, что конец третьего и начало второго тысячелетия до н. э. был важным периодом в развитии индоевропейских народов, крупные миграции которых происходили, вероятно, около этого времени. Видимо, кочевники культуры окрашенных костяков представляли одну стадию в этом процессе. Также возможно, что хетты, чей язык связан с индоевропейской семьей, прошли на пути к Боспору и Малой Азии через черноморские степи, вступив в них с востока. Но все это - сфера чистых предположений.

5. Медный и бронзовый века[29].

Открытие искусства металлургии ознаменовало собой новую стадию развития человеческой цивилизации. Ее значимость вряд ли может быть переоценена. Металлургия развилась изначально в древних центрах культуры - Египте и Месопотамии - в четвертом тысячелетии до н. э. Отсюда технология плавления и ковки металлов распространялась по транскавказской территории и Малой Азии, а также далее на север и запад, первоначально очень медленно.

Золото и медь были, очевидно, первыми используемыми металлами. Золото, благодаря его редкости, служило только для орнамента. Медь могла использоваться более широко для инструментов и сосудов. Серебро было введено в оборот позднее золота,

а железо много позже меди (во второй половине второго тысячелетия до н. э.). Медь, слишком мягкая и тяжелая, была не слишком удобна в применении, но человек вскоре научился сплавлять ее с оловом. Сплав меди и олова, известный как бронза, был легче и тверже, его изобретение породило медленную эволюцию "медного века" в "бронзовый век".

Бронза впервые была применена в тех местах, где обнаружилось залегание медной и оловянной руды. Что же касается культуры бронзового века в Евразии, залежи обоих этих металлов были известны с древних времен в регионах Алтая и Урала, так же как и в Транскавказском регионе. Олово также могло ввозиться из Малой Азии и Ирана. Возможно, что оловянная руда была доступна также и в Северной России, т.е. в регионе Ладожского и Онежского озер, а также в бассейне Печоры[30]. Залежей олова не существовало в Средней или Южной России. Медь, тем не менее, добывалась в южнорусском Донецком бассейне[31]. В целом же территория цизуральской России представляла бедные ресурсы для развития медной и бронзовой индустрии. Поэтому большинство из медных и бронзовых изделий, обнаруженных в этой местности, вероятно, ввозились из прилегающих районов. Однако, регнон Волги, не столь далекий от Урала и связанный естественным водным путем с Кавказом, был в лучшей позиции, нежели Украина, в налаживании коммерческих связей. В целом медная и бронзовая культура распространялась по территории цизуральской России лишь постепенно. В то время как население Кавказа было уже знакомо с бронзовой индустрией, неолитическая культура все еще преобладала в Центральной России.

Сделав эти предварительные замечания, мы можем теперь обратиться к обзору сфер медной и бронзовой культуры в Евразии. Давайте начнем с Северного Кавказа, служившего мостом для распространения изделий из меди и бронзы по направлению к регионам Дона и Волги.

РАЙОН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА[32].

Образцы медных изделий были найдены в некоторых из северокавказских захоронений, которые могут быть отнесены к третьему тысячелетию до н. э.; т. е. к периоду, в который как Украина, так и Центральная Россия все еще были в эпохе неолита. В Северокавказский регион медные объекты впервые были ввезены

из Транскавказского. Следует отметить, что Северный Кавказ должен был обладать коммерческими связями с Транскавказским регионом с незапамятных времен, в то время как транскавказская территория сама по себе была в границах сферы культурных влияний, исходящих из Малой Азии, Сирии и Месопотамии. В начале второго тысячелетия до н. э. Месопотамия находилась под контролем вавилонских царей (Хаммурапи, 1955 - 1913 до н.э.), а во втором тысячелетии хетты, чей язык был близок к индоевропейской семье, стали ведущей силой в Передней Азии. Они создали сильную империю в Малой Азии и Сирии; культурно они жили в бронзовом веке. К концу второго тысячелетия в Транскавказском регионе возникло другое царство, известное как царство Ван или Урарту (Арарат). Цари Урарту преуспели в течение нескольких столетий в защите своей независимости с одной стороны от хеттов и от ассирийцев - с другой. Благодаря оживленным отношениям Урарту с другими странами Передней Азии, медная и бронзовая культура Транскавказского региона претерпела быстрый прогресс; инструменты и оружие экспортировались из Транскавказского в Северокавказский ареал. Даже позднее, когда искусство металлургии развилось на Кавказе, медное и бронзовое оружие и инструменты, сделанные местными изготовителями, были по виду и оформлению лишь имитацией месопотамского образца.

Кавказские горы богаты металлами. Медные жилы были известны с отдаленной древности. В первом тысячелетии до н. э. олово добывалось в районе между Эльбрусом и истоком реки Терек в середине цепи Кавказских гор, а также в регионе Гянджи на транскавказской территории. Благодаря ввозу меди, равно как и раннему развитию местной металлургии, медная культура укоренилась в Северокавказском регионе около 2000 г. до н. э. Первый период северокавказского медного века представлен достойными внимания могильниками в регионе Кубани. Согласно Ростовцеву, Майкопский курган относится к третьему тысячелетию до н. э.[33] А.А.Иессен датирует его концом того же тысячелетия[34]. Курганы Новосвободной (прежде Царской) должны быть несколько старше. Майкопский курган в высоту 10,65 м. Круговая кладка из необработанных камней была сооружена на уровне земли под курганом. Было вырыто углубление внутри квадрата, низ которого уложен галькой, а стены облицованы деревом. Могила делилась на три

секции деревянными перегородками. Скелеты, обнаруженные в сжатом состоянии, были раскрашены красной краской. В палатках найдено много золотых и серебряных предметов отличной ремесленной работы, среди них около восьмидесяти чеканных пластин с фигурами льва и быка; очевидно, что такие пластины первоначально нашивались на одежду как орнамент. Также были найдены золотые и серебряные кольца и бусины; две массивные статуэтки быка, одна из золота, а другая из серебра, а также две золотых и четырнадцать серебряных ваз. Особенно интересны два гравированных серебряных сосуда. Один декорирован гористым пейзажем. Б.В.Фармаковский интерпретировал его как изображение гряды Кавказских гор; в этом случае гравировка может быть приписана местному художнику. Однако истинность гипотезы сомнительна. Вторая ваза гравирована фигурами животных, среди них первобытная степная лошадь. Что же касается медных предметов, были откопаны пять ваз и десять инструментов и оружие, включая поперечный боевой топор месопотамского типа, двулезвийный топор-тесло, два плоских топорика, два долота, один большой и один маленький кинжал. В дополнение к этим инструментам и глиняным изделиям, внимание может быть привлечено к сердоликовым и бирюзовым бусинам, равно как и к ляпис-лазуревым и выполненным из морской пенки. Золотые и серебряные объекты из Майкопского захоронения были, конечно, ввезены с юга. Источник медных инструментов не столь ясен, но вероятно, они также были ввезены. Агат и бирюза могли быть привезены из Ирана, ляпис-лазурь из Афганистана, морская пенка из Малой Азии.

Результаты раскопок в курганах Царской менее впечатляющи, но не менее значимы с научной точки зрения. Могилы этих захоронений представляют собой каменные палаты мегалитического типа построенные в углублениях под курганами. На основании этого, а также присутствия каменных инструментов наряду с медными, можно заключить, что захоронения Царской принадлежат к переходному периоду, ибо наследие неолита сильно ощутимо. В этих захоронениях было обнаружено меньше золотых и серебряных изделий, чем в Майкопском кургане. Медные изделия, однако, более многочисленны: в одном захоронении было тридцать три и восемь в другом. Согласно А.А.Иессену, комплект медных изделий, обнаруженных в захоронениях Царской, можно считать

типичным для Кубанского региона как целостности[35]. Иессеном относятся к этому комплекту следующие инструменты: поперечный топор, плоский топор, граверный резец, резец, нож, маленький кинжал и вилка с двумя загнутыми концами, которая, возможно, использовалась для поджаривания мяса. Вещи этого типа, вероятно, производились в том же месте, отливались в каменных и глиняных формах; плоские топоры, кинжалы и некоторые другие инструменты впоследствии обрабатывались путем ковки.

В находках, отнесенных к середине второго тысячелетия до н. э., среди медных предметов вдруг появляется бронзовое изделие. Находки этого периода еще не достаточно изучены, большинство из раскопанных объектов хранятся в местных музеях, подобных Кубанскому музею в Краснодаре (прежде Екатеринодаре) и Кабардино-Балкарском музее в Нальчике. Медные инструменты, представляющие северокавказскую культуру этого периода, были без сомнения произведены на месте. На Костромской стоянке обнаружен запас местного производителя, состоящий из слитков необработанного металла и сломанных инструментов. Две части каменной формы для отливки бронзовых топоров были открыты у Зилч в районе Владикавказа. Вблизи от селения Кобан в Осетии раскопаны многочисленные глиняные формы для отливки топоров и игл, а также глиняный тигель.

В конце второго тысячелетия до н. э. в северокавказском регионе начался период расцвета культуры бронзы, который, видимо, продолжался в течение всего первого тысячелетия до н. э. Кобан в Осетии был главным центром этой культурной сферы. Раскопки начались в этом месте в конце 1870-х г. по инициативе Московского антропологического общества и Общества знатоков кавказской археологии. Поскольку Кобан привлек внимание множества российских и зарубежных археологов, таких как Р. фон Вирхов, Е.Шантр, Ж. де Морган, графиня П.С.Уварова, А.А.Ивановский, В.И. Долбежнев и др.

Аул[36] Кобан находится в 30 километрах от Орджоникидзе (Владикавказ) близ Дергавской горловины Гизел Дона[37]. Склон гор формирует четыре террасы, на одной из которых находится старейшее кладбище. Его внешняя поверхность составляет около 1,5 квадратных гектара. Могилы имеют форму каменных сундуков, построенных из неотесанных плит. Скелеты всегда обнару-

живались в скорченном состоянии с руками поднятыми к голове. Инвентарь могил Кобан богат и многообразен. Тяжелые бронзовые топоры имеют характерную конфигурацию, они узкие и вогнутые с овальным отверстием для ручки. Большинство топоров украшены врезным орнаментом - линейным или же представляющим животных. Последний стиль включает профили оленей, тигров, змей, рыб и фантастических существ. Были откопаны бронзовые кинжалы двух типов. Принадлежащие к первой группе отлиты целиком, рукоятка и лезвие в одной форме. В случае второй группы лезвия отливались отдельно, рукоятки делались из бронзы, кости или дерева. Рукоятки часто вырезаются в виде головы животного. Лезвия широкие и обоюдоострые, по месопотамскому типу. Среди других бронзовых объектов могут быть упомянуты иглы, ожерелья, застежки, браслеты, подвески и конские мундштуки. Широкие пояса, сделанные из цельной полосы бронзы или из текстиля с инкрустацией бронзовыми пластинами, заслуживают специального внимания, поскольку они схожи с теми, в которых божества и цари появляются в ассирийском и вавилонском искусстве. Также интересно, что в некоторых поздних могильниках бронзовые пластины на таких ремнях украшены инкрустацией из железа. Керамика кобанских могильников менее разнообразна, нежели их бронзовые изделия. Горшки делались из черной глины и обжигались. Орнамент линейного типа выполнялся путем врезки, которая затем заполнялась белой штукатуркой.

Бронзовые инструменты кобанского типа были обнаружены во многих местах Северокавказского региона. Нет сомнения, что существовали многие локальные центры бронзовой индустрии. Отливщики и ремесленники работали с местной рудой и ориентировались на местные потребности. Так, в земледельческих районах производились медные и бронзовые серпы. На многих стоянках этого района замечены долота с углублениями той же самой конфигурации, что и раскопанные на Украине, в Центральной России и Финляндии. Никакой формы для изготовления подобных долот до сих пор не было открыто в Северокавказском регионе; возможно, что они ввозились или с Украины, или из Волжского региона.

Многообразие инвентаря бронзовых изделий в северокавказских могильниках указывает на значительное развитие индустрии и торговли. В некоторых местах ремесленники и торговцы состав-

ляли отдельные группы; появление поселений городского типа стало, возможно, результатом подобной социальной дифференциации. Большинство же населения жило, однако, земледелием и животноводством.

ЧЕРНОМОРСКИЕ СТЕПИ[38].

В начале второго тысячелетия до н.э. медные инструменты и утварь появились на территории Украины и Дона. Бронзовые вещи последовали за ними; к середине этого тысячелетия медная и бронзовая культура укоренилась в черноморских степях. Она находилась в основном под влиянием северокавказских стандартов, следует предположить также некоторые балканские связи. В общем, однако, культура бронзового века на Украине беднее, нежели в северокавказской сфере. Бронзовые изделия, возможно, ввозились, но некоторые из медных инструментов должны были поставляться местной индустрией. Старые медные месторождения были открыты в деревне Калиновская близ Бахмута[39]. Некоторые из ям имеют глубину от 20 до 30 метров. В одной из них обнаружены человеческий череп и кости, пропитанные окисью меди. В другой были раскопаны каменные инструменты и бронзовые топоры. Они, вероятно, служили для отделения медной руды. В Днепровском регионе, где добывалась медная руда, были открыты запасы плавильщиков, состоявшие из медного лома; металл, возможно, ввозился, а затем использовался для плавления. В этом случае производились лишь маленькие инструменты.

Что же касается политической и этнической структуры населения Украины, оно очевидно претерпело радикальные изменения в первой половине второго тысячелетия. Около 1800 г. до н. э. в Днепровском регионе должно быть произошла значительная катастрофа, подобная вражескому вторжению, в результате которой трипольское население было частично уничтожено и частично вытеснено со своей территории. Кто были победители трипольского населения и откуда они пришли - открытый вопрос для дискуссии. Согласно А.М.Тальгрену, они принадлежали к индоевропейской расе и пришли с северо-запада. Он предполагает, что после подчинения трипольской территории они продолжили движение на восток до той поры, пока не достигли Кубанского региона.

Могильники, оставленные кочевниками, которые контролировали черноморские степи в середине второго тысячелетия до н. э.,

подобны по типу тем, что относятся к концу третьего и к началу второго тысячелетий. Тела мертвых были также окрашены охрой. Некоторые могильники этого периода выше тех, что принадлежат предшествующему. В некоторых случаях мертвые были кремированы. В дополнение к могильной утвари раскопаны многие склады оружия и предметов искусства. Среди наиболее замечательных - найденный в Бородино, в Бессарабии. Тальгрен относит его к периоду между 1300 и 1100 г. до н. э. В своей попытке установить всестороннюю хронологию и классификацию черноморских находок второго тысячелетия Тальгрен предполагает, что следует различать две стадии в развитии медной и бронзовой культуры черноморского ареала: старшую стадию (1600 - 1400 гг. до н. э.) и младшую (1400 - 1100 гг. до н. э).

Среди типов оружия и инструментов, специфичных для первой стадии, должны быть упомянуты топоры с отверстием для ручки, имеющие конфигурацию, схожую с каменными топорами Южной Скандинавии; другие похожи на балканские и кавказские топоры. К кавказскому типу относятся маленькие плоские топоры и скребки, сделанные из меди. Ко второму периоду могут быть отнесены долота, похожие на найденные в Финляндии и Центральной России. Высверленные наконечники копий хранилища в Бородино принадлежат к тому же типу ремесленных изделий. Контур лезвия типичного бородинского наконечника копья подобен лавровому листу; трубочка сверления проходит по середине лезвия. Кинжалы, медные иглы, бронзовые кольца и булавки периода Бородино были также открыты на Украине и в регионе Дона. Находки серпов являются свидетельством роли земледелия в жизни людей этого периода. Глиняные вазы, найденные в захоронениях, в основном ручной работы. В орнаменте используются ленточный, линейный и геометрический типы.

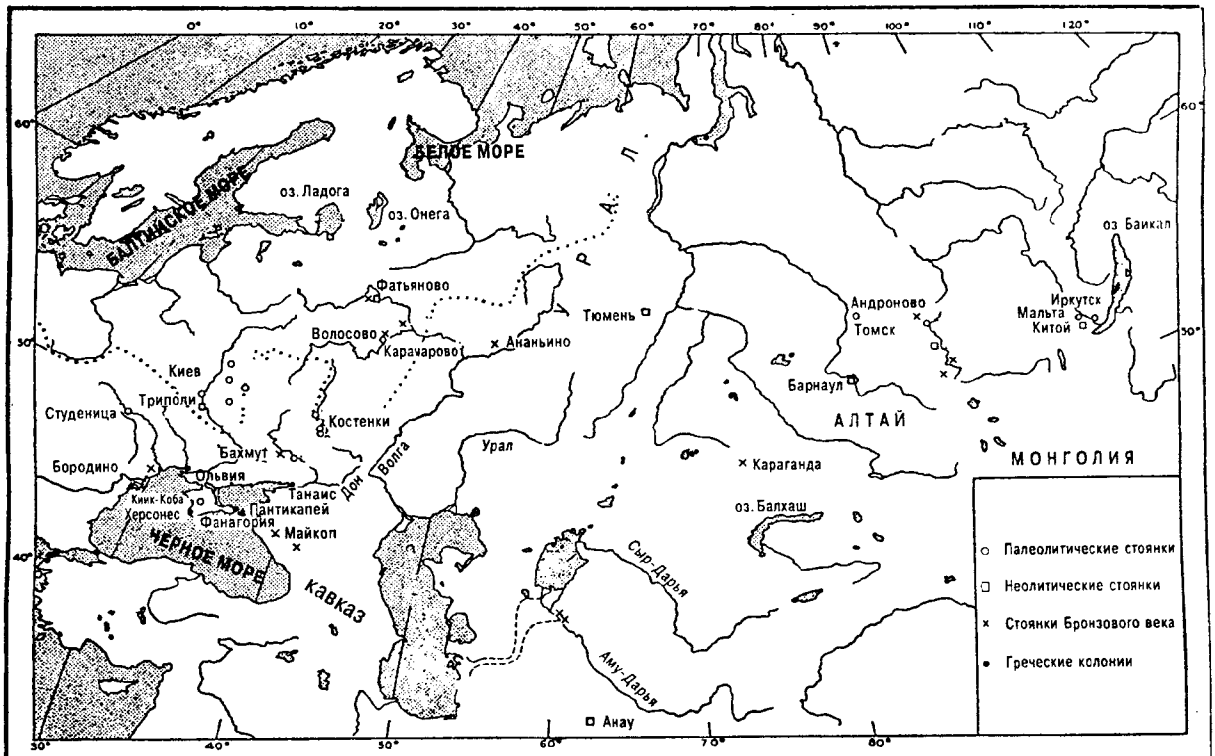
ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ.

Распространение медной и бронзовой культуры в Центральной России прогрессировало значительно медленнее, нежели на юге. Ввозилось большинство медных и бронзовых инструментов. Некоторые изделия, подобные иглам, были, тем не менее, отлиты из ввозимого металла. Каменные изделия были еще в ходу наряду с медными и бронзовыми. Некоторые из каменных топоров этого периода кажутся имитацией ввезенных бронзовых топоров. Куль-

тура Центральной России второго тысячелетия была в основном того самого фатьяновского типа, как и в конце третьего тысячелетия. Могилы расположены в мелких углублениях без внешнего холма. В некоторых из них обнаружены встроенные каменные камеры примитивного типа. В подобных случаях скелеты находились в скрюченном положении со следами пятен охры. На некоторых стоянках замечены остатки сожженной ритуальной пищи. Орнаментированные вазы со сферическим дном, упомянутые раньше[41], также характерны для распространения фатьяновской культуры бронзового века. Преобладает гребенчатый орнамент; обычно орнаментировано горло вазы. В могилах московской губернии были найдены вазы нитяной орнаментации. Медные и бронзовые топоры немногочисленны в Фатьяновском регионе. Некоторые из топоров обладают выгнутыми выступающими концами. Медные и бронзовые долота, шила и серпы также обнаружены в некоторых из фатьяновских могил, равно как и серебряные украшения вроде подвесочных височных колец. Рукояти кинжалов иногда имеют форму голов животных.

Более развитая стадия бронзовой культуры представлена кладбищем Сейма, относящимся к концу второго тысячелетия до н. э. Оно расположено в регионе нижнего течения Оки. Топоры, долота, копья и ножи составляют инвентарий бронзовых инструментов могил Сейма. Некоторые из топоров схожи с теми, что найдены в фатьяновском регионе. Один из ножей имеет обоюдоострое лезвие, лезвие на вогнутом конце оснащено множеством зубцов, которые, должно быть, использовались как пила. Наконечники копий похожи на те, что замечены в хранилище Бородино. Следует отметить, что кремневые ножи и наконечники стрел, так же как и нефритовые кольца были обнаружены вместе с бронзовыми инструментами. Глиняная посуда могильников Сейма хороша с точки зрения ремесленного мастерства, большинство ваз имеют сферическую конфигурацию с плоским дном. Горловина и нисходящие части вазы обычно декорированы гребневым орнаментом, схожим с фатьяновскими вазами.

Другое достойное внимания кладбище в регионе Оки - так называемое позднее Волосово близ Мурома. Здесь железные изделия были обнаружены вместе с бронзовыми, что является немым свидетельством перехода культуры от бронзового к железному веку.



Археологическая карта Западной и Центральной Евразии

Хронологически Волосовское кладбище может быть отнесено к началу первого тысячелетия до н.э.

Судя по центральнорусским находкам второго тысячелетия, земледелие, охота и рыболовство составляли основные сферы занятий. Сходство некоторых ввезенных инструментов со скандинавскими (долота), равно как и с кавказскими и балканскими типами (топоры, кинжалы, наконечники копий) является указанием на широкий размах торговых отношений Центральнорусского региона в этот период; региона, который простирался к Балтийскому морю, с одной стороны, и к Черному морю - с другой.

ТУРКЕСТАН И СИБИРЬ[42].

Так же как и в Центральной России, медная и бронзовая культура в Сибири распространялась медленно. Народы Сибири начали использовать медные изделия не ранее 2000 г. до н. э. Мы видели[43], что в могильнике Афанасьево были найдены глиняные вазы, инкрустированные медью, которые могут быть отнесены к этой дате. Учитывая вероятность коммерческих связей между Афанасьево и регионом Аральского моря[44], не исключено, что медь ввозилась из Казахстана. Казахстан, в свою очередь, был культурно связан с Хорезмом. Начиная с 1938 г. древности Хорезма систематически изучались членами археологической экспедиции, организованной Институтом истории материальной культуры. Ранняя культура Хорезма, которая, как мы видели[45], схожа с культурой Афанасьево, известна как культура Кельтеминара. В течение второго тысячелетия до н. э. Хорезм играл активную роль в экспансии так называемой культуры "степной бронзы", одна из стадий которой теперь известна как культура Тазабагиаб[46]. Хорезм становится одним из важных пунктов сцепления культурных путей.

Культура, которая распространилась в первой половине второго тысячелетия до н.э. по региону Казахстана и Южной Сибири, известна как андроновская культура, поскольку первое типичное захоронение было раскопано близ деревни Андроново в районе Ачинска. В Казахстане этот тип представлен захоронениями в совхозе "Гигант", район Караганды, исследованными П. С. Рыковым, равно как и захоронениями по реке Урал, раскопанными М. П. Грязновым[47]. Инвентарь андроновских могил демонстрирует определенное сходство с находками сеймской культуры. Курганы над

могилами андроновского типа обычно низкие. Они как правило обнесены низким каменным забором. Гробницы из каменных блоков или деревянные сундуки служили погребальными камерами. Скелеты обычно лежат на боку с руками, согнутыми в локтях, и ногами, согнутыми как на уровне таза, так и в коленях, колени прижаты к телу. Обильно представлены глиняные сосуды с плоским дном, принадлежащие к двум следующим типам: 1 - грубая ремесленная работа, декорированная вдавленным или врезанным простым по типу орнаментом; 2 - тоикое ремесленное изделие с вогнутыми или выпуклыми стенками, декорированное геометрическим орнаментом - треугольниками, ромбами, извилинами и свастиками. Как каменные, так и медные инструменты были обнаружены в андроновских могилах. Среди первых могут быть упомянуты скребки и наконечники стрел, а среди последних - долота и кинжалы. Были также найдены медные пластины для поясов и медные подвески, инкрустированные золотым листом. Бусины сделаны из различных материалов: медь, сардоник, камень, зубы животных. В остатках погребальной еды обиаружены кости лошади, быка и овцы; в одной из могил целиком сохранился скелет собаки. Человек андроновской культурной сферы очевидно имел прирученных животных и вел пастушеский образ жизни.

К концу второго и к началу первого тысячелетия регион Казахстана и Южной Сибири стал домом более развитой медной культуры, известной как карасукская культура, от названия реки Карасук - притока Енисея, где были раскопаны типичные для нее могильники (Боградский регион, Хакасский район). Погребальные камеры в этих гробницах похожи на андроновские, облицованы и покрыты каменными плитами. Скелеты лежат на спине. В некоторых случаях похоронные обычаи включали кремацию. Как и в андроновских могильниках, было обнаружено много глиняных ваз, большинство из них со сферическим дном и высоким горлом, тонкой ремесленной работы. Орнамент относится к нарезному типу. Медные инструменты многочисленнее, нежели в андроновских могилах. Были обнаружены в обилии медные долота и иожи различной конфигурации, так же как и подвески и кольца. По крайней мере часть из них произведена в этом месте. В остатках погребальной пищи найдены суставы барана. В одной из могил находился лишь скелет собаки, что является свидетельством почитания этого

животного. Собака могла почитаться как верный страж стада. Были открыты каменные скульптуры, некоторые из них в виде человеческого лица, другие - изображение головы барана. Они, возможно, имели тотемный характер. Человек карасукской культуры являлся очевидно прежде всего животноводом. Карасукская культура простиралась на юг и запад Минусинского края. Инструменты и сосуды карасукского типа недавно обнаружены в Танну-Туве и в районе Караганды, Казахстан.

Около девятого и восьмого веков до н. э. бронзовые инструменты и сосуды начали появляться в Южной Сибири. Центром медной и бронзовой культуры в Сибири стал Минусинский край, богатый медной рудой. Многочисленные захоронения в южной степной зоне Сибири принадлежат к этой так называемой минусинской культуре. Она находилась в поре расцвета в середине первого тысячелетия до н. э., то есть в период скифского владычества в Южной Руси. С ней мы познакомимся соответственно в следующей главе.

Глава II

КИММЕРИЙСКАЯ И СКИФСКАЯ ЭРА, (1000 - 200 гг. до н. э.)

1. Переход от бронзового к железному веку.

Если изобретение бронзы значительно способствовало прогрессу человеческой материальной культуры, то не менее важный шаг вперед был сделан с введением в обиход железа. Медь и бронза были удобным материалом для сосудов и утвари, но недостаточно тверды для инструментов и оружия. Хотя археологами было обнаружено значительное количество бронзовых мечей, вероятно они по большей части употреблялись как рапиры, поскольку бронза слишком хрупка для рубящих ударов. Только после того как меч был сделан из железа, он стал грозным оружием. Аналогичным образом дело обстояло с земледельческими инструментами: только с изобретением железного плуга земледелие вступило на новую ступень развития.

Как мы видели[1], железо начало использоваться много позднее, нежели бронза. Оно было известно в Малой Азии и Месопотамии по крайней мере с 1300 г. до н. э. После 1000 г. до н. э. его использование распространилось в Кобан, в Северокавказский регион. Наиболее ранние железные изделия как в Центральной России, так и на Украине могут датироваться 900 г. до н. э. Как раз около этого времени железо было введено в Греции. В центральной Европе начало железного века, известное как гальштатская

культура, установилось в первой половине первого тысячелетия до н. э. Во второй половине тысячелетия развилась более богатая и тонкая культура железа, известная как культура латен. Ее обычными носителями были кельты. Около 500 г. до н. э. началась экспансия кельтов в юговосточной Европе, и с нею распространилась латенская культура. В первой четверти третьего столетия до н. э. кельты достигли Западной Украины, Бессарабии и Балканского полуострова. Так же как это было с медью и бронзой, железо входило в обиход лишь постепенно. Во многих регионах железные инструменты сначала лишь заменяли бронзовые. Это справедливо и для развития железной культуры по территории России. Хотя железные изделия появились как в Центральной России, так и на Украине около 900 г. до н. э., как мы это видели, должны были пройти столетия до прихода подлинного железного века в эти края.

Следует отметить, что в России естественные условия были более благоприятны для развития железной индустрии, нежели медной и бронзовой. Железные залежи днепровского бассейна залегали слишком глубоко для эксплуатации путем примитивной техники, но на Западной Украине и в Центральной и Северной России было много поверхностных или близких к поверхности земли залежей руды, в основном вблизи озер и топей. Как славяне, так и финны начали использовать местные железные руды только около начала христианской эры. Руда в это время выплавлялась примитивными методами, во рвах и в ямах. В период антов, с четвертого по седьмое столетие н. э., железная индустрия значительно усовершенствовалась на юге, уже использовались плавильные печи.

В начале железного века черноморские степи контролировались киммерийцами, народом, схожим с фракийцами. В седьмом веке до н. э. киммерийцы были заменены скифами, которые мигрировали в Южную Россию из Казахстана. Скифы представляют, конечно, не первую волну евразийских кочевников, достигших черноморских степей с востока, но они первые, о ком мы имеем определенную информацию. Скифское движение на запад должно было сопровождаться в течение времени многочисленными вторжениями иных кочевников. Поэтому кажется логичным скоординировать план нашего краткого обзора культурных сфер Евразии в киммерийскую и скифскую эпоху с направлением основных миг-

раций. Поэтому нужно обратиться сначала к Сибири и Казахстану, затем к Кавказу и Крыму, а потом исследовать археологическую базу черноморских степей и Центральной и Северной России.

СИБИРЬ И ТУРКЕСТАН[2].

Мы можем предположить, что в первом тысячелетии до н. э., как и в предшествующее тысячелетие[3], Северный Туркестан и Южная Сибирь были культурно тесно взаимосвязаны. Оба края все еще жили в медном и бронзовом веке. Это был период расцвета минусинской культуры, названной так, поскольку Минусинский край - т. е. долина верхнего Енисея - являлся одним из ее важнейших центров. Саянские горы, расположенные в этом регионе, особенно богаты медной рудой. Многочисленные захоронения минусинского типа разбросаны по всей степной зоне Южной Сибири. Они дают свидетельства значительной плотности населения. Животноводство, земледелие и охота были основными ветвями экономики минусинского человека.

Первая стадия минусинской культуры может быть отнесена к восьмому и седьмому столетиям до н. э. Могильные холмы этого периода невысоки и обычно огорожены квадратным каменным забором. Погребальная камера облицовывалась изнутри каменными плитами либо деревом. Одно или несколько тел находились в каждой камере. В камере также хранились погребальный инвентарь, состоящий из глиняных ваз с нарезной орнаментацией и бронзовых зеркал, медные и бронзовые кинжалы, ножи, топорики, наконечники стрел, шила, иглы и крючки для рыбной ловли. Из украшений присутствуют конические бусины и полусферические пластины, декорированные костяные гребни. Медные и бронзовые долота с углублениями также характерны для стоянок минусинского типа.

Вторая стадия минусинской культуры достигла своего полного выражения во второй половине первого тысячелетия до н. э. Могильные холмы этого периода широки и высоки; внутренняя кладка состоит обычно из больших камней, как и прежде, а стороны квадрата ориентированы стрелками компаса. Погребальные камеры обычно очень просторны, настолько чтобы можно было свободно поместить несколько тел. Согласно С.Теплухову, каждая камера была приспособлена для целой семьи или даже рода. В более поздних захоронениях процедуре похорон предшествовала крема-

ция. Погребальный инвентарь включает глиняные вазы, по большей части без орнамента; медные и бронзовые топорики, кинжалы, ножи, пробойники, металлические пластинки, бусины из стекла и яшмы. Некоторые из этих предметов украшены фигурами оленя, козы и некоторых других животных, нарисованных в определенном стиле: глаза и ноздри животных, так же как и концы ступней и хвостов имеют округлое очертание, плечи и ляжки выпирают, уши длинны и временами направлены вперед. В то время как стилизация более выражена, чем в скифских предметах Южной России, основа орнамента та же.

Захоронения скифского периода в Казахстане интенсивно изучались в течение нескольких последних лет в связи с археологическими исследованиями в Хорезме[4]. Пока, тем не менее, относительно Казахстана было опубликовано меньше материала, нежели по поводу минусинского ареала. Раскопки П.С.Рыкова в районе Караганды[5] принесли свидетельства преемственности культурного развития, поскольку в нескольких случаях старые могилы андроновского типа были использованы вновь в скифский период.

КАВКАЗ И ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ЧЕРНОГО МОРЯ[6].

В то время как бронза преобладала в Сибири в течение скифо-киммерийской эпохи, Кавказ стремительно входил в железный век. Древнейшие железные предметы, найденные в кобанских могилах, могут датироваться приблизительно 1000 г. до н. э. Железные украшения кобанских поясов уже упоминались[7]. Постепенно различные железные изделия появлялись в Северокавказском регионе; они включали топоры, тесла, мотыги, плуги. Возможно наиболее древние железные объекты, найденные на Кавказе, были ввезены из царства Урарту, подобно тому как это случилось с древней бронзой. Позднее железная индустрия развилась на местах. Существует более десяти железных месторождений в Транскавказском и Северокавказском регионах, которые могли служить основанием для местной железной промышленности. Две древние железоплавильни были обнаружены недавно (1928 г.) в Чубере, Верхняя Сванетия[8]. Слои шлака остались на платформах и склонах холмов. Пояс кузниц был открыт на склонах холма, вокруг - слои шлака. Каждая кузница была облицована изнутри глиной. Кузница наполнялась рудой и топливом через выемку, построен-

ную из нарубленных камней, сцементированных глиной. Железо, выплавленное в Чубере, было высококачественным, как явствует из инструментов, найденных там.

Чуберские железоплавильни должны были уже существовать около 250 г. до н. э., хотя точная дата их появления неизвестна. Другие схожие плавильни на Кавказе могли быть построены еще раньше. Возможно, что традиция греческих авторов пятого и четвертого веков относительно чалибов, кузнечного народа, может относиться к кавказским плавильщикам железа. Искусство плавления железа должно было сохраняться в секрете значительное время родами плавильщиков, с тем чтобы сохранить собственные привилегии. Поэтому, в то время как изготовленные ими изделия экспортировались, их техника сперва не распространялась за пределы Кавказа. Именно греки стали посредниками в торговле железом между Кавказом и северным Черноморским регионом. Многочисленные колонии основывались вдоль северных берегов Черного моря уже в седьмом веке до н. э., и некоторые из них вскоре стали довольно процветающими. Города, расположенные на обоих сторонах киммерийского Боспора (Керченский пролив), были особенно активны в кавказской торговле металлами.

ЧЕРНОМОРСКИЕ СТЕПИ.

В киммерийский период население черноморских степей в основном использовало бронзовые инструменты и товары, хотя железные изделия были известны с 900 г. до н. э. Позднее скифы принесли с собой свою особую культуру, которая включала как бронзу, так и железо. Богатые золотые и серебряные украшения были особенно характерны для этой культуры. Скифские курганы (захоронения), датируемые от шестого до третьего века до н. э., простираются по широкой степной зоне от Дуная до реки Урал. Раскопаны тысячи из них: большинство их невысоки с довольно бедным инвентарем. Вероятнее всего, похороненные в них были простыми воинами, в некоторых случаях - даже не скифами, а представителями покоренных племен. Могилы скифских королей и знати, напротив, особенно богаты золотом и ювелирными изделиями. Холмы над ними высоки. К ранней группе скифских захоронений принадлежат курган Литой, близ Елисаветграда, между реками Днепром и Бугом (раскопан в восемнадцатом веке), и курган Келермес в Северокавказском регионе. Оба могут быть отнесе-

ны к шестому столетию до н. э. Очевидно, что в этот давний период скифское царство базировалось географически как в регионе Днепра, так и Кубани.

Курган Семи Братьев (Семибратный) в районе Тамани, в дельте реки Кубань представляет "средневековье" скифского владычества в пятом и четвертом веках до н. э. Среди поздних скифских курганов от пятого до четвертого столетий могут быть названы следующие: Карагодеуашх в Северокавказском регионе; Куль-Оба близ Керчи в Крыму; Чертомлык, Александрополь; Солоха в районе днепровских порогов. Многие большие курганы того же периода находятся между южным изгибом Днепра и Азовским морем.

Расположение больших курганов важно для понимания политической географии скифского региона. Существовало, очевидно, три главных центра этого региона, а именно: Северокавказский регион, Крым и регион Нижнего Днепра, в особенности зона порогов. Эта последняя зона связана с регионом, названным Геродотом Герхоем. Согласно этому историку, именно здесь скифы хоронили своих царей. Герхой был закрытой зоной, в которую не допускался никакой иностранец. Главная скифская орда пасла своих коней между Герхоем и морем, с тем чтобы усилить недосягаемость царских курганов. В результате греки не имели точную информацию относительно района Герхой, и важно, что Геродот был не в состоянии сообщить какие-либо данные о днепровских порогах. Ясно, что никто из его информаторов не знал о них или же в любом случае не решался говорить о них. Итак, Геродот мог лишь заключить из рассказов местных жителей в Ольвии, что Днепр был годен для судоходства лишь до района Герхой.

Могилы скифских предводителей обычно содержат большое количество золотых и серебряных украшений, а бронзовое оружие, найденное в этих могилах, также орнаментировано золотыми пластинами. Иногда находят железные мечи. Жены, рабы и кони скифских вождей как правило хоронились с ними. Так называемый звериный стиль - ведущая черта скифского искусства. Металлические чаши, колчаны для луков, пояса, рукоятки мечей, конская упряжь и различные другие предметы орнаментированы фигурами животных, таких как пантера, тигр, олень, лошадь, бык и часто сценами жизни животных. Хищник обычно

показан раздирающим когтями травоядное животное. Скифский звериный стиль в определенной степени схож с присутствующим в минусинской культуре, хотя и более тонок. Утонченность скифского стиля - очевидный результат контакта скифов с греками в черноморских степях. Первоклассные греческие художники нанимались скифскими царями, и таким путем степное искусство оплодотворялось греческой техникой. Позднее этот греко-скифский стиль повлиял в свою очередь на развитие эллинистического искусства.

УКРАИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПНАЯ ПОГРАНИЧНАЯ ЗОНА.

В этой зоне были обнаружены многочисленные курганы скифского периода, но погребальные обряды, равно как и содержание могил несколько отличаются от степных курганов. Имеются два типа захоронений в лесостепной пограничной зоне: грунтовое захоронение и кремация. В первом случае тело клали в глубокую траншею, стены которой укреплялись деревом. Во втором случае сожженные останки просто укладывались в отверстие. Инструменты и оружие, найденные в курганах обоих типов, в основном бронзовые, изредка железные. Глиняная керамика иногда принадлежит к скифскому, а иногда к греческому типу. На ближних к некоторым курганам стоянках были обнаружены ямы с зерном; итак, очевидно, что вблизи жили люди, занимавшиеся земледелием. По этой причине А.А.Спицын[10] рассматривает курганы в регионе Киева, Харькова и Полтавы как остатки цивилизации так называемых скифов-землепашцев[11]. Следует отметить, однако, что очень малое количество земледельческих орудий было обнаружено в самих курганах, если они присутствуют вообще. Сверла и наконечники стрел типичны для совокупности найденных объектов. Поэтому люди, хоронившие здесь своих мертвых, по всей видимости были наездниками и лучниками, подобно скифам.

В регионе по направлению на северо-запад от украинских курганов и частично в самом районе курганов были открыты остатки иной, нескифской культуры. Это так называемая культура погребальных урн[12]. Эта культурная сфера покрывает широкую территорию, включающую южную Польшу, Галицию и Волынь. Ее южная граница распространения идет по широте сорок девятой параллели. Этими людьми практиковались два типа захоронений -

грунтовые и кремация. В случае кремации сожженные кости клались в урну. Подобные урны, вместе с различными глиняными изделиями хоронили на глиняных платформах, которые затем покрывались землей без могильного холма. Платформы были неглубоки: около 1 метра под землей. В случае захоронения в землю платформы делались значительно более глубокими: от 1 до 3 метров под землей, тело укладывалось в распростертом состоянии на спине. Несколько глиняных сосудов ставились рядом с телом. Один из них обычно содержал кости ягненка; иногда рядом в землю втыкался нож. Объекты, связанные с погребальными урнами, довольно бедны, в особенности при сравнении со скифскими могилами. Были обнаружены в обилии бусины из сердолика, янтаря, стекла или раковин. Серебряные, бронзовые и железные заколки так же часты, равно как и поясные застежки. Среди других предметов могут быть упомянуты бронзовые иглы, сверла, кольца, заколки для волос и браслеты, ножи и серпы.

Культура погребальных урн просуществовала многие столетия на территории между Карпатами и средним Днепром. В то время как ее древнейшие памятники отнесены к скифскому периоду, другие кладбища того же типа могут быть приписаны началу христианской эры. В дополнение к кладбищам, были раскопаны приблизительно в том же регионе различные остатки старых поселений (городищ)[13], принадлежащих к той же культурной сфере. Земледельческие инструменты, такие как серпы и лопаты, а также каменные ручные мельницы для помола зерна, обнаружены во всех поселениях типа городищ. Очевидно, что люди этой культурной сферы являлись земледельцами.

В свете того факта, что культурная сфера погребальных урн частично совпадает с территорией пограничья курганов лесостепной полосы, можно предположить, что в этом регионе сосуществовали в течение нескольких столетий две различных этнических или социальных группы. Одна состояла из всадников, другая - из крестьян. Мы упомянули, что, по мнению Спицына, курганы этой области принадлежали так называемым скифам-земледельцам. Если принять предположение Спицына, то можно сказать, что эти "скифы" не пахали землю сами, а только контролировали соседей-крестьян и собирали с них в качестве налога зерно.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РОССИЯ[14].

Наиболее интересным моментом развития в этом краю в скифский период был расцвет так называемой ананьинской бронзовой культуры в регионе средней Волги и Камы. Она названа так по имени деревни Ананьино в Вятской губернии, где были открыты первые типичные места захоронений. Культура принадлежит периоду от шестого до второго столетия до н. э.; то есть она совпадает хронологически со скифским владычеством в черноморских степях. Судя по ее остаткам, люди, которые создали ее, были в основном охотниками и рыболовами. На стоянках найдено большое количество орудий охоты и рыболовства, включая гарпуны. Большинство из них сделано из кости, но некоторые из бронзы и железа. Кости домашних животных, равно как и зерна конопли, также были обнаружены, что указывает на возможность вовлечения по крайней мере части людей как в земледелие, так и в животноводство для получения дополнительных средств существования. Мертвые либо укладывались в могилы в вытянутом положении, либо кремировались; в последнем случае глиняная урна с прахом усопшего хоронилась в могиле. Люди Ананьино видимо вовлекались в оживленную торговлю мехами, экспортируя их далеко на юг.

Среди украшений ананьинской культуры типичны бронзовые ожерелья и браслеты, представляющие головы животных, а также кожаные ремни с бронзовыми пластинами и пряжками на них. Некоторые из них напоминают греко-скифское искусство, демонстрируя особо близкое сходство с предметами, обнаруженными в греческой колонии в Ольвии, в устье реки Днепр. Изображение животных и птиц соответствует кавказскому типу. Бронзовые ножи относятся к минусинскому типу, в то время как железные ножи схожи с произведенными в регионе Кобан. Очевидно, что ананьинские люди поддерживали коммерческие отношения с различными регионами, а само Ананьино было перекрестком важных международных торговых путей. Волжский водный путь, соединяющий Ананьинский регион с Кавказом, был, возможно, важнейшим. В дополнение к этому греческие купцы использовали также сухопутную дорогу из Ольвии в регион средней Волги[15].

2. Киммерийцы и скифы в Южной Руси[16].

Для истории Южной Руси в первом тысячелетии до н. э. имеются не только археологические материалы, но также некоторые письменные источники. Поэтому эта эпоха более не относится к доистории, а скорее принадлежит древней истории. Основание многочисленных греческих колоний на северных берегах Черного моря не способствовало поддержанию коммерческих отношений между греками и скифами, оно давало также возможность греческим ученым наблюдать условия жизни в скифских степях. Одним из наиболее выдающихся авторитетов по Скифии был Геродот (около 484 - 425 гг. до н. э.). Он не только собрал информацию о современном ему скифском государстве и обществе, но также был очень заинтересован историей как скифов, так и их предшественников - киммерийцев. Позднее греческие географы (например, Страбон, около 62 - 63 гг. до н. э.) широко использовали как повествования Геродота, так и иные источники, утерянные с тех пор. Эпиграфический материал так же важен. Многообразные надписи на камне были найдены на месте греческих городов на побережье Черного моря. Они передают обильные свидетельства о жизни этих городов и до определенного предела также и об их скифских соседях. Не менее полезны греческие монеты, обнаруженные в скиф-ских курганах и в этих греческих городах.

Обращаясь к истории киммерийцев и скифов, прежде всего сталкиваешься с проблемой их этнического происхождения. Этот вопрос остается спорным. В то время как народы, осевшие в Южной Руси, обозначаются в различные эпохи несхожими именами, мы ие можем быть уверены, что каждое изменение имени сопряжено с миграцией целой этнической группы. Оказывается, что время от времени новые правящие роды захватывали контроль над страной, и несмотря на то, что некоторые группы эмигрировали, большинство местного населения оставалось, лишь принимая примесь крови пришельцев. Южная Россия впервые была политически организована киммерийцами (1000 - 700 гг. до н. э.), затем скифами (700 - 200 гг. до н. э.) и сарматами (200 г. до н. э. - 200 г. н. э.), затем последовали готы (200 - 370 гг. н. э.), смененные гуннами (370 - 454 гг. н. э.). В большинстве случаев подавляющая масса местного населения, признавая политический контроль пришель-

цев, отчаянно держалась за свои старые дома или же селилась вновь неподалеку от прежних мест обитания. В свою очередь, каждая вновь прибывшая группа добавляла новый этнический штрих к множеству уже существующих. Итак, кроме начальной массы местного населения Южной Руси, которую Николай Мар назвал яфетидами, постепенно сформировалась этническая надстройка варьирующейся природы, но в целом присутствовала определенная последовательность расового напряжения.

Возвращаясь к киммерийцам, можно принять мнение, что они составляли лишь правящий класс страны. Проблема их этнического происхождения, таким образом, более узка, нежели вопрос об этническом базисе населения Южной Руси как целого. Недавно А.Б.Башмаков предположил, что киммерийцы схожи с черкесами, народом Северокавказского ареала[17]. Однако мнение, выраженное ранее М.И.Ростовцевым, может до сих пор рассматриваться как авторитетная гипотеза о происхождении киммерийцев: именно, что они принадлежат к той же этнической группе, что и фракийцы[18]. Характерно, что некоторые боспорские цари имели фракийские имена. Итак, именно в регионе на обоих сторонах Керченского пролива люди киммерийского происхождения должны были остаться даже в скифский период, а сам пролив был известен как Киммерийский Боспор. С археологической точки зрения, долота, обнаруженные в Бессарабии, т. е. в зоне местной экспансии фракийцев, схожи с теми, что обнаружены в Северокавказском ареале, к востоку от Керченского пролива. Фракийцы лингвистически принадлежат к индоевропейской семье. Поэтому киммерийцы могут сами рассматриваться как арийцы.

Киммерийцы должны были контролировать некоторое время все северное побережье Черного моря от Днестра до Керченского пролива. В середине VIII века до н. э. основные провинции, находящиеся под их владычеством, были в крымском, азовском и кубанском регионах. Отсюда киммерийцы распространились в транскавказский район и к середине столетия атаковали царство Ван (Урарту). Позднее они заключили союз с народом Урарту против Ассирии. Они упоминаются в ассирийских источниках под именем гимиры.

Для борьбы с киммерийскими набегами ассирийский царь Ассаргадон заключил союз со скифами, которые жили тогда в Турке-

стане и Казахстане. Миграция скифов, равно как и некоторых других кочевых народов Центральной Евразии, может быть объяснена политическими событиями на границах Китая. Со стародавних времен китайцы развернули затяжную борьбу с евразийскими кочевниками, которых они называли "северными варварами". Эти варвары стали позднее известны в Китае как хьюнг-ну (гунны). В правление императора Сиузна, принадлежащего династии Чу (827 - 782 гг. до н. з.), китайцы нанесли серию сокрушительных поражений кочевникам. В результате этого хьюнг-ну повернули на запад и там началась общая миграция кочевников к Каспийскому морю. Скифская миграция может рассматриваться как один эпизод этого общего движения кочевников на запад. Геродот говорит по поводу одного события, что именно массагеты оказывали давление на скифов[19]. В другом фрагменте своей работы, базирующемся на более раннем свидетельстве (позме Ариста, шестой век до н. з.) он упоминает в данной связи скорее исседонов, нежели массагетов[20]. Сами исседоны испытывали давление аримаспов.

Хотя скифы отступали перед своими восточными соседями, их орда была достаточно сильна для атаки киммерийцев, в особенности в скоординированных действиях с ассирийцами. Выясняется, что под давлением скифского наступления киммерийцы разделились на две части. Одна группа осела в Крыму и в Северокавказском регионе, где они смешались с местными племенами, известными как синды. Другая группа киммерийцев отошла на запад и в конце концов была разбита скифами на реке Днестр. Согласно Ростовцеву, сцена скифско-киммерийской войны отображена на скифском колчане для стрел, найденном в кургане Солоха[21]. Два киммерийца изображены сражающимися пешими со скифским всадником. Один сражается боевым топором, другой - кинжалом. Киммерийцы имеют арийский тип лица, в то время как черты скифов более схожи с алтайским типом.

Расовое происхождение скифов принадлежит к дискутируемым вопросам. Противоположные мнения выражались по этому поводу разными учеными. Некоторые - например, Ньюман - считали скифов монголами; другие, подобно Меленхофу, Томашеку, Ростовцеву, развивали теорию иранского происхождения скифов; в то же время ряд русских исследователей - Григорьев, Забелин, Илловайский - предполагают, что они должны были быть славянско-

го происхождения[22]. Каждая из этих теорий должна иметь в себе по крайней мере зерно истины, поскольку представляется вероятным, что во многих случаях под именем "скифы" подразумевались племена различного этнического происхождения. Правящая скифская орда была, возможно, иранского происхождения; некоторые второстепенные орды могли состоять из угров и монголов; и таким же образом не исключено, что другие группы, известные под именем скифов - как, например, скифы-пахари - были протославянского происхождения. Имена скифских царей, цитированные Геродотом и некоторыми другими писателями очевидно иранского происхождения. Следует принять также во внимание, что персы называли скифов "саками". Более точно, саки представляли собою ветвь скифов, которая осталась в Туркестане даже после миграции других орд в черноморские степи. А туркестанские саки были без сомнения иранцами.

В течение первой части седьмого века до н. э. скифы сломили сопротивление киммерийцев и распространили свое владычество от Волги до Днестра. В конце столетия скифское государство в степях приняло определенные очертания. Их царство было одним из серии кочевых империй, которые сменяли друг друга в евразийских степях, скифская империя не являлась централизованным государством. Авторитет царя главной орды признавался предводителями более мелких орд, но царь не был абсолютным правителем. Скифское государство было скорее конфедерацией сильных кочевых родов. Как социально, так и по легальному статусу оно соответствовало государству, базировавшемуся на родовом законе.

Кавалерия была главным оружием скифской военной организации. Скифские всадники, как позднее сарматские, использовали седло, которое давало им очевидное преимущество над западной кавалерией, поскольку ни греки, ни римляне не использовали седел. Не ясно, имели ли скифы шпоры. На вазе, найденной в кургане Чертомлык, имеется картинка оседланного коня, а ремень, свисающий с подпруги, выглядит как кожаная шпора. В скифских могилах не было обнаружено, однако, никаких железных шпор. Между прочим, что касается западных народов, лишь после прихода аваров в шестом веке н. э. шпоры стали использоваться франкской кавалерией[23]. Лук был самым опасным оружием скифских

всадников. Короткий (около 2,5 фута*), с двойным искривлением скифский лук, был хорошо приспособлен для стрельбы с коня[24]. Стрелы изготовлялись из дерева или тростника; наконечники стрел были бронзовыми, хотя иногда в курганах обнаруживаются каменные, костяные и железные наконечники. Дальность полета стрел составляла около 400 футов. Колчан для стрел или gorytus, как его называли греки, делался из дерева или кожи, и обычно богато украшался. Колчан скифского предводителя покрывался золотыми или серебряными пластинками и крашенными - врезным путем и барельефом - рисунками, представлявшими военные сцены. В дополнение к луку скифский воин использовал также бронзовый или железный меч и кинжал. Типичная скифская тактика состояла в атаке врага в различных местах одновременно маленькими кавалерийскими отрядами. После первого столкновения скифские всадники бежали, с тем чтобы завлечь армию врага на свою территорию, где было легко его окружить и уничтожить. Неудачная кампания персидского царя Дария, описанная Геродотом, может рассматриваться как классический пример скифской военной тактики[25].

Скифская империя социологически может быть описана как власть кочевой орды над соседними земледельческими племенами. Хазарское государство (VII - X вв. н. э.), как и монгольская Золотая Орда (XIII - XV вв. н. э.), были устроены по одному образцу. Скифы основной орды являлись типичными кочевниками. Разведение лошадей было фундаментом их образа жизни. Они жили в кибитках на колесах. Такая подвижная телега имела четыре или шесть колес и приводилась в движение двумя или тремя парами быков. Вареное мясо и кобылье молоко составляли основу их рациона питания. Одежда состояла из кожуха, кафтана и брюк. Большое внимание уделялось кожаному и украшенному орнаментированными металлическими пластинами поясу. Женщины носили просторное платье (сарафан) и высокий головной убор (кокошник).

В то время как большинство скифов были скотоводами и кочевниками, местные племена под их контролем занимались в основном земледелием. Известно, что зерно экспортировалось из Скифии в Грецию в больших количествах. Одежда сельскохозяйственных народов была, возможно, того же типа, что и у скифов.

* Примерно 75 см - прим. ред.

Что же касается религиозных верований скифов, то они представляли смесь иранских и алародианских культов. Высший мужской бог скифов соответствует персидскому Ахуромазде; он обычно изображался на коне. С другой стороны объектом почитания было женское божество - Великая Богиня или Мать Богов. Геродот также упоминает скифский культ меча.

Основная орда была известна как царские скифы. Геродот говорит, что это были лучшие и сильнейшие и что они рассматривали других как своих рабов[26]. Царские скифы жили "на другой стороне" (т. е. на восток) от реки Герхос, распространившись на восток до Азова и на юг до Тавриды[27]. Согласно предположению Ф.К.Брюна[28], которое весьма вероятно, река Герхос может быть опознана как Конка или Конская, основной рукав которой вливается в Днепр с востока напротив Никополя, в то время как множество других нитей идут параллельно Днепру по его восточному берегу вплоть до устья Ингульца. Итак, мы можем сказать, что основная территория царских скифов находилась в Северной Таврии[29]. Важно, что там было обнаружено большое количество богатых курганов. Однако царские скифы должны были также контролировать правый берег Днепра, поскольку несколько богатых курганов также расположены между Днепром и Бугом.

Вблизи от царских скифов н берега моря скиталась другая орда, названная Геродотом скифами-кочевниками[30]. Их место жительства находилось между устьем Ингульца и Перекопским перешейком. Согласно историку, они не сеяли и не пахали. К западу от них, между реками Ингулец и Ингул жили скифы-георгои (земледельцы), которых греки называли борисфенитами[31] от имени реки Борисфен, под которым тогда был известен Днепр. Часть их смешалась с греческими поселенцами и была известна как "полугреки" (Mixhellenes)[32] к западу от скифов-земледельцев, в нижнем регионе Буга были места пребывания каллиппидов, которых Геродот называет греко-скифами. К северу от каллиппидов в северной части бассейна Буга жили алазоны[33].

По указанию Геродота, образ жизни каллиппидов и алазонов был схож со скифами, за исключением того, что оии сеяли злаки и ели хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. К западу от каллиппидов на нижнем Днестре находились места обитания тиритов. К западу от них на нижнем Дунае жили геты, а агатирсы в

Трансильвании. Как геты, так и агатирсы должны были принадлежать к фракийской этнической группе.

К югу от территории царских скифов, в горах Тавриды жили тавры, воинственные люди, склонные к разбою. Мэоты были ближайшими соседями царских скифов на юго-востоке. Их имя связано с "озером Мэотис" (Азовское море). Они контролировали степи между нижним Доном и Нижней Волгой, равно как и восточные берега Азовского моря и регион Кубани на Северном Кавказе. Мэоты рассматриваются как остатки местных племен, которые выжили в течение киммерийского и скифского периодов. Они представляли собою социальную организацию, поскольку женщины обладали решающей ролью в родовой жизни. Это было общество матриархата. Именно мэотийский матриархат дал основание легенде об амазонках, широко распространенной среди греков и записанной Геродотом[34]. Среди мэотийских племен здесь могут быть упомянуты синды и савроматы. Первые жили в Азово-кубанском ареале, а вторые - на нижнем Дону и нижнем Донце.

Скифское владычество обеспечило мир для Западной Евразии в течение трех столетий. Скифский мир имел колоссальное значение в поддержании торговли и благосостояния не только самих скифов, но также и других племен, контролируемых ими. Именно греки воспользовались в наибольшей степени благоприятными торговыми условиями. Среди греческих городов, возникших как грибы на северном побережье Черного моря, наиболее ведущими были следующие: Ольвия в устье Буга; Херсонес (Херсон)[35] в Крыму близ современного Севастополя; Пантикапей, современная Керчь, на Киммерийском Боспоре (Керченский пролив). Греки покупали рабов, скот, шкуры, меха, рыбу, лес, воск и мед в Скифии; в обмен они продавали текстиль, вино, оливковое масло и различные предметы искусства и роскоши. Устья больших рек, подобных Днестру, Бугу, Днепру и Дону, использовались греками как их торговые базы, с которых они посылали в глубь территории караваны. Еще не известно, как далеко на север решались путешествовать греческие купцы. В любом случае, им было известно лишь нижнее течение Днепра; Геродот ничего не говорит о днепровских порогах. Речные пути по Дону и Волге были очевидно лучше изучены греками. Геродот упоминает город Гелон, находящийся в глубине суши по направлению на северо-восток. Он, воз-

можно, был расположен на нижнем Дону или на реке Донец. Судя по тому факту, что в регионе Камы были найдены предметы, произведенные в Ольвии, мы можем предположить существование живых коммерческих отношений между регионом Урала и Ольвией. Очевидно, товары из Ольвии транспортировались по земле на нижний Дон, затем переправлялись вверх по течению к точке, где Дон ближе всего подходит к Волге; оттуда они перетаскивались волоком и сплавлялись далее по рекам Волге и Каме. Можно добавить, что речной путь Дон-Волга был также важен для кавказско-уральской торговли. Греческий город Танаис в устье Дона был важным пунктом по транспортировке товаров, идущих морем с Кавказа через Керченский пролив к речным судам для переправки на север.

3. Греческие колонии на северном побережье Черного моря[36].

Как мы уже отмечали[37], греческие города на северном побережье Черного моря играли важную роль в развитии международной коммерции, служа связующим звеном между средиземноморским бассейном и Евразией. В этом смысле они были предшественниками генуэзских и венецианских городов на Черном море, которое играло ту же роль в монгольский период с тринадцатого до пятнадцатого веков н. э. С социологической точки зрения существовало, однако, большое различие между древними греческими и средневековыми итальянскими городами. Последние были простыми коммерческими факториями, в то время как роль первых не сводилась только к коммерческим функциям. Некоторые из греческих городов скифского периода были полноценно развитыми сообществами, в которых процветала не только торговля, но и искусство и ремесла; сельское же хозяйство достигло высокого уровня в соседних районах. Так греческие города этого периода стали важными культурными центрами. Кроме того, они были тесно связаны с собственно городами Греции, равно как и с малазийскими, оставаясь частью целостности эллинского мира. Они, следовательно, служили мостом между греческим миром и скифами. Греческие художники и ремесленники исполняли заказы скифских

королей и вельмож, приспосабливаясь к скифским художественным требованиям. Итак, новый художественный стиль, который может быть назван греко-скифским стилем, был создан, повлияв в свою очередь на развитие греческого искусства в более поздний, так называемый эллинистический период.

Большинство греческих городов на северном побережье Черного моря были основаны колонистами, прибывшими из Милета, Клазомен и других греческих городов Малой Азии. В шестом веке до н.э. малазийские греки признали власть персидского царя. Это вылилось в удачную ситуацию для греческих городов с точки зрения международной торговли. Персидское царство было тем, что может быть названо "мировой империей", простираясь от Эгейского моря на западе до рек Инда и Джазарта на востоке. Оно включало такие провинции как Малая Азия, Транскавказ и Месопотамия и продолжало культурные традиции хеттов, урартцев и ассиро-вавилонцев.

Греческие города побережья Малой Азии служили связующим звеном между передней Азией, средиземноморским бассейном и черноморскими степями, тогда как греческие города на северной части Черного моря уподоблялись многим аванпостам старых городов Малой Азии. Греческие торговцы Ольвии, Херсонеса и Киммерийского Боспора служили посредниками в торговых связях между Персидским царством и скифами. В V в. до н. э. большинство греческих городов на Эгейском побережье эмансипировались от власти Персии. И собственно Греция и в особенности Афины стали ведущей силой. В течение столетия от 477 до 377 г. коммерческие пути находились под экономическим и политическим контролем Афин, несмотря на тот факт, что в конце пятого века могущество Афин было значительно поколеблено Пелопонесской войной. В целом, условия развития поселений на побережье Черного моря были менее благоприятными в период афинской гегемонии, нежели во время персидского владычества.

С исторической точки зрения Боспорское царство на Керченском проливе, которое просуществовало от VI века до н. э. до VI века н. э., было предшественником русского владычества в Тьмутаракани с IX по XI столетие н. э. Существовало несколько греческих городов в царстве на обоих берегах Керченского пролива. Они были основаны в седьмом и шестом столетиях до н. э.

Большинство из них, возможно, строились на местах более древних поселений здешних жителей киммерийского периода. Первые греческие города к востоку от Керченского пролива были основаны колонистами из Карии. Позднее новые поселенцы приехали из Милета. Они обосновались на крымской стороне пролива. Город Пантикапей, ставший столицей Боспорского царства, был изначально милетской колонией. Экономически Боспорское царство базировалось на торговле между Малой Азией и Транскавказом, с одной стороны, и Азовским и Донским регионами - с другой. Среди товаров, идущих из Транскавказского региона, металл и металлические изделия играли важную роль. Рыба и зерно прибывали в ответ из Донского и Азовского регионов.

Город Пантикапей изначально имел аристократическую конституцию. В пятом столетии до н. э. он стал столицей монархии. Боспорское царство стало результатом необходимого компромисса между греческими пришельцами и местными племенами, греки были недостаточно многочисленны для колонизации всей страны. Они оставались главным образом в городах. С другой стороны, местные яфетидские и иранские племена, в основном известные как синды и мэоты, были в большинстве за пределами городов и неохотно подчинялись грекам. Имели место некоторые столкновения, и в конце концов местный магнат, принадлежавший к здешней, но совершенно эллинизированной семье, захватил власть и объявил себя царем синдов и мэотов под именем Спартока I (438/7 - 433/2 до н. э.). В то время как он был признан царем местными племенами, город Пантикапей признал его лишь как archon ("главу"). Фактически он имел полноту власти над греками и контролировал армейскую администрацию через chiliarchog ("командира тысячи", сравни тысяцкого в средневековой Руси).

После установления монархического правления в Боспоре страна стала достаточно сильной, чтобы защитить себя от вторжения скифов и других степных племен. В некоторых случаях боспорские цари платили дань скифам, чтобы не начинать войны. Они могли себе позволить откупиться, поскольку царство достаточно процветало. Торговля зерном была основой экономической стабильности. Боспорские цари старались монополизировать эту линию торговли в восточных районах Черного моря. Согласно договору о дружбе с Афинами (434/3 до н. э.)., боспорский царь должен был

снабжать Афины зерном. После продолжительной борьбы с городом Гераклея, царь Левкон (389/8 - 349/8 до н.э.) завоевал важный порт Феодосию, таким образом обеспечив монополию торговли зерном. В результате Боспорское царство в пятом и четвертом веках было главным зернопроизводителем для Греции. В правление Лейкона 670.000 медимнов (около 22.000 тонн) зерна экспортировалось ежегодно в Аттику, что достигало половины всего импорта зерна в Аттику.

Вслед за этими городами Херсонес являлся наиболее важным греческим центром в Крыму. Он был одной из самых жизнеспособных ранних греческих колоний здесь, процветающих еще в византийский период. В десятом веке н. э. Херсонес, известный как Корсунь в русских летописях, некоторое время контролировался киевскими князьями. Изначально он был колонией, основанной Гераклеей, которая в свою очередь являлась колонией Мегары. Гераклея была основана в 599 г. до н. э. Точная дата основания Херсонеса неизвестна; Геродот ее не упоминает. Документальные свидетельства относительно Херсонеса берут начало в четвертом веке до н. э. В этом столетии была воздвигнута древнейшая городская стена.

Географическое положение Херсонеса было менее благоприятным, нежели у боспорских городов, поскольку он находился вдали от Азовского и Донского регионов. С другой стороны, он был лучше защищен от набегов кочевников и имел отличные портовые сооружения. Он также ближе расположен к южному побережью Черного моря, чем какой-либо иной город северного побережья. Херсонес вошел в тесные отношения с Афинами во времена афинского преобладания. Афинское влияние было сильным в жизни и искусстве города до середины четвертого века до н. э., после чего херсонесские вазы, золотые украшения, терракота и т. д. приблизились к стандартам Малой Азии.

С точки зрения его политической организации в скифский период Херсонес представлял демократию. Вся власть принадлежала народному собранию, и все общественные деятели избирались. Фактически наиболее значимые вопросы сначала обсуждались городским советом и затем докладывались ассамблее. Была обнаружена интересная надпись третьего века до н. э., содержащая текст клятвы, требовавшейся от херсонесского официального лица. Она

обязывала его не нарушать демократического порядка и не передавать информации грекам или "варварам", которая может нанести ущерб интересам города. Многие граждане имели поля и виноградники за пределами городских стен; иногда они арендовались, в других случаях сам владелец возделывал землю. Город контролировал все западное побережье Крымского полуострова и часть плодородных степных внутренних земель в его северной части.

На северо-западе Крыма лидирующее положение принадлежало Ольвии, "городу борисфенитов", который находился в устье Буга и обеспечивал целостность бугоднестровского устья. Таким образом, город занимал благоприятную позицию с точки зрения коммерческих путей, пролегавших на север в глубь территории. Здесь будет не лишним упомянуть, что днепровское широкое устье также играло важную роль в коммерческом обмене между Киевской Русью и Византией. Русско-варяжские князья пытались жестко контролировать устье Днепра, которое предлагало подобающий пункт для торговцев Руси на их пути в Константинополь. Русские основали свое селение в устье Днепра в Олешье. Геополитически Олешье тогда играло роль, схожую с ролью Ольвии в более ранний период.

Ольвия, колония Милета, была основана во второй половине седьмого столетия до н. э. Изначально она должна была быть рыболовецкой деревней. Рыба и позже составляла важную часть в ее торговле. Земледелие также развивалось. Ольвия имела теснейшие связи со скифским миром всех греческих колоний. Она платила дань скифским царям и в ответ пользовалась их поддержкой. Ее торговцы сплавляли свои товары в глубь территории вверх по Бугу и Днепру. В дополнение Ольвия являлась начальным пунктом великого наземного караванного пути к регионам Волги и Камы на северо-востоке[38].

Ольвийские греки имели постоянные связи с местными соседями, что привело к значительному обмену взаимовлияниями в искусстве, ремесле, стилях жизни и т. д. В пятом и начале четвертого столетия до н. э. город имел дружеские связи с Афинами. В период преобладания Македонии отношения Ольвии с греческой родиной не были столь удачными. Около 330 г. до н. э. город был осажден Зопирионом, наместником царя Александра Великого во Фракии. Для объединения всего своего населения

против захватчиков оливийцы приняли радикальные меры: местное население получило гражданство и рабы были освобождены. Многие надписи, датируемые началом третьего века до н. э. проливают некоторый свет на экономические условия в Ольвии. Как можно увидеть из некоторых из них, богатый гражданин по имени Протоген одолжил городу 1000 золотых, частично беспроцентно, для покупки зерна. В дополнение он обеспечил себя 2500 медимнами пшеницы по сниженной цене.

Подобно Херсонесу, Ольвия была демократией. До 330 г. до н. э. лишь греки среди населения города обладали политическими правами, включая голосование в совете.

4. Северные соседи скифов

В перечне народов, живущих к северу от "рынка борисфенитов" (т. е. Ольвии), Геродот упоминает среди других племен каллипидов и алазонов[39]. Алазоны жили, возможно, в середине региона Буга. "Выше алазонов там живут скифы-аротерес (землепашцы). Над ними живут невры, а территория к северу от невров, насколько нам известно, вовсе не заселена"[40]. В другом разделе своей работы Геродот говорит, что река Тирас (Днестр) начинается из большого озера, которое служит границей между скифами и неврами[41]. В настоящее время не существует большого озера в истоке Днестра, хотя есть несколько маленьких озер и болот вблизи верхней части Збруча, одного из его притоков. Следует отметить, однако, что во времена Геродота - т. е. около двух с половиной тысяч лет назад - лицо страны могло быть отличным от теперешнего. Было больше лесов, реки были глубже и оставалось много озер от ледникового периода, которые потом превратились в болота. В любом случае мы можем предположить, что, согласно Геродоту, южная граница страны невров пересекала Днестр где-то посередине или в верхнем течении. О самих неврах Геродот может мало что сказать. Он характеризует их обычаи как "скифские". Он рассказывает историю о них со слов греческих путешественников в Скифию, лично мало доверяя им. Ему говорили его информаторы, что каждый невр превращается в волка на несколько дней каждый год и затем вновь становится человеком[42]. История очевидно отражает

предрассудки об оборотнях, которые должны были быть популярными среди невров, так же как это было позже в украинском фольклоре. По распространенному верованию, колдун, чтобы превратить человека в волка, наделяет его даром перевоплощения в волка и произносит магические заклинания. Возможно, что один из информаторов Геродота присутствовал при некоторых заклинаниях колдуна, в удачу которых он должен был уверовать. Вероятно сказание, которое достигло Геродота, было результатом того факта, что зимой невры одевались в волчьи шкуры, которые они могли легко выделывать. Соединяя недостаточные географические данные о неврах с историей об оборотнях и обращаясь к украинскому фольклору, можно предположительно обнаружить невров в северной Подолии и Волыни. Если это верно, то страна невров может быть охарактеризована с археологической точки зрения как часть области погребальных урн[43]. Культура погребальных урн длилась около тысячелетия, с 500 г. до н. э. до 500 г. н. э. Нам известно, что в первом столетии нашей эры эта территория была заселена славянами. Кажется вполне правдоподобным, что они присутствовали там также и в первом веке до н.э.

Возможно ли на основании выше представленных соображений отождествить невров Геродота с протославянами? Подобное отождествление было впервые предложено Шафариком, а затем принято как Нидерле, так и Минзом[44]. Выявлено, что в Галиции (равно как и в Польше) можно найти такие имена рек и поселений как Нур, Нурец, Нурчик. В средневековье регион между средним течением Вислы и западным Бугом был известен как Земля Нур[45].

Однако лишь в западной части протославянской территории мы можем обнаружить места проживания невров Геродота. Поэтому, даже если мы рассматриваем невров как протославян, они представляют лишь одно из протославянских племен. В поисках иных подобных родов среди народов, упомянутых Геродотом, некоторые ученые называют будинов, чье само имя, согласно Нидерле, звучит по-славянски[46]. Были выражены различные мнения относительно географического местонахождения будинов. Нидерле помещает их в Среднеднепровский регион, в то время как Минз отдает им средневолжье[47]. С тем чтобы корректно интерпретировать слова Геродота о будинах, мы должны принять во внимание, что Геродот, или скорее его информатор, говоря о будинах, смещает направление с

юга на север, начиная с савроматов. Последние жили в регионе нижнего Дона и низовьях реки Донец. Поселения будинов находились, согласно Геродоту, "выше" савроматов[48]. Соответственно, мы можем заключить, что они обитали на верхнем Дону или верхнем Донце. Он говорит, что они живут на пространстве, покрытом различными лесами. Это может указывать на правый берег среднего Донца между современными городами Изюм и Славянск, поскольку этот регион с точки зрения почвы и растительности являет собою остров лесов в пространстве степей. Если наше предположение верно, то будины жили в крайней восточной части изначальной территории протославянской экспансии. Между территорией невров (на северо-западной Украине) и территорией будинов (на северо-восточной Украине) остается территория среднего Днепра (т. е. центральной Украины). Именно в этой центральной области могут быть обнаружены "скифы-пахари".

Мы видели[49], что скифы-пахари были, возможно, племенем всадников, контролировавших соседнее земледельческое население. Эти всадники могли быть завоевателями, пришедшими со стороны, но их также можно рассматривать как группу местных сквайров, принявших скифский стиль и привычки жизни. Кажется вероятным, что либо скифы-землепашцы[50], либо контролируемые ими крестьяне или же оба слоя принадлежали к протославянской этнической группе. Разумеется, все вышеизложенные соображения носят лишь гипотетический характер.

В перечне племен, называемых Геродотом граничащими со скифами, за именем невры следует андрофаги ("каннибалы") и меланхлены ("черные одежды"). Предполагается, что оба племени принадлежали к протофинской группе. Согласно Геродоту, андрофаги были "особым племенем, совсем не скифским. Среди всех андрофаги имели наиболее дикие обычаи; они не признавали никакой справедливости и не имели никакого закона; они вели кочевую жизнь; их одеяния схожи со скифскими; их язык довольно отличен от скифского; они одни из всех этих племен являются каннибалами"[51]. Было предположено, что андрофаги могут рассматриваться как предки мордовцев (мордвы)[52]. Имя мордва может происходить от иранского mard, "человек". Мордва будет означать объединение людей. Точное место проживания антропофагов - спорный вопрос. Согласно Геродоту, путешественник, еду-

щий с юга, должен был подняться по Днепру, а затем пересечь пустыню[53]. Тальгрен предположил, что поселения андрофагов были по берегу Десны, к северу от современного Чернигова[54].

К востоку от андрофагов жили меланхлены. Они также, согласно Геродоту, не были скифским племенем. Он говорит: "...меланхлены носят черные одежды, от чего и происходит их имя; их обычаи схожи со скифскими"[55]. Меланхлены рассматриваются как предки финских племен меря и черемисов. Тальгрен поселяет их на севере от Воронежа[56]. Еще далее на восток - в Волжском регионе и выше его - могли находиться места обитания тиссагетов и ирков. Представляется, что эти два племени должны были жить в более отдаленном регионе, нежели ранее упомянутые. Геродот говорит, что между будинами и тиссагетами существует пустыня, пересечь которую можно за семь дней[57]. Следует помнить о том, что во времена вторжения персидского царя Дария[58], скифы попросили помощи всех соседних племен за исключением тиссагетов и ирков. Очевидно, не существовало прямых связей между этими двумя племенами и скифами. Мы можем предварительно локализировать тиссагетов в регионе средней Волги и Камы, а ирков в Башкирии, в Южноуральском регионе. Ирки могут быть отождествлены с угра или уграми[59].

5. Восточные соседи скифов

Черноморские степи, которые принадлежали скифам в течение седьмого и шестого веков до н. э., являются лишь западным продолжением длинной зоны степей Евразии, которая тянется на восток почти до реки Амур. Вместе с прилегающей к ней зоной пустынь на юге степь служила с незапамятных времен громадным резервуаром кочевых племен, которые время от времени наводняли приграничные районы таких древних цивилизованных стран как Китай, Иран и Средиземноморье. Сами скифы пришли в черноморские степи с территории выше Волги Другие кочевники позже двинулись также на запад из Центральной Евразии в средиземноморский бассейн. Во втором столетии до н. э. сарматы сменили скифов в Южной Руси. Начиная с четвертого века н. э. мир кочевников Евразии находился в состоянии почти постоянного потока,

одна волна накатывала на другую в западном направлении. В четвертом и пятом столетиях турецкие и монгольские племена, подобные гуннам, захватили лидерство, за ними последовали авары - "западные тюрки" - и хазары в шестом и седьмом веках, печенеги с девятого по одиннадцатое столетие и куманы (половцы) в одиннадцатом и двенадцатом веках. Кульминация наступила с монгольским нашествием тринадцатого века. После этого стремление на запад кочевых племен постепенно спадало, последней волной стало перемещение калмыков на нижнюю Волгу в семнадцатом столетии. Изучающий русскую историю должен внимательно отслеживать развитие тенденций в евразийском кочевом мире, поскольку без знания этого развития многие события в истории России никогда не могут быть в достаточной степени поняты и оценены.

Причины западного движения евразийских кочевников многообразны. В некоторых случаях это могло быть результатом климатических изменений. Усиливающаяся засуха затрагивала пастбища животных и заставляла кочевые народы искать новые поля. В других случаях миграция могла быть порождена политическими и военными факторами. Отброшенные от границ Китая или Ирана, кочевники двинулись дальше на запад в поисках менее защищенных стран как объекта грабежа. В случае когда некоторые кочевые племена в Китае были отброшены и бежали после этого, последствия испытывал ближайший западный сосед, вынужденный освобождать пространство для новоприбывших в свою очередь на запад и т. д. Волна экспансии могла быть также результатом определенных изменений внутри племени или группы племен - изменений в их социальной и политической организации. Многие племена и роды при стечении обстоятельств сливались под воздействием диктатуры какого-либо выдающегося военного лидера, который ограничивал автономию родовых вождей. Так случилось при подъеме Чингис-хана. Экономические мотивы, подобные желанию контролировать межконтинентальные торговые пути, составляли другую движущую силу политики завоевателя степей. Нужно отметить, что создание кочевой империи не только в случае с Чингис-ханом, но также и в некоторых иных случаях было результатом не только простой цепи причинных событий, но амбициозной политики имперской экспансии. Такая экспансия требовала всегда полного сотрудничества ведущего рода и всего племе-

ни или группы племен. Однако империя, воздвигнутая на таком основании, никогда не была стабильной. Старейшины родов, которые сначала предоставляли полную поддержку Великому Хану (кагану), позднее будут пытаться обеспечить собственные привилегии. Разовьется борьба между более влиятельными вождями родов и племен, выливаясь в становление того, что Владимирцов называл "кочевым феодализмом"[60]. Игра этих центростремительных сил тогда быстро уничтожит единство империи.

Давайте теперь рассмотрим вкратце кочевые племена, которые скитались по евразийским степям и пустыням к востоку от реки Урал во времена Геродота. Информация о них, даваемая Геродотом, довольно туманна. Страбон ворчливо говорит о том, что "ранние греческие авторы привыкли называть народы, жившие выше Каспийского моря, в некоторых случаях саками, в других - массагетами, не будучи в состоянии привести какое-либо обоснованное суждение относительно них"[61]. Свидетельства греческих авторов могут быть до некоторой степени дополнены информацией, извлеченной из китайских хроник. Они считаются достаточно надежными с девятого века до н. э.

Все же начнем с сообщения Геродота. Мы видели[62], что в одной части его повествования он говорит, что массагеты вытеснили скифов на запад. В другом фрагменте вместо массагетов он упоминает в той же связи исседонов. Последние, как объясняет он, были сами под давлением аримаспов. В дополнение к исседонам и аримаспам Геродот помещает к востоку от реки Дон "скифов-апостатов"[63] и аргипеев. К этому перечню восточных народов могут быть добавлены саки, часть которых принадлежала пятнадцатой провинции (сатрапии) Персидского царства, согласно разделению сатрапий Дарием[64].

Сравнивая информацию Геродота со свидетельствами других авторов, мы можем предварительно локализировать вышеупомянутые народы следующим образом. "Скифы-апостаты" могли жить в районе Акмолинска в Северном Казахстане. Они откололись от "царских скифов" и не пошли за ними в черноморские степи. Они с наибольшим основанием могут быть названы восточными скифами. Что же касается исседонов, мы можем различать их изначальный дом и страну, в которую они позже мигрировали. Согласно А.Херману, они первоначально жили в районе реки Иссет, притока Тобо-

ла[65]. Само имя народа должно быть связано с рекой. Позже исседоны переместились на юго-восток, вероятно в Восточный Туркестан (Син-Кьянг). Домом аргипеев была, возможно, Джунгария, а аримаспов - подножье гор Алтая. Массагеты жили в Туркестане. Саки обитали ближе к Индии, возможно в Южном Туркестане.

Постараемся теперь определить расовые связи по крайней мере части этих племен. Саки принадлежали без сомнения к иранской семье. Восточные скифы были, возможно, также иранцами; они могут рассматриваться как предки некоторых сарматских племен. Аргипеи могли быть монголами. Геродот описывает их в следующих словах: *"Говорят, что все они лысы с рождения, как мужчины, так и женщины; они курносы и скуласты; они говорят на собственном языке, но их одежда по типу скифская"*[66]. Аримаспы, ввиду их географического местопребывания, могут рассматриваться как предки тюрков: тюркское государство было основано в регионе Алтая в шестом веке нашей эры[67].

Проблема массагетов более запутанна. Геродот говорит, что "массагеты носят схожую со скифами одежду; их жизненный стиль также близок к скифскому. Они идут в бой либо верхом, либо пешими, поскольку они искусные бойцы в любом типе сражения. Луки и копья, а также боевые топоры - их оружие. Они используют золото и медь... но не железо и серебро"[68]. Ассортимент оружия, используемого массагетами, заслуживает внимания. Лук был характерным оружием скифов, копье - сарматов, боевой топор - киммерийцев. Итак, массагеты кажется соединили оружие различных племен. Потому может быть, что они сами имели различное этническое происхождение. Киммерийцы, как мы видели[69], были схожи с фракийцами. Не могут ли некоторые массагетские роды рассматриваться как восточная ветвь фракийцев, смешанных с некоторыми иранскими элементами? Само имя "массагеты" кажется значимым с этой точки зрения, поскольку одно из фракийских племен на Балканах было известно как геты[70].

Схоже сложная этническая группа, относительно которой существуют некоторые свидетельства в китайских источниках, существовала приблизительно в тот же период в провинции Кан-Су в Западном Китае. Там жили в близком контакте два народа: йю-ки и тохары. Второй из них преобладал. В то время как тохары рассматриваются как иранское племя, йю-ки принадлежат, судя по

крайней мере по их языку, к западной ветви индоевропейской семьи. Именно язык йю-ки обычно обозначают как тохарский; он ближе к кельтскому и латинскому, нежели к славянскому или иранскому[71]. Как йю-ки, так и позже тохары в начале сарматского периода сместились из Кан-Су в Туркестан и играли важную роль в истории Туркестана и некоторых прилегающих государств. Мы встретимся с ними позже.

6. Взгляд на политическую историю Скифии

Наша информация о политической истории скифов случайна и неполна. Геродот упоминает некоторые имена скифских царей, делая возможным построение частичной генеалогии. Но о политике этих царей нам мало известно.

Сломав сопротивление киммерийцев и оккупировав зону степей от Волги до реки Дунай, скифы проявили интерес к укреплению связей с прилегающими странами, в особенности на юге. Греческие города на северном побережье Черного моря процветали из-за скифской торговли; большинство из них, однако, должно было платить определенную дань скифам, которые предложили в ответ свою защиту. Соседние племена, живущие в регионе Дона - будины, галоны и савроматы, были, очевидно, до некоторой степени под властью скифов. Все они поддерживали скифов против царя Дария в 512 г. до н. э. По этому же поводу невры, андрофаги и меланхлены декларировали нейтралитет, который встретил неприятие скифов, сурово покаравших этих нейтралов после ухода Дария из Скифии.

Главной проблемой внутренней политики скифских царей было, возможно, распределение пастбищных районов между главной ордой и второстепенными, с тем чтобы достаточно защитить интересы каждой орды в разведении лошадей и скота. Кажется вероятным, что скифское государство находилось под предводительством не одного, а двух царей - как это случилось с хьюнг-ну и тюрками - или же даже большего количества. Описывая скифскую подготовку для защиты своей страны против Дария, Геродот упоминает три скифских правителя (Скопасиса, Иданфирса и Таксакиса). Каждый из них управлял своей собственной ордой, в то время как каждая орда в свою очередь состояла из нескольких частей (ср.

тюркский улус) и кланов (ср. тюркский йурт), возглавляемых племенными и родовыми князьями и предводителями. Эта сложная аристократическая система была спаяна авторитетом царского дома, о котором мы можем судить по тщательности, с которой сохранялись царские могилы[72].

Благодаря связям с греческими и черноморскими городами часть скифов постепенно подверглась влиянию греческой цивилизации. История Геродота о скифском царе Анахарсисе весьма характерна с этой точки зрения. Анахарсис отправился в путешествие по Греции и провел некоторое время, обучаясь в Афинах (в конце седьмого и в начале шестого века до н. э.). Поскольку большинство скифов были против каких-либо нововведений, Анахарсис после своего возвращения в Скифию был убит своим братом Саулнусом, который может быть назван предводителем скифских консерваторов. История Анахарсиса повторилась позднее в судьбе Скила, сына царя Ариапита. Принц был также казнен.

Около 512 г. до н. э. Скифия была оккупирована армией Дария, царя Персии. Исходная точка Дария - Халкедон на Боспоре[73]. Был сооружен понтонный мост, по которому его армия пересекла Боспор и направилась на север через Фракию. Одновременно его флот идет на Черное море для встречи сухопутных войск в устье Дуная. На своем пути к Дунаю он завоевал фракийское племя гетов. Когда его армия достигла реки, Дарий приказал соорудить еще один понтонный мост, который был оставлен под охраной ионийских греков, его вассалов. Его главная армия тем временем вошла в Бессарабию, держа путь собственно в Скифию. Именно тогда скифы запросили своих северных и восточных соседей о помощи, как упоминалось выше[74]. Поскольку некоторые из них отказали в какой-либо помощи, скифы решили встретиться с персами не в обычной битве, а разделить свои силы на три части и отступить вглубь, уводя свой скот, сжигая траву и уничтожая колодцы. Это стало классическим примером стратегии "выжженной земли", использованной русскими против Наполеона в 1812 г. и против Гитлера в 1941 г.

Описание Геродотом кампании детализировано, но мы не знаем, насколько оно надежно. Его информатор вероятно слышал истории об этом от стариков, которые сами не могли быть очевидцами событий и лишь передавали, что знали от людей предшествующего поколения. На базе повествования Геродота ход кампании

Дария может быть реконструирован по следующим линиям: персы пересекли черноморские степи от устья Дуная на восток к рекам Дон и Донец. После сожжения города будинов они сначала повернули на север, а затем на запад. Таким путем они прошли через страны меланхленов, андрофагов, невров и агатирсов. В конце концов они вернулись назад на юг к нижнему Дунаю. Предположив такой маршрут Дария можно определить, что вся кампания должна была длиться более шестидесяти дней, в течение которых, по Геродоту, ионийцы обещали охранять дунайский мост. Эти последние, однако, оставались дольше назначенного времени и все еще охраняли мост, когда Дарий наконец появился с остатками своего войска. Вся кампания провалилась. Сначала скифы не оказывали сопротивления, они начали терзать персидские войска как только они побежали. Согласно Геродоту, скифские агенты принуждали к дезертирству ионийцев, охранявших мост, которые первоначально дрогнули, но большинство их в конце концов осталось. Таким образом Дарию удалось привести во Фракию по крайней мере часть своей армии.

Недавно М.И.Ростовцев предложил новую интерпретацию подлинного смысла скифской кампании Дария[75]. По мнению этого ученого, царь-воин не склонялся к завоеванию и не намеревался уничтожить и подчинить Скифскую империю. Его целью было только "совершить впечатляющий рейд в Скифское царство как доказательство персидского могущества и нанести один или два тяжелых удара по скифской армии". Ростовцев полагает, что Дарий преуспел в своем предприятии. Это воззрение можно принять в качестве исключительного, и очевидно, что если Геродот преувеличивал неудачу Дария, то Ростовцев зашел довольно далеко в другом направлении. Может случиться, что персидский монарх намеревался удовлетвориться лишь разведывательным рейдом, но его потери были, вероятно, более серьезными, нежели он предполагал, и в любом случае результаты разведки были далеко не блестящими, поскольку она показала колоссальную силу скифов. Преследуя по пятам отступающего Дария, отряд скифов напал на фракийский Херсонес (современное Галлиполи). Неудача самого Дария и его сына и наследника Ксеркса в завоевании Греции через серию кампаний, которые продолжались от 490 до 479 г. до н. э., равно как и последующая широкомасштабная война между перса-

ми и греками, предотвратили возможность каких-либо дальнейших агрессивных действий персов против скифов.

Лишь вместе с основанием Македонского царства в середине четвертого века до н. э. дунайская граница Скифии оказалась под угрозой. В последний год правления Филиппа Македонского его сын, знаменитый Александр, преследуя фракийские племена трибаллов и гетов, занял остров Пеус и пересек Дунай в северном направлении (335 г. до н. э.)[76]. Эта кампания вновь оказалась лишь разведывательной операцией, поскольку сперва смерть его отца, а затем трудности в Греции отвлекли внимание Александра от Дуная. Он затем сконцентрировал свои усилия на борьбе с персидским царем. Его грандиозная восточная кампания (334 - 325 г. до н. э.) вылилась в подрыв могущества персов с последующей эллинизацией всей Передней Азии. Нас интересует в этой связи попытка Александра завоевать северо-восточный угол иранского мира - Южный Туркестан. После разгрома основной персидской армии великий полководец преследовал ее остатки до берегов реки Окс (Аму-Дарьи) и установил свой контроль над Бактрией (район современного Балхаша). Затем он основал город на реке Джазарт (Сыр-Дарья), который должен был служить форпостом эллинизма в Туркестане. Город был назван "Дальняя Александрия" (современный Ходжент)[77]. Кампания Александра выше Джазарта, однако, не удалась. Саки оказали отчаянное сопротивление, а царь не имел времени для крупномасштабной агрессивной операции. Он оставил дело неоконченным и обратился вместо этого к Индии. Итак, мы видим, что Александр начал свою борьбу с северными иранцами с молниеносного удара через Дунай (против скифов) и завершил ее сооружением крепости на Джазарте (против саков).

Александр уделял большое внимание организации своих новых восточных провинций - Бактрии и Согдианы. Для сохранения своего владычества он посылал туда тысячи греческих и македонских колонистов. В одной лишь Бактрии было основано двенадцать новых городов, в которых поселились более четырнадцати тысяч греков и македонцев. Таким образом эллинизм жестко установился в Туркестане, и новые эллинистические города Бактрии должны были играть ту же роль в культурном развитии Транскаспийского региона, как древние греческие города в регионе Черного моря. После смерти Александра (323 г. до н. э.) империя была

разделена между его полководцами, известными как "последователи" (диадохи). Туркестанские владения Александра были включены в царство Селевка, которое простиралось от сирийского побережья Средиземного моря на восток до реки Инд. В середине третьего века до н. з. бактрийский наместник провозгласил себя независимым правителем, и так появилось Греко-Бактрийское царство, которое может сравниться по своей исторической роли сплочения греков и иранцев с Боспорским царством[78].

Давайте теперь обратимся к развитию в дунайском регионе. Во время персидской кампании Александра его полководец Зопирион пересек Дунай и вторгся в Скифию. Ему удалось достичь Ольвии, но затем он вынужден был бежать, был разбит и погиб с большинством своего войска, вероятно, где-то в Бессарабии[79]. В начале третьего века до н. э. Лизимах, один из наследников Александра, предпринял кампанию против гетов, в ходе которой он пересек Дунай и двинулся в регион Днестра. Его армия, однако, была окружена гетами, которых очевидно поддерживали скифы. Лизимах был захвачен в плен (291 г. до н. э.)[80]. Несколько лет спустя западная часть Скифии подверглась угрозе вторжения кельтов, известных также как галлы. Начиная с 284 г. до н. э., кельты опустошали Фракию, и некоторые из их банд вторгались также в Западную Украину и Бессарабию[81]. Они оставили некоторые следы в топонимике этих регионов. Например, имя города Барлад в Молдавии происходит, по предположению Якоба Бромберга, от имени кельтского племени бритолагов (бритогаллов)[82]. Имя города Галич (Калич) в Галиции может быть так же связано с галлами (галлы), равно как само имя Галиция.

В то время как западные границы Скифии были истерзаны кельтами, ее восточная часть подверглась угрозе сарматов, которые оказывали давление с региона над Волгой. В начале третьего века до н. э. сарматы приблизились к восточным берегам реки Дон и к концу века уже пересекли Дон в западном направлении. Под давлением как с запада, так и с востока, скифы смогли удержать до начала второго века до н. э. лишь центральную часть своей бывшей империи. Теперь они сконцентрировались в степях Северной Таврии и Крымского полуострова. Их палатки близко придвинулись к греческим городам Боспорского царства. Курган Куль-Оба вблизи Керчи остается памятником этого движения скифов в глубь Тавриды.

Глава III

САРМАТО-ГОТСКАЯ ЭПОХА (200 г. до н. э. - 370 г. н. э.)

1. Выводы главы. Источники и ссылки

Давление сарматов в направлении черноморских степей приобрело инерцию в третьем веке до н. э. Это был период неспокойствия во всем восточно-иранском и сакском мире. В то время как сарматские племена начали двигаться на запад из Казахстана, парфяне восстали в Иране против греческого владычества Селевкидов (248 г. до н. э.). Это движение сарматов на запад, начавшееся в третьем веке до н. э., было ускорено в следующем столетии общей миграцией народов Средней Евразии. Гунны, побежденные китайцами, отступили на запад и вытеснили йю-ки далее на запад в Туркестан. Йю-ки, в свою очередь, вытеснили из Туркестана племена, которые до того поселились там. Все это способствовало миграции сарматов в черноморские степи. В первой половине второго века до н. э. сарматы подавили скифское сопротивление и сменили скифов как правителей Южной Руси.

Относительно этнического происхождения скифов нет общего мнения, сарматы же без всякого сомнения рассматриваются как иранцы. Подобно скифам, они были кочевым народом, коне- и скотоводами. Между их ордами существовало еще меньшее единство, нежели между скифами. Как в военной организации, так и в

тактике, сарматы значительно отличались от своих предшественников в Южной Руси. Также существовало и различие в художественных стилях этих двух народов[1]. Одновременно существенно изменилась международная ситуация. Мы уже отмечали парфянское восстание против Селевкидов. Парфяне не только были способны обрести независимость, но постепенно распространили свой контроль на Месопотамию. В следующие четыре столетия Парфянское царство должно было сыграть ведущую роль в Передней Азии. В то же время эллинистический мир подвергся угрозе с запада со стороны римлян. К началу христианской эры не только собственно греки, но также часть непобежденных Парфией народов эллинизированного Востока были вынуждены признать высшее главенство Рима. Как раз в первом веке до н. э. римские и парфянские войска столкнулись в Месопотамии, и римская пехота оказалась беспомощной перед парфянскими всадниками. С огромными трудностями удалось предотвратить парфянское вторжение на сирийское побережье. Постепенно расширялось римское владычество в регионе Черного моря. Несколько легионов были расквартированы на нижнем Дунае для противодействия атакам сарматов. Римские гарнизоны также располагались в греческих городах Крымского полуострова. Итак, вдоль широкой арки с нижнего Дуная до реки Евфрат римляне вели затяжную войну с иранцами. Одновременно римская укрепленная фронтовая линия - limes - на севере подвергалась опасности движением тевтонских племен. В конце второго века н. э. готы закрепились на римской границе и в первой половине третьего века установили свое владычество в черноморских степях. Различные сарматские племена, занимавшие этот регион до пришествия готов, были частично завоеваны, а частично выдворены.

Владычество сарматов над Южной Русью сменилось готским, а парфянская династия Аршакидов, правившая в Иране и Месопотамии, была свергнута персидским родом Сасанидов (223 г. н. э.). Таким образом могущественное влияние степных иранцев - сарматов и парфян - пришло к концу одновременно и в Черноморском регионе, и на переднем Востоке. Однако в то время как в Южной Руси готы сменили их как правителей, в Иране и Месопотамии одна иранская группа пришла на место другой. Четвертый век н. э. стал свидетелем новых важных поворотов на международной аре-

не. Император Константин основал вторую столицу своей державы на фракийском Боспоре, где на месте старого греческого города Византия был построен новый роскошный город - Константинополь (ныне Стамбул). Затем Римская империя раскололась на две части - западную и восточную. Именно Восточная или Византийская империя имеет для нас наибольшее значение. Ее императоры были заинтересованы как в черноморских берегах, так и в Леванте, и их дипломаты пристально следили за всеми важными делами в степном мире на севере и предпринимали необходимые соответствующие меры. Благодаря этому византийская дипломатия стала одним из важных факторов в истории Южной Руси.

Событием чрезвычайной важности для ее истории было вторжение гуннов около 370 г. н. э. Последствия этого вторжения будут рассмотрены в следующей главе. Здесь мы должны отметить значимость сармато-готской эпохи в целом для формирования восточных славянских племен. Именно в этот период на передний план выходит племя антов, которое, как мы предполагаем, первоначально контролировалось аланскими родами, некоторые из них стали известны как рухс ас (светлые ас). Возможно, от их имени произошло позднее имя русь.[2] В любом случае, именно с антами начинается собственно русская история.

Что же касается предшествующего времени, то история юга может быть лучше проиллюстрирована существующими источниками, нежели история севера. Главными, как и в предыдущий период, остаются археологические свидетельства. Содержание погребений сарматского периода, раскопанных археологами, не менее интересны, нежели принадлежащие к скифскому периоду. Недавно было открыто несколько замечательных курганов сарматского времени в регионе Алтая, а также в северной Монголии. Их инвентарь многое дает для понимания различных оттенков звериного стиля в искусстве кочевников. Позднее готы приняли сарматский полихромный стиль с некоторыми видоизменениями и в своем последующем движении на запад распространили его по всей Европе.

По поводу так называемых "полей погребений" славянского региона к западу от среднего Днепра: нет очевидных изменений в убранстве могил этого периода при сравнении с предыдущим. Нумизматика значительно помогла работе археологов, в особенности в датировке находок. Множество римских, парфянских, сасанид-

ских и иных монет было обнаружено в нескольких раскопанных погребениях.

Относительно эпиграфического материала можно сказать, что в дополнение к ранее существовавшим греческим надписям экспансия Римской империи на нижнем Дунае и Черном море в первом веке до н. э. и в первые два столетия н. э. дает историку значительное количество важных данных, содержащихся в латинских надписях.

Обращаясь теперь к литературным свидетельствам, мы можем сослаться на следующих греческих и латинских историков и географов, чьи работы особенно полезны для наших целей: Страбон (63 г. до н. э. - 23 г. н. э.), Плиний (23/24 - 79 г. н. э.), Тацит (около 55 - 120 г. н. э.), Птолемей (второй век н. э.) и Аммиан Марцеллин (около 330 г. н. э . - умер в конце четвертого в. н. э.) Для истории готов в Южной Руси (от второго до четвертого века) главным авторитетом является Иордан, чье повествование было написано в середине шестого века н. э., т. е. значительно позже описанных им событий. Иордан интенсивно использовал работу Кассиодора, манускрипт которой был впоследствии утерян. Как Кассиодор, так и Иордан могли найти некоторые современные свидетельства, в основном в устной традиции.

События в Центральной Азии, которые обладают значимостью для понимания причин западного движения как сарматов, так и гуннов, лучше всего прослеживаются в китайских хрониках, из которых следующие три особенно ценны для нашей цели: 1) "Шики" ("Исторические записки"), начатые в конце второго века до н. э. и законченные между 74 и 49 гг. до н. э.; 2) "Шиен Хан Шу" ("История старшей Хань"), скопированная в первом веке н. э.; 3) "Хеоу Хан Шу" ("История младшей Хань"), скопированная во второй четверти пятого века н. э. Глава каждой из этих хроник, относящаяся к "западным странам" (в основном к Туркестану), теперь доступна в русском, английском, французском и немецком переводах.

Приток исламской (как арабской, так и персидской) исторической литературы начался, разумеется, значительно позже, нежели в период, к которому относится эта глава, но некоторые важные источники информации, относящиеся к этому периоду, могут быть обнаружены в поздних работах также и арабских писателей.

Использование данных, поставляемых как сравнительной лингвистикой, так и исторической этнологией, также важно для нашей цели, в особенности для рассмотрения таких проблем как ранняя цивилизация славян и финнов и их взаимосвязь с иранцами Южной Руси.

Материал, взятый из первичных источников, еще не получил одинаковую историческую интерпретацию относительно всех аспектов периода. Существуют довольно полно изученные проблемы, например история сарматов, для которой было очень важным исследование М. И. Ростовцева. Немецкие ученые естественно уделяли много внимания истории готов. Проблема генезиса славян в основном была исследована славянскими учеными. Эталонной работой является "Slovanské Starožitnosti" ("Славянские древности") Любора Нидерле.

Что же касается цельной реконструкции истории Южной Руси в период сарматов и готов, то книга Ростовцева об иранцах и греках, приведенная выше,[3] должна быть процитирована вновь. Полезная попытка общего обзора как археологии, так и истории не только Южной Руси, но и ее северных частей была осуществлена Ю. В. Готье. В дополнение к работе, процитированной ранее,[4] мы должны упомянуть здесь "Железный век в Восточной Европе", опубликованную по-русски в 1930 г.

2. Центральная Евразия в эпоху сарматов[5]

Изначальным домом сарматов была огромная территория степей и пустынь к востоку от реки Урал и Каспийского моря. Их движение на запад было длительным процессом протяженностью в два столетия, в течение которого даже сарматские роды, направлявшиеся на запад, не полностью утеряли контакт со своими родичами на востоке. Поэтому изучение цивилизаций Туркестана и Алтая важно для лучшего понимания истории Сарматского государства в Южной Руси. Как и ранее, в сарматский период существовало определенное единство "степной культуры" Казахстана, северного Туркестана, Алтая и Монголии. Мы видели, что так называемая минусинская бронзовая культура имела параллель в Туркестане.[6] В течение третьего и второго столетий до н. э. народы

степей познакомились с железом и железными инструментами. В первом веке до н. э. и первом веке н. э. материальная культура туркестанских и монгольских кочевников демонстрирует значительный прогресс, бывший отчасти результатом роста торговли вдоль великого сухопутного пути, который вел от Китая до Средиземноморского региона. Меха экспортировались на юг из Сибири, а шелк - на восток из Китая. Железное оружие и золотые украшения шли на север из Бактрии; Алтай стал важным шахтерским центром.

Вожди кочевников аккумулировали огромные богатства, и часть драгоценностей каждого обычно погребалась вместе с ним после его смерти. Могила известного предводителя состояла из одной и более погребальных камер, поддерживаемых деревянными стенами. Такая камера вырывалась глубоко под поверхностным слоем земли, а огромный курган насыпался сверху. Множество курганов, принадлежащих к этому периоду, были вскрыты и ограблены искателями сокровищ в семнадцатом и восемнадцатом столетиях. Некоторые, однако, остались необнаруженными или лишь частично вскрытыми, в то время как другие были недавно открыты советскими археологами. Так, например, М. П. Грязнов раскопал в 1929 г. большой курган в Восточном Алтае, известный как курган Пазирик.[7] Этот курган может датироваться концом второго или началом первого столетия до н. э. Оказалось, что могила была частично ограблена вскоре после похорон, но впоследствии оставлена в покое. Она была обнаружена в этом состоянии. Вблизи могилы были найдены тела десяти коней, каждый с седлом и сбруей. Головы двух коней были покрыты масками. Одна из них, покрытая кожей, представляла голову оленя. Другая, сделанная из войлока, имела очертания грифона. Согласно мнению Грязнова, маска оленя - свидетельство в пользу теории Николая Мара, что олень использовался для езды до лошади. Сбруя коней орнаментирована головами человека и животных. Седла и покрытия украшены кожаными пластинами с изображениями дерущихся животных.

Также большой интерес представляет могильник Шиба на Среднем Алтае, раскопанный М. П. Грязновым в 1927 г.[8] Он тоже был частично разграблен, но оставшееся в нем достаточно ценно. Было найдено несколько мумифицированных тел, каждое покрыто ме-

ховой, кожаной или шелковой одеждой. Сохранились также деревянные и металлические пластины, орнаментированные в животном стиле. Среди других вещей был обнаружен китайский лаковый сосуд, который, судя по типу, может быть датирован между 86 и 48 г. до н. э.

Множество могил начала христианской эры были раскопаны в 1923 - 1925 гг. в Ноин-Ула (Монголия) экспедицией П. К. Козлова.[9] Они дают убедительные свидетельства относительно связей степных кочевников с Китаем. Китайские шелковые ткани, лаковые, золотые, нефритовые и бронзовые изделия, а также монеты были среди вещей, найденных в этих захоронениях. Среди местных вещей следует упомянуть замечательные шерстяные ковры, которые украшены мозаикой из материала шерстяного одеяла. Типичны изображения сражающихся животных, таких как лось и росомаха, як и тигр. Эти сцены сравнимы с композициями греко-скифского искусства, такими как олень и грифоны чертомлыкской вазы, *фалароном* старобельских сокровищ и т. п. Не менее интересны некоторые фрагменты шерстяной ткани, обнаруженной в Ноин-Ула. Они вышиты шерстяными нитями различного цвета; дизайн представляет людей на лошадях. Их одежда и прическа относятся к скифскому типу. Орнамент ткани относится к греческому типу. Итак, культура Ноин-Ула показывает, что культура евразийской степи находилась под влиянием как китайского, так и греческого типов.

Археологические свидетельства дают точные представления о богатстве вождей кочевников, равно как и о широком размахе их коммерческих интересов. Мы, таким образом, можем лучше понять внутреннюю историю подъема и развития государств кочевников. Накопленные в руках какого-либо способного вождя богатства увеличивали его популярность среди соседних кланов, а его участие в международной торговле прибавляло ему как дополнительное богатство, так и информацию относительно политической ситуации за пределами его собственного *улуса*. Он вступал затем на стезю военных приключений, и если его первые шаги были удачными, запускал шар дальше. Таким был тип степного империализма от ранних сарматских вождей до Аттилы и Чингиз-хана.

Обращаясь к более детализированной истории миграции кочевников в Центральной Евразии во втором веке до н. э. и далее, мы

должны начать с так называемых кочевников хьюнг-ну и их атаки на Китай. Кажется вероятным, что главная орда хьюнг-ну была тюркской, что означает, что хьюнг-ну китайских хроник были в основном того же происхождения, что и гунны, вторгшиеся в Европу в конце четвертого века н. э.; поэтому для удобства мы можем назвать хьюнг-ну "гуннами" сарматского века.

Используя несчастья Китая в конце третьего века до н. э., гунны интенсифицировали свои вторжения в собственно Китай и на прилегающие территории. Они стали особенно опасными, когда малые орды объединились под сильным руководством Модуна. В 177 г. до н. э. гунны одновременно вторглись в Китай и Кан-Су, провинцию, оккупированную тогда йю-ки.[10] Они встретили сильное сопротивление в Китае. С 202 г. до н. э. новая династия Хань контролировала территорию, и вскоре авторитет имперской власти значительно укрепился.

В то время как в связи с этим обстоятельством гунны были вытеснены из Китая, они нанесли серьезный удар йю-ки. Вторая кампания против йю-ки (около 165 г. до н. э.) была еще более удачной. В результате этой перемены государство йю-ки было сломлено, и они раскололись на две группы. Меньшая из двух, известная как малые йю-ки, двинулась на юг к Хотану. Большая группа, известная как великие йю-ки, пошла на запад. Согласно информации, собранной китайским посланником Чан-Киеном, армия великих юков насчитывала от 100000 до 200000 конных лучников. Достигнув Джунгарии, они разбили осунов и затем вытеснили саков на юг из Семиречья. Около двух десятилетий йю-ки контролировали территорию Семиречья, до тех пор как они были вновь атакованы гуннами около 140 г. до н. э. Гунны действовали от имени осунского князя, который бежал к ним, прося о защите, когда его народ был впервые побежден йю-ки. Не выдержав другую атаку гуннов, йю-ки покинули Семиречье и двинулись в юго-западном направлении к Фергане, откуда они вновь изгнали саков. Даже после первого своего столкновения с йю-ки часть саков мигрировала в Кабулистан. Оттуда саки проникли в Пенджаб в долине Инда.[11]

Тем временем йю-ки завоевали провинцию Согдиана, и их вождь разбил свою палатку на северном берегу реки Окс. Именно здесь он принял вышеупомянутого китайского посланника в 128 г. до н. э.

Бактрия стала следующей целью йю-ки. Сопротивление греко-бактрийских войск оказалось тщетным, и греко-бактрийское царство пришло к своему концу. Из Бактрии йю-ки вторглись собственно в Иран, где они столкнулись с парфянами. В то время как последние сохранили контроль над западной частью Ирана, захватчики завоевали восточные провинции. Последовательно идя по следам саков, они проникли в Пенджаб. Царство йю-ки теперь включало Бактрию, восточный Иран и Пенджаб. Оно стало известным как Индо-Скифское царство.

"Индо-Скифская" цивилизация находилась под сильным эллинистическим влиянием. Уничтожив Греко-Бактрийское царство, йю-ки ассимилировали до определенного предела эллинистическую культуру и продолжили ее традиции в искусстве и ремеслах. Что касается религии, то индо-скифские цари приняли буддизм, который тогда еще преобладал в северо-западной Индии. Так был создан новый стиль в религиозном искусстве, известный как греко-буддийский. Превратности судьбы йю-ки привлекают наше внимание не только в перспективе развития этого таинственного народа, но и в основном благодаря его тесным историческим связям с иранцами. Когда еще они жили в Кан-Су, йю-ки были связаны с иранским племенем, которое греческие авторы называли тохарами (тохары). Хотя их язык оличался от тохарского, стало обычным отождествлять их. Вслед за миграцией в Туркестан, йю-ки вновь смешались с иранцами. Некоторые исследователи предполагают, что во время их появления в восточном Туркестане они были известны как арси.[12] Это племя может быть подвергнуто сравнению с аорсы - одним из основных сарматских племен.[13] Возможно, что в то время как в результате различных миграций второго и первого столетий до н. з. основная часть аорсов сместилась на запад в регионы Волги и Дона, часть племени осталась в Туркестане. Более очевидна, однако, связь между йю-ки и другим сарматским племенем - аланами. В китайской хронике "История младшей Хань", завершенной в пятом веке н. э., сказано, что район аланов прежде именовался Антсай (Ан-тсай).[14] Провинция Антсай впервые упомянута в отчете китайского посланника Чанг-Киена в 128 г. до н. з. Она, возможно, находилась вблизи Аральского моря. Поскольку Чанг-Киен не посещал эту территорию лично, он должен был позаимствовать информацию относительно нее у

йю-ки. Я считаю, что само имя провинции Антсай - тохарское, исходящее из тохарского слова "ант", которое означает "равнина", "низина". Если это так, то и народ ант (анты) получил такое название, поскольку он жил на равнинах или в степях.[15] В таком случае имя русского племени *поляне* вероятно произошло от слова "поле".

Народ анты впервые упомянут в западных источниках римским географом Помпонием Мела, работа которого была написана около 44 г. н. э. Согласно его информации, анты жили где-то "выше" гипербореев и амазонок.[16] Плиний, который завершил "Естественную историю" в 77 г. н. э., также упоминает антов.[17] Греческие авторы этого периода не упоминают их, но мы можем предполагать, что те же люди подразумеваются греками под именем асии (Ασιοι), асэи (Ασαται) или ассэи (Ασσαται).[18] Асии могут быть отождествлены с ас ("асы" или "иясы" русских летописей), т. е. прародители осетинов. Ас были иначе известны как аланы. Итак, как мы видели, китайские хроники отождествляют аланов с антсай. Отсюда следует, что анты римских авторов и асии греческих были различными транскрипциями одного имени. Сокращение имени ант в ас может быть объяснено на базе фонетических законов греческого языка (сравните πασι и παντσι).[19] Полагаясь на авторитет донесения Чанг-Киена, мы можем предположить, что около 127 г. до н. э. анты или ас жили поблизости Аральского моря, т. е. в современном Казахстане.

Мы должны теперь обратить наше внимание в той же связи на народ осун (Ву-сун) в Джунгарии, который был завоеван йю-ки около 160 г. до н. э. По китайским хроникам, осун имел голубые глаза и светлые волосы.[20] Эти черты возможно указывают на их арийское происхождение; вероятно, они были одним из сарматских племен, может быть, другой ветвью аланов, и с этой точки зрения, китайское описание внешности осун сопоставимо с описанием аланов Аммианом Марцеллином.[21] Важно, что, согласно Страбону, существовала иная форма имени асии: асии или асианы (Ασιοιη, Ἀσιανοί).[22] Форма "асианы" кажется особенно близкой к имени осун. Ярл Шарпентье, принимая отождествление асиев с осун, отмечает, что имя ас имеет параллельную форму ос, которая была сохранена в имени осетин.[23] Поэтому ос или осун в Джунгарии должны были быть ветвью ас или антов Казахстана. Поскольку проблема достаточно запутана, в любом случае из пред-

шествующего обсуждения можно вывести одно заключение: ас или анты жили во втором веке до н. э. в Южном Казахстане и, возможно, даже в Джунгарии.

Мы должны теперь принять во внимание, что как ас из Казахстана, так и ос из Джунгарии находились в тесном контакте с йюки после вторжения последних в Туркестан. Упоминание Трога о "асианских царях тохаров" (reges Tocharorum Asiani)[24] очень значимо. Оказывается, что в это время народом йю-ки управлял аланский род. Если это так, то мы можем предположить, что позднее некоторые группы йю-ки присоединились к аланам в их движении на запад. Мы можем также предположить контакт между тохарским и аланским языками.

3. Сарматы в Южной Руси[25]

Миграция сарматов в Южную Русь не было событием такой катаклизматической силы, какими впоследствии оказались вторжения гуннов, аваров и монголов. Давление сарматов было постепенным и также постепенно скифы сдавали территорию пришельцам. Уже в третьем веке до н. э. центр Скифской империи сместился из региона Азовского моря к Днепру. Около 179 г. до н. э. сарматы, как повествовал Полибий, начали свои набеги на скифские владения в Северной Таврии.[26] Около середины второго века до н. э. произошел надлом Скифской империи. Часть скифов присоединилась к пришельцам и признала их власть. Другая двинулась на запад, пересекла нижний Дунай и оккупировала Добруджу, где продержалась относительно длительный период. Эта территория стала известна как "Малая Скифия" среди греческих и римских авторов.

Вытеснение скифов сарматами сперва болезненно затронуло жизнь людей и экономические отношения в черноморском регионе. Однако когда период борьбы закончился, сарматам удалось обеспечить мир и стабильность, восстановить торговые контакты между степными народами и греческими городами побережья. Будучи кочевым народом, подобным скифам, сарматы экономически зависели от соседних народов в поставках сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий. Поэтому, подобно ски-

фам, они особенно старались поддержать коммерческий обмен со своими соседями и защитить торговые пути. Среди сельскохозяйственных народов, контролируемых сарматами, не следует упускать из виду славянские племена в регионе Украины. В плане развития ремесла и индустрии, кроме греческих городов черноморского побережья, следует упомянуть подъем городских поселений в районе Северного Кавказа. Как мы видели,[27] некоторые сарматские вожди даже до их миграции в Южную Русь накопили чрезвычайные богатства, покровительствуя международной торговле. Межконтинентальный коммерческий путь из Китая в Туркестан был становым хребтом коммерческого империализма степных предводителей. Двигаясь к черноморским степям, сарматские вожди были теперь в состоянии связать трансконтинентальный коммерческий путь с морской торговлей региона Черного моря.

Как и в предшествующий период, черноморские греки играли важную роль в посредничестве между степными народами и средиземноморским миром. Но теперь значение бактрийских греков в транскаспийском регионе еще более возросло, не следует также упускать из виду влияние парфянского искусства.[28] В результате всего этого возникло значительное различие между скифским стилем и сарматским стилем в искусстве и ремеслах. По словам М. Ростовцева, "сарматский звериный стиль в искусстве одновременно силен и дик, высоко рафинирован и стилизирован".[29] Его основание было заложено местными художниками Центральной Евразии. Постепенно рисунок контуров животного становился все условнее, как будто бы специально предназначался для орнамента. Важной чертой сарматского стиля была его полихромия, которая достигалась при помощи широкого использования драгоценных и полудрагоценных камней для инкрустации.

В целом, сарматские древности были не столь систематически изучены, нежели скифские, и лишь теперь, в основном благодаря работам М. Ростовцева, характеристики сарматского художественного стиля и его отражение в китайском искусстве начали лучше пониматься. Беря начало на востоке, остатки сарматской культуры были недавно обнаружены в Хорезме.[30] До этого значительное количество важных сарматских захоронений были раскопаны в регионе Оренбурга, среди которых здесь следует упомянуть Прохоровку. Другая группа сарматских захоронений была обнаруже-

на в районе поволжских немцев, к востоку от средней Волги. Не менее важны сарматские захоронения в районе Северного Кавказа в бассейне Кубани. Так называемая Буерова могила на Таманском полуострове может быть отнесена к третьему веку до н. э.; находки в Сиверской, к юго-западу от Краснодара, - ко второму веку до н. э.; Зубовский могильник - к северо-западу от Армавира, один из армавирских курганов, - к первому веку либо до н. э., либо н. э.; некоторые другие могильники на берегах реки Кубань, подобные находящимся близ Тифлисской и Усть-Лабинской, - ко второму веку н. э. Курганы и могильные площадки сарматского периода были также обнаружены на Украине, как к востоку, так и к западу от Днепра. Утварь некоторых из них стилистически очень близка кубанской группе. Так обстоит дело с находкой в Селимовке в районе г. Изюм Харьковской губернии и находкой Цветна в Чигиринском районе Киевской губернии. Аналогичным образом, к сарматскому периоду принадлежат знаменитые новочеркасские сокровища с их золотой диадемой и другими ценными ювелирными изделиями. Их можно предварительно датировать первым веком н. э.

За исключением новочеркасского клада, сарматские могилы менее богаты золотыми ювелирными изделиями, нежели скифские. Другое различие между двумя периодами состоит в том, что жертвоприношение коней перестало быть популярным, поскольку ни одного полного конского скелета не было обнаружено в какой-либо из типичных сарматских могил Южной Руси. Мужские захоронения обычно отмечены присутствием в изобилии доспехов и оружия. Железные шлемы, латы, мечи, пики и железные и бронзовые наконечники стрел многочисленны, равно как и конская сбруя, включая декорированные серебряными и золотыми пластинами фалеры. Украшения, подобные ожерельям, браслетам, пластинкам и пряжкам, сделанным из серебра, а иногда из золота, также многочисленны. Большее разнообразие украшений, разумеется, встречается в женских захоронениях, включая ожерелья, браслеты, ушные кольца, нити жемчуга и застежки; характерны и золотые и серебряные флаконы для духов.

Стенные росписи в некоторых из могил, раскопанных близ Керчи, относящиеся к первому веку до н. э. и первым двум векам нашей эры, очень могут помочь в изучении сарматской культуры. По этим росписям и содержимому могил, равно как и по литера-

турным источникам, можно получить хорошее представление о сарматском образе жизни и армии. Тяжелая кавалерия составляла основное звено сарматской военной мощи. Она рекрутировалась из цвета знати. Сарматский всадник носил шлем и либо кольчугу, либо кожаные доспехи. Его основным оружием была длинная пика и длинный железный меч. Тацит замечает, что едва ли какая-либо армия могла выдержать напор сарматской кавалерии, если последней не препятствовали местность и погодные условия.[31] В дождливый день или на болотистой почве сарматские кони могли поскользнуться и упасть под тяжестью тяжело экипированных всадников. В битве основная масса тяжелой кавалерии обычно ставилась в центре строя, в то время как два фланга доверялись легкой кавалерии. Боец такого флангового эскадрона не имел тяжелых доспехов; он владел луком и стрелами вместо пики и меча. Всадники легкой кавалерии рекрутировались из того слоя, который мы можем назвать мелкой знатью или нижним слоем среднего класса сарматского общества.

В сарматской политической организации было даже меньше единства, чем в скифской. В лучшем случае мы можем думать о федерации сарматских племен, но даже эта федерация должна быть очень свободной. Миграция осуществлялась индивидуальными племенами. Первыми в черноморских степях появились язиги. За ними последовали роксоланы; затем сираки и аорсы. Аланы были последними из пришельцев. Согласно М. Ростовцеву, язиги были не сарматами, а меотийским племенем, которое было вытеснено из региона Дона на запад в результате движения сарматов.[32] Однако имена двух язигских царей, упомянутые историком Дионом Кассием (150 - 235 г. н. э.), звучат очевидно на иранский лад.[33] Поэтому мы можем предположить, что даже если язиги не были чисто сарматским племенем, их правящий клан должен был быть иранского происхождения. После пересечения степей Южной Руси в своем движении на запад язиги осели более чем на два столетия на берегу Черного моря между устьем Днестра и нижним Дунаем, в регионе грубо соотносимом с тем, что позднее стал известен как Бессарабия. В средние века этот регион назывался по-славянски Угол, что было транскрибировано по-гречески как "Ογγλοζ". Татары ссылались на него как Буджак, что является переводом славянского названия.[34] Таким образом язиги были близки области

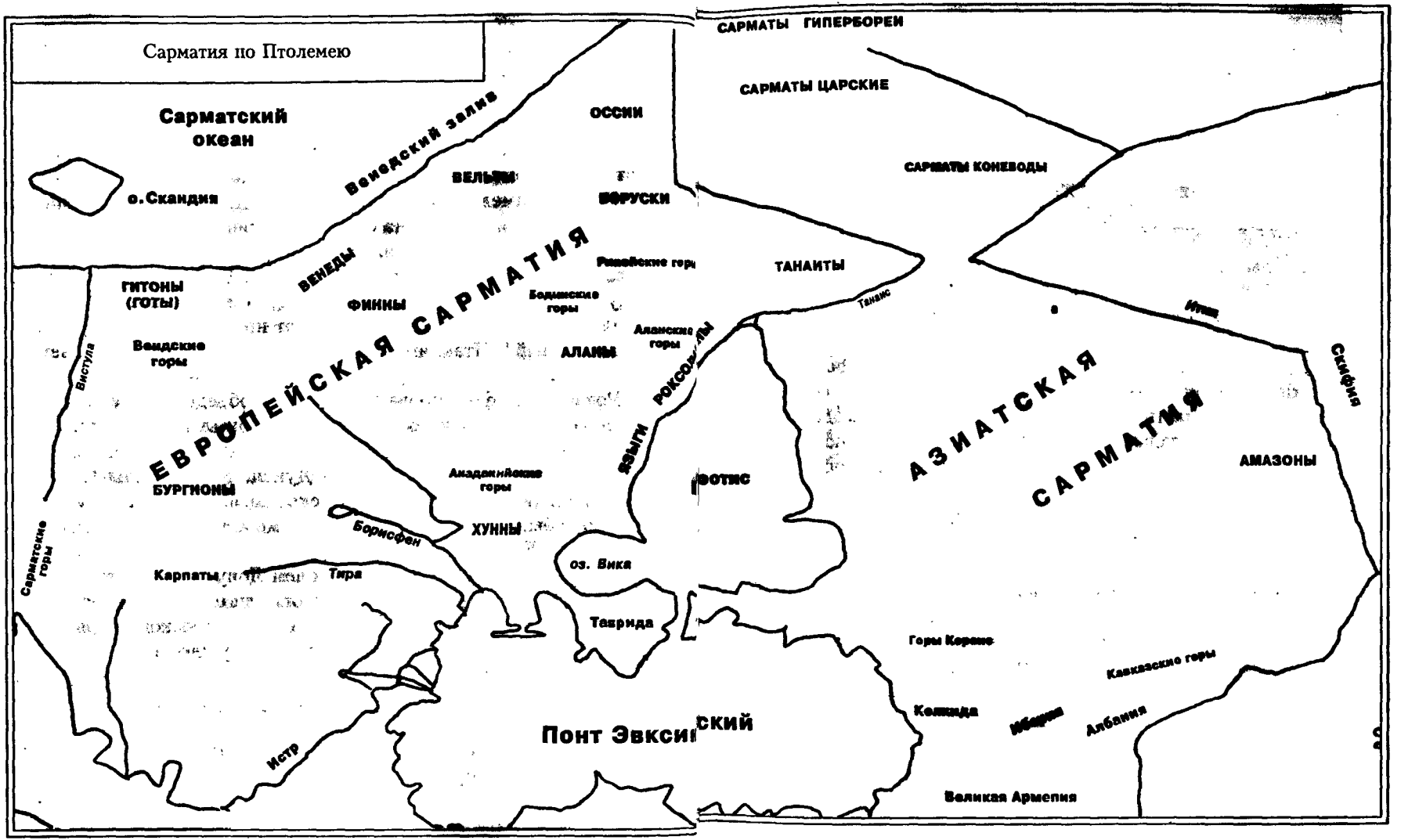
Добруджа, где осели остатки скифов после вытеснения из Южной Руси. Затем с экспансией Римской империи на Дунае язиги пришли во взаимодействие с римлянами, что может объяснить факт обнаружения нами большего количества информации в римских источниках относительно язигов, нежели относительно сарматских племен.

Римляне имели множество забот с язигами, когда оии попытались отразить их натиск на свои дунайские провинции. Во второй четверти первого века н. э. язиги двинулись к степям Паннонии между реками Тиссой и средним Дунаем. Роксоланы осели к востоку от язигов, оккупируя степи между Днепром и Доном. Первая часть имени роксоланы происходит от иранского *рукхс*, что означает "светлый". Итак, имя роксоланы очевидно означало "светлые аланы".[35]

Роксоланы сформировали некоторое объединение с язигами и поддерживали натиск последних против римлян во многих случаях. После движения язигов к среднему Дунаю роксоланы стали их наследниками в "Углу" нижнего Дуная. Мы обязаны Страбону описанием типичного облачения роксоланского воина.[36] Суждение Страбона было подтверждено недавними археологическими свидетельствами.[37]

К востоку от роксоланов на нижнем Дону жили аорсы. Их имя может быть выведено из иранского ors или uors, что означает "белый".[38] Вслед за аорсами к юго-востоку от Азовского моря расположились саки. Они расположились по окружности кубанской долины, которая была излюбленным местом синдов. Часть последних была, возможно, вытеснена к берегу моря и в горы. Оставшиеся без сомнения поклялись в верности пришельцам. К концу первого века н. э. как аорсы, так и сираки должны были признать аланов как своих правителей.

Теперь мы переходим к аланам. Как уже упоминалось, они последними появились в Южной Руси и соответственно должны были занять восточную часть территории. Приблизительно от конца первого до конца четвертого века н. э. они контролировали степную территорию по Азовскому морю от нижнего Дона до нижней Волги и до низовий Кавказских гор. Постепенно они распространились на север к региону верхнего Дона и Донца, вступая в смешанную лесостепную зону.


Сарматия по Птолемею
Сарматский океан
о. Скандия
Венедский залив
ОССИИ
ВЕЛЬТЫ
ВОРУСКИ
САРМАТЫ ГИПЕРБОРЕИ
САРМАТЫ ЦАРСКИЕ
САРМАТЫ КОНЕВОДЫ
ТАНАИТЫ
Танаис
ЕВРОПЕЙСКАЯ САРМАТИЯ
АЗИАТСКАЯ САРМАТИЯ
ГИТОНЫ (ГОТЫ)
ВЕНЕДЫ
ФИННЫ
Рифейские горы
Бодинские горы
Аланские горы
АЛАНЫ
Вендские горы
Висла
Роксоланы
Язиги
Меоты
Скифия
АМАЗОНЫ
Акадекнийские горы
БУРГИОНЫ
Борисфен
ХУННЫ
оз. Вика
Сарматские горы
Карпаты
Тира
Таврида
Горы Кораке
Кавказские горы
Колхида
Иберия
Албания
Понт Эвксинский
Истр
Великая Армения

Мы говорили,[39] что во втором и первом веках до н. э. аланы играли важную роль в политической жизни Туркестана. Кажется возможным, что некоторые из их родов остались к востоку от Каспийского моря даже после миграции основной орды в западном направлении. К концу четвертого века н. э. западные аланы все еще должны были сохранять свои восточные связи.

Аммиан Марцеллин пишет: "*Халаны... населяют бесконечные пустоши Скифии... В другой части страны (т. е. к востоку от реки Дон) ...халаны поднимаются на восток, разделенные на многочисленные и немногочисленные роды, они выдвинуты далеко е Азию и, как я слышал, живут вплоть до реки Ганг, которая протекает через территории Индии и вливается в Южный Океан*".[40]

Очевидно, что Аммиан имеет здесь в виду индо-скифское царство Йю-ки; мы должны вспомнить в данной связи, что, согласно Трогу, правящая династия йю-ки была аланской.[41] Благодаря тесным связям между аланами и йю-ки, мы можем предположить, что, в свою очередь, некоторые подразделения йю-ки проникли в Южную Русь вместе с аланами. Возможно, что некоторые аланские кланы Южной Руси были по своему происхождению из йю-ки.

Согласно Аммиану, аланы, подобно другим сарматским племенам, были типичными кочевниками: "*Они не имеют домов и не пользуются плугом, но они питаются мясом и обильно имеющимся молоком, живут в повозках, которые они покрывают закругленными тентами из коры, и едут по бескрайним пустошам*".[42] Комментарий Аммиана о появлении аланов особенно интересен во взаимосвязи с китайскими заметками о появлении осун.[43] "*Почти все халаны высоки и симпатичны, их волосы скорее светлы (crinibus mediocriter flavis), свирепостью своего взгляда они внушают страх, как бы они ни сдерживались. Они легки и активны в использовании оружия. Во всех отношениях они подобны гуннам, но в своем стиле жизни и в своих привычках они менее дики*".[44]

В религии аланов, как и иных сарматских племен, почитание иранского Бога-Всадника, опознаваемого как Ахурамазда или Митра, играло очевидно наиболее важную роль, но почитание Великой Богини скифского времени также продолжалось.[45]

Следует отметить, что с распространением власти аланов по огромным территориям их имя стало применяться не только к соб-

ственно аланам, но и к множеству племен различного происхождения, завоеванных ими. По словам Аммиана: *"Своими повторяющимися победами они постепенно сломили народы, которые встречали, и, подобно персам, инкорпорировали их под своим национальным именем"*.[46] Среди других племен, контролируемых аланами, были некоторые славянские племена, и по крайней мере одно из них, анты, приняло имя своих новых правителей: поскольку имя анты, как мы видели,[47] было именем одного из аланских племен Туркестана. После установления аланами своего владычества на Северном Кавказе они также должны были инкорпорировать некоторые из местных племен в свое государство. Так, кавказское племя осетинов, или ос, в ином звучании ас, имело возможно смешанное алано-яфетическое происхождение.

Местные племена Северокавказского региона, покоренные аланами, были знакомы с плавлением железа. Постепенно сами аланы развили значительные способности в изготовлении оружия, и эта традиция позднее поддерживалась антами.

4. Боспорское царство и греческие города на северном побережье Черного моря[48]

Беспокойный период борьбы между скифами и сарматами (третье и второе столетия до н. э.) болезненно задел жизнь греческих городов Тавриды. Медленно сдавая позиции под напором сарматов, часть скифов бежала в Тавриду, где они смешались с местным племенем тавров, с тем чтобы стать тавро-скифами. К концу второго века до н. э. тавро-скифы были вынуждены признать высшую власть сарматского племени роксоланов. Независимость Херсонеса и Пантикапея, как и греческих городов Тавриды, была теперь под серьезной угрозой.

Неспособные полагаться на свои собственные силы, греки Тавриды должны были искать помощи в других уголках. Ближайшей силой, о которой они могли думать, было Понтийское царство на южном берегу Черного моря в Малой Азии. В третьем и втором веках до н. э. это царство было лишь одним из второстепенных эллинистических государств Ближнего Востока. Его быстрое восхождение началось в конце второго века до н. э. с приходом на

трон Митридата VI (113 г. до н. э.).[49] Новый царь был человеком могучих жизненных сил и больших амбиций, ставившим своей конечной целью создание мировой монархии. Просьба о помощи тавридских греков отлично совпадала с его планами расширения своего контроля над северными берегами Черного моря с целью получения доступа к огромным ресурсам Южной России.

Митридат в конце концов был рад послать в Тавриду одного из своих лучших полководцев Диофанта с войском хорошо тренированных гоплитов, насчитывающим шесть тысяч. Было самое время остановить наступление тавро-скифов, чтобы спасти Херсонес. Тавро-скифы имели своим предводителем энергичного Палака, сына скифского царя Скилура; как сын, так и отец были вассалами роксоланов и их совместные владения тянулись от Тавриды до Ольвии. Получив известия о высадке войск Диофанта близ Херсонеса (110 г. до н. э.), Палак попросил своего сюзерена Тазия, царя роксоланов, оказать помощь. Последний послал войска в Тавриду, но они не могли воевать с гоплитами Диофанта. Война шла в холмистых районах южного Крыма, где роксоланам не хватало места для развертывания их кавалерии. Диофант не только смог отбить их атаку на Херсонес, но заставил их отступить к северу, после чего он подчинил тавров (108 г. до н. э.). Обеспечив безопасность Херсонеса, Диофант двинул свои войска к восточной части Крымского полуострова, с тем чтобы снять скифо-сарматскую угрозу с Пантикапея. Ценой за "освобождение от варваров" для Пантикапея и Херсонеса была обязанность признания царской власти Митридата. Таким путем Митридат стал царем Боспора, в то время как Херсонес, который не являлся прежде частью Боспорского царства, был теперь включен в него (106 г. до н. э.).

С установлением контроля над Тавридой Митридат был теперь вовлечен в сеть запутанных дипломатических интриг средиземноморского мира, поскольку вскоре вступил в развернутую борьбу с Римом.

Испытав многие превратности судьбы, потеряв большинство из своих владений, Митридат должен был укрепиться в Боспоре как своем последнем прибежище. Но рука Рима достигла его даже тут, и римской дипломатии удалось поддержать восстание местных жителей, ведомых его собственным сыном Фарнаком. Для старого царя единственным выходом стало самоубийство (62 г. до н. э.).

Фарнак в свою очередь был убит местным вождем Асандером, который признал Рим в качестве "властителя" Боспора. Чтобы легализировать свою власть в глазах местного общественного мнения, Асандер женился на дочери Фарнака Динамис, после чего принял царский титул (41 г. до н. э.). Период правления Асандера принес покой в бурную историю Боспорского царства.

Тем не менее, в 16 г. до н. э. начались новые невзгоды, возможно, не без интриги со стороны Рима, где растущий авторитет Асандера воспринимался с некоторым подозрением, в результате чего римская помощь была обещана соперничающему с ним вождю. Следующие годы принесли много беспокойства и изменений на троне. Неприятности были частично результатом столкновения интересов между греками, меотами и сарматами и частично порождались личными амбициями царицы Динамис, которая выходила замуж по очереди за каждого нового претендента на трон. И лишь в правление Аспурга, возможно, четвертого мужа Динамис,[50] все успокоилось.

После смерти Динамис (7 г. до н. э.) Аспург женился на фракийской принцессе. Их сын Котис (царь с 49 г. н. э.) был основателем новой боспорской династии, которая была связана как культурно, так и личностно более с фракийским и иранским, нежели с греческим миром. Жизнь при дворе боспорского монарха быстро принимала новые аспекты, и некоторые поздние боспорские монеты воспроизводят правителя в тяжелом одеянии иранского царя.[51]

Рим оказал полную поддержку как Котису, так и его последователям, поскольку контроль за северо-восточным углом Черного моря имел огромную стратегическую ценность для римских императоров. Таврида служила аванпостом, который давал им возможность, с одной стороны, следить за движением кочевников в степях Южной Руси, а, с другой стороны, защищать тыл их операций в Транскавказском регионе.

Вторжение сначала готов (в третьем веке н. э.) и затем гуннов (в четвертом веке) подорвало на некоторое время связи между Боспором и Империей, и только в век Юстиниана I (527-65 гг.) Империя (теперь известная как Византийская) была вновь в состоянии реставрировать свой контроль в Пантикапее, который затем получил новое имя Керчь.

Экономические основы Боспорского царства принадлежали тому

же типу, что и в скифские времена. Пшеница была главным продуктом. Она выращивалась как на месте, так и импортировалась из степей за Азовским морем. Зерно составляло также основной предмет экспорта. Сам царь был главным продавцом зерна. Множество более мелких продавцов имели офисы в Пантикапее. Представители местной аристократии обладали крупными земельными владениями вблизи города, где они обычно проводили лето, живя в традиционных палатках кочевников, наблюдая за полевыми работниками и находясь в готовности защитить их в случае любого вторжения с севера.

В городах жило значительное количество ремесленников, вовлеченных в различного рода деятельность. Эллинистическая цивилизация постепенно теряла опору в народе. На греческом все еще говорили, но в основном как на официальном языке. Дома его вытесняли иранские диалекты. Греческие одеяния также уступали путь иранской моде. Что касается религиозной жизни, культ Небесной Афродиты, являвшей собою Великую Богиню Малой Азии, был особенно популярен. С конца первого века н. э. стало заметно влияние иудаизма, благодаря притоку еврейских поселенцев. Христианство пришло значительно позже - около четвертого века. Формирование сильного иудаистского сообщества на Боспоре должно было иметь важные следствия в будущем, поскольку оно составляло основание для экспансии иудаизма среди хазар в восьмом и девятом веках, что мы обсудим подробнее позднее.[52]

Вся политическая структура Боспорского царства претерпела глубокие изменения. Бывшие демократические институты исчезли, оставив немногочисленные следы. Правительство "Великая Порта" приняло бюрократический характер, не отличающийся от Персидского царства или Византийской империи. Гражданская администрация была отделена от военной, и первая из них возглавлялась "Защитником царства" (ο επι της Βασιλειας) , последняя - "Предводителем тысячи" (χιλιαρχος).

Обратимся теперь к Херсонесу. Как мы видели, в конце второго века до н. э. Херсонес вместе с Пантикапеем признал власть Митридата IV. Позднее был установлен римский контроль над всей Тавридой, и Херсонес получил "хартию свободы" от Рима, которая означала, что он стал автономным по отношению к Боспорскому царству (24 г. до н. э.).

Именно Рим теперь принял на себя защиту Херсонеса от его врагов. Когда в течение первого века н. э. давление кочевников стало угрожающим, римский полководец из дунайских провинций пришел на помощь Херсонесу (62 г. н. э.). Город стал отдельно стоящим римским укреплением и римский флот использовал его порт как базу для своих галер.

Под римским протекторатом экономическая жизнь Херсонеса, в основном сельское хозяйство, удачно развивалась. Период второго и третьего столетий н. э. отличался сдержанным, но постоянным прогрессом. Потрясения четвертого и пятого столетий ограничивали экономическую экспансию и делали особо важной задачу обороны. Мы увидим далее, что город смог адаптироваться к новым политическим условиям и поддержать свой авторитет еще на несколько столетий.

Раннее проникновение христианства стало наиболее важным фактором духовной жизни населения. Херсонес использовался римской администрацией в ходе ее борьбы с христианством как место ссылки некоторых выдающихся христианских лидеров, и к моменту эдикта императора Константина, гарантирующего признание христианской церкви (312 г. н. э.) в городе уже существовала сильная христианская община.

В то время как Херсонес и Боспорское царство оказались способными сохранить свою самостоятельность в течение сарматского периода, Ольвия была менее удачлива. Около 50 г. н. э. город разграбили геты - фракийское племя. Позже он был восстановлен и признал авторитет Рима, войдя в римскую провинцию Нижняя Мезия (конец II века н. э.). Готы вновь разграбили его в III веке. При таких условиях неудивительно, что город так и не смог обрести процветание скифского времени.

5. Наследство иранской эпохи в русской истории

Иранский период обладал фундаментальной значимостью для последующего развития русской цивилизации. Неуничтожимые следы иранского влияния все еще существуют на карте России, поскольку во множестве случаев географические названия, в особенности в Южной Руси, происходят из иранского языка. Мы так-

же находим производные от иранского в языках как славян, так и финнов в различной хозяйственной и земледельческой терминологии. Более того, как мы увидим,[53] именно иранцы заложили основание политической организации восточных славян.

Искусство Древней Руси было также пропитано иранскими мотивами. В русском народном (крестьянском) искусстве и ремеслах иранские традиции сохранились почти до наших дней.

Кроме непосредственных контактов со славянами и с финнами, иранцы, занимавшие степи Южной Руси, служили также связующим звеном между греческой и персидской цивилизациями, с одной стороны, и народами Центральной и Северной Руси - с другой.

Благодаря условиям коммерческого обмена, установленного через Боспорское царство, объекты как парфянского, так и сасанидского происхождения нашли свой путь на север по реке Волге, что объясняет, например, факт того, что так много серебряных блюд греко-бактрийского и сасанидского производства были обнаружены в регионе Южного Урала.[54]

Рассмотрим топонимические следы, оставленные иранцами на Руси.[55] Характерно в этой связи имя реки Дон. *Дон* означает "вода", "река" по-осетински (dan по-староирански). Название Дунай производно от того же корня. Аналогичным образом, первая часть имени Днепр и Днестр производны от корня don. Согласно Плинию, скифы называли реку Танаис (Донец - Дон) "Син".[56] Это - другое иранское слово для понятия "река". А. И. Соболевский предполагает, что имя Цна (Сна) производно от "Син". Существует несколько рек, именуемых Цна: приток Волги, приток Мсты, два притока Днепра и приток Вислы. Название Тор, приток Донца, должно быть производно от иранского корня tur, "ехать". Русский глагол протурить ("прогнать", "отгонять") происходит от того же корня. Это также один из компонентов имени Трубеж, река-приток Днепра. Старое имя Днестра - Тирас (Τύρας в греческой транскрипции) принадлежит к той же группе. Название Стыр, притока Припяти, может быть сравнено с осетинским styr ("великий", "сильный"). В другом диалекте оно становится khtyr, сравни Ахтырка Харьковской губернии. Имя реки Халан, притока Оскола, который в свою очередь является притоком Донца, отражает племенное имя аланов (халаны в написании Аммиана Мар-

целлина). Параллельное племенное имя Ас- было сохранено во многих местных наименованиях Южной Руси, как будет показано позже.[57]

Древнее наименование города Судак в Крыму, Сугдея, производно от иранского прилагательного sugda ("чистый", "освященный").[58] Возможно, что название рос (иначе русь) также произошло в иранский период. Река Волга названа Рос (Ρως) анонимным греческим автором географического трактата, скопированного в V веке н. э.[59] Некоторые арабские и персидские авторы девятого и десятого веков н. э. называют Дон "Русской рекой" (nahr ar-Rusiya).[60] Согласно Нарбуту, Оскол, приток Донца, был известен в древние времена как Рос.[61] Один из притоков Днепра называется Рос даже теперь. В русской географии семнадцатого века, в так называемой "Книге великого очертания" ("Книга большому чертежу") упоминается Руза, приток Сейма.[62] Кажется возможным, что название Рша (Орша) также связано с именем Рос: Орша, приток Днепра; Рша, в древнем Черниговском княжестве; Рша, приток Сулы. В качестве специальной группы могут быть упомянуты реки с именами Рос или Русь. По Нарбуту, средняя часть реки Неман была в древние времена известна как Рос; также правый рукав нижнего Немана. Приток Наревы и приток Шескзупа также названы Рос.[63]

Источник имени рос или русь точно не установлен. Некоторые исследователи-лингвисты выводят его из предположительного арийского ronsa, означающего "жидкость", "вода".[64] Отсюда предположительно и русское слово роса. Лично я склоняюсь к другому объяснению имени. Как мы видели,[65] сарматские племена аорсы и роксоланы распространились уже во втором веке до н. э. по территории Волги, Дона, Донца и Днепра. Имена этих племен могут быть выведены из иранских слов ors или uors ("белый") и rukhs ("светлый"). Возможно, некоторые реки в районе распространения этих племен должны были стать известны под племенными именами поселенцев. Однако возможность двойного происхождения этих имен не следует упускать из виду. Иранское племенное имя могло быть рационализировано местными славянами с помощью их собственного языка (рос от роса). Двойное происхождение определенных имен и терминов часто встречается в фольклоре различных народов, и в особенности в русском фольклоре. Ни

роксоланы, ни аорсы не могли достигнуть столь далеких краев как Неман и Висла, но могли существовать некоторые торговые отношения между народом рос верхнего Донца и бассейном нижнего Днепра, с одной стороны, и бассейном Вислы - с другой, что и могло привести к распространению имени рос на север. Но скорее всего имена, подобные рос и русь, появились в северном регионе в более поздний период готов или даже варягов.

От следов иранской культуры, обнаруженной в топонимике, обратимся теперь к словарю.[66] Множество русских и украинских слов, например, *хата* ("дом"), *шаровары* ("широкие штаны"), *топор, собака* были заимствованы из иранского. По моему мнению, также из иранского может быть выведено древнерусское *смерд* ("человек низшего класса", "крестьянин"), сравни иранское mard ("человек"). Мы ранее упомянули,[67] что некоторые подразделения йю-ки (тохаров) могли проникнуть в Южную Русь вместе с аланами. В этой связи следует вспомнить, что русский словарь обладает по крайней мере одним словом, очевидно позаимствованным из тохарского, а именно - слон, сравните с тохарским клон.[68]

Зависимость русского словаря от определенных иранских и возможно тохарских корней интересна не только с точки зрения лингвистики, но и возможностью проследить пути культурного прогресса. Из вышеприведенных примеров очевидно, что культурное наследие иранского периода демонстрирует себя в различных аспектах жизни ранних славян и ру́си, что находит выражение в словах, отображающих жилье (*хата*), одежду (*шаровары*), инструменты (*топор*), домашних животных (*собака*), социальную организацию (*смерд*). Мы можем предположить, что таким же образом через иранцев Древняя Русь познакомилась с ближневосточными мерами длины и веса.[69] Меры веса, общие для всего Ближнего Востока в сарматский период базировались на вавилонских стандартах, и существует тесная связь между древней русской и вавилонской системами веса. Так, древнерусская "большая *гривенка*", позднее известная как русский фунт, соответствует вавилонской мине, а русский *пуд* вавилонскому таланту.

Древнерусские меры длины эквивалентны так называемой филетерической шкале, которая была принята в эллинистическом Пергамском царстве в Малой Азии в третьем веке до н. э. Пергамские меры начинаются с "пальца" (0,5 русского *вершка*). "Шаг"

пергамской шкалы равен русскому *аршину*. Русская *сажень* соответствует пергамскому "пруту". За распространением римского контроля над Ближним Востоком пергамские меры длины были в определенной степени скоординированы с римской шкалой, и таким образом пергамская "миля" была установлена как состоящая из 1000 шагов. Интересно отметить в данной связи, что в Новое время русская *верста* включает 500 *саженей*, древняя же русская *верста* равнялась 1000 *саженей*.

Давайте теперь обратимся к традиции иранского периода в отражении русского народного искусства. Проблема очень сложна. Не может быть сомнений, что некоторые стандарты этого народного искусства, подобные вышиванию, демонстрируют разительное сходство с иранскими мотивами; однако нам следует иметь в виду, что иранские мотивы могли проникнуть в русское народное искусство в более поздний период через некоторые опосредующие стандарты, западные или восточные. Косвенные связи в развитии русского народного искусства еще не достаточно хорошо изучены.

Одновременно, однако, мы можем предположить, что основания русского народного искусства были заложены в течение иранского периода. Возьмем, к примеру, глиняные игрушки русского крестьянского искусства.[70] Основными предметами изображения являются: женщина, конь (а также некоторые другие животные - бык, олень, коза, медведь) и птица. Мужчина изображается очень редко и лишь как дополнение к коню. Репертуар сюжетов - очевидно незападный. Это может быть объяснено как наследие дохристианских времен, более точно - периода иранского контроля над славянами. Конь, бык, коза и медведь - все они играли важную роль в ритуалах и мифологии древних славян. Птица имела особое значение для иранской мифологии.[71]

Особая роль женщины как сюжета древнерусских игрушек также должна найти объяснение через обращение к древнему ирано-алано-дианскому культу Богини Матери, или же Великой Богини.[72] Почитание женских божеств скифами упоминается Геродотом.[73] Характерно, что глиняные фигурки, похожие на более поздние русские игрушки, были найдены в некоторых древних киевских местах захоронения (*городищах*). Среди предметов изображения этих фигурок важную роль играют женщина, конь и птица. Места захоронений, о которых идет речь, датируются от шестого до три-

надцатого века н. э. Схожие фигурки были найдены на месте захоронения Гнездова в Смоленске, относящегося к седьмому - десятому векам.[74] Некоторые из этих фигурок - как одна птица, найденная в Топорке в регионе верхней Волги, - были без сомнения использованы в языческих ритуалах и церемониях, возможно как символическая жертва. Другие могли использоваться как амулеты.

Образ Великой Матери иранских времен - также ведущий мотив древнерусской вышивки.[75] Женщина на этих вышивках всегда изображалась стоящей в центре картины, всегда глядя на зрителя в характерной парфянской манере. В верхней части типичной картины обычно помещаются два символа свастики, очевидно представляя солнце и луну. Кони, которые обычно вышиты по обе стороны от женщины, также имеют явно символический смысл, поскольку под их копытами имеются обычно знаки свастики. В некоторых случаях вместо коней изображены олени; иногда встречаются олень или пантера. Подобные вышивки составляют интересные параллели определенным объектам скифского и сарматского искусства. Здесь могут быть упомянуты знаменитая золотая пластина тиары кургана Карагодеуашх, равно как и фрагменты рога для питья - rhyton - из кубанского региона.[76] Дакские пластинки для голосования второго и третьего века н. э. также интересны в этом отношении.[77]

6. Западные и северные соседи сарматов

С вторжением сарматов часть населения черноморских степей иранского происхождения значительно увеличилась. Однако этническая композиция местного населения не претерпела полного изменения. Именно на скифов пришелся основной удар. Но даже они не были все изгнаны или уничтожены; как мы видели, часть из них получила разрешение остаться в Тавриде после признания власти роксоланов. Взяв у сарматов власть над местными племенами Южной Руси, сарматы не имели намерения уничтожить их. Часть этих племен должна была уйти в менее плодородные регионы, освобождая место пришельцам; другие, напротив, воспользовались дезинтеграцией скифского царства, чтобы получить луч-

шие земли. Через некоторое время был установлен определенный баланс племен, который был опрокинут лишь позднее нашествием готов.

Среди названий племен Сарматии, упомянутых современными им латинскими и греческими авторами, мы можем найти некоторые известные со времен Геродота. Тождественны ли сами племена с теми, что упомянуты Геродотом, трудно сказать, поскольку во многих случаях авторы третьего или четвертого века н. э. использовали имена древних историков для сохранения классической традиции. Однако в дополнение к племенным именам, упомянутым Геродотом, в исторической и географической литературе сарматского периода появляются новые имена.

В своей известной книге о Германии, написанной в 98 г. н. э., Тацит упоминает три племени как расположенные "между германцами и сарматами", а именно: певкины (иначе - бастарны), венеды и фенны.[78] Сам Тацит не уверен, следует ли классифицировать эти племена как германские или сарматские. В случае бастарнов он склонен рассматривать их как германцев, что совпадает также с мнением современных ученых. В случае венедов он также указывает на черты их жизни, которые сближают их более с германцами, нежели с сарматами. Венеды, отмечает Тацит, строят дома, используют щиты, двигаются кругом пешком; все это отлично от привычек сарматов, которые живут в палатках и на лошадях. Сегодня принято, что венеды Тацита могут рассматриваться как славяне. Согласно Тациту, они жили между певкинами и феннами. Последние без сомнения должны быть отождествлены с финнами. Согласно Тациту, финны были чрезмерно дики и бедны. Хотя он знал о финнах лишь по слухам, его замечания, что финские наконечники стрел сделаны из кости, а не из железа, подтверждается археологическими свидетельствами, показывающими, что его информаторы были вполне надежны.

Для беглого обозрения и племен "между германцами и сарматами", которое будет проведено, мы можем использовать план Тацита: т. е. начать с региона нижнего Дуная, затем обратиться к Западной Руси и наконец к финскому северу.

Регион нижнего Дуная со второго века до н. э. контролировался германским племенем бастарнов, которые властвовали над соседними фракийскими племенами. Среди последних лишь геты и

даки обладали определенной степенью автономии. Около 50 г. до н. э. геты, как мы уже упоминали,[79] вторглись в Ольвию. Когда Римская империя расширила свои границы до Балканского полуострова, римляне столкнулись с проблемой защиты берегов Дуная от набегов германцев, даков и сарматов. В течение первого века н. э. они защищались. В конце этого столетия, однако, вследствие постоянных вторжений даков, император Траян решил послать войска за Дунай для уничтожения сил противника на их базах. Две кампании (101-2 и 105-6 гг. н. э.) оказались достаточными для уничтожения сопротивления даков, и Дакия стала римской провинцией. В дополнение к римским гарнизонам, размещенным как стратегические точки, в новой провинции разместились крестьяне-колонисты. В результате латинский язык начал быстро распространяться среди населения Дакии, как это было в Испании и Галлии при схожих обстоятельствах. Именно к римской колонизации на Балканах во втором и третьем веках н. э. относятся истоки румынского языка.

Дакия оставалась римской провинцией менее, чем два столетия. Уже в 174 г. император Марк Аврелий должен был допустить германское племя вандалов в северо-западную часть Дакии и дать им землю. В середине третьего века Дакия стала объектом многочисленных вторжений готов и гепидов. В 268 г. император Проб решил оставить провинцию и начал эвакуацию, передвинув сто тысяч бастарнов во Фракию. Наследник Проба Аврелиан приказал римским войскам вернуться назад на южный берег Дуная, который стал вновь границей империи. Отступление армии подало сигнал к исходу римских колонистов, большинство которых также двинулись во Фракию.

От народов региона нижнего Дуная обратимся, следуя за Тацитом, к племенам бассейна Вислы: венедам или венетам. Они без сомнения были славянами; мы можем точно идентифицировать их как западную ветвь славян. Регион, оккупированный венедами в первом и втором веках н. э., может быть определен как Галиция, Волынь и Малая Польша. Согласно Иордану, который писал в шестом веке, "многочисленный род венетов" жил на северных склонах Карпатских гор, у истоков реки Вислы; они занимали большое пространство земель".[80] Как народы, близкие к венетам, Иордан упоминает склавенов и антов. Эти два народа представляют

восточную ветвь славян и будут рассмотрены позднее.[81] С археологической точки зрения, территория венедов должна быть связана с регионом полей погребальных урн.

К северо-востоку от венедов Иордан помещает эстов,[82] народ балтийского (литовского) происхождения, который не нужно смешивать с эстами - финским племенем. Среди финнов Иордан упоминает тиудов (*чудь* в древнерусском), меренс (русское *меря*) и морденс (русское *мордва*).[83] Границы экспансии различных племен северо-запада были смещены миграцией готов.[84] В первом веке н. э. готы, шедшие из Скандинавии, осели в бассейне нижней Вислы. Они упоминались попеременно Плинием[85], Тацитом[86] и Птолемеем[87], и их вторжение в область нижней Вислы должно было вылиться в миграции местных племен. Часть эстов очевидно должна была двигаться дальше на восток. Во второй половине второго века н. э. готы двинулись далее на юг, в днепровский и черноморский регион. Их марш должен был побеспокоить дополнительные части как венедов, так и балтов.

В середине четвертого века готский король Германарих (около 350-70 гг. н. э.) попытался завоевать большинство племен Центральной и Северной России. Среди подчиненных народов Иордан отмечает трн вышеупомянутых финских племени (тиуды, меренс и морденс), равно как и эстов, венедов, склавенов и антов. Не в состоянии противостоять атаке Германариха, венеды и склавены отступили дальше на север. Возможно, в этот момент племя склавенов мигрировало от региона среднего Днепра вверх по реке Днепр, с тем чтобы в конце концов осесть вокруг озера Ильмень.[88] В результате этого северного марша склавенов балты были разделены на две части: западную, между Полотском и Рижским заливом и восточную, расположенную в регионе верхней Оки. Племя галиндов, известное в русских летописях двенадцатого века как голиады, должно рассматриваться как остатки восточной части балтов.[89]

7. Восточные славяне в сарматский период

В предыдущих параграфах мы предложили краткий обзор западных и северных соседей сарматов в порядке, упомянутом Тацитом. Мы рассматривали западную ветвь славян, известных Та-

циту как венеды. Ни одно другое славянское племя не упоминается им, поскольку места их обитания, с его точки зрения, были в границах самой Сарматии, и он сознательно не отделяет этих племен от сарматов. Однако, учитывая наши цели, именно восточные славянские племена должны целиком завладеть нашим вниманием.

Готский историк Иордан упоминает три основных группы славян, называя их венетами, склавенами и антами соответственно.[90] Он также добавляет, что индивидуальные славянские племена и роды также известны под различными другими именами. Другой историк шестого века Прокопий Кесарийский был заинтересован славянами лишь в силу их контакта с Византией. По этой причине Прокопий опускает имя венедов и говорит лишь о склавенах и антах (antae). По свидетельству автора, склавены и анты первоначально носили общее имя - споры. Прокопий выводит это из греческого корня σπορ, который означает "разбрасывание" (ср. "диаспора").[91] Объяснение вряд ли является верным, но имя заслуживает внимания. "Споры" может быть сравнено с именем сполы или спалы, народ черноморских степей, упомянутый Иорданом;[92] Плинием имя дано как спалеи.[93] Согласно Плинию, спалеи жили в бассейне реки Танаис (Донец - Дон). Имя притока Донца, Аскола, кажется отражающим имя людей, упомянутых как Плинием, так и Иорданом (Оскол или Оспол).[94] Как повествует Иордан, готы атаковали спалов после пересечения большой реки, предположительно Днепра.[95] Двигаясь на восток от региона Киева, готы затем должны были достичь оскольского и донецкого регионов, и именно таким образом в регионе Оскола они должны были встретить спалов.

Мы должны теперь принять во внимание, что Прокопий помещает племена восточной части антов "над" утигурами, т. е. к северу от Азовского моря, предположительно в районе Донца - Дона.[96] Итак, восточная ветвь антов жила в шестом веке где-то в регионе, в котором готы встретили спалов во втором веке. Очевидное заключение состоит в том, что восточные анты были по крайней мере топографически наследниками спалов. Существует также интересная лингвистическая параллель между именами спалы и анты в отношении их семасиологии. Славянское слово *исполин* ("гигант") должно быть выведено из имени сполы.[97] С другой стороны, старое англо-саксонское слово etna ("гигант") кажется метате-

зисом имени enta (анты).[98] Возможно, что под спалами, или гигантами, донецкие славяне подразумевали аланское племя, которое занимало бассейн Донца в первом веке н. э. и установило свой контроль над местными жителями.[99] Мы можем вспомнить в данной связи, что в мингрельском языке слово *алан* означает "сильный", "храбрый",[100] что близко славянскому *исполин* ("гигант"). Имя аланского клана сполы, или спалы, могло позднее применяться к местным славянским племенам, контролируемым аланами. Таким путем может быть объяснена информация Прокопия, что славяне были изначально известны как споры.

Обратимся теперь к антам. Мы видели,[101] что это была иная форма имени ас, или аланов. В то время как Плиний и Помпоний Мела (первый век н. э.) упоминают антов, Птолемей (второй век н. э.) передает имя как Ασιοι, а Стефан Византийский (пятый век н. э.) как Ἀσσατοι. Мы можем предположить, что анты, или ас, пришли в регион Азова во время общей миграции аланов в первом и втором веках н. э. Позднее они были известны русским летописцам как асы или ясы (современные осетины). Асы также упоминаются многими средневековыми путешественниками, среди других Рубруком.[102] Поскольку ас или аланы рано распространились также по Тавриде, неудивительно, что мы встречаем имя антас на одной из керченских надписей третьего века н. э.[103] Мы теперь вспоминаем заявление Аммиана Марцеллина, что аланы вобрали в себя народы, которых они завоевали, под собственным национальным именем.[104] Итак, группа славян, побежденная ас, могла получить имя своих новых правителей. Мы можем таким образом объяснить, почему во времена Иордана и Прокопия имя анты применялось ко всей восточной ветви славян.

Тот факт, что Иордан и Прокопий говорят об антах (или Antae) скорее, нежели об ас, может быть также объяснено, если мы вспомним форму "антас" керченской надписи. Трансформация Ἀζ в Ἀντεζ находится в полном соответствии с фонетическими законами греческого языка, ср. γιγαζ, множественное число γιγαντεζ. Следует отметить, что в современном греческом из множественного числа γιγατεζ было сформировано новое единственное: γιγανταζ. Аналогичным образом, из первоначального Ἀζ сначала могло быть сформировано множественное число Ἀντεζ, а затем вторичное производное, единственное число Ανταζ. Итак,

анты должны рассматриваться как славянское племя, контролируемое аланским кланом ас. Иными словами, анты были асо-славянами. Во времена Прокопия они были разделены на две ветви: восточную, в регионе Донца; и западную, в Бессарабии. Иордан знает лишь западных антов. Согласно его информации, они жили в изгибе черноморского побережья между Днестром и Дунаем.[106] Именно в этом месте готы атаковали антов около 376 г.[107] Мы можем предположить, что они поселились там задолго до атаки готов.

В анналах лангобардов седьмого века, для которых использовались без сомнения некоторые более древние предания, упоминается страна Антаиб, через которую лангобарды должны были пройти на пути от Балтики до Паннонии.[108] Предполагали, что имя Антаиб должно быть объяснено как Земля антов.[109] Ссылка на Антаиб, однако, не совсем ясна. Лангобарды едва ли когда-либо достигали нижнего Днепра или южного Буга. Однако трудно опровергнуть предположение, что во время их пребывания в Трансильвании они могли начать переговоры с антами и послать к ним гонца. Подобное взаимодействие между лангобардами и антами могло иметь место в любое время между концом второго и началом четвертого века н. э. Итак, если мы хоть как-то доверяем традиции лангобардов, мы можем предположить, что анты, или скорее их западная ветвь, поселились в регионе Буга не позднее, чем в третьем веке н. э. и, возможно, раньше. По моему мнению, поселение антов в регионе Буга может быть отнесено к периоду аланской миграции, т. е. ко второму веку н. э.

Две группы антов, как было ранее упомянуто, были, возможно, в древности более тесно взаимосвязаны. Западная или бугская группа занимала регион между Днепром и Бугом, в то время как донецкая группа поселилась в регионе между Днепром и Донцом. Две группы, возможно, объединялись в районе порогов Днепра. Готское вторжение, пополам разрезая две группы антов, обособило их друг от друга, но позднее они вновь сошлись.[111] Насколько мы знаем,[112] один из родов иранских антов или ас был известен как светлые ас (рухс-ас). Позднее славянские племена, подчиненные роду рухс, могли принять это имя. В перечне племен, покоренных Германарихом,[113] мы находим имя Рокаса (Рогаса). Это, возможно, другая транскрипция имени Рухс-ас (Рок-Ас). Другое

племя, упомянутое Иорданом и могущее относится к проблеме, - это росомоны.[114] Согласно Иордану, росомоны восстали против Германариха вскоре после вторжения гуннов. Возможно, что имя в описании Иордана, если оно не искажено устной традицией, является другой формой произношения имени роксоланы.[115] Изначально *рухс* могло на некоторых местных диалектах звучать как *рос*, *росс* или *русь*, в свете чего могут быть поняты источники греческого ρως и славянского русь.

Давайте теперь обратимся к склавенам. Если анты жили в регионах Донца и Буга, а венеды в регионе верхней Вислы, то можно предположить, что склавены первоначально занимали территорию между ними: т. е. территорию между Карпатскими горами и средним Днепром, по преимуществу в районе Киева. Часть склавенов, как мы видели, под давлением Германариха двинулась на север и в итоге обосновалась вокруг озера Ильмень. Большинство склавенов должно было остаться, однако, в их старых местах обитания, будучи подчиненными готам, а позднее гуннам. К концу V века они начали свое движение на нижний Дунай.

Два других племени, которые, возможно, также были славянского происхождения, - навары и бораны - жили в регионе Азовского моря. Птолемей (второй век н. э.) зафиксировал город Навар (Ναύαρσ) в бассейне реки Каркинит,[116] которая, возможно, может быть отождествлена либо с Утлюк или Токмак в северной Таврии.[117] Согласно В. Ф. Миллеру, имя Навар происходит от иранского nau (лодка);[118] следовательно, мы можем заключить, что навары были кораблестроителями и моряками. Поскольку ни иранцы, ни тюрки никогда не выказывали склонностей к операциям торгового флота или навигации, навары могут скорее рассматриваться как славяне, нежели как иранцы или тюрки. Бораны упоминаются в некоторых источниках готского периода (третий век н. э.) как смелые моряки.[119] Они жили где-то в регионе нижнего Дона. Имя звучит по-славянски - *боран*, произносимое сегодня *баран*, означает по-русски название животного. Интересно, что Плутарх упоминает холм Бриксава на реке Танаис (Донец - Дон) и комментирует, что это имя означает "лоб барана" на местном языке.[120] Согласно В. Ф. Миллеру, имя Бриксава является иранским, означая "рог барана".[121]

8. Некоторые данные о славянской цивилизации в сарматский период

Мы сказали, что материальная культура древних людей может быть наилучшим образом изучена в свете археологических свидетельств. В случае древних славян трудность состоит в том, что наша информация столь редка и туманна, в особенности это относится к скифскому периоду. Даже для сарматского периода сложно точно локализировать на карте различные славянские племена, упомянутые в источниках, и трудно поэтому отличать славянские древности от принадлежащих другим народам. Проблема особенно запутанна, когда речь заходит о пограничной зоне между лесом и степями, и даже в большей степени относительно степной зоны.

В западной части украинской пограничной лесостепной зоны так называемая культура погребальных урн, которая берет начало в скифский период, продолжала сохраняться также и в сарматский период. Римские монеты второго века, обнаруженные в Киевском регионе, указывают на развитие коммерческих связей между правобережной Украиной и Дакией. Рассмотрение инвентаря поселений (*городищ*) Киевского, Черниговского и Полтавского регионов показывает, что люди этого ареала были земледельцами, как и в предшествующий период.[122] Поскольку культура этих поселений в определенной мере отличается по своей природе от западноукраинских "полей погребальных урн", мы можем предположить существование двух различных племен или групп племен, оба из которых, возможно, имеют славянское происхождение и являются земледельцами, одно жило к западу от Киева, а другое - к востоку. Первое было под влиянием западнославянской, германской и романской культуры, в то время как последнее было сильно затронуто иранской цивилизацией. Лингвистические свидетельства могут использоваться в дополнение к археологическим данным. Как мы видели у Тацита, славяне в противоположность сарматам "строят дома" (domes figunt).[123] Тип славянского дома в степной зоне отличался от подобного ему в лесной зоне. В степи это была рамочная структура, облепленная глиной (украинская *хата*). В лесной зоне это было бревенчатое строение (русская *изба*). В то время как слово *хата* имеет иранское происхождение,[124] *изба*, согласно некоторым исследователям-лингвистам, происходит от

немецкого слова Stube. Более вероятно, однако, что *изба* является чисто славянским словом, будучи сокращением слова *истопка* ("обогреваемый дом", "дом с плитой").[125]

С тем чтобы проиллюстрировать более полно данными лингвистики жизнь восточных славян в древности, необходима осторожность при выборе из русского и украинского словарей слов, которые действительно стары. Наиболее безопасный путь - это, разумеется, рассмотрение лишь слов, которые общи всем славянским языкам, поскольку они должны были появиться в наиболее древний период славянской истории.[126] Далее приводится перечень таких слов, относящихся к различным аспектам личной и общественной жизни.

1. Строения и домашняя мебель: *дом, изба, клеть, стол, лавка.*

2. Еда и напитки, столовые приборы: *хлеб, мясо, мука, дрожжи, тесто, пиво, мед, квас, чаша, нож, ложка.*

3. Сельское хозяйство: *орати* (украинское и древнерусское "пахать"), *рало* (плуг), *коса, серп, борона, воз, колесо, сеять, семя, рожь, жито* (по-украински "рожь", по-чешски "пшеница"), *овес, просо, лен, конопля.*

4. Сад и овощи: *огород* ("сад" по-древнерусски, "место для посадки овощей"), *овощ* ("фруктовый плод" по-древнерусски, "овощи"), *яблоня, груша, слива, орех, горох, лук, репа.*

5. Животноводство и молочные изделия, птица: *бык, вол, корова, теля* ("телка"), *конь, боран* ("баран"), *овца, вепрь, порося* ("свинья"), *руно, волна* ("шерсть"), *молоко, сыр, масло, гусь, кура* ("курица"), *утка, яйцо.*

6. Пчеловодство: *пчела, борт* ("улей"), *мед, воск.*

7. Охота и рыболовство: *лев* (древнерусское обозначение "охоты"), *лук, стрела, бобр, куница, волк, олень, рыба, уда, невод, окунь, лосось, щука, угорь.*

8. Металлы и кузнечное дело, оружие: *золото, серебро, медь, железо, ковать, молот, меч, копье, секира* ("топор", по-русски в особенности "боевой топор"), *щит.*

9. Ремесло и торговля: *ткать, пряжа, полотно, гончар, торг* ("рынок"), *мера, локоть* (мера длины).

10. Социальная организация; типы поселения: *правда* ("справедливость", "истина"), *закон, власть, род, племя, войско, село, город.*

Все слова в вышеприведенном перечне должны были присутствовать в славянском словаре в сармато-готский период, если не ранее. Они интересуют нас здесь не с лингвистической точки зрения, а благодаря их связям с историей восточных славян. Словарь народа отражает его культуру. Вышеприведенные слова составляют многие термины раннеславянского земледелия, технологии и социальных институтов. Они могут помочь нам лучше понять эволюцию народной жизни.

Теперь мы должны сравнить лингвистические и археологические данные. Как мы видели,[127] древние поселения и погребальные места украинской лесо-степной и степной зоны, многочисленные сельскохозяйственные инструменты, предметы домашней мебели, катушки и т. д. были обнаружены вместе с зерном и костями домашних животных. Соединяя это с лингвистическими свидетельствами, мы приходим к заключению, что культура восточных славян должна была достичь в сарматский период относительно высокого уровня.

Восточнославянские искусства и ремесла были под очевидным иранским влиянием.[128] Существование таких древнеславянских слов как *гудба* ("музыка"), *гусли, бубны* ("тамбурины") является свидетельством музыкальных пристрастий народа. Существует характерное повествование в хронике Теофилакта (начало седьмого века), которое демонстрирует, что византийцы считали славян высокомузыкальными людьми.[129] Фиксируя события одного из дунайских походов императора Маврикия, хронист упоминает о наружности трех славянских посланцев, приехавших из далекой страны. Посланцы сказали Маврикию, что их народ безразличен по отношению к войне и оружию и лишь наслаждается игрой на цитре.

Что же касается религии древних славян, то она была описана Прокопием в следующих словах:

"Они веруют, что один бог, создатель молнии, является сам хозяином всех вещей, и они приносят ему скот и другие возможные жертвы; что же касается Судьбы, то они не знают ее и не признают мудрым образом, что она обладает какой-либо властью над людьми, но когда смерть находится близко к ним, пораженные болезнью или начинающие войну, они обещают в случае благополучного исхода, что сразу же принесут жертву богу в обмен на жизнь; и если они получают избавление, они жертвуют

именно обещанное ими и полагают, что их безопасность была куплена этой жертвой. Они поклоняются, однако, рекам, нимфам и некоторым иным духам, и они также приносят им жертвы, и они делают предсказания в связи с этими жертвами".[130]

Первоначальный слой славянской религиозности предположительно состоял в почитании родовых предков и сил природы.[131] Почитание предка (*пращура*) оставило след в присказке, теперь используемой детьми в некоторых играх "*чур меня*" ("да поможет мне мой предок"). Что же касается почитания природных сил, русский фольклор дает богатые свидетельства для подтверждения информации Прокопия, что древние славяне почитали реки. Почитание молнии, также упомянутое Прокопием, было в особенности развито, и бог грома Перун упоминается в русских летописях. Религиозные верования восточнославянских племен должны были подвергнуться значительному влиянию аларо-дианских и иранских культов. Почитание Великой Матери уже упоминалось.[132] Почитание мифической птицы (или же птицы-собаки) Сенмурв, игравшей важную роль в иранской космологии, [133] было очевидно также широко распространено. Согласно тексту Пахлави, Сенмурв был первобытной птицей, функция которой состояла в охране "Древа Семян" и распылении сухих семян по воде, с тем чтобы они могли возвратиться в землю с дождем. В определенном смысле Сенмурв была гением или божеством плодородия. Существует рисунок Сенмурв на пластине, найденной в кургане Семи Братьев (*Семибратный*) в регионе Тамани.[134] Воспроизводимое существо имеет тело собаки, пару крыльев и две головы - одну собаки, а другую лебедя. В воспроизведениях Сенмурв сасанидского периода она похожа более на крылатую собаку, нежели на птицу. Для этого периода нет свидетельств почитания Сенмурв среди протославян, но мы можем предположить его по аналогии из существования такого почитания в позднее время.

В то время как Перун был мужским богом, похожим на тевтонского Тора, Великая Мать, конечно же, была женщиной-богиней. Следует помнить в данной связи, что социальная организация некоторых досарматских племен азовского региона, подобных савроматам, принадлежала матриархальному типу.[135] Не были ли некоторые из восточных протославянских племен первоначально организованы по матриархальному типу? Следы матриархальных

обычаев могут быть обнаружены в русском фольклоре, в особенности в некоторых *былинах*, равно как и в киевском своде законов, известном как "Русская Правда".[136]

9. Готы на Украине[137]

В первом веке н. э. готы жили на балтийском побережье в устье реки Висла.[138] С течением времени население выросло, а земля не давала достаточно пищи. Во второй половине второго века н. э. большинство племенных вождей решили, что их народ должен двинуться на юг в поисках более плодородной земли.[139] Одно племя гепидов, однако, предпочло остаться в родных местах. Гепиды мигрировали на юг лишь позднее, в третьем веке н. э., когда они поселились в северной Дакии.[140] Иордан описывает трудности готов, встреченные в пути при пересечении топей и болот,[141] которые могут быть идентифицированы как находящиеся в бассейне Припяти. Наконечник копья с рунической надписью, найденный близ Ковеля, может рассматриваться как памятник этого движения готов.[142] Через некоторое время после пересечения топей они приблизились к широкой реке. Согласно Иордану, в это время они были уже в Скифии, в местности, которую они называли Ойум.[143] Ф. Браун предполагает, что это имя производно от готского слова Aujom, "водная страна".[144] Однако Л. Шмидт предложил другое объяснение имени. Он сравнивает "Ойум" с немецким Aue, что означает "луг", "поле".[145] Имя "Ойум" может таким образом означать "степная страна". "Широкая река", упомянутая Иорданом, должна быть Днепром. Степная зона начинается на правом берегу Днепра к югу от Киева. Итак, кажется вероятным, что готы достигли Днепра близ Киева.

Если следовать повествованию Иордана, то готы начали пересекать реку (т. е. Днепр у Киева) через мост, но прежде чем все они успешно совершили переход, мост надломился, и таким образом они были разделены на две группы. В то время как часть их осталась на правом берегу Днепра, те, что уже пересекли реку, поспешили далее на восток и атаковали племя спалов,[146] которые, как мы уже видели,[147] должны были жить в регионе верховья реки Донец. После победы над спалами готы повернули на юг к Азов-

скому морю и затем вторглись в Тавриду. Часть из них в конечном итоге пересекла Киммерийский Боспор (Керченский пролив) и проникла к устью реки Кубань на кавказском побережье Черного моря. Что же касается группы готов, которая осталась на правом берегу Днепра, она впоследствии двинулась вниз по Днепру к Черному морю и распространилась на запад по побережью, в конце концов достигнув устья Дуная. К середине третьего века готы контролировали все северное побережье Черного моря.

Следует упомянуть в данной связи, что за готами следовало в их движении от Балтийского моря к Черному другое тевтонское племя - герулы.[148] Герулы, возможно значительно менее многочисленное племя, нежели готы, поселились в регионе нижнего Дона, захватив древнюю греческую колонию Танаис в его устье. Еще одно тевтонское племя бургундов упоминается в некоторых источниках как живущее близ герулов.[149] В действительности лишь малый отряд бургундов мигрировал к Азовскому морю, в то время как большая часть племени поселилась в средине третьего века по берегу реки Майн в западной части Германии.

Готы первоначально не создали какого-либо централизованного государства в Южной Руси, каждое племя было самодостаточным. Готское племя, которое поселилось в Бессарабии, было известно как тервинги (лесные люди, ср. русские древляне) или вестготы. Тайфалы остались далее на запад, в Малой Валлахии. Гревтунги (степные люди, ср. русские поляне), также известные как остготы, были сильнейшим племенем среди восточных готов. Тавридская группа готов позднее стала известна как трапезитские готы[150] с Крымской горы Чатыр-даг, которая имеет очертание стола (trapeze по-гречески). К середине третьего века н. э. готы уже терроризировали римские владения к югу от Дуная. В 251 г. император Деций выступил против них, но его армия была окружена силами врага и сам он погиб в сражении. Во второй половине третьего века готы освоили море, и их морские экспедиции нанесли даже больший вред балканским и эгейским провинциям Римской империи, чем наземные грабительские операции.

В то время как от готов (как скандинавской нации) можно было ожидать живучести в крови мореходных традиций, следует отметить, что инициатива в серии морских экспедиций третьего столетия на Черном море принадлежала не готам, а боранам.[151] В 256 г.

множество малых судов боранов, плывущих от устья Дона, пересекло Азовское море и появилось в Керченском проливе. Боспорские власти поспешили заключить дружественное соглашение с боранами и снабдили их морскими судами. Флотилия боранов затем проплыла вдоль кавказского побережья Черного моря и атаковала Питиунт (современную Пицунду). Однако атака была неудачной. В следующем году бораны опять двинулись по морю, на сей раз усиленные поддержкой готов. Союзники первоначально приблизились к Фасису (близ Поти), где они попытались ограбить храм Артемиды, но были отброшены. Затем они повернули к Питиунту и на этот раз преуспели в его взятии; они также захватили множество судов в порту Питиунта, усилив ими свою флотилию. Потом они направились к Трапезунду, который взяли внезапной ночной атакой. Несчастный город был полностью разграблен, а бораны и готы вернулись домой на кораблях, тяжело нагруженных трофеями и пленниками.[152]

Новость о набеге на Трапезунд быстро разнеслась среди готов - как восточных, так и западных. Их группа, контролировавшая устье Днестра, теперь решила создать собственный флот. Зимой 257-58 гг. для них были построены корабли пленниками и местными работниками в Тире (Аккерман). Весной 258 г. днестровская флотилия готов спустилась к Черному морю и направилась вдоль западного побережья. Их армия одновременно двинулась вперед по суше. Миновав Томы и Анхиал, готская флотилия вошла в залив Филеат к северо-западу от Византия. Сухопутные силы пришли в ту же точку. Захватив все доступные лодки местных рыбаков, вся компания получила возможность сесть на корабли. Умноженная флотилия вошла в Боспор и разграбила множество прибрежных городов, среди них были Халкедон, Никея, Никомедия.[153] В своих последующих морских экспедициях 262 и 264 гг. западные готы подвергли нападению побережье Фракии, Вифинии и Каппадокии.[154] В 267 г. восточные готы вновь отправились в морскую экспедицию, в этот раз совместно с герулами. Для этой экспедиции были построены пятьсот лодок в устье Дона. Герулы и готы пересекли Черное море, прорвались через Боспор, насмотря на попытку римских охранных судов остановить их, разграбили Кизикус, равно как и острова Лемнос и Скирос, а затем атаковали Афины и Коринф. Под предводительством Дексиппа, выдающего-

ся историка того времени, афиняне предложили отчаянную попытку отразить захватчиков. Однако последние отплыли домой с большими трофеями.[155] Успех экспедиции побудил днестровских готов к новым действиям. В течение всей зимы 267 - 268 гг. днестровские кораблестроители были заняты постройкой лодок. Согласно Зосиме, шесть тысяч были построены, что, возможно, является завышенным числом; однако лодки могли быть маленькими.[156] Были предприняты как морские рейды, так и наземные походы. Мужчины различных племен, как, например, герулы, остготы, визиготы, гепиды и кельты или "келтионы", приняли участие в экспедиции. В так называемой "Пасхальной хронике" седьмого века находим замечание, что келтионы тождественны спорадам,[157] и мы знаем, что под спорами или спорадами Прокопий подразумевал славян.[158] Соответственно мы можем подразумевать, что славяне также приняли участие в экспедиции. Флотилия легко прорвалась через Боспор и Дарданеллы и напала на Салоники и полуостров Атос. Армия была менее удачлива, потерпев поражение при Наиссе (Niš) от войск императора Клавдия.

В то время как именно инициатива боранов побудила готов и герулов к строительству их черноморского флота, организацией своей армии готы были обязаны сарматам, с которыми они были в тесной связи. Хотя готы вытолкнули основное количество роксоланов и некоторые другие сарматские племена из западной части черноморских степей, часть этих сарматских племен осталась на месте и признала сюзеренитет готов, как сделали и восточнославянские племена. Отношения между готами и аланами были в целом дружественными. Лишь во время агрессивной политики Германариха аланский род рухс взбунтовался. Хотя первоначально готы воевали пешими, но после своей миграции в Южную Русь они должны были приучиться к верховой езде, поскольку лишь всадники имели какие-либо шансы в степной войне. Готская кавалерия состояла из людей высших классов, а простые люди продолжали пополнять пехоту. Кавалерия была организована по сарматскому типу с точки зрения как тактики, так и вооружения, за исключением того, что готы не использовали длинное сарматское копье. Готские застежки на поясе были сарматского стиля. Готское искусство и ремесло в целом демонстрировало большее и большее сходство с сарматскими стандартами.

Условия жизни в степях постепенно затронули также социальную организацию готов. Первоначально их организация была схожа с существовавшей у тевтонских племен. Люди принадлежали к трем классам: свободные, полусвободные и рабы. Лишь первая группа представляла нацию политически. Вооруженные свободные граждане каждого племени или рода составляли племенное собрание, которое выбирало вождей племени, известных как герцоги, судьи или *конунги*. Благодаря формированию кавалерийских подразделений, класс свободных был теперь разделен на две части: всадники и пешие. Поскольку значимость кавалерии в готской армии быстро возрастала, всадники рассматривали себя как цвет нации. Таким образом аристократический социальный режим постепенно вытеснял старый демократический стиль жизни. Все высшие должности в армии и администрации были заполнены всадниками. Следующим шагом было получение ими прав на землю от герцога. Итак, среди готов появилась земельная аристократия, постепенно обретая феодально выглядящую власть над крестьянским населением. Ситуация местного населения, а среди него славян, должна была выглядеть ненадежной.

С точки зрения духовной культуры готов, их обращение в христианство в течение третьего и четвертого столетий обладало чрезвычайным значением. Оказывается, что азовские и крымские готы были первыми затронуты христианством, с учениями которого они ознакомились при помощи кавказских и трапезундских греков, взятых в плен в течение рейдов 256-57 гг. В результате видим, что христианские миссионеры, которые рискнули проповедовать среди готов, пришли из Малой Азии и Иерусалима, а не из Константинополя. В конце третьего и в начале четвертого столетий христианство начало также распространяться среди вестготов. Готский епископ Теофил принял участие в Первом Экуменическом Соборе в Никее в 325 г. Его приход был, возможно, в Бессарабии.[159] Следующим епископом вестготов был знаменитый Ульфила или Вульфила (311-86), который перевел Новый Завет на готский. В последующей борьбе между ортодоксами и арианами Ульфила примкнул к арианам, и соответственно арианство стало деноминацией вестготов.[160] Что же касается крымских готов, то они остались верными ортодоксии.

Готы были среди первых германских племен, обратившихся к христианству, и поскольку они получили свою новую веру от гре-

ков, их терминология в церковных делах подверглась влиянию греков. Позднее готская церковная терминология была принята другими германскими племенами, и в немецком все еще существуют несколько церковных терминов, отражающих свое греческое происхождение. Таковы, например, немецкие Kirche ("церковь") от греческого ("дом Бога"), Bischoff ("епископ"), Pfaffe ("папа", "священник"), Pfingsten ("Пятидесятница") и т. д.[161]

В середине четвертого века восточные готские племена сформировали сильную Федерацию, возглавляемую одним из племенных вождей Германарихом, которого избрали королем остготов (около 350-70 г.). После консолидации власти над восточными готскими племенами Германарих начал подчинять неготские народы, некоторые из них были под контролем готов. Аммиан Марцеллин характеризует Германариха следующим образом: "*...наиболее воинственный монарх, вызывающий испуг соседних наций, благодаря своим многочисленным и различным доблестям*".[162] Согласно Иордану, первая кампания Германариха была против герулов, тевтонского племени, поселившегося в регионе Азова. Их герцог был убит в битве, и народ принял Германариха в качестве правителя.[163] Через некоторое время, возможно около 362 г., Германарих должен был победить то, что осталось от Боспорского царства на Керченском проливе. Усилив свою власть на юго-востоке, Германарих обратился на северо-запад, предпринимая кампанию против венедов. С тем чтобы проникнуть в землю венедов - в регион верхней Вислы - остготы должны были пересечь либо землю склавенов (регион Киева), либо землю антов (регион Южного Буга). Иордан говорит, что как склавены, так и анты признали власть Германариха.[165] Часть склавенов в связи с этим должна была мигрировать на север.[166]

Война против венедов закончилась победой Германариха. Венеды были плохо вооружены и могли полагаться только на свое численное превосходство, отмечает Иордан.[167] Венеды были завоеваны без особых трудностей, после чего аэсты (балты) также признали Германариха как своего сюзерена. Королевство Германариха теперь простиралось от Черного моря до Балтийского. Иордан предлагает следующий перечень племен, признающих сюзеренитет остготского короля: гольтескифы, тиуды, инаунксы, васинабронки, меренс, морденс, имнискары, роги, тадзанс, атоулы, наве-

го, бубегены и колды.[168] Из этого перечня мы уже идентифицировали[169] тиудов как чудь русских летописей, меренс как меря, морденс как мордву и рогов (рокас) как рухс-ас. Первые три были финскими племенами, последнее - алано-славянским. Навего были, возможно, иранцами или ирано-славянами; их имя может быть выведено из иранского nava "новый", сравни осетинское naeuaeg.[170] "Инаунксы" - очевидно не этническое имя, а определение "тиудов"; васинаброки могут быть идентифицированы как весь русских летописей.[171]

В то время как некоторые славянские племена сначала были завоеваны Германарихом, другие были подчинены готами задолго до этого. Говоря в целом, тесная взаимосвязь между готами и славянами в Южной Руси длилась около двух столетий, от конца второго до последней четверти четвертого. Не удивительно, что слова готского происхождения появились в славянском языке и наоборот. Следующие славянские слова рассматриваются как имеющие готское происхождение:[172] ***князь***, от готского ***Kuni*** ("старейшина клана"); ***пениази*** ("деньги"), от готского ***pannings***; ***полк*** ("вооруженные люди, подразделение"), от готского ***volk***; ***шлем***, от готского ***hilms***. С другой стороны, готское ***meki*** ("меч") может быть выведено из анто-славянского ***меч***. Соответствующее немецкое слово - Schwert. Антские мечи упоминаются в "Беовульфе".[173] Также характерно, что многие готские короли и принцессы имели имена, которые звучат скорее по-славянски, нежели по-тевтонски.[174] Так, наследник Германариха звался Витимир; его внук был назван Видимер. Имя брата Видимера было Валамир (ср. славянское имя Велемир). Позднее тот же процесс славянизации личных имен применялся к скандинавским правителям Руси (девятого и последующих столетий). Первые варяжские князья носили скандинавские имена, такие как Рюрик, Олег, Игорь. Сын Игоря, однако, принял славянское имя Святослав (правил 964-72 гг.).

Глава IV

ГУННО-АНТСКИЙ ПЕРИОД (370 - 558 гг.)

1. Предварительные замечания

Вторжение гуннов, которое, как и миграция сарматов в предыдущий период, было обусловлено этническими сдвигами в средней Евразии, имело далеко идущие исторические последствия для дальнейшего развития как западной Евразии, так и собственно Европы. Именно гунны начали "великое переселение народов" (Volkerwanderung), как оно было названо. Аланы были первыми, испытавшими последствия гуннского натиска, а за ними вскоре последовали герулы, бургунды и готы. Отступление этих народов перед наступающими гуннами вылилось в свою очередь в движение других германских племен с их собственных мест, и поскольку все они в то или иное время надвинулись на границы Римской империи, последние оказались вогнутыми или даже разорванными в некоторых местах. Некоторые германцы были допущены в границы империи мирно на условии, что они помогут охранять имперские границы от иных "варварских" племен, надвигавшихся с востока или севера. В других случаях они силой проложили себе дорогу в римские провинции. Как те, кто пришли в качестве союзников императора, так и те, кто пришли как его враги, одинаково провозгласили контроль над оккупированными ими провинциями. Некоторое время каждое племя казалось находя-

щимся в постоянном движении, надвигаясь далее и далее на юг и запад. Вестготы и аланы, расположившись по дунайской границе, вторглись сначала в южную Галлию и затем в Испанию, откуда аланы в конечном счете проникли в Африку и поселились в округе древнего Карфагена.

Следуя по стопам германцев, гунны расположились в Паннонии на среднем Дунае. Кампании Аттилы ударили как по Риму, так и по германцам. В этом водовороте большинство западных провинций Римской империи были постепенно поглощены различными германскими племенами, и в конце концов герул Одоакр захватил контроль над самим Римом (476 г.). И теперь новый Рим, т. е. Константинополь, стал столицей империи, или же того, что от нее осталось. Фактически выжила лишь восточная часть, и из латинской она изменилась в греко-византийскую. Но на многие столетия вперед Константинополь все же сохранил свой престиж как имперский город - по-славянски Царьград.

Международное значение гуннского вторжения отчасти определялось далеко идущими изменениями в положении анто-славянских племен. Уничтожив могущество остготов, гунны предотвратили возможность германизации анто-славян в Южной Руси. Более того, остатки иранских племен в Южной Руси также были ослаблены. Значительная часть аланов двинулась на запад, следуя исходу готов. В результате роль иранского элемента в жизни ас или антских племен уменьшилась, в то время как славянское влияние возросло. Эпоха гуннского вторжения является, таким образом, в определенном смысле периодом освобождения восточных славян не только от готского, но также и от иранского контроля. Привлекая славянские подразделения в свою армию и используя их как вспомогательные во время своих кампаний, гунны научили военному духу анто-славян.

После смерти Аттилы (453 г.) Гуннская империя раскололась на несколько *улусов*. Из Паннонии ее орды теперь распространились на восток к черноморским и азовским степям, где они постепенно стали известны как булгары. С ослаблением гуннского могущества славянские племена - как анты, так и склавены - появились в качестве независимой силы. В шестом веке славяне оказывали давление на дунайскую границу Римской (теперь Византийской) империи. Банды славян проникали не только во Фракию и

Иллирию, но и в собственно Грецию. Таким путем начался обмен между славянами и греко-римским миром; сперва он был враждебным, но со временем стал вполне дружественным.

Славянские подразделения были включены в имперскую армию, и время от времени славянские вожди занимали в ней ведущие посты. Так начался процесс постепенной славянизации Византийской империи, в то время как в Бессарабии и на Украине первое славянское государство антов находилось в стадии формирования. Подъем Антского государства, начиная с 558 г., оказался под угрозой вторжения новой кочевой орды, также пришедшей из Центральной Евразии, - аваров. Византийская дипломатия сразу же попыталась использовать аварских пришельцев как союзников Империи против гунно-булгар и славян. Замысел удался, но лишь ненадолго, поскольку вскоре авары направили свое оружие против самой Империи.

Нужно упомянуть хотя бы наиболее важные источники этого периода. Любой перечень современных исторических сочинений должен открываться именем Аммиана Марцеллина (330 - ок. 400 гг.), офицера римской армии, который участвовал во многих восточных кампаниях и был хорошо знаком с описываемыми им событиями. По рождению он был сирийским греком, но писал по латыни. Гуннское вторжение описывается им в XXXI книге его "Истории". Среди греческих авторов пятого века должны быть отмечены Зосима и Приск. Зосима написал "Современную историю", покрывающую период от 270 г. до 410 г. Он жил в Константинополе, занимая важную должность в финансовой администрации и был хорошо знаком с политикой правительства Восточной Римской империи. Приск - адвокат и профессор философии, уроженец Пании во Фракии. Он был секретарем сенатора Максимина в ходе его дипломатической миссии к Аттиле в 448 г. и написал ценное повествование о ней, из которого, однако, известны лишь детали. Двумя выдающимися людьми среди историков шестого века являются Иордан, которого мы уже встречали,[1] и Прокопий Кессарийский (род. в конце пятого века, умер после 560 г.). Подобно Аммиану Марцеллину, Прокопий лично принимал участие в большинстве описанных им военных кампаний. Он занимал важную должность начальника канцелярии византийского главнокомандующего Велизария. По рождению Прокопий был палестинским гре-

ком, а по характеру - двуликим левантийцем. Он возвеличивал Юстиниана в своей книге "О строениях" и порочил того же императора в своей "Тайной истории", которая, разумеется, не распространялась до смерти императора. Однако в главной своей работе "История войн Юстиниана" Прокопий гораздо более объективен и его описание основных событий детализировано и аккуратно. В целом Прокопий был великим историком, и его работа особенно ценна для нашей цели, поскольку он был первым автором, передающим более или менее адекватные данные о славянах. Другая важная работа в этом отношении - "Учебник военного искусства" ("Стратегикон") конца шестого века, написанный Маврикием, которого некоторые ученые были склонны отождествлять с императором Маврикием (582 - 602 гг.). Он был в любом случае написан в царствование Маврикия. Автор учебника естественно заинтересован методами ведения войны потенциальных врагов Империи, среди которых были анты и склавены.

Достоверным источником по истории событий первой части шестого века является хроника комеса Марцеллина (не следует путать с Аммианом Марцеллином), написанная на латыни в первые годы правления Юстиниана. Не будет лишним упомянуть в данной связи, что вплоть до правления Маврикия латинский был официальным языком имперской администрации. Марцеллин был секретарем Юстиниана до его восхождения на трон, и таким образом имел плодотворную возможность использовать официальные документы для своей хроники. Краткие замечания Марцеллина поэтому куда более важны, нежели любое длинное повествование менее информированного автора.

Хроника Иоанна Малала, антиохийского грека, писавшего между 528 и 540 гг., - совершенно иное по своей природе. Малала означает "оратор" (ритор) по-сирийски, но судя по стилю и по неудачной организации содержания книги, кажется непохожим, что ее автор был действительно *риторoм*, т. е. профессором красноречия. Гораздо более вероятно, что он был малоэрудированным монахом. Он предлагает популярный очерк мировой истории со времен творения. С точки зрения изучающего византийскую литературу, хроника Малала имеет особую ценность, поскольку является одной из первых работ в этой литературной традиции, написанной на народном диалекте вместо классического греческого.

Лишь последняя часть хроники интересна для нас, поскольку фиксирует некоторые современные автору события. Работа Малала сохранилась в сокращенной форме, но текст может быть реконструирован до определенной степени с помощью раннего славянского перевода такового, равно как и из цитат поздних византийских авторов.

В дополнение к греческим и латинским историческим трудам, не следует упускать из виду значимость сирийской литературы. Хроника Иоанна Эфесского (шестой век) содержит ценные, хотя и краткие замечания о славянском вторжении на Балканский полуостров. Оригинал этой хроники не был целиком сохранен, но некоторые из ее утерянных частей могут быть реставрированы из позднего исторического компендиума - хроники Михаила, якобитского патриарха Антиохии (двенадцатое столетие). Другая сирийская работа, достойная упоминания, - "История церкви", приписываемая Захарии Ритору и написанная около 555 г., содержит выдержки в сирийской транскрипции с греческой хроники епископа Захарии Митиленского, созданной около 518 г. Греческий оригинал утерян.

Что же касается археологических свидетельств, то значительный материал по данному периоду удалось раскопать на юге России, но он не был удовлетворительно классифицирован. Лишь недавно были предприняты попытки отделить древности антов от накопленного материала погребального инвентаря и других находок этого периода.

Не все события гунно-антского периода были изучены в современной исторической литературе с одинаковым вниманием. До недавнего периода история Южной Руси интерпретировалась лишь поскольку ее изучение казалось важным для истории Византийской империи или германских племен. Хотя знаменитая книга Эдуарда Гиббона (1737-94) "Упадок и падение Римской империи" естественно устарела, она не была заменена какой-либо общей работой такой же широты и охвата. Среди более новой литературы должны быть упомянуты прежде всего общие очерки византийской истории А. А. Васильева и Г. Острогорского. Более детальную информацию читатель может почерпнуть в ценных работах И. А. Кулаковского и Д. Б. Бёри. Книга Джозефа Маркварта "Восточноевропейские и восточноазиатские набеги" (1903) все еще

сохраняет свое особое значение для истории хазар, булгар, мадьяр и т. д. Существуют два недавних очерка истории кочевых империй, один по-французски написан Р. Груссе, другой по-английски - У. Макговерном.

Именно Д. И. Иловайский был первым, признавшим важность гуннского периода с точки зрения изучающего русскую историю.[2] Он, однако, излишне упростил дело, отождествляя гуннов со славянами. Значимость антского фона для русской истории была удачно акцентирована Д. Одинцом в его маленькой книге о истоках восточнославянского государства.[3] Недавно большое внимание в советских публикациях было уделено антам. Среди соответствующих исследований особенно ценна статья Б. А. Рыбакова об антах (1939). Наконец, можно упомянуть здесь собственные работы автора об антах, опубликованные в 1938 и 1939 гг.

2. Гуннское вторжение и гото-антская война

Мы уже рассматривали роль гуннов в истории Китая и средней Евразии в их борьбе с йю-ки.[4] При династии Хань (202 г. до н. э. - 220 г. н. э.) росло могущество Китая, и гунны страдали от суровых изменений. В течение первого века н. э. китайцы завоевали восточный Туркестан и стали защищать караванный путь от Китая до Средиземного моря, который был чрезвычайно важен для торговли шелком. Под давлением китайских армий орды гуннов отступили на север и запад. Одна из них остановилась в регионе озера Балхаш. И лишь во второй половине третьего века н. э., когда несчастья начались для самого Китая, гунны стали вновь храбрее и возобновили свои атаки на древнюю империю.

В начале четвертого века н. э., после серии поражений, нанесенных гуннами китайским войскам, китайское правительство было вынуждено разрешить части их войти в границы Китайской империи; эти гунны были приняты как вспомогательные подразделения и поселились в приграничном районе, подобно тому как определенные германские и сарматские племена играли ту же роль на границах Римской империи. Однако в середине четвертого века гунны были в свою очередь атакованы с северо-востока племенами предположительно маньчжурского происхождения, которых ки-

тайские хроники называют сиен-пи и жен-жен (жуан-жуан). Кажется, что именно давление этих племен в конечном итоге вылилось в движение гуннов на запад. Самая восточная гуннская орда, отступая перед маньчжурами, вытолкнула соседнюю орду на запад, а шок в конечном итоге передался балхашской орде. Часть балхашской орды мигрировала в Туркестан, где они стали известны как эфалитские гунны.[5] Главная орда рванулась далее на запад, двигаясь по северным берегам Каспийского моря, и в конечном итоге проникла в регион нижней Волги. Не позднее 360 г. н. э. гунны пересекли Волгу и атаковали аланов.

Существует разноголосица мнений относительно этнического состава гуннской орды.[6] Некоторые ученые считали их монголами (Паллас, Бергман, Баер, Нойман, Ховорт); другие - уграми (Ст.-Мартин, Клапрот, П.П. Семенов); еще одна группа - славянами (Забелин, Иловайский, Флоринский); и некоторые - тюрками (Куник, Вамбери, Радлов, Аристов). Более или менее общепринятым считается мнение, по которому орда гуннов тюркского происхождения; к ней, однако, присоединились также угры и монголы, а на последних этапах ее движения она включала также некоторые иранские и славянские племена.

Гунны были кочевым народом. Аммиан Марцеллин говорит: "*Никто в их стране никогда не вспахивал поля или не дотрагивался до рукояти плуга. У них у всех нет постоянного дома, очага или оседлого типа жизни, и они скитаются с места на место, как беженцы, сопровождаемые фургонами, в которых они живут; в фургонах их жены ткут для них их отвратительные одежды, в фургонах они спят со своими мужьями, вынашивают детей и воспитывают их до зрелого возраста. Никто из потомков в ответ на вопрос не скажет вам, откуда он, поскольку был зачат в одном месте, родился вдалеке от него и взращен еще далее от него*".[7]

Относительно гуннских воинов комментарий Аммиана таков: "*Они почти приклеены к своим коням, которые, это правда, отважны, но уродливы, и иногда они сидят на них, подобно женщинам, и таким образом делают повседневные дела. На своих конях днем и ночью каждый из этой нации покупает и продает, ест и пьет, и склонившись над узкой шеей животного, предается такому глубокому сну, в котором видит множество снов....*[8] *Они*

столь отважны в жизни, что не нуждаются ни в огне, ни во вкусной пище, а едят коренья диких растений и полусырое мясо любых животных, которое кладут между своими бедрами и спинами собственных коней и таким образом немного согревают...[9] *Они воюют на расстоянии с метательными снарядами, имеющими заостренную кость вместо обычных (т. е. металлических) наконечников, с чудесным мастерством присоединенных к древку, они также галопируют по местности и сражаются в боевом столкновении мечами, не задумываясь о своих собственных жизнях; и в то время как враги пытаются уберечься от ранений саблей, они кидают арканы из завязанных узлами полос материи на своих противников и вяжут их".*[10]

Из описаний Аммиана мы можем предположить, что он в основном обращается к монгольским соединениям гуннской орды. Монгольский тип лица казался столь странным грекам и римлянам, что они верили, что его черты были результатом хирургической операции, проведенной на щеках каждого гуннского ребенка. *"...Щеки детей глубоко избороздила сталь от самого рождения, с тем чтобы рост волос, когда они появляются в должное время, контролировался морщинами-шрамами, они взрослеют без бород и без какой-либо красоты, подобно евнухам".*[11] Аполинарий Сидонский, автор пятого века, делает схожие замечания.[12]

Теперь обратимся к истории гуннского вторжения. Мы сказали, что аланы первыми испытали главный удар гуннской атаки. Они были не в состоянии его выдержать. Часть их сразу же сдалась и была инкорпорирована в гуннскую армию. Другая часть двинулась в регион Северного Кавказа, усиливая братьев по крови, которые проникли туда задолго до этого.[13] Наконец, значительная группа аланов отступила на север к региону верхнего Донца, который также контролировался аланами и асс-славами еще до гуннского вторжения.

После поражения аланов именно остготы должны были выдержать гуннский натиск. Король Германарих лично повел свою армию против гуннов. Но и остготы оказались им не пара. Их армия была разбита и сам Германарих пал в битве (около 370 г.). По свидетельству Аммиана Марцеллина, король покончил самоубийством.[14]

Согласно Иордану, он был тяжело ранен двумя воинами его обственной армии.[15] Эти двое, говорит хронист, были братьями,

которые искали возможность отомстить за жизнь своей сестры, ранее казненной по приказу Германариха. Они принадлежали к племени росомонов, одного из ранее покоренных Германарихом. Росомоны, как мы видели,[16] могут быть идентифицированы как роксоланы, то есть рухс-ас. Если это повествование истинно, тогда возможно, что личная месть не была единственным мотивом братьев, и они действовали по совету ас, или аланов, которые к этому времени признали власть гуннов. Мы можем полагать, что это был случай восстания рухс-ас против остготов и что они приветствовали гуннов как своих освободителей.

После смерти Германариха часть остготов и герулов признала власть гуннского хана. Малые группы обоих племен последовали за группой аланов, которые ушли в Северокавказский регион; сильный отряд остготов осел в Тавриде, возможно в качестве вассалов гуннов. Остатки основного монолита остготского народа начали отход на запад по направлению к нижнему Днепру. Группы как герулов, так и бурундов из азовского региона присоединились к отступлению. Остготы избрали взамен Германариха нового короля. Он принадлежал к роду амалов, и его имя, согласно Иордану, было Винитарий;[17] Аммиан, однако, дает ему имя Витимир.[18] Оно звучит достаточно на славянский лад. Возможно, что новый король имел два имени - одно готское, а другое славянское.

Как только отступающие остготы достигли Днепра, они поняли, что путь для дальнейшего отступления на запад блокирован антами, которые жили в регионе Буга. Это была в нашем понимании западная группа антов.[20] Оказывается анты отказались пропустить остготов через их землю, и так началась война между ними. Согласно Иордану, остготы были разбиты в первом столкновении, но позднее преуспели в сломе сопротивления антов. Раздосадованный упрямой оппозицией антов, король Витимир обратился к террору. Захваченный антский царь Боз (Бус) был распят вместе со своими сыновьями и семидесятью антскими вождями (primates).[21] Судьба Боза послужила сюжетом эпических песен, и даже во времена кампании князя Игоря в 1185 г. н. э. готские девушки еще пели о временах Буса.[22]

Поскольку западные анты, разбитые Витимиром, были частью асо-славянского народа, довольно естественным для восточных антов было вмешаться во благо своих соплеменников. Мы

уже упоминали, что вместе с ас или аланами восточные анты стали к этому времени вассалами гуннского хана. Они могли теперь действовать только с согласия последнего. Это должно быть принято во внимание при оценке суждения Иордана, что после поражения западных антов, нанесенного Витимиром, гунны выступили против остготов под личным предводительством их хана.[23] Аммиан Марцеллин не упоминает гуннов вовсе в данной связи, но говорит лишь о войне между аланами и остготами. Если мы попытаемся скоординировать эти два сообщения, то должны заключить, что информация Аммиана более точна. Кажется довольно вероятным, что хан послал против остготов не свою главную гуннскую орду, а своих аланских вассалов, в особенности поскольку аланы сами должны были хотеть отомстить за своих соплеменников, западных ас. Характерно, что Аммиан, чье описание этих событий очень коротко, не проводит различия между западными и восточными ас или аланами, но упоминает обобщенно о войне между аланами и готами. Очевидно, что для Аммиана атака Витимира на западных антов была лишь эпизодом алано-готской войны как целого.

Он говорит: "*После его (Германариха) ухода Витимир был сделан королем и некоторое время противодействовал халанам... Но после многих поражений, которые он выдержал, он был подавлен силой оружия и умер в битве*".[24]

Последняя битва между аланами и остготами имела место на реке Ерак (теперь называемой Тилигул)[25] около 375 г. н. э. Иордан, используя возможно какую-то старую сагу, описал эту битву как дуэль на луках между царем гуннов (т. е. аланов) и королем остготов. Первый убивает второго своей стрелой.[26] По Иордану, имя царя гуннов (т. е. в данном случае аланов) было Баламбер. Схожее имя носил позднее готский предводитель, внук Витимира: Βαλάμερος в греческой транскрипции, согласно Приску;[27] Валамир, по мнению Иордана.[28] Баламбер - возможно ретранслитерация на латинский греческой транскрипции (Βαλάμερος) имени Валамир. Это имя, в свою очередь, возможно имеет славянский источник (ср. славянское Велемир).[29] Принимая во внимание тесный симбиоз аланов и восточных славян, не будет ничего удивительного в том факте, что правитель аланов имел славянское имя.

3. Великое переселение и западная эмансипация аланов

Поражение остготов, нанесенное аланами, создало основание для дальнейших действий гуннов против готов. Аланы играли роль гуннского авангарда. После удачных действий авангарда основная армия гуннского хана - т. е. собственно гуннская орда - была приведена в движение. Для остготов не оставалось ничего иного как отступить далее на запад к берегам реки Днестр. Здесь они построили укрепленный лагерь и попытались закрепиться. Юный сын Витимира Видерих был избран королем остготов. От его имени делами управляли два вождя: Алатей и Сафрак. Имя последнего звучит скорее на иранский лад, нежели на готский.

Разворот событий в черноморских степях также затронул вестготов, для которых Днестр служил восточной границей. Их властитель по имени Атанарих, титул которого был "Судья", решил противостоять нападениям гуннов и сконцентрировал свою армию на западном берегу реки. Вестготы, однако, не соединились с остготами; две армии действовали независимо друг от друга. Гунны быстро использовали это отсутствие единства и координации между своими врагами. Они решили сперва заняться вестготами. Переправившись ночью через реку, гунны атаковали лагерь Атанариха без предупреждения. Вестготы отступили в полном беспорядке к линии реки Прут, но не смогли закрепиться даже там.[30]

Вскоре дезорганизованные банды вестготов появились на северном берегу реки Дунай, умоляя римских официальных лиц разрешить им войти во Фракию, с тем чтобы там поселиться.[31] Остготы шли следом и также расположились лагерем на берегу Дуная, ожидая своей судьбы. Император Валент согласился принять готов внутри империи, намереваясь использовать их как вспомогательные войска для защиты пограничной линии. Он поставил, однако, два условия: готы должны были послать своих заложников в Константинополь и пообещать сдать свое оружие римским официальным лицам до пересечения реки. Как и предполагалось, заложники были посланы, но было сдано только небольшое количество оружия, поскольку греческие чиновники оказались готовы разрешить любому готу сохранить его оружие за малую взятку. Пересечение реки было плохо организовано; не было достаточ-

ного количества лодок и на южном берегу Дуная не было подготовлено продуктовых лавок - вследствие этого разразился голод среди вестготов, которые переправились первыми. Имперский комиссар использовал эту ситуацию, предлагая хлеб "варварам", которые бы передали своих женщин и детей в рабство.

В конце концов голодающие и отчаявшиеся банды вестготов восстали и ворвались во Фракию, грабя все на своем пути (осень 376 г.). Остготы, которые пересекли Дунай без ожидания разрешения от имперского комиссара, шли следом. Итак, Восточная империя встала перед лицом готского вторжения. Осенью 377 г. случилась кровавая, но малозначимая битва между войсками вестготов и римлянами при Маркианополе. Вестготы понесли тяжелые потери и, не полагаясь на свои собственные силы, призвали как остготов, так и аланов на помощь. Император Валент самолично предводительствовал войсками против объединенных сил "варваров". Решающая битва состоялась при Адрианополе. Остготская и аланская кавалерия прорвала линии римской армии и в дальнейшей сумятице вестготы разнесли на куски римскую пехоту. Сам император погиб в битве (9 августа 378 г.).

С большими трудностями новый император Феодосий I, один из выдающихся полководцев той эпохи, сумел восстановить римскую армию и отделить аланов от готов. После того как первые ушли на север, последние были приведены к некоторой степени подчинения и признали себя союзниками империи (foederati). Как таковые вестготы получили земли для поселения во Фракии и Македонии, а остготы в Паннонии (380).

Тем временем гунны, отбросив готов из Бессарабии, не пошли дальше и оставили Дакию на попечение аланов. Вскоре основная гуннская орда вновь пересекла Днестр, двигаясь на восток и на некоторое время остановилась в черноморских степях между этой рекой и Волгой. Гунны также уделяли большое внимание Северокавказскому региону и постепенно установили там свой контроль. Банды аланов, остготов и герулов, которые искали убежища в этом регионе после 370 г., были теперь вынуждены признать сюзеренитет гуннского хана. В 395 г. гунны проникли в Закавказье и даже совершили набег на Сирию.[32]

На западе аланы, действуя как вассалы гуннского хана, очистили Дакию от остатков различных германских племен, осевших в

этом регионе, таких как вестготы, тайфалы, гепиды, бургунды и т. д. Большинство из них пошли далее на запад к региону среднего Дуная; некоторые группы признали власть аланов. Основная аланская орда теперь обосновалась в Бессарабии и Молдавии, а река Прут стала известна как "Аланская река".[33] Возможно, к этому периоду можно отнести основание Ясы (Иаси), "города ас", т. е. аланов. Он упоминается как "рынок ас" (асский торг) в русских летописях четырнадцатого века.[34] Аланы, однако, не ограничились лишь Дакией. Вскоре некоторые их группы, поддерживаемые иногда гуннами, двинулись в район среднего Дуная. Не позднее 380 г. аланская банда пересекла реку Тиссу и вошла в контакт с язигами, обитавшими в это время между Тиссой и Дунаем, а также с вандалами, которые поселились в Паннонии к западу от среднего Дуная.

В то время как аланы к концу четвертого века тяготели к экспансии в западном направлении, их господа гунны не выказывали интереса к каким-либо собственным агрессивным действиям в Европе. Напротив, они демонстрировали желание вести переговоры с Римской империей. Император Феодосий I (379 - 95 гг.), а затем Стилихон, правитель западной части империи (395 - 408 гг.), не упустили возможности установить дружеские отношения с подозрительными кочевниками. Дважды в начале пятого века (в 402 г. и 405 г.) гунны и аланы помогли Стилихону отразить атаки некоторых германских племен.[35] Только благодаря мудрой политике Феодосия и Стилихона, которые последовательно развивали дружественные отношения с гуннами, аланами и готами, империя была в состоянии пережить тревожные десятилетия конца четвертого и начала пятого века. Вербуя "варварские" подразделения на имперскую службу, эти правители преуспели во вливании здоровой молодой крови в стареющие вены империи.

С военной точки зрения, варвары были лучшими солдатами, нежели деморализованное местное население. К счастью для империи, в казне было еще достаточно золота; часть варварских войск также наделялась землей вместо денег. Итак, "готы, гунны и аланы присоединились к армейским рядам и сменяли друг друга в качестве часовых".[36] Некоторые из них заняли высокие посты в имперской армии и администрации. Стилихон был вандалом по рождению. Император западной части империи Грациан был благосклонен к аланам, из числа которых был сформирован специ-

альный полк гвардии. Грациан обычно носил аланское одеяние и опоясывался аланским оружием.[37] Полк аланской гвардии не был упразднен даже после его смерти (383). Comites Alani упоминаются в Notitia Dignitatum начала пятого века.[38]

Мы видели, что аланские банды появились на берегах среднего Дуная уже в 380 г. Приток аланов в Паннонию продолжался и позднее, до того периода, когда в начале пятого века там уже сконцентрировалась их значительная часть. В 406 г. орда аланов присоединилась к вандалам в их движении на Галлию. Дальнейшие кампании западной аланской орды имеют большое значение для истории Европы и, как мы увидим вскоре, Африки, нежели для России. Однако и они должны также до определенной степени интересовать изучающего русскую историю. Из всех народов, которые вторглись в Южную Русь в сарматско-готский и гуннский периоды, аланы пустили наиболее глубокие корни на Руси и вошли в наиболее тесную связь с местным населением - в особенности со славянами, - нежели какое-либо иное кочевое племя. Как нам известно, именно аланские роды организовали славянские племена антов, и мы можем предположить, что существовали антские (асо-славы) и русские (рухс-ас) соединения даже в западной аланской орде. Западная экспансия аланов была, таким образом, в определенном смысле первым русским вторжением в Европу.

Во время пришествия аланов и вандалов Галлия была в состоянии хаоса.[39] Значительная часть страны была еще по крайней мере номинально под властью Рима, поддерживаемой при помощи легионов, призванных из Британии. Эти легионы не были достаточно сильны, однако, чтобы прекратить вторжение различных германских племен. Франки проникли в северо-западную часть Галлии, в то время как бургунды последовали по стопам аланов и вандалов. Вскоре аланская орда, которая вошла в Галлию, раскололась на две части. Одна, под предводительством Гоара, заключила соглашение с местными римскими властями. Другая, под предводительством Респендиала, осталась верной вандалам. Последние столкнулись с франками и погибли бы, если бы аланы Респендиала им не помогли. И все же франкская атака имела выход в дальнейшей миграции вандалов. В 409 г. они двинулись в Испанию, сопровождаемые воинами Респендиала. Союзники легко завоевали страну, которую поделили между собой (411). Ала-

ны получили часть провинции Лузитания и Картагена. Имя города Антия, которое приводится в учебнике анонимного географа из Равенны,[40] может быть отмечено как свидетельство алано-антской колонизации Испании в этот период.

Возвратимся к судьбе аланской орды Гоара.[41] Гоар предпринял некоторые усилия для оживления римской власти в Галлии, для чего вступил в соглашение с бургундами. Галло-римский офицер по имени Иовин был по инициативе Гоара провозглашен императором (412). Однако до того как у Иовина появилось достаточно времени для укрепления своей власти, новая варварская орда ворвалась в Галлию - вестготы. Мы видели, что в начале правления Феодосия I вестготы осели в Македонии и Фракии в качестве союзников Империи. Они конечно же оказались очень беспокойными союзниками, в особенности под предводительством энергичного Алариха, который был избран их королем в 395 г. И вскоре Аларих организовал походы как в Грецию, так и в Италию. Стилихон, правитель западной части империи, должен был применить все возможные меры защиты от вестготов, но в 408 г. пал от руки убийцы, и уже никто более не мог противодействовать Алариху. Вестготы оккупировали Италию и в итоге разграбили сам Рим (410 г.). Вскоре Аларих умер и его наследник Атаульф согласился мирно покинуть Италию при условии, что он получит административную власть над Галлией.

Весной 412 г. вестготы пересекли Альпы и от имени императора Гонория оккупировали южную Галлию. Положение претендента Иовина, выдвинутого аланами, стало рискованным. Ему не удалось заключить соглашения с вестготами, и в итоге он был арестован и казнен (413). Следующим шагом Атаульфа было назначение собственного императора в Галлии, некоего Аттала. Последовал период смуты. В 414 г. вестготы атаковали город Бурдигала (теперь Бордо). Паулин, римский префект Бурдигала, бежал в соседний город, из которого он послал гонца царю аланов (возможно, Гоару), прося его о помощи. Сильное аланское подразделение было тогда выслано царем для защиты Паулина, и вестготы отступили.[42]

В 416 г. они вторглись в Испанию и атаковали единые силы аланов и вандалов. В течение двух лет вестготы вытесняли своих врагов на юг, и в 418 г. они нанесли сокрушительное поражение

аланам близ Тартеса (теперь Кадис). Царь аланов Аддак был убит в битве, а аланская орда получила такой удар, что ее остатки теперь смешались с вандалами.[43] Предводитель последних принял титул короля вандалов и аланов. В 427 г. как вандалы, так и аланы мигрировали в Северную Африку и поселились в районе Карфагена (ныне Тунис).[44] Королевство вандалов и аланов в Африке просуществовало более столетия до правления Юстиниана.

4. Гуннская империя на Дунае

У нас был повод упомянуть,[45] что аланы играли роль гуннского авангарда в регионе нижнего и среднего Дуная (соответственно Дакия и Паннония). Натиск из Паннонии в Галлию в 406 г., вероятно, был предпринят аланами независимо от гуннов. Однако, возможно, не прервались связи между аланской ордой, которая пошла на запад, и той, что осталась в Дакии. Даже после перемещения западной ветви аланов в Африку западные и восточные аланы находились в контакте друг с другом и таким образом стали посредниками между Аттилой, ханом гуннов, и Гейзерихом, королем вандалов и аланов.

Вскоре после миграции на запад аланов из Паннонии сами гунны двинулись в западном направлении. Следует отметить, что миграция вестготов в Галлию[46] оставила еще больше места для пришельцев в регионе среднего Дуная. Степи этого региона были хорошо приспособлены для кочевого образа жизни, что привлекло сюда различные кочевые орды задолго до прихода гуннов. Паннония была также важна со стратегической точки зрения, поскольку представляла собою удобную базу операций против Балкан и Италии. Естественно, что гунны должны были заинтересоваться этим регионом. К 420 г. сильная гуннская орда обосновалась в степях региона среднего Дуная. Она состояла из трех *улусов*, каждый из которых возглавлялся своим собственным ханом. Один из трех ханов Роила (Ругила) рассматривался как главный хан. Два других хана были, возможно, его братьями; их имена соответственно были Мундзук и Октар.[47]

Правительства как Рима, так и Константинополя старались иметь дружественные отношения с гуннами. Константинополь согласил-

ся ежегодно платить "подарки" хану. Рим послал в его ставку молодого гвардейского офицера Аэция в качестве заложника. Аэций провел несколько лет при дворе хана Роилы и смог завоевать его дружбу, равно как и подобное расположение некоторых влиятельных гуинских вождей. Это все оказалось весьма полезным для него впоследствии, когда он вернулся в Рим. Аэций надеялся править империей, как до него это делал Стилихон, и даже более, нежели Стилихон, он надеялся на дружественные отношения с гуннами для своего восхождения к власти. После смерти императора Гонория (423 г.) Аэций поддержал кандидатуру некоего Иоанна, гражданского служащего. По запросу Аэция хан Роила обещал послать в Италию сильную армию гуннов и аланов. Армия, однако, прибыла слишком поздно; Иоанн был уже побежден поддерживавшими мальчика Валентиниана, племянника покойного Гонория. Константинопольское правительство послало дополнительные войска для поддержки Валентиниана. Командующим контингентом был Ардабур, алан по рождению. Благодаря своим аланским связям, Ардабуру удалось достигнуть соглашения с экспедиционным корпусом хана Роила.[48] Битва не состоялась, и Аэций получил прощение. Он возвратился в Рим и постепенно восстановил свое влияние при римском дворе.

В то время как дружественные связи между гуннами и Римом были восстановлены таким путем, гунны скептически относились к схемам константинопольского правительства. В 424 г. император Феодосий II согласился заплатить 350 фунтов золота как годичную дань ("подарок") хану.[49] С другой стороны, Феодосий нанял несколько гуннских подразделений в качестве вспомогательных, что противоречило его соглашению с ханом. Роила поэтому запротестовал и потребовал увольнения всех гуннов с имперской службы и выдачи ему. Константинопольское правительство отказалось это делать, и Роила соответственно послал свои гуннские и аланские войска во Фракию.

Источниковые свидетельства относительно этой гуннской агрессии редки и в определенной мере противоречивы. Это событие кратко упоминается церковными историками Сократом[50] и Филосторгием.[51] Патриарх Прокл (434-47 гг.) посвятил одну из своих проповедей гуннскому вторжению.[52] В ней он вспомнил предсказание Иезекииля относительно принца Рош и Мешлех.[53] Возможно

как раз, что Прокл должен был подумать о библейском Рош в присутствии рос или русь (рухс-ас) в армии Роила. В этом случае его проповедь должна содержать первое упоминание о асо-славянской рос (русь) в византийской литературе.[54]

В середине кампании Роила скончался, и гунны отступили для того, чтобы избрать нового хана. Сыновья хана-соправителя Мундзука, Атила и Бледа были избраны с тем, чтобы заменить Роилу, и именно Аттила получил реальную власть.[55] Аттила был одним из тех неукротимых завоевателей мира, которые время от времени преуспевали в объединении кочевых племен в могучую империю. Подобно Чингиз-хану, он был не только военным гением, но также очень одаренным государственным деятелем. Безжалостный на войне, Аттила не был жесток по природе. Его лицо было смуглым, с маленькими, глубоко посаженными глазами, широким носом и жидкой бородой. Его спокойное достоинство и жесткий взгляд впечатляли всех, кто сталкивался с ним, и одно племя за другим признавало его в качестве своего властителя. Тип гуннского преуспевания был одинаков во многих случаях. Сначала врагу наносилось быстрое военное поражение; затем следовали дипломатические переговоры, связывающие его накрепко с гуннской ордой. Личное влияние великого хана завершало затем задачу слома воли бывшего врага.

В своих переговорах с Константинополем Аттила первоначально показал скорее стремление к миру, нежели к войне. В 434 г. его посланники встретились с послами Феодосия на поле вблизи от берега Дуная, в устье реки Морава. Согласно гуннскому обычаю, послы обеих сторон оставались верхом на лошадях на протяжении переговоров. Условия соглашения были тяжелы для империи. Император согласился выдать гуннов, принятых ранее на имперскую службу, и более не прибегать к их помощи; не помогать никакому государству против гуннов; разрешить гуннским купцам свободный доступ в приграничные города и увеличить ежегодную дань с 350 до 700 фунтов золота.[56] Этим договором Аттила получил важные преимущества по отношению к константинопольскому двору, и чувствуя, что положение гуннов на Балканах довольно безопасно, он решил воспользоваться свободой действий в других регионах. Его внимание обратилось к восточному направлению, где его главной целью стала консолидация власти гуннов в Северокав-

казском регионе.[57] В результате опасность для Константинополя отодвинулась на семь лет.

В то время как константинопольский двор пообещал не принимать гуннов в свою армию, правительство Рима, благодаря дружеским отношениям между Аэцием и гуннскими вождями, с удовольствием пользовалось помощью как гуннов, так и аланов в борьбе против германцев. Именно с помощью гуннских и аланских вспомогательных подразделений Аэций смог вести войну против бургундов и вестготов и отбросить последних из Нарбонны в южной Галлии (435 - 439). После этого Аэций раздал земли для поселения в районе Нарбонны аланскому вождю Самбиде и его орде (439).[58] Марсельский священник Сальвиан, писавший между 439 и 451 гг., говорит об этих аланах как неблагоразумных людях, но менее коварных, чем готы.[59] Годом позже (около 440 г.) другой аланский вождь Еохар получил для своей орды земли в Арморике, между нижней Луарой и Сеной.[60] Имя Еохар может быть выведено из осетинского языка: ieukhar означает "едок проса" по-осетински.[61] В "Галльской хронике" (около 440 г.) зафиксировано, что во времена поселения на новых землях аланы встретились со значительным сопротивлением, которое, однако, было сломлено.[62] Имя реки Дон, притока Вилены, может рассматриваться как свидетельство аланской колонизации в Арморике.[63]

Вновь обратимся к гуннам. Мы упомянули, что вскоре после его договора с императором Феодосием (434 г.) Аттила повел свою главную орду на Кавказ. Около 440 г. ему удалось установить полный контроль над Северным Кавказом, и он был готов вернуться на запад для получения должной дани от константинопольского двора, который задерживал платежи. Положение Восточной Римской империи было в этот момент довольно сложным. Основная армия Феодосия была на персидской границе; другой вооруженный контингент был выслан на Сицилию для подготовки атаки на владения Гейзериха в Северной Африке. Дунайская граница была оставлена практически без защиты.

Поскольку Аттила находился в дружеских отношениях как с Гейзерихом, так и с Сасанидским шахом Ездигердом II, он хорошо знал о положении имперских войск. Очевидно существовала тесная координация действий между тремя правителями - Аттилой, Ездигердом и Гейзерихом, - которая вылилась в конт-

роль Аттилой дунайского театра военных действий. В 441 г. гуннские кавалерийские эскадроны появились вновь на берегах Дуная. Взяв атакой крепости Сингидун (теперь Белград) и Виминациум, они двинулись на юг через долину реки Морава и вскоре достигли Наисса (Ниша), после чего они повернули на восток по Константинопольской дороге и проникли по дальности до фракийского Херсонеса (Галлиполи), не встречая какого-либо серьезного сопротивления со стороны римских войск. Гунны, казалось, были готовы штурмовать Константинополь, но когда император запросил мира, Аттила согласился на переговоры. Реально город был защищен сильным гарнизоном, для укрепления которого правительство отозвало войска как с персидского фронта, так и из Сицилии, а также в дополнение наняло банду воинственных анатолийских горцев - исавров. Согласно условиям договора (443 г. н. э.), император согласился выдать дезертиров и выплатить задолженность в дани, достигавшую 6000 фунтов золота.[64]

В следующем году Аттила отстранил от власти своего брата Бледа и стал высшим правителем гуннских орд от Кавказа до Дуная. Гуннское ханство таким образом стало наиболее могущественным государством своего времени, а двор Аттилы центром международной политики и интриг. Среди помощников хана были аланы, греки, германцы и римляне. Одним из его секретарей был римский аристократ, посланный к нему Аэцием, а сын Аэция провел некоторое время при дворе Аттилы как заложник. По сообщению Приска, который был секретарем имперского посольства 448 г.,[65] мы имеем достаточно ясную картину двора Аттилы. Его штаб вырос в настоящий город, защищенный деревянными стенами. Внутри за стенами находились многочисленные деревянные дома, некоторые сооруженные по типу огромного бревенчатого строения, а другие были покрыты резными досками. Дворец самого Аттилы, построенный на холме, был также бревенчатого типа, но очень просторен. Близ дворца его главной жены и домов его адъютантов находились на некотором расстоянии кладовые и другие вспомогательные сооружения, среди которых была и каменная баня.

Во время своего путешествия из Константинополя до штаба Аттилы Приск встретил многих греков, прежде бывших пленны-

ми, а теперь наслаждавшихся полной свободой. Они сообщили Приску, что жизнь в царстве Аттилы легче, нежели в Римской империи. Им особенно нравилось отсутствие налогов. В то время как население империи страдало от вымогательств и злоупотреблений сборщиков налогов, Аттила вовсе не собирал налогов со своих подданных. У него не было нужды заботиться о налогах, поскольку казна была всегда полна трофеями войны и византийской данью.

Гуннская армия была страшной силой. Ее основное звено, как и в случае с другими кочевыми иародами, состояло из кавалерии. Как кавалеристы гунны и их вассалы аланы не знали себе равных. Но оказывается, что гунны, как позднее монголы, были хорошо осведомлены о военной инженерии. У них были приспособления для проламывания даже сильных каменных стен римских крепостей. Возможно, что гунны первыми ознакомились с осадной техникой в Китае. Также возможно, что после соглашения Аттилы с Йаздагардом (440 г.) последний мог послать ему несколько персидских инженеров. И без сомнения, когда гунны проникли через римскую фортификационную линию по Дунаю, они должны были получить полные познания о римских военно-инженерных приспособлениях. Римские инженеры, пленные и дезертиры, могли наниматься для постройки осадных машин для хана. Согласно описанию осады Наиссы Приском,[66] они использовали высокие подвижные платформы, защищенные парапетами из ветвей и покрытые шкурами. На них помещались лучники, и они подвозились близко к стенам городов. Когда солдаты противника под ужасным ураганом стрел и снарядов оставляли валы, тараны и лестницы подвозились к стенам и воротам города, который вскоре брался.

Кажется возможным, что кроме аланских соединений в гуннской армии были славянские соединения. Славянский язык должен был широко использоваться в государстве Аттилы. Согласно Приску, когда византийское посольство пересекло Дунай на пути к штабу Аттилы, местные жители угощали греков напитком, который они называли, μεδος, что конечно же и есть славянский мёд. Служащим посольства предлагали и другой тип напитка, сделанного из ячменя, известного как χαμος- т. е. славянский квас.[67] Еще одно славянское слово, упоминаемое Иорданом: страва ("поминки").[68]

5. *Последние годы правления Аттилы*[69]

Двор Аттилы всегда был полон иностранных агентов, некоторые из них были действительно дипломатическими представителями, другие - шпионами, диверсантами и даже будущими убийцами. Для противодействия им Аттила должен был создать собственную разведку. Характерная история относительно взаимной игры шпионажа и интриги рассказана Приском. В 448 г. Аттила послал в качестве своего представителя в Константинополе Едекона, искренне преданного ему германца. Когда Едекон прибыл в столицу, с ним установил контакт Вигила, гот на имперской службе, попытавшийся подкупить его с целью убийства Аттилы. Схема была разработана влиятельным византийским придворным евнухом Хризафом, агентом которого и был Вигила. Едекон попытался продемонстрировать заинтересованность предложением. Следующим шагом Хризафа было включение Вигилы в качестве переводчика в состав византийской дипломатической миссии, направленной к Аттиле, в которой сенатор Максимин был главой, а Приск секретарем. Вигила взял с собой мешок золота для Едекона в качестве платы за помощь в организации убийства Аттилы. Согласно Приску, ни он, ни Максимин ничего не знали об этом. Миссия Максимина без затруднений прибыла в штаб Аттилы. Вигила предполагал передать золото Едикону не сразу по прибытии миссии, а после того, как Максимин завершит переговоры и будет близок к отъезду. Но поскольку Едекон оставался верен Аттиле, план Вигилы был неверен. Хан приказал обыскать его и его мешок с золотом был захвачен как свидетельство заговора. Аттила сначала хотел его казнить, но потом изменил намерение и предложил освободить его за выкуп в 50 фунтов золота. Сын Вигилы был послан в Константинополь для сбора денег, а до его прибытия Вигила был посажен под арест. По получении выкупа Аттила освободил Вигилу, но теперь потребовал выдачи евнуха Хризафа. Феодосий был вынужден предложить хану еще золота для спасения жизни Хризафа.

В то время как Константинополь посылал все больше и больше золота Аттиле в Рим, хан вынашивал план женитьбы. Кажется инициатива в этом деле принадлежала амбициозной принцессе Гонории, сестре императора Валентиниана III. Боясь потери трона в результате интриг Гонории брат решил выдать ее замуж за какого-

либо лояльного по отношению к нему придворного, и в 450 г. она была насильственно помолвлена со старым сенатором, которого она презирала. Именно тут Гонория предприняла сильный ход: она тайно послала своего доверенного евнуха к Аттиле для передачи своего обручального кольца и просьбы о защите. Аттила быстро уловил потенциальные политические преимущества, которые он мог извлечь из этого брака, и сразу же послал своего представителя в Рим, прося руки Гонории и половину империи в качестве приданого. Император Валентиниан, однако, отказался принять Аттилу как деверя. Гонория была посажена под арест. До этого времени Аэций, действительный глава римского правительства, был, как мы видели,[70] "умиротворителем" по отношению к гуннам. Теперь, кажется, войне не было альтернативы, и Аэций начал подготовку к ней со всей присущей ему энергией.

Если раньше политика Аэция состояла в подавлении германцев при помощи гуннов, то теперь он попытался получить германскую поддержку против них. Ему удалось создать могучую коалицию, в которой согласились участвовать вестготы, бургунды и франки. Со своей стороны, Аттила был также активен на дипломатическом поприще. Ему удалось подорвать единство франков, и в то время как два старших брата-соправителя поддержали Аэция, младший перешел на сторону Аттилы. Если вестготы были союзниками Аэция, то остготы соединились с Аттилой. Гейзерих, король вандалов и аланов, также вошел в соглашение с Аттилой.

Война 451 г. прошла на полях Галлии. Кампания началась с быстрого передвижения Аэция и Аттилы к укрепленному городу Аврелиан (Орлеан), принадлежавшему Сангибану, правителю аланской орды, осевшей в Арморике.[71] Аттила надеялся, что Сангибан сдаст город и перейдет на сторону гуннов с аланами. Дело, однако, обернулось совсем по-иному, поскольку первым достиг Орлеана именно Аэций, приведя с собою вестготов. Аланы, хотя и несколько неохотно, подчинились Аэцию.

Аттила тогда обошел город с севера и остановился на "Campus Mauriacus" близ современного Труа. Именно здесь произошла знаменитая Битва Народов в июне 451 г.[72] На стороне Аттилы, кроме гуннов и восточных аланов, были гепиды, остготы, герулы и часть франков. Силы Аэция состояли из римских легионов (рекрутированных в основном из Галлии и Германии), вестготов, бургундов,

франков и ненадежных арморикских аланов. Битва была кровавой, но ничего не решившей. Поскольку основная часть поля осталась под контролем вестготов, Аэций похвалялся, что победа была за ним. Однако он не предпринял вновь атаки на следующий день. Через некоторое время Аттила увел свою орду назад в Паннонию, в то время как вестготы отступили на юг к Тулузе.

Гуннская угроза не подошла к концу, и осенью 451 г. Аттила начал подготовку для вторжения в Италию. Положение этой страны было ужасным. Хотя Аэций мог мобилизовать вестготов для защиты Галлии, он боялся призвать их в Италию, которую они могли сами оккупировать. Весной 452 г. хан начал свою итальянскую кампанию. Он вел свои войска через горные тропы Юлийских Альп, не встречая сопротивления, и окружил Аквилейю. Взяв крепость после продолжительной осады, он направился дальше к Милану. Здесь он принял римских посланников - папу Льва и двух сенаторов. После переговоров с ними Аттила завершил кампанию и вернулся в Паннонию.

Римляне приписали отход великого полководца заступничеству святых Петра и Павла. Столетия спустя Рафаэль обессмертил встречу хана и папы в ватиканской картине. Однако могли быть существенные основания для решения Аттилы. Из-за плохого урожая предыдущего года, голод и мор распространились по Италии. Византийские войска в Иллирии угрожали разрывом гуннских линий коммуникации. Никакого договора не было подписано, и Аттила не снял своего притязания на руку Гонории. Но он решил пока нанести удар по Византии вместо Рима. Среди подготовки к кампании против Константинополя он отметил свадьбу с молодой германской красавицей Ильдико. Утром после свадебной ночи Аттила был найден мертвым (453 г.). Неизвестно, умер ли он от инсульта или был отравлен своей невестой, как шла молва.[73]

6. Регион Азова, Таврида и Северный Кавказ в четвертом и первой половине пятого века

В предшествующем обозрении гуннской истории мы сконцентрировали наше внимание на западной экспансии гуннов и лишь поверхностно упомянули их кавказскую кампанию. Однако мы

должны помнить, что экономически сила Гуннского ханства зависела от контроля над черноморскими степями, через которые западная часть великого евразийского сухопутного пути[74] достигала Дуная. Важное ответвление этого пути уходило от Азовского региона на юг в Транскавказский, и контроль за этой ветвью был одной из целей гуннского движения на Кавказ.

К сожалению, у нас имеется весьма скудная информация об экономической жизни Азовского региона, Тавриды и территории Северного Кавказа в готский и ранний гуннский периоды. Мы можем лишь предположить, что в это время, как в предшествующий и последующий периоды, через регион Азова проходил ключевой торговый путь между русским севером и Левантом и что меха составляли важную часть этой торговли. Согласно Иордану, именно хунугуры, мадьярское племя, подвластное гуннам, специализировалось в торговле мехами в пятом и шестом столетиях.[75] Торговые отношения между азово-тавридским регионом и Левантом развивались параллельно распространению христианства в Тавриде и прилегающих районах. Миссионеры и торговцы шли вместе, как это часто бывало в истории.

Этническая структура населения региона, изучаемого нами, была разнообразна. Племена, обладающие значительными различиями, были объединены под политическим контролем гуннов. Присутствовали некоторые остатки местных племен, как, например, мэоты;[76] также греки, бывшие потомками колонистов скифского периода; остатки германских племен, подобных готам и герулам; множество аланских общин, частично смешанных с местными племенами Северокавказского региона, как, например, с касоги (черкесы). Как нам известно, часть аланов, или ас, смешалась со славянами (антами). Поэтому, когда мы встречаемся со свидетельствами относительно ас или антов, не всегда ясно, подразумеваются ли иранцы, славяне или же смешанные ирано-славянские племена. В целом иранский элемент был более выражен среди восточных, нежели среди западных антов. После миграции аланской орды из Дакии в Испанию и Африку иранский колорит постепенно убывал у бессарабских антов до того, что они в конце концов стали практически чистыми славянскими племенами.

Асы и анты в азовском регионе и Тавриде продолжали представлять собою симбиоз иранцев и славян. Среди ас Северокавказ-

ского региона (осетинов) преобладали иранцы, хотя даже там могли быть славянские общины как многочисленные анклавы на иранской территории. В районе Дона иранские и славянские общины сосуществовали, возможно, с начала христианской эры; большинство из них пережило гуннское вторжение и продолжало существовать даже в двенадцатом столетии, в начале которого русский князь Ярополк, сын Владимира Мономаха, начал войну против яссов (ас) на нижнем Дону.[77] В греческих надписях, обнаруженных на месте древнего города Танаис и обычно относимых к третьему веку н. э., часто упоминаются иранские по своему происхождению имена.[78] Таковы, например, Φιδαζ (сравни осетинское fida - "отец"); Φουρταζ (осетинское furt - "сын"); Μαδαχοζ (осетинское mada - "мать"); Λειμανοζ (осетинское liman - "друг", "дорогой"); Σορχαποζ (осетинское surkh - ("red"), "красный"); Ρασσογοζ (осетинское rasog - "незамутненный", "чистый" и т. д.).

Следует вспомнить, что роксоланы (рухс-ас) проникли в Тавриду уже во втором веке н. э.[79] В течение второго и третьего столетий аланы-ас достигли южного побережья Таврического полуострова. В 212 г. они основали город Согдея (теперь Судак).[80] Старый греческий город Феодосия стал известен в сармато-готский период как Абдарда, иранское имя, означающее "семь сторон".[81] Судя по именам иранского происхождения в надписях в Пантикапее (Керчь) в этот период, среди жителей города должно быть много аланов.[82] В этой связи можно упомянуть следующие: Фидас, Лиман, Фарнак и др.

Существуют также топонимические свидетельства распространения ас в степях северной Тавриды: многие деревни в бывших Евпаторийском и Перекопском районах имеют "ас" в своем названии или части названия. Они таковы: Ас, Бьюк-Ас, Кучук-Ас, Терекли-Ас и т. д. Имеется также река Ас в северной части полуострова.[83] Имя готского города Дорас, или Дори (Эски-Керман), можно рассматривать под тем же углом зрения. *Дор* означает "камень" по-осетински; Дорас - Дор-Ас, Камень Ас (ср. Дар-и-Алан, "Ворота алан" Дарьял). Форма Дори может восприниматься как сокращение Дор-и-Ас.

Другая группа ас жила на кавказской стороне Боспора. Здесь вновь имена иранского происхождения в надписях Анапы и Тамани могут быть приведены в качестве свидетельств; таковы, напри-

мер, Карс, Тсаваг, Корфарн, Алексарф и т. д.[84] Древнее имя реки Кубань Антикитес[85] может также указывать своей первой частью на антов или ас. Позднее, когда касоги (черкесы) сменили антов на берегах реки Кубань, они приняли имя реки как свое собственное. Адыге, что является вариантом Антике (Антикитес) является другим именем черкесов.[86] В довершение картины здесь можно упомянуть имя холма Ассо-даг (Ас-Даг) в дельте Кубани близ Тамани.[87] Согласно Ибн-Русту, арабскому автору десятого века, один из выдающихся родов северокавказских ас был известен как рухс-ас ("светлые ас").[88] Возможно, что от имени этого клана ведет свое название город Малороса, упомянутый анонимным географом из Равенны[89] в седьмом веке. Мал означает по-осетински "болото", "трясина".[90] Итак, Малороса будет означать "Болото росов" (рухс). В равеннском учебнике Малороса упомянут среди боспорских городов, близких к Киммериуму. Последний находился на таманской стороне Керченского пролива, и кажется наверняка Малороса также находился где-то в дельте Кубани, близ Фанагории, возможно в Темрюке. Почему-то Фанагория вовсе не упоминается равеннским географом. Дельта Кубани вся болотиста; поэтому первая часть имени "мал" хорошо подходит к местным условиям.

В третьем веке н. э. готы с боями прорвались в Тавриду.[91] Сперва они занимали лишь горы центральной части полуострова, но позже попытались установить свой контроль над его целостностью. Около 362 г. они завоевали Пантикапей, который был столицей Боспорского царства. Около пятнадцати лет спустя в Тавриде появились гунны. Зимой 377 или 378 г. их отряд пересек замерзший Керченский пролив с кавказской на крымскую сторону. Эти гунны, вероятно, принадлежали к орде, которая позднее стала известна как утигуры.[92] Они оттеснили готов назад к центральной части Крымского полуострова; сами гунны не остались надолго в Крыму, но, пройдя через тавридские степи и Перекопский перешеек, присоединились к главной орде в устье реки Днепр.

После ухода гуннов готы снова должны были постепенно расширять свой контроль над восточной частью полуострова. В любом случае, около 400 г. Боспор (Керчь) опять был под их властью, насколько мы можем судить из переписки Иоанна Хризостома.[93] Мы уже видели,[94] что к началу четвертого века христианство

было уже прочно укоренившимся в Тавриде. Старейшей христианской общиной в Крыму был Херсонес. На Первом Экуменическом Соборе в Никее (325 г.) Таврида была представлена двумя епископами: Филиппом Херсонесским и Кадмом Боспорским. Возможно, что готские приходы принадлежали к епархии последнего. Позднее готская конгрегация была некоторое время под непосредственным правлением патриарха Константинополя. Иоанн Хризостом был положительно предрасположен к готам и направил их в церковь на окраине Константинополя, где им разрешалось вести службу на их собственном языке. Около 400 г. Иоанн посвятил в сан епископа первого таврского гота Унилу. Его приход был, возможно, в Боспоре (Керчь). Унила умер в 404 г., и ничего не известно о его непосредственных преемниках. Приход готского епископа был позднее расположен в Дори (Ески-Керман).

7. Падение империи гуннов

После смерти Аттилы власть в Гуннском ханстве была поделена между его сыновьями, ни один из которых не унаследовал организаторских способностей своего отца. Момент для восстания подавленных народов казался подходящим. Была сформирована коалиция германских племен, сплотившая гепидов, ругов и герулов. Остготы держались в стороне от схватки. Один из сыновей Аттилы Еллак попытался сокрушить восстание, но его силы были недостаточны для этой задачи. Его армия была разбита и сам он пал в битве (454 г.).[95] Единство гуннов было сокрушено этим поражением. Остатки орды Еллака направились на восток от Карпат. Два оставшихся сына, Денгизик и Ернак, с их кланами сделали на время местом своих ставок Дакию и Бессарабию. Прежде жившее там племя аланов теперь должно было пересечь Дунай и двинуться в Добруджу. Это племя управлялось царем Кандаком, секретарем которого был остгот Пария, дед историка Иордана. Кроме аланов несколько гуннских банд также проникли на правый берег Дуная и как союзники Империи получили земельные владения.[96]

В последние годы правления Маркиана (ум. в 457 г.) и в первую половину царствования его преемника Льва I бразды византийской политики были в руках Аспара, отец которого был алан,

а мать - готская девушка.[97] По линии своих аланских и готских связей Аспар был знаком с движением гуннских орд в Дунайском регионе. Один из его заместителей, командующий армией во Фракии - Анагаст - был "скифом", согласно свидетельству хроник.[98] К пятому веку термин "скиф" стал довольно неточным, означая в целом северного варвара. Позднее он иногда употреблялся для обозначения славян. В этом смысле он, возможно, обозначал антов. Анагаст - типичное антское имя.

Несмотря на расчленение империи Аттилы, гуннская опасность не миновала. В 468 г. Денгизик и Ернак послали своих представителей в Константинополь, с тем чтобы потребовать открытия дунайских рынков для их торговцев. Когда требование было отклонено, Денгизик пересек Дунай и вторгся во Фракию. Однако гунны потерпели поражение от войск Анагаста и сам Денгизик был убит в битве. Анагаст послал голову хана в Константинополь, где ее пронесли по главным улицам и потом закрепили на шесте в деревянном цирке.[99]

Война не была окончена, поскольку гунны вторглись из Дакии. Лишь с огромным усилием Аспар и Анагаст сумели нанести поражение основному отряду орды покойного Денгизика. Ее остатки вновь пересекли Дунай и отступили на восток, следуя за Ернаком, молодым ханом, который не поддерживал своего брата в его атаке на византийские владения.[100] Важно, что из двух византийских полководцев-победителей один (Аспар) был аланом, а другой (Анагаст) антом. В свите каждого из них должны были быть сотни аланов и антов. В определенном смысле Дунайская война 468 - 469 гг. была войной аланов и антов против их бывших господ - гуннов.

В результате победы Аспара и отступления гуннов на восток Дакия и Бессарабия были открыты для славянской колонизации. Даже возможно, что славянский натиск на регион нижнего Дуная был частично результатом продуманного плана византийских дипломатов. Столкнуть одно варварское племя с другим было традиционным методом византийской дипломатии в ее постоянном усилии защитить северные границы империи. Как мы знаем, Аэций применил этот метод в начале пятого века,[101] и мы увидим,[102] что в шестом веке византийское правительство впервые заключило мир с аварами против булгаро-гуннов, позднее пыталось использовать булгар против аваров и так далее почти до бесконечности. Аспар

планировал очевидно поселить славян на нижнем Дунае, с тем чтобы отвратить гуннскую угрозу. Вероятно также, что он чувствовал возможную потребность их поддержки в своей борьбе за власть внутри самой империи. Следует принять во внимание, что Аспар был в это время готов восстать против императора Льва.[103] Зять последнего Зенон командовал исаврийским гвардейским полком, который оставался верным Льву, и Аспар торопливо собирал сторонников для победы над исаврами. Именно в этой связи он мог подумать о славянах.

В 471 г. Аспар и два его сына были приглашены во дворец Льва под благовидным предлогом, и здесь интриган-царедворец и его старший сын Ардабур были предательски умерщвлены.[104] Младший сын Патрикий, также известный как Патрикиол, был ранен, но ему удалось бежать. Один из ведущих офицеров свиты Аспара, Острис, предпринял штурм императорского дворца, с тем, чтобы отомстить за убийство своего господина. Однако его подразделению преградили путь во дворец исавры, и Острис бежал во Фракию.[105] Судя по его имени, он был либо алан, либо славянин.[106]

Последующая судьба Анагаста неизвестна. В любом случае, аланоготская свита Аспара была распущена, и именно исавры стали основной опорой императора. После смерти Льва (474 г.) его зять Зенон, который командовал исаврами, был провозглашен императором.

Положение Зенона было сначала довольно ненадежным, поскольку существовала оппозиция готов, поселившихся во Фракии. Только после того как их основная часть переместилась в Италию (488 г.) византийское правительство смогло считать себя свободным от готской опасности, но теперь появилась новая опасность - гунно-булгары. Именно сам Зенон призвал гуннов (к этому времени известных как булгары) назад на Балканы; его идея состояла в использовании их против готов. Вспомогательный гуннский эскадрон прибыл в 482 г. и первоначально оказался весьма полезным византийцам. Однако вскоре после смерти Зенона (491 г.) гунны начали набеги на Фракию (493 г., 499 г., 504 г.).[107] Возможно, что к ним присоединились славяне, по крайней мере в некоторых из этих рейдов. Комес Марцеллин, чья хроника является одним из наилучших источников по этому периоду, называет участников рейда 493 г. "скифами".[108] Он мог подразумевать либо гуннов, либо славян или же их взятых вместе под устаревшим именем, но

более вероятно, что он имеет в виду славян, поскольку гунны теперь обычно появляются под именем булгар.

Два основных гунно-булгарских племени этого периода были известны как кутригуры и утигуры. Булгарская орда, которая впоследствии поселилась на Балканах в течение седьмого и восьмого столетий, принадлежала к утигурам, и поскольку булгарские ханы этих веков считали себя потомками Ернака,[109] мы можем заключить, что именно орда Ернака стала известна как орда утигуров. Ернак, как нам известно, двинулся на восток из Бессарабии в период войны своего брата Денгизика с Византией или после него. Вероятно, что утигуры провели несколько лет на нижнем Днепре, после чего они вошли в северокрымские степи через Перекопский перешеек; они, однако, не осели в Крыму, а двинулись через полуостров с северо-запада на юго-восток до того как достигли Боспора (Керченский пролив), который они пересекли, с тем чтобы поселиться в Азово-таманском регионе. Движение утигуров из Бессарабии к Тамани может быть расценено исторически как возвращение к их старым местам обитания, поскольку их маршрут был тот же, что и части гуннской орды, которая пересекла Керченский пролив в западном направлении по льду зимой 377 г.[110] Только теперь движение было в противоположном направлении. Весьма возможно, что во время первого, или западного, движения некоторые *улусы* утигуров остались в Азово-таманском регионе, так что утигуры теперь воссоединились со своими сородичами. Пересекая крымские степи, они пришли в контакт с крымскими готами, часть которых последовала за ними к таманской стороне пролива. Эти готы, поселившиеся на восточном побережье Азовского моря, иногда более точно называются трапезитами (тетракситы).[111]

Кутригуры, или остатки орды Денгизика, последовали за утигурами в их восточном движении. Около конца пятого века они скитались между изгибом нижнего Днепра и Азовским морем, контролируя также степи Северной Таврии и Крымского полуострова до Боспора. Территория, занятая кутригурами, таким образом соответствовала месту древних скифских курганов.[112] Византийские власти в Южном Крыму были взволнованы давлением кутригуров, и в 488 г. губернатор Херсонеса решил с одобрения императора Зенона реставрировать стены и башни Херсонеса, которые были разрушены землетрясением восемь лет назад.[113]

Кроме утигуров и кутригуров существовала и третья гуннская орда в районе Северного Кавказа - сабиры или савиры (сабеи - рои). Сабиры выглядят расширившими свою власть на различные угорские (мадьярские) племена, которые пришли в регион во второй половине пятого века из района Урала. Среди этих угорских племен хунугуры[114] и сарагуры могут быть упомянуты в данном контексте, последние могут быть отождествлены с белыми уграми первой русской летописи.[115]

Несмотря на вторжения варварских племен в Крым, и здесь христианство постепенно распространялось. Епископы как Боспора, так и Херсонеса присутствовали на церковных соборах в Эфесе и Константинополе (438 - 451 гг.).[116] В девятнадцатом столетии на окраине Керчи было раскопано несколько христианских погребальных пещерных камер (нечто схожее с катакомбами). В катакомбах 491 г. была захоронена аланская чета, что явствует из имен на надписях (Саваг и Фаиспарта).[117]

Доступны малочисленные свидетельства относительно коммерческой роли Боспора (Керчь) в пятом и первой половине шестого века. На одной из керченских надписей, относящихся ко времени Юстиниана I,[118] упомянут чиновник с титулом *комес*. В византийской бюрократии этого времени существовали Comites различного ранга и функций. Некоторые занимались сбором таможенной пошлины (позднее такие офицеры были известны как commerciarii). Согласно Кулаковскому, именно к этой группе гражданских чиновников могут быть отнесены comes керченских надписей.[119] Если это так, то должно указывать на значительный объем торговых операций в Боспоре. Как уже было упомянуто,[120] меха должны были составлять важную часть этой коммерции.

8. Анты с конца четвертого до середины шестого века

Хотя ссылки на антов делались в ряде случаев в предшествующих разделах, теперь настало время рассмотреть вновь антскую проблему и постараться нарисовать общую картину распространения антов и их цивилизации. Такая картина не будет полна вследствие лакун в свидетельствах источников. Мы уже видели,[121] что в сармато-готский период существовали две группы антов: одна - в

регионе верхнего Донца, другая - в регионе нижнего Буга. Значительное количество их должно было проникнуть в Крым вместе с аланами.[122] После алано-готской войны 375 г. часть антов могла двинуться в Бессарабию как вовлеченная в общее аланское перемещение. В конце пятого и в начале шестого века, когда склавены начали смещаться на юг в регион нижнего Дуная, анты могли занять часть территории, до этого заселенной склавенами, в регионах Киева и Волыни; для подкрепления этого предположения не существует, однако, достаточных свидетельств. В целом анты едва ли занимали протяженную территорию большого размера, и было бы затруднительным определить точно границы экспансии антов.

Вслед за гуннским вторжением и, в особенности, за последующим разложением Гуннской империи этническая и политическая ситуация в черноморских степях была в определенной мере осложнена. Аланские и славянские общины были ограничены со стороны тюркскими и угорскими племенами. По свидетельству Прокопия, река Днестр представляла собою *восточную* границу бессарабской группы антов.[123] Что же касается донецкой группы, то она была отрезана от моря гунно-булгарскими ордами. Однако множество антских поселений видимо продолжали существовать как в регионе нижнего Дона, так и в районе Северного Кавказа, где анты были смешаны с ас и аланами.

Высказанные выше соображения могут быть до определенной степени подтверждены данными топонимики и археологии. Мы уже видели, что имя ас отражено во множестве названий местности в Южной Руси.[124] Ввиду тесных связей между ас и антами, мы можем предположить, что в определенных случаях имя ас использовалось также для обозначения антов. Проблема, разумеется, довольно сложна. С нашей точки зрения, анты могли всегда называться ас, поскольку они были славянами, управляемыми аланскими родами. С другой стороны, ас не всегда должны отождествляться с антами, поскольку во многих случаях они были чистыми иранцами без какой-либо примеси славянской крови. Таковы были северокавказские ас, или осетины. В регионе дельты Кубани, равно как и в Крыму, мы можем предположить существование как иранской, так и славянских ветвей ас (т. е. антов). Поэтому имена некоторых крымских мест, производные от названия "ас", могут рассматриваться как свидетельство антской экспансии. В данной связи имена города

Кичкас (Кучук Ас) на нижнем Днепре и города Ясы в Молдавии одинаково могут быть упомянуты. Оказывается, что остров Березань в широком устье Днепра был также известен как Аас.[125]

Попытка изучения археологического фона антов впервые была предпринята покойным А. А. Спицыным.[126] Его заключения были предварительными, в особенности поскольку он не включал аланские древности в поле своего исследования. Спицын впервые рассмотрел предмет с топографической точки зрения. С его точки зрения, территория, заселенная антами, простиралась от региона нижнего Днестра до верхней реки Донец. Согласно Спицыну, группа древностей шестого и седьмого веков, выполненная в характерном стиле и обнаруженная на территории предполагаемой экспансии антов, должна быть идентифицирована как антские древности. Он таким образом относит к антам множество драгоценных кладов этого периода, обнаруженных в различных местах Херсонской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской и Воронежской губерний. Заключения Спицына были недавно подтверждены и развиты Б. А. Рыбаковым.

По Рыбакову,[127] заселенная антами территория простиралась от нижнего Дуная до реки Донец. Согласно Рыбакову, следующая группа древностей пятого, шестого и седьмого столетий, найденных на этой территории, может рассматриваться как антская: пальчатые и простые застежки, подвески, лунообразные украшения, квадратные металлические пластины, крупчатые грубые металлические ушные кольца, браслеты с расширяющимися концами, спиральные ушки (для крючка и иглы); массивные поясные пряжки; односторонние гребни определенного типа с высокой орнаментированной задней стороной; височные кольца и т. д. Большинство этих вещей сделано из бронзы или серебра, но некоторые из золота. К этому перечню следует прибавить мечи антского типа. В другой связи сам Рыбаков упоминает антские мечи седьмого века.[128]

Приведенный выше перечень будет, возможно, существенно пересмотрен и расширен, если когда-нибудь будет предпринято систематическое параллельное исследование антских и аланских древностей. Подходящей археологической стоянкой для такого исследования будет Верхний Салтов в районе верхнего Донца.[129] Поселение Верхний Салтов было важным коммерческим пунктом в торговле между Северной Русью и Азовским регионом. Раско-

панные объекты относятся к периоду между шестым и девятым столетиями, но весьма возможно, что поселение ас здесь было основано задолго до шестого века. Позднее Верхний Салтов был оккупирован мадьярами и затем, возможно, шведами. Отсюда и противоречия во мнениях различных ученых, которые изучали древности Харьковской губернии, где расположен Верхний Салтов. Шведский ученый Т. Арн ссылается на некоторые древности, найденные в этой губернии, как на шведские.[130] Венгерский археолог Н. Феттих определил некоторые из салтовских предметов как мадьярские.[131] Итак, некоторые предметы, обнаруженные в Верхнем Салтове и вокруг него, могут быть шведскими, другие мадьярскими, а иные и аланскими (асскими, антскими).

По мнению Рыбакова, центр цивилизации антов находился в районе среднего Днепра, в Киевской и Черниговской губерниях; на востоке антская территория включала регионы по рекам Десне, Сейму, Пселу, Ворскле и достигала Дона у Воронежа; на юге она достигала нижнего Днепра. Нужно отметить, что Рыбаков не проводит различия между границами распространения антов в ранний период (пятое и первая половина шестого столетия) и поздний период (вторая часть шестого и седьмое столетие). Подходя к проблеме с точки зрения общего исторического фона, мы можем предположить, что регион нижнего Буга и Бессарабия были территориями ранней антской цивилизации. И только позднее ее центр сместился на север, в регион Киева. Как предполагает сам Рыбаков, некоторые древности антов схожи с древностями византийских городов на северном черноморском побережье. Это - свидетельство тесной связи между антами и греками; подобная связь наиболее легко объяснима, если предположить, что по крайней мере некоторые антские поселения были расположены вблизи Черного моря. Это также указывает на существование алано-антских общин в Крыму.

В то время как сельское хозяйство кажется опорой антской экономики, скотоводство также было хорошо известно антам. В византийских и сирийских источниках мы встречаем ссылки на склады проса и овощей в селении антов;[132] на антские поля на Дунае;[133] на стада скота и лошадей.[134] Анты, кажется, селились кланами или большими семьями типа задруги и уделяли большое внимание созданию поселений, недоступных их врагам. "*Они живут в лесах и*

на болотах, между реками и озерами; их поселения имеют много выходов на случай опасности".[135] Несколько мест старых поселений, которые могут быть отнесены к антским, недавно были раскопаны на Украине.[136] Таково *городище* Гочево, относящееся к шестому и седьмому столетиям, на берегу реки Ворсклы и др. Остатки славянского (антского) поселения также были найдены в Борщево.[137] Земельный план антского городища борщевского или гочевского типа состоит из большого центрального круга, по периметру которого выстроены землянки; поселение имеет множество выходов. Это хорошо соответствует описанию Маврикия. Землянки городища этого типа квадратные, 5 на 5 метров; в центре каждого находилась глиняная плита, а по стенам земляные скамьи. Близ хижины находились ямы для хранения пищи; зерна проса и кости домашних животных (корова, свинья, овца, коза) были обнаружены в таких ямах.

Обратимся теперь к политической и социальной организации антов. Прокопий именует ее демократией. "*Поскольку эти народы, склавены и анты, не управляются одним человеком, но жили с древних времен при демократии, и соответственно все, предполагающее их благосостояние, во благо или во зло имеет отношение ко всем людям*".[138] Согласно Маврикию, "*как склавены, так и анты живут в мире и не позволяют кому-либо подчинять их... У них нет высшей власти, и они всегда бранятся друг с другом*".[139] Картина политической организации антов, данная Прокопием и Маврикием, однако неполна, поскольку мы знаем из других источников, что определенные группы или общины антов возглавлялись вождями, имеющими значительный авторитет. Так, как мы видели,[140] во время алано-готской войны 375 г. анты находились под предводительством царя Боза и семидесяти знатных особ.[141] Менандер также упоминает "архонтов" антов.[142]

Поскольку (по нашему мнению) анты были славянами, организованными иранцами (аланами), правящий род антов должен был быть иранского происхождения. Существенно, что имена антских вождей, как это зафиксировано в хрониках, во многих случаях иранские или полуиранские. Таковы, например, имена Ардагаста,[143] Пейрагаста,[144] Келагаста.[145] Это сложные имена. Вторая часть каждого, "-гаст", также известна как отдельное имя из керченских надписей (Γασαχησ).[146] Она может быть иранской, кельтской, фра-

кийской или славянской, но факт ее использования в Боспорском царстве показывает, что она была в любом случае ассимилирована иранцами. Некоторые славянские имена следуют тому же образцу, как, например, Доброгаст.[147]

Когда в гуннский период анты стали принимать участие в кампаниях в дальние регионы, некоторые из их вождей не упустили возможности самообогащения трофеями войны и пленными, что должно было значительно увеличить их социальный престиж. Возможно, что именно таким удачливым антским вождям могли принадлежать ценные клады, обнаруженные в русско-украинской лесостепной зоне. Один такой клад был найден в 1927 г. близ деревни Большой Каменец в Льговском районе Курской губернии; большинство предметов этого клада теперь находятся в Оружейной палате в Москве.[148] Здесь можно упомянуть в их кругу серебряный кувшин с чеканным рельефом, который частично позолочен. Он греческой работы и имеет клеймо константинопольской мастерской. Судя по его стилю, он может быть предварительно датирован 400 г. н. э. Знаменитый Перещепинский клад,[149] найденный в 1912 г. и с тех пор хранившийся в Эрмитаже, может также рассматриваться как часть сокровищницы антского вождя. Дата в этом случае - седьмой век.

9. Византия, анты и булгары в первой четверти шестого века

Мы уже упомянули,[150] что к концу 460-х г. византийский государственный деятель Аспар был заинтересован в стимулировании антской колонизации региона нижнего Дуная. Убийство Аспара (471 г.) и последующие изменения в византийской политике предотвратили византийско-антское *сближение* в это время. После смерти Аспара византийское правительство обратилось за поддержкой к исаврийцам, и после смерти императора Льва командир исаврийского гвардейского полка Зенон достиг трона. В период правления Зенона (474 - 491 гг.) византийское правительство старалось сохранить дружественные отношения с гуннами, в результате чего последние, теперь называвшиеся булгарами, вновь появились на нижнем Дунае и возможно подчинили себе склавенские и

антские общины, которые могли обосноваться в регионе в это время.

Смерть Зенона породила радикальные изменения в имперской политике. Ведущие представители византийской администрации были достаточно хорошо знакомы с беззаконием исаврийской военной диктатуры, и, по их совету, вдова Зенона Ариадна (бывшая дочерью Льва I) провозгласила *силенциариуса* Анастасия новым императором.[151] Анастасий, правивший с 491 по 518 г., был зрелым и опытным администратором. Его первый шаг был направлен на слом высокомерия исаврийцев. Согласно его приказу, собственность Зенона была конфискована и его брат арестован и депортирован, хлебный рацион исаврийских солдат был значительно урезан, что и вызвало восстание во всем исаврийском гвардейском полку. Хотя восстание в столице было быстро подавлено, потребовались годы прежде чем исавры были усмирены.

Воспользовавшись гражданской войной в империи и, возможно, призывом о помощи исавров, гунно-булгары, вероятно усиленные антами, вторглись во Фракию (493 г.). Как мы уже упоминали,[152] в хронике комеса Марцеллина эти захватчики названы скифами. Шесть лет спустя булгары (на сей раз так названные в хронике Марцеллина) вновь предприняли рейд во Фракию и нанесли сокрушительный удар по византийской армии (499 г.). В 502 г. случился еще один булгарский набег. Три года спустя начались неприятности в регионе среднего Дуная, где командующий войсками федератов Мунд восстал против империи.[153] Иоанн Малала полагал, что он был гепидом,[154] а комес Марцеллин - гетом.[155] Информация Марцеллина обычно очень надежна, но, к сожалению, значение слова "гет" в этот период очень туманно. Изначально гетэ или геты были фракийцами.[156] Около шестого века их потомки уже смешались с различными пришельцами. Следуя классической традиции, Иордан называет готов гетами.[157] В этом особом случае, однако, Иордан описывает Мунда не как гета, а как соплеменника Аттилы, т. е. гунна.[158] Эннодий в панегирике Теодориху, остготскому королю Италии, пишет о Мунде как о булгаре,[159] т. е. опять же гунне. Итак, Мунд был либо гунном, либо гетом, и в любом случае он не был готом. Противоречие в источниках относительно него может быть объяснено тем, что будучи гунном, он возглавлял "гетское" восстание. Но что подразу-

мевается под именем гет в этом случае? Весьма возможно, что славяне.[160]

Нужно принять во внимание, что ситуация на дунайской границе империи была в первой половине шестого века довольно благоприятной для постепенного проникновения славян в регион. Для защиты имперской границы по берегам Дуная были расположены не регулярные армейские полки, а в основном сообщества *федератов*, рекрутированных из различных варварских племен, среди которых были и славяне. Когда бригада *федератов* оставалась на годы в той же провинции, ее командир начинал чувствовать себя не византийским офицером, а автономным пограничным правителем. В благоприятный момент он требовал от императора назначения strategos ("военачальником") или magister militum ("повелителем солдат") с полной властью над войсками и гражданским населением провинции. Получив отказ, он восставал против императора. Таким, возможно, был ход событий в случае Мунда, и так же должно было позднее обстоять дело с Виталианом и Псевдо-Килбудом. Нужно добавить, что местное население обычно поддерживало всем сердцем такие восстания, поскольку надеялось избавиться от имперских сборщиков налогов.

Хотя восстание Мунда в конечном итоге было подавлено, император Анастасий хорошо понял его опасные последствия и решил в пользу безопасности и обеспечения лучшей защиты своей столицы и ее пригородов от дальнейших случайностей. Он поэтому приказал построить фортифицированную линию, так называемую Длинную Стену, которая должна была протянуться от Деркоса на Черном море до Селимбрии на Мраморном море. Эта стена была завершена к 512 г., ее длина была около пятидесяти миль.

В 514 г. случился новый кризис, затронувший империю гораздо более болезненно, нежели восстание Мунда. На сей раз восстание поднял Виталиан, комес *федератов* в Малой Скифии (Добруджа). Согласно Иоанну Малалосу, он был фракийцем.[161] Термин этот к сегодняшнему дню утратил какое-либо определенное этническое наполнение и должен пониматься географически - уроженец Фракии. Имя "фракиец" стало, таким образом, синонимом термина гет. В "Истории церкви" Захарии Ритора Виталиан определяется как гот.[162] Комес Марцеллин называет Виталиана скифом, но в то же время, комментируя убийство византийского пол-

ководца одним из адъютантов Виталиана, говорит, что он был убит "гетским ножом".[163] Под этим он очевидно подразумевает, что он был убит по приказу гета; поскольку генерал был убит по приказу Виталиана, отсюда следует, что Виталиан был гетом.

Мы можем рассматривать Виталиана как гета или гота, или, возможно, потомка как "гетских", так и "готских" предков. Кто же были предки Виталиана? Мы знаем, что имя его отца было Патрикий или Патрикиол. В данной связи мы можем вспомнить, что одного из сыновей Аспара также звали Патрикиол или Патрикий.[164] Не был ли Виталиан внуком Аспара?[165] Если это принять, то объясняется многое в психологии Виталиана: его самоуверенность и властный тон в переговорах с константинопольским правительством. Следует, однако, отметить, что в то время как Аспар был арианином, Виталиан - защитник ортодоксии. Но также возможно, что после смерти Аспара его сын Патрикий (в котором мы видим отца Виталиана) мог отойти от арианства и быть обращенным к ортодоксальной вере.[166] Если мы идентифицируем Виталиана как внука Аспара, мы должны согласиться, что в его жилах текла как готская, так и гетская (аланская) кровь. В любом варианте ясно, что Виталиан был тесно связан с местным населением Добруджи, которое было частично аланским, а частично, возможно, также антским.

Виталиан взбунтовался после того, как император Анастасий приказал magister militum Фракии Ипатию прекратить выплату жалования Виталиану и сократить выплаты его федератской бригаде. Приказ кажется вышедшим после получения императором от его шпионов некоторой негативной информации относительно Виталиана. Фактически же сам императорский приказ ускорил события и привел к гражданской войне. С начала своего восстания Виталиан старался разработать собственную программу на широком идеологическом фундаменте. Он заявил, что его основной целью была чистота ортодоксальной веры против монофизитских тенденций Анастасия.[167] Это заявление обеспечило ему поддержку ортодоксального духовенства в Константинополе и Риме. Что же касается его личной роли, Виталиан потребовал от императора своего назначения господином солдат (magister militum) Фракии. Подобное назначение казалось гарантированным, и хранитель провинциальной казны в Одиссе (Варна) счел своим долгом передать

Виталиану все ее фонды. С помощью этих фондов Виталиан не имел трудностей в сборе около пятидесятитысячной армии, которую он повел на Константинополь, не встречая никакого сопротивления. Длинная Стена оказалась плохой защитой, и вскоре солдаты Виталиана появились под стенами самого города. У Виталиана не было, однако, достаточно сил для штурма города, и поэтому он выказал готовность обсудить перемирие, к числу условий которого относилось перенесение спора о религиозных проблемах на суд папы. Хотя Виталиан и не был назначен военным наместником Фракии, бывший наместник был уволен, а Виталиан и его адъютанты получили щедрые подарки от императора.

После заключения мира Виталиан вернулся в Добруджу. Соглашению не суждена была долгая жизнь, поскольку у императора не было желания сохранять перемирие. Новоназначенному наместнику Фракии были даны секретные инструкции арестовать Виталиана как только все успокится. Виталиан узнал об этом плане и решил ударить первым. Один из его адъютантов, гунн Таррак, убил наместника. Когда новость об этом убийстве достигла Константинополя, император Анастасий собрал чрезвычайное заседание государственного совета, и Виталиан был объявлен врагом народа. Восьмидесятитысячная армия была выслана для ведения действий под командованием бывшего господина солдат Ипатия. Дабы предотвратить угрозу, Виталиан призвал на помощь банду гунно-булгар из задунайского региона и с их помощью напал на византийский лагерь в Одиссосе. Имперские войска были жестоко разбиты, а сам Ипатий взят в плен.

Виталиан подступил к Константинополю во второй раз. Теперь в его распоряжении был флот - около двухсот дунайских речных лодок. Вспоминая о навыках славян в навигации,[168] мы можем предположить, что большинство из этих лодок управлялось дунайскими славянами. Поскольку Константинополь был в опасности полной блокады, у императора не было иной альтернативы, как заключение мира с Виталианом на условиях последнего. Они были таковы: должен быть выпущен имперский указ об ортодоксии; в своих епархиях должны быть восстановлены епископы, смещенные из-за отказа достичь компромисса с партией монофизитов: Виталиан должен быть назначен господином солдат (magister militum) Фракии и получить 5000 фунтов золота компенсации.

Хотя император согласился с этими условиями, он не думал о верности им. Историк Феофан Исповедник приписывает Анастасию следующие слова по этому поводу: "*Существует закон, предписывающий императору лгать и нарушать свою клятву, если это необходимо для благополучия Империи*".[169] Виталиан со своей стороны не доверял императору и попытался найти новых союзников на случай будущих непредвиденных событий. Скорее всего по его наущению гунны-сабиры совершили вторжение в черноморские провинции Византийской империи в 515 г.[170] Неясно, имел ли Анастасий какую-либо определенную информацию относительно переговоров между Виталианом и сабирами или же лишь подозревал о наличии контактов между ними, но он, очевидно, решил обезопасить себя и в 516 г. сместил Виталиана с поста господина солдат. Вместо подчинения императорскому приказу Виталиан повел свои войска к Константинополю в третий раз, вновь используя свои армию и флот. Согласно хронисту Иоанну Малала, среди этих солдат и матросов были готы, гунны и скифы.[171] Кажется возможным, что под скифами подразумевались славяне. В этот раз Виталиан проиграл кампанию. Имперские войска возглавлял храбрый и умелый полководец Юстин, который, подобно Виталиану, сам был фракийского происхождения, но не "гетского" - т. е. не был аланом или, в противоположность мнению Шафарика, не был славянином.[172] Имперский флот находился под командованием Марина, министра финансов, который использовал химическое соединение, изобретенное Проклом Афинским (возможно, смесь серы и лигроина), с тем чтобы поджечь вражеские корабли.[173] Это или схожее с ним изобретение стало позднее известно как "греческий огонь". При его помощи был уничтожен флот Виталиана, после чего сухопутная армия отступила в беспорядке (516 г.). Некоторые из его адъютантов были взяты в плен и казнены. Самому Виталиану удалось добраться назад в Добруджу.

Хотя Виталиан потерял надежду на успех и в дальнейшем не нарушал мира, его последняя кампания, несмотря на ее неудачу, побудила дунайских "гетов" - в данном случае определенно славян - к новым действиям. В 517 г. их огромные банды вторглись в Иллирию и в Македонию, опустошая страну, захватывая состоятельных горожан в заложники и требуя огромные выкупы от городов, которые они не могли захватить.[174] В своем повествовании об этих

событиях хронист комес Марцеллин ссылается на пророчество Иеремии относительно стрелы молнии, летящей с севера.[175] Следует отметить, что высказывания Марцеллина обычно очень сжаты и конкретны, без литературного украшения. В этом случае он мог прибегнуть к библейской параллели под влиянием проповеди Прокла в 434 г.[176]

Вскоре после "гетского" вторжения император Анастасий умер в почтенном возрасте 88 лет (518 г.). Несмотря на всех своих противников, ему удалось полностью перестроить византийскую финансовую администрацию так, что к моменту его смерти излишек золота в 320000 фунтов был аккумулирован в имперской казне. Его преемником был Юстин I, который победил Виталиана в 516 г. Юстин I начал свое царствование с контрнаступления на славян, которые были вытеснены на север через Дунай и не выступали в течение всего его правления (518-27 гг.).[177]

В качестве меры предосторожности Юстин решил выманить Виталиана из своего убежища в Добрудже в Константинополь, с тем, чтобы предотвратить возможность организации им еще одного восстания. Виталиану гарантировали амнистию и назначение консулом, что предполагало его личное появление в столице. Он был с почестями встречен императором Юстином и предполагаемым наследником Юстинианом, племянником императора. Вскоре он был убит. Историк Прокопий в своих "Anecdota" ("Historia Arcana", "Секретная история") обвиняет Юстиниана в приказе совершить убийство.[178] Однако "Секретная история" не является надежным источником по делам личного характера; весьма возможно, что убийство Виталиана было местью родственника за смерть одного из византийских официальных лиц, убитого по приказу Виталиана во время его восстания.

10. Политика Юстиниана I по отношению к антам и булгарам

Правление Юстиниана (527-65 гг.) - один из наиболее значительных периодов византийской истории.[179] Во многих отношениях это был период культурного расцвета. Храм св. Софии и кодификация римского права - два наиболее примечательных памятни-

ка эпохи Юстиниана.Что же касается внешней политики, он поставил для себя целью восстановление Римской империи в ее прежних границах - задачу, как показали события, неразрешимую. Для достижения своих целей Юстиниан должен был вести нескончаемые войны, для чего он не только расточал накопления, оставленные в казне Анастасия, но расшатал имперскую финансовую систему в целом и перенапряг возможности налогоплательщиков на многие годы вперед. Внимание Юстиниана было разделено между западом и востоком. С одной стороны, шла изнурительная борьба с Сасанидскнми царями; с другой стороны, византийские войска воевали с готами и вандалами за восстановление в составе империи Италии, Африки и Испании.

В свете этой ситуации, дунайская граница привлекала малое внимание дипломатов и генералов Юстиниана. Их основной стратегией на нижнем Дунае была защита. Однако даже такая скромная цель представляла большую трудность из-за славянского напора, который был временно приостановлен при Юстиниане I, но теперь приобрел новую силу.

С этого момента, благодаря Прокопию, наша информация о славянах становится более точной. Как мы видели,[180] Прокопий разделяет дунайских славян на две группы - склавенов и антов. Склавены могут рассматриваться как прародители сербов и антов, русских и булгар. Предки хорватов, по крайней мере так называемые "белые хорваты", были, возможно, ближе к антам, чем склавены. В своей "Секретной истории" Прокопий говорит о славянских рейдах: *"Иллирия и Фракия полностью, охватывая всю территорию от Ионийского залива до окраин Византии, включая Грецию и фракийский Херсонес, захлестывались практически каждый год гуннами, склавенами и антами со времени воцарения Юстиниана в Римской империи, и они творили ужасный хаос среди жителей региона. Во время каждого вторжения более двухсот тысяч римлян, как мне кажется, уничтожались или обращались там в рабство, так что везде в этой земле утверждалась подлинная "скифская дикость".*[181] Также в "Истории войн" Прокопий, комментируя события четвертого года царствования Юстиниана (531), говорит следующее: *"Гунны и анты, склавены уже много раз форсировали (Дунай) и наносили невосполнимый ущерб римлянам".*[182]

С самого начала правления Юстиниана его правительство предприняло серию мер дипломатического и военного характера для защиты дунайской границы. Как мы видели, характерный метод византийской дипломатии состоял в использовании противоречий среди варварских народов и натравливании их друг на друга. Через своих агентов и шпионов имперское правительство пристально следило за развитием политических событий не только на самой границе, но также и в глубинных степных районах. В поисках народов, которые могут быть противовесом славянам, византийские дипломаты естественно вспоминали о булгарах. Булгарские орды контролировали черноморские степи и регион Азова и Северной Таврии, так что Таврида (Крым) была наиболее удобным местом наблюдения за их перемещениями и контакта с ними. Город Херсонес в Крыму был твердо в византийских руках с римских времен, но Боспор (Керчь), который был независимым, был еще более важен для империи. В правление Юстиниана I в Боспор был послан специальный представитель с заданием нанять отряд гуннов кутригуров (булгар) на имперскую службу. Миссия не была удачной, но подготовила почву для последующих переговоров.

В первый год царствования Юстиниана варварский вождь по имени Грод прибыл из Крыма в Константинополь. Он был, согласно одним источникам, гунном, а по другим - герулом.[183] Его крестили и отослали назад в Тавриду как "союзника" императора. Однако его родственники и соплеменники встретили его с подозрением и вскоре началось восстание против его правления, которое возглавлял некий Мугел или Муил.[184] Имя известно только в греческой транскрипции. С тем чтобы восстановить первоначальное имя, мы должны помнить, что согласные "м" и "б" часто взаимозаменимы в тюркских диалектах. Не могло ли имя вождя восстания быть Буил или Боил вместо Муил? Если так, оно должно, возможно, рассматриваться как титул, нежели как личное имя, поскольку мы знаем, что в поздний период существования царства дунайских булгар вожди и знать именовались *боил*.[185] Поэтому возможно, что восстание против Грода было организовано его боярами. В любом случае, Грод был побежден и убит своими противниками.[186]

Юстиниан послал тогда к Боспору морскую эскадру, и город Боспор (Керчь) был временно оккупирован византийскими войс-

ками. Юстиниан, однако, не считал нужным прямо аннексировать Боспор в состав своей империи и решил вместо этого восстановить древнее Боспорское царство. Потомок бывшего боспорского царя был посажен на трон под именем Тиберий Юлий Диуптун. В надписях того времени[187] вместе с новым царем упоминаются два его приближенных: *епарх* Исгудий и *комес* Опадин.[188] Титулы византийские, но имена звучат как местные. Новый боспорский царь был, конечно, вассалом Юстиниана, хотя его официальный титул был "Друг кесаря, друг римлян".

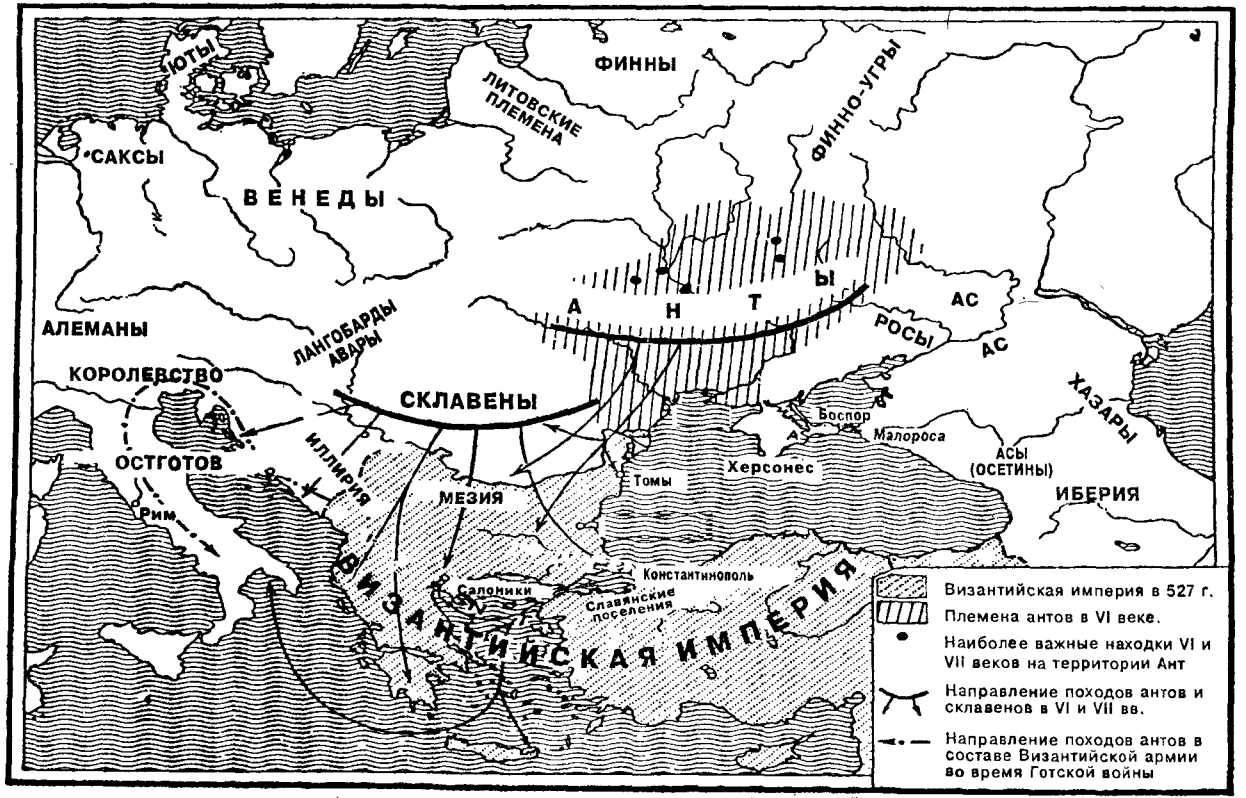
Установив свой контроль над Боспором, Юстиниан обратил внимание на безопасность дунайской границы. В 531 г. один из наиболее способных офицеров имперской армии Хилбуд (Хилбудий) был назначен главнокомандующим во Фракии с инструкцией не позволить славянам пересекать Дунай.[189] Хилбуд не ограничивал свои усилия чисто защитными операциями, но сам пересек реку и предпринял несколько кампаний на земле славян в северном направлении. В 534 г. он был убит в битве. Имя Хилбуд антское, и возможно, что он был антом по происхождению. По Прокопию, до своего назначения в дунайскую армию он был членом личного гвардейского подразделения (οἰχεία) Юстиниана, а такие соединения обычно комплектовались в то время из иностранных солдат.

Смерть Хилбуда имела своим следствием отступление византийской армии, и славяне могли теперь опять вторгаться во Фракию. Дальнейшая угроза была отвращена умелыми усилиями византийской дипломатии, которая преуспела в посеве семян раздора между склавенами и антами. Эти два народа начали взаимную ссору и на некоторое время оставили в покое Византию. Как раз во время склавено-антской войны молодой ант, чье имя было также Хилбуд, был взят в плен склавенами.[190] Его склавенский господин любил его и обращался с ним, как с членом своей свиты, а не как с рабом. Хилбуд, в свою очередь, привязался к своему хозяину и стал верным последователем. Мы должны сохранить в памяти этот эпизод, ибо он будет иметь некоторые важные следствия.

Обратимся теперь к общему развитию событий. Мы видели,[191] что в четвертом и пятом веках имперское правительство нанимало готов, аланов и гуннов для защиты своих границ. Аналогичным образом Юстиниан имел булгарские и славянские подразделения в своей армии, и они оказались очень полезными в его войне про-

тив Остготского королевства в Италии. Весной 537 г. византийский главнокомандующий Велизарий был осажден готами в Риме. Византийский гарнизон был малочисленным, и его положение было серьезным, когда несколько кавалерийских эскадронов, насчитывавших вместе тысячу шестьсот человек, пришли на выручку Велизарию. Согласно Прокопию, эти эскадроны состояли из гуннов (булгар), склавенов и антов.[192] С их помощью командующему удалось отбить атаки врага, и в марте 538 года готы отступили от Рима.

Хотя значительное количество булгар поступило на имперскую службу и присоединилось к византийским войскам в Италии, основная орда кутригуров использовала готскую войну для атаки византийских владений на Балканском полуострове, которые были почти отрезаны от имперских войск. В 539 - 540 гг. булгары провели рейды по Фракии к эгейскому побережью и по Иллирии до Адриатического моря. Вскоре за ними последовали анты и прошлись с грабежами по Фракии. Кажется, что у антов появилась теперь идея постоянного захвата Фракии, как это попытался сделать Виталиан четверть столетия ранее. Им нужен был, однако, лидер, способный претендовать на место губернатора Фракии, как это делал Виталиан, и обладающий авторитетом, признаваемым не только славянами, но и греками. В этих обстоятельствах вспомнили имя покойного военачальника Хилбуда, и Псевдо-Хилбуд был подготовлен к роли властителя. Согласно Прокопию,[193] план предложил один греческий пленник, захваченный антами во Фракии. Его исходный мотив должен был быть чисто личным - желание обрести свободу от уз плена. Его первым ходом было сообщение своему господину, что ему известен секрет, знание которого поможет ему (господину) получить значительную денежную сумму. Хозяин заинтересовался информацией, и грек сказал ему, что Хилбуд, считавшийся мертвым, в действительности живет в плену в склавенских землях. Если его освободить и привезти в Константинополь, имперское правительство выплатит большое вознаграждение помогшему ему человеку. Господин грека пожелал предпринять попытку, и они двинулись вместе в земли склавенов, обнаружили анта Хилбуда и выкупили его у склавенского хозяина. Однако, когда Хилбуд был доставлен в землю антов и получил почести от своего спасителя как полководец Хилбуд, он опроверг такое


ЮТЫ
САКСЫ
ВЕНЕДЫ
ЛИТОВСКИЕ ПЛЕМЕНА
ФИННЫ
ФИННО-УГРЫ
АЛЕМАНЫ
ЛАНГОБАРДЫ
АВАРЫ
КОРОЛЕВСТВО
ОСТГОТОВ
Рим
СКЛАВЕНЫ
ИЛЛИРИЯ
МЕЗИЯ
А Н Т Ы
РОСЫ
АС
АС
ХАЗАРЫ
Боспор
Малороса
Херсонес
Томы
АСЫ (ОСЕТИНЫ)
ИБЕРИЯ
Салоники
Константинополь
Славянские поселения
ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Византийская империя в 527 г.
Племена антов в VI веке.
Наиболее важные находки VI и VII веков на территории Ант
Направление походов антов и склавенов в VI и VII вв.
Направление походов антов в составе Византийской армии во время Готской войны

отождествление. Грек, который создал план, сказал теперь своему господину, что этот человек действительно полководец, но боится признаться в этом до прибытия в Константинополь.

Слух о прибытии Хилбуда быстро распространился среди антов, было созвано общее собрание, и Псевдо-Хилбуд был провозглашен вождем племени антов. Было решено обратиться к императору, с тем чтобы вновь назначить его на пост главнокомандующего дунайской армией. Тем временем, император, не зная ничего о появлении Псевдо-Хилбуда, сам послал представителя к антам, предлагая дружбу, если они эмигрируют в Туррис, город "к северу от Дуная", как лаконично сообщает Прокопий. Он может быть идентифицирован как Тирас в устье реки Днепр (Аккерман).[194] Заставляя антов там поселиться, Юстиниан очевидно имел в виду использовать их в качестве стражей северо-восточной границы империи против булгар. Анты согласились при условии назначения Хилбуда командующим пограничного района. Новый лидер антов был послан в Константинополь для личных переговоров с императором. Однако случилось так, что в дороге он встретил византийского полководца Нарсеса, который шел на Италию. Нарсес лично знал настоящего Хилбуда и был в состоянии обнаружить обман. Он арестовал самозванца и доставил его в Константинополь, где тот был задержан.

Несмотря на арест, анты согласились разместить войска в Тирасе (около 544 г.).[195] В 547 г. вспомогательный батальон антов помог византийской армии в Лукании против остготов. Хотя соединение было довольно маленьким - лишь триста человек - оно оказалось очень ценным благодаря способности антов вести войну в холмистой местности.[196]

Итак, в Италии, и в черноморских степях анты служили Византии. Оказывается, что теперь они формально признали сюзеренитет императора, и характерно, что Юстиниан вскоре присоединил эпитет "Антский" к своему титулу.[197] Что же касается склавенов, с ними не было заключено никакого соглашения, и начиная с 547 г. они возобновили свои рейды на Фракию, которые продолжались пять лет.[198]

Хотя антский гарнизон был размещен в Тирасе для предотвращения атак булгар-кутригуров, эта защита, очевидно, не казалась достаточной Юстиниану, и он решил окружить кутригуров, за-

ключив союз с восточной ветвью булгар - утигурами, которые жили к юго-востоку от Азовского моря. Богатые подарки и деньги были посланы хану утигуров, с тем чтобы заставить его атаковать кутригуров с тыла. Предложение было принято и вскоре утигуры двинулись на север, сопровождаемые двумя тысячами готов-трапезитов. После продолжительной борьбы объединенные силы утигуров и готов разбили кутригуров, взяв множество пленных и захватив стада лошадей. Юстиниан не хотел, однако, полностью опрокинуть баланс сил в степях, давая слишком много преимуществ утигурам, и он сделал противоположный ход - предложил свою защиту кутригурам.[199] Изобретение не сработало, поскольку предательская природа византийской политики становилась слишком очевидной; напротив, два булгарских племени теперь объединились против империи.

В 551 г. банды кутригуров прорвались сквозь антский барьер и напали на Фракию.[200] Зимой 558 или 559 г. огромная орда булгар и славян под предводительством хана Забергана пересекла Дунай, разграбила Фракию и Македонию и появилась у фракийского Херсонеса (Галлиполи).[201] Оставив там часть своих булгаро-славянских войск, Заберган с основным соединением булгар подошел к самому Константинополю. И лишь ценой крайних усилий ветеран Велизарий сумел организовать защиту столицы и отбросить силы Забергана назад за Длинную Стену. Славяне в армии Забергана, однако, предприняли попытку атаковать Константинополь с моря. Не имея лодок, они спешно соорудили множество плотов, на которых двинулись вперед. Эта импровизированная флотилия была, как и можно было ожидать, легко уничтожена византийским флотом.[202]

Несмотря на эти неудачи, сухопутная армия Забергана все еще могла нанести большой ущерб Константинополю, отрезая связи столицы с Фракией. Штаб был временно устроен в Аркадиополе (Люлебургас). Византийцы должны были послать богатые "подарки" хану-захватчику в качестве платы за его возвращение в степи. Существовала, однако, и другая причина отступления Забергана: были получены известия о появлении ранее неизвестной воинственной орды к востоку от Дона, идущей из монгольской пустыни. Новости говорили об опасности, и булгары поспешили домой. Новой ордой были авары.

Глава V

АВАРО-АНТСКИЙ ПЕРИОД, (558 - 650 гг.)

I. Предварительные замечания

Вторжение авар и последовавшее за тем продвижение тюрков в Азовский регион нарушили баланс сил в северном Черноморье и тем самым открыли новый период в жизни народов западной Евразии, особенно повлиявший на судьбы антов. Хотя государство антов в Бессарабии было разгромлено аварами, часть антских племен оставалась в нижнедунайском регионе еще значительное время после этого. В подчинении антским вождям находились также некоторые склавенские общины. Иногда анты присоединялись к аварам в набегах последних на Византию, в иные времена, наоборот, они заключали дружеские соглашения с Византийской империей. Во второй половине шестого и начале седьмого века анты начали рассеиваться во Фракии к югу от Дуная. Продвижение склавен во Фракию и Иллирию было не менее настойчивым. Аварский период, таким образом, может быть охарактеризован как время антско-славянской колонизации Балканского полуострова.

В византийской дипломатии, придерживавшейся имперских спекуляций Юстиниана I, дало себя знать противодействие. Войска империи были сильно истощены во время правления этого императора, поэтому не имели больше возможности защищать обширные

области средиземноморских владений империи. В 568 г. тевтонское племя лангобардов вторглось в Италию и оккупировало большую ее часть. В причерноморских землях, таких как Грузия и Таврида, войска империи держали оборону, и вскоре ситуация для них стала очень напряженной. Было очевидно, что империи недостает военной мощи для обеспечения безопасности своих границ. Дипломатия была вынуждена помочь армии. Искусно маневрируя в удовлетворении претензий различных "варварских" народов, таких как авары, гунно-булгары, тюрки, аланы и персы, имперская дипломатия сеяла семена раздора между своими врагами, предотвращая тем самым их объединение и провоцируя вражду среди них. На какое-то время эта дипломатическая игра привела к значительным успехам, что позволило армии укрепиться. Император Ираклий победил аваров и вторгся в Персию. При таком положении дел на Востоке, однако, возникла новая опасность в лице арабов.

Ставший эпохальным исход Мухаммеда из Мекки (Хиджра) 23 сентября 622 г. н.э. явился началом новой исламской эры. Ислам - это слово буквально означает "послушание" - был воинствующей религией, и целью ее первых вождей было пронести знамя ислама по всему миру, который они делили на две части: Дом Ислама (Дар-уль-Ислам) и Дом Войны (Дар-уль-Харб).

Одновременно на северо-востоке набирала силу Тюрко-Хазарская империя. Булгары были не в силах противостоять напору хазар, и в конце концов одна из булгарских орд двинулась из Азовского региона к нижнему Дунаю. Основание булгарского ханства на нижнем Дунае означало новую угрозу Византийской империи и, с другой стороны, привело к зависимости антских племен в Бессарабии от булгар. Таким образом, аваро-антский период пришел к завершению, и новая эра, которую мы можем назвать булгаро-хазарским периодом, вступила в свои права. В то же время открылись новые торговые пути как следствие быстрого расширения арабской империи.

Среди византийских историков аваро-антского периода первым должно быть названо имя Менандра Протектора. Благодаря своему образованию и высокому положению в имперской администрации, он был хорошо подготовлен к исполнению обязанностей историка. Период, к которому он обращается в своих трудах, охватывает последние годы правления Юстиниана I, а также время прав-

ления Юстина II и Тиберия I (558 - 582 гг.). К сожалению, от трудов Менандра сохранилось лишь несколько фрагментов. Но поскольку он особенно интересовался отношениями между империей и кочевыми народами Евразии, эти небольшие фрагменты содержат ценные материалы по истории как аваров, так и антов. События времен правления императора Маврикия (582 - 602 гг.) описаны Феофилактом Симокаттой, египетским греком, жившим в период правления Ираклия (610 - 641 гг.). Феофилакт был добросовестным ученым, но намного слабее подготовленный как историк, поскольку обладал значительно меньшей внутренней информацией, чем Прокопий или Менандр. Чаще, чем следовало, он неверно оценивал значимость описываемых событий, а временами тонул в незначительных подробностях.

Что касается событий седьмого и восьмого веков, то здесь следует в первую очередь обратиться к хронике, написанной Феофаном Исповедником, византийским монахом, который сделал в 810 - 815 гг. краткий обзор истории от Диоклетиана до Льва V. В 873 - 875 гг. папский библиотекарь Анастасий перевел хронику Феофана на латынь; поскольку он добавил некоторую информацию из других источников, его перевод обладает особой ценностью. Современник Феофана, патриарх Никифор (годы патриаршества: 806 - 815) оставил два исторических труда, ставших довольно известными: так называемая "Краткая история", которая охватывает период с 602 по 769 г., и второй - "Краткая Хроника" от Адама до 829 г. н. э.

Во времена императора Михаила III (842 - 846 гг.) появилась еще одна хроника, написанная монахом Георгием Амартолом ("Грешником"). Она была задумана как очерк мировой истории со дня Творения до смерти императора Феофила (842 г.). Георгий использовал труды как Феофана, так и Никифора, добавляя также информацию из других источников, поэтому его хроника присовокупляет некоторый дополнительный материал к тому, что собран двумя его предшественниками. Хроника Георгия, возможно, более, чем все остальные, проникнута византийским духом. Это не только прагматический очерк истории, но в большей мере философия истории. Главной целью автора было объяснить значение исторических событий с точки зрения христианского монаха. Приспособленная к интересам читателя, эта хроника была очень популярна в византийском обществе, а позднее, когда появился ее сла-

вянский перевод, ее читали много и в славянских странах, особенно на Руси.

Нельзя не подчеркнуть то, что русский переводчик хроники Георгия в некоторых случаях - как, например, в переводе названий племен - исходил из своих собственных суждений, основанных на исторической традиции, существовавшей помимо той информации, которую давал Георгий. Поэтому русский перевод хроники, сделанный в конце десятого или начале одиннадцатого века, является свидетельством подъема русской исторической мысли того времени. Русское историческое писание, как таковое, развивалось, во всяком случае, под очевидным влиянием трудов Георгия Амартола и патриарха Никифора. Первые русские летописи были написаны в одиннадцатом веке - сначала в Киеве, а затем в Новгороде. В начале двенадцатого века эти ранние летописи были переработаны, и появился более фундаментальный исторический очерк русской старины, известный как "Повесть временных лет". Среди разных вариантов и редакций двумя наиболее важными являются Лаврентьевский список конца четырнадцатого века и Ипатьевский - начала пятнадцатого. Следует принять в расчет возможность того, что поскольку изначальная (первичная) летопись, которая составила основу "Повести", создавалась в одиннадцатом веке, ее автор мог использовать как более ранние записи, так и устную традицию. Поэтому возможно, что "Повесть" содержит фрагменты подлинных сведений, относящихся к периоду с седьмого по десятый век. Старые предания лучше сохранились в Ипатьевском, чем в Лаврентьевском списке.

Что же касается трудов сирийских историков, в дополнение к тем, кто был упомянут выше[1], может быть названа хроника несторианца Григория Аб-уль-Фараха по прозвищу Бар Хебреус. Григорий писал ее в тринадцатом веке, но в то же время использовал ряд более ранних источников. Об арабской историографии речь пойдет в следующей главе.

2. Вторжение аваров и появление тюрков

Для того чтобы правильно понять предпосылки миграции аваров, необходимо еще раз обратиться к развитию событий во внутренних регионах Евразии. После того как гунны ушли из Монго-

лии в причерноморские степи в IV в. н. э., их место в Монголии было занято другим кочевым народом, который упоминается в хрониках под названием жень-жень. В то время как гунны нападали на Римскую империю, жень-жень воевали с Китаем. Они преуспели в создании обширного государства, простиравшегося по зоне степей и пустынь от Маньчжурии до Туркестана. Им также удалось оккупировать отдельные пограничные районы Китая.[2]

Среди племен, завоеванных жень-жень, были тюрки, которые населяли Алтайский горный регион. Этот регион, как известно, богат рудами, и местные жители были давно знакомы с применением металлов.[3] В любом случае, среди тюрков были искусные кузнецы, которые хорошо обеспечивали свой народ оружием. В конце 540-х гг. тюрки восстали против жень-жень, и последние были не в состоянии подавить этот мятеж. Затем тюрки перешли в наступление, и в 552 г. тюркский хан Бумин нанес сокрушительное поражение армии жень-жень,[4] после чего он присвоил себе титул кагана,[5] т. е. императора. Орда жень-жень растворилась. Часть ее подчинилась тюркскому правлению, остальные мигрировали в Китай и использовались китайцами в качестве стражей границы. Еще одна часть жень-жень, включавшая в себя смешанные кланы тюрков, монголов и, возможно, манчжуров, ринулась на запад. Именно эта ветвь жень-жень с присоединившимися кланами стала известна на западе под названием аваров; они называются обрами в русских летописях. Аварская армия первоначально насчитывала около двадцати тысяч всадников; ее вел хан Байан.[6]

К началу 558 г. аварская орда достигла рубежей Северного Кавказа и вступила в контакт с аланами. Царь аланов, который был в дружеских отношениях с Византийской империей, передал известие о приближении аваров командующему византийской армией в Закавказье Юстину, который, осознав важность известия, немедленно отправил гонца в Константинополь.[7] Византийские дипломаты приняли быстрое решение вступить в переговоры с пришельцами с целью использовать их против гунно-булгар, которые в то время сильно нажимали на Константинополь.[8] Итак, в разгар войны с булгарами в Константинополь прибыл аварский посланник и был принят с почестями. Он от лица хана предложил помощь аварской орды в войне против булгар, потребовав взамен солидную сумму и земли для поселения. Требования были приня-

ты, посланник получил богатые подарки, и конюший императора, Валентин, был послан к хану в качестве византийского посланника.[9] Как мы убедились, известия о появлении аваров были главной причиной отступления булгар от Константинополя. Булгары ринулись назад в степи, чтобы избежать нападения.

Хотя аварская армия и не была многочисленной, она оказалась сильнее булгарской. Одной из причин аварского превосходства была, возможно, такая, на первый взгляд, мелочь, как стремена, применявшиеся аварскими всадниками. Мы говорили[11] о том, что кожаные ремни, исполнявшие функции стремян, были известны скифам. Железные стремена изредка находили в сарматских курганах более позднего периода, так же как и среди гуннских древностей в Венгрии.[12] Однако железные стремена получили распространение в Центральной Евразии задолго до их широкого использования в причерноморских степях, и только после прихода аваров они были введены в европейской кавалерии.

Другая причина превосходства носила психологический характер. Спасаясь бегством от тюрков, от которых можно было ожидать преследования, авары не имели иной альтернативы, кроме как прорваться в причерноморские степи, захваченные булгарами. Они были в отчаянном положении, поскольку у них не было ни продовольственных запасов, ни источников для получения оружия, ни скота и кузниц. Они ничего не теряли, а получить могли все; в ином случае они были обречены на голод и уничтожение.

Сабиры стали первым гуннским племенем в восточной части Северного Кавказа, подвергшимся нападению (559 г.).[13] Разгромив сабиров, авары вторглись в страну утигуров на восточном побережье Азовского моря (560 г.).[14] Утигуры были принуждены признать над собой сюзеренитет аваров. Вслед за тем авары пересекли реку Дон и вторглись в земли кутригуров.[15] Последние, скорее всего, попросили о помощи своих западных соседей антов, но те отказали в ней. Кутригуры потерпели поражение, и кутригурский хан - вероятно, тот же самый Заберган, который угрожал Константинополю в 558 г., - стал вассалом хана Байана. По всей вероятности, именно в это время Байан присвоил себе титул кагана, под которым он и был впоследствии известен.

Устранив в качестве противника кутригуров, авары приблизились к реке Днестр (561 г.). Их следующей целью стала Бессара-

бия, родина антов. Сначала анты оказали яростное сопротивление, но затем вступили в переговоры с захватчиками. Согласно Менандру,[16] имя посла антов было Мезамер. Он был сыном Идарисия и братом Келагаста. Первое из этих имен, вероятно, славянское (Безмер), два других звучат как иранские или тюркские.[17] На всем протяжении переговоров поведение Мезамера было надменным и независимым. Исходя из этого мы можем предположить, что анты не считали себя побежденными. При таком положении дел в игру вступил хан кутригуров. Если наше предположение верно (в том, что он до этого просил антов о помощи, но получил отказ), то оно объяснит его враждебное отношение к ним в данной ситуации. Он добился своего, убедив Байана, что Мезамер - опасный противник, особенно с тех пор, как он стал обладать большим авторитетом у своего народа, и лучшее, что можно сделать, - это избавиться от него, а затем перейти в решительное наступление. Байану понравился такой совет, и он приказал предать Мезамера смерти в нарушение кардинального принципа международного права, несмотря на то, что оно было общепризнанным.[18]

Вслед за казнью Мезамера авары вторглись в земли антов, разоряя их и забирая много пленных. Однако анты вскоре оправились от первого потрясения и какое-то время оказывали упорное сопротивление. Наконец, авары проникли в Добруджу (562 г.), где они решили остаться. Такой поворот событий был несовместим с политическими замыслами византийских дипломатов. В договоре, заключенном с аварами четыре года назад (558 г.), они условились использовать аваров против булгар, но не ожидали, да и не хотели ошеломительной победы аваров, которая могла бы сделать - да и фактически делала - захватчиков столь же опасными для империи, как до этого были булгары.

В скором времени аваро-византийские отношения действительно стали очень напряженными. Были усилены и перевооружены византийские гарнизоны вдоль южного берега Дуная; анты, в свою очередь, продолжали беспокоить пришельцев с тыла. В конце концов, оставив надежду вторгнуться во Фракию, авары решили проникнуть в Паннонию.[19] Часть из них стала продвигаться вверх по Дунаю, в то время как остальные направились вверх по течению Прута и Днестра к Галиции, откуда они могли через горные перешейки выйти к паннонским равнинам. Перед тем, как продвинуть-

ся из Галиции на юг в Паннонию, они завоевали хорватов (кроатов) и дулебов, два анто-славянских племени, которые жили в районе верхнего Днестра.[20] Затем, обрушившись на Паннонию, они победили гепидов, германское племя, обосновавшееся там. Вытеснив гепидов, авары сделали степи в районе среднего Дуная центром своего ханства.[21] Тем временем для византийских дипломатов, внимательно наблюдавшнх за событиями на востоке, были припасены новые заботы. Авары, как мы знаем, ринулись на запад из-за тюркской угрозы.[22] К середине 550-х гг. тюрки появились у границ Туркестана, само название которого возникло после их миграции в эти края. В то время эта страна была под властью так называемых эфталитов или белых гуннов, которые вели затяжную войну с персидскими Сасанидами.[23] Как только шах Хосров I получил известие о приходе тюрков, он приветствовал их как потенциальных союзников в борьбе. В скором времени тюрки и персы заключили договор о совместной борьбе против эфталитов. Последние вскоре были разбиты двумя армиями, напавшими на них с противоположных направлений. Теперь Туркестан был поделен между тюрками и персами с границей по реке Аму-Дарье.[24]

Вскоре после этого между недавними союзниками начались раздоры по поводу раздела добычи; в результате тюрки начали всерьез обдумывать возможности создания дипломатической блокады вокруг Персии. Поскольку в то время отношения между Сасанидами и Византийской империей были напряженными, тюрки, естественно, попытались установить контакт с империей. В 563 г. тюркский посланник прибыл в Константинополь.[25] Детали переговоров неизвестны. Но следует заметить в связи с этим, что отношения тюрков с Персией и Византией были движимы не только политическими, но и торговыми соображениями. Их главной целью, как и у гуннов до них, было установить контроль над великим сухопутным путем от Китая до Средиземноморья, чтобы монополизировать экспорт китайского шелка. С другой стороны, шах Хосров, в свою очередь, был заинтересован в контроле над торговлей шелком. Поэтому, когда тюркские посланники однажды привезли с собой возы с шелком, Хосров приказал его сжечь. Сами посланники были арестованы, что привело к окончательному разрыву между тюрками и Персией. Позднее тюрки направили новых посланников в Константинополь (568 г.)[26]. Они ввезли целый ка-

раван с шелком, рассчитывая продать его в столице с большой выгодой. Но их расчеты не оправдались, поскольку к тому времени Византия сама начала производство шелка. Говорят, что два сирийских монаха, дошедших в своих странствиях до Китая, тайно унесли с собой на обратном пути несколько коконов шелковичного червя, которые они спрятали в полостях их дорожных посохов (552 г.).[27]

Хотя в коммерческом отношении тюркское посольство 568 г. потерпело неудачу, оно принесло важные политические результаты. Между каганатом и империей был заключен союзнический договор. Император Юстин II отправил затем к кагану своего посла Земарха. В "Истории" Менандра сохранилось интересное описание путешествия Земарха в резиденцию кагана в Алтайских горах.[28] Естественно, персы были возмущены установлением дружественных отношений между Византией и тюрками, и в 572 г. началась война между Персией и империей, которая длилась три года с переменным успехом.[29]

Тем временем тюрки пересекли Волгу и вторглись в северокавказские земли. Во время миссии Земарха утигуры уже признали над собой сюзеренитет тюркского кагана. Вскоре после этого передовые отряды тюрков достигли берегов Черного моря в районе устья Кубани.[30] Таким образом, они оказались на позициях, представляющих собой угрозу византийским владениям в Крыму, и это положение не могло не тревожить византийцев. Так повторился обычный ход событий: пока кочевая орда было отделена от империи другими, враждебными ей народами, византийская дипломатия старалась заключить союз с врагами своих врагов, и какое-то время такой альянс был полезным. Но когда орда по своей воле подходила к самым рубежам империи, дружба уступала место вражде. Так было в случае с аварами, так теперь случилось с тюрками.

В 567 г. тюркское войско, усиленное утигуровскими отрядами, пересекло Керченский пролив и завладело крепостью Боспор (Древний Пантикапей); этим тюрки обеспечили себе опорный пункт в Крыму.[31] В 581 г. они появились перед стенами Херсонеса.[32] Хотя византийский гарнизон не питал надежд на успешное противостояние, тюрки неожиданно сняли осаду и отступили в глубь страны. Причиной их отхода стали известия, полученные военачальника-

ми, о внутренних раздорах в резиденции кагана в Туркестане.[33] Затянувшаяся гражданская война ослабляла государство тюрков около двух десятилетий, и на этот период тюрки оставили все захватнические планы в причерноморских землях.

3. Византия, авары и анты в правление Маврикия

Миграция основной аварской орды в сторону Паннонии привела к подпадению нижнедунайских племен под власть аваров. Основывая свою резиденцию в Паннонии, Байан, как и Аттила до него, прекрасно понимал важность контроля над нижнедунайскими землями, как мостом к торговым путям степной зоны. И кутригурская орда, и часть анто-славянских племен уже на протяжении более чем половины столетия признавали над собой сюзеренитет аварского кагана. При поддержке кутригурских и анто-славянских вспомогательных отрядов аварский каган на протяжении долгих лет оставался грозным противником Византии.

Не прошло и десяти лет со времени обоснования аваров в Паннонии, как Байан, повторяя стратегический план Аттилы, стал угрожать византийским владениям в Северной Иллирии, особенно в бассейне нижнего течения Савы. В 581 г. авары захватили Сирмий[34] на нижней Саве, важную византийскую крепость, которая действительно являлась ключом ко всей византийской оборонительной линии в Северной Иллирии. Чтобы предупредить их дальнейшую экспансию на юг, император Тиберий поспешил заключить мир с аварами, пообещав им выплачивать ежегодную дань в размере 80000 золотых монет.[35]

Вскоре после заключения этого договора Тиберий умирает. Его преемником на троне стал Маврикий (582-602 гг.)[36], армянин по происхождению и скупец по нраву. Однако в первый год своего правления он, пусть с неохотой, но соглашался не только платить условленную сумму, но даже добавить к ней еще 20000. Несколько месяцев спустя каган потребовал еще больше денег. Это было уже слишком, и Маврикий резко отказался подчиниться, вследствие чего авары вторглись в Иллирию, разрушая каждый город и деревню на своем пути (583 г.). Не встретив серьезного сопротивления, Байан пересек цепь Балканских гор и достиг Черноморско-

го побережья возле Бургаса. Какое-то время ставка кагана находилась в Анкиале, где был знаменитый византийский минеральный источник. Согласно историку Феофилакту жены кагана наслаждались там теплыми ваннами.[37] Вторжение Байана было только прелюдией к долгой и изнурительной войне между Византией и аварами, которая длилась с небольшими перерывами на протяжении всего периода правления Маврикия. Набеги аваров чередовались с атаками славян, которые со всей очевидностью действовали по подстрекательству кагана. В первые десять лет войны инициатива полностью принадлежала аварам и славянам, в то время как византийские войска держали оборону. В 590 г. Маврикий был вынужден согласиться на унизительное перемирие. Его положение осложнялось тем, что он вынужден был вести одновременно войну с Персией. Как только война с Персией закончилась и мирный договор с шахом был подписан (591 г.), у Маврикия появилась возможность получше уладить дела на Балканах.

Не желая сразу прерывать перемирие с аварами, он решил сперва преподать урок славянам. Вскоре все славянские наступательные отряды были оттеснены за Дунай, и кампания против славян на Дунае окончилась. В 592 г. талантливый военачальник Приск был послан в Доростол (Силистрия) с сильным отрядом. Авары выразили резкий протест против этих акций, означавших для них нарушение мира, поскольку славяне были их вассалами. Приск отвечал, что его цель заключалась в том, чтобы только наказать славян за набеги и что у него нет враждебных намерений по отношению к аварам. Последние сразу же замолчали.

Славяне, против которых воевал Приск, в источниках называются склавенами. Однако возможно, что они принадлежали к антской группе, поскольку византийские историки седьмого и восьмого веков не обладали такими точными знаниями о славянских племенах, какие были у Прокопия до того. Имя славянского князя, главного противника Приска, как это отмечено в источниках, было Ардагаст[38] - иранское по происхождению имя, скорее антское, чем славянское. Конечно, это возможно, чтобы антский князь был главой склавенского племени.

Приск начал свою кампанию с того, что пересек Дунай. Он атаковал лагерь славян среди ночи, застиг их врасплох и обратил в бегство. Сам Ардагаст едва избежал пленения, бросившись в

воду... Возможно, он спасся благодаря приспособлению, описанному в "Стратегиконе"[39] Маврикия. Согласно этому трактату славяне могли часами оставаться под водой, держа во рту тростинки, через которые они дышали. Позднее, как известно, то же самое делали запорожские казаки. Вскоре после победы над Ардагастом Приск получил сведения от своих шпионов о приближении с северо-востока нового славянского отряда. Приск послал часть своего войска, чтобы занять передовые позиции на берегах реки Гелибакий (вероятно, современная Яломица).[40] Главным шпионом в этом византийском отряде был Гепид, обращенный в христианство и в совершенстве владеющий славянским языком. С его помощью византийцам удалось захватить много славянских воинов по ту сторону реки. Пленники сообщили, что они были в составе передовых отрядов приближающейся армии и что имя их царя, или князя, Музокий.[41]

Согласно Гаркави, Музокий должен быть отождествлен с Майаком, князем славянского племени Валинана, который упомянут арабским географом Масуди.[42] Я считаю, что такое отождествление вряд ли возможно, поскольку Масуди писал более чем три столетия спустя после описываемых сейчас событий и, вероятно, имел в виду какого-то другого князя. Кроме того, арабская j (в имени Майак") в большей мере соответствует греческой γ, чем греческой σ (в имени "Музокий"). По моему мнению, именно первая буква имени "Музокий" дает ключ к его происхождению. Мы уже отмечали,[43] что звуки "м" и "б" часто чередуются в тюркских диалектах. Это справедливо, при определенных условиях, и для осетинского языка.[44] Таким образом, подлинным именем могло быть Бузокий, а не Музокий. А имя Бузокий (Бузок) дает основание для интересного сопоставления его с именем антского вождя Буза (Боза), упомянутого Иорданом.[45] Каким бы ни было его имя, славянский князь, о котором идет речь, вероятно, был правителем в землях северного Приднестровья, региона, впоследствии известного как Подолия.

Кампания Бузока закончилась катастрофой. Используя сведения о его приближении, полученные от пленников и шпионов, византийские войска первым делом захватили славянский флот на Дунае, включавший в себя около полутора сотен кораблей (monoxyla), а затем неожиданной ночной атакой смяли лагерь Бузока.

Сам он был взят в плен.[46] Получив известия о разгроме армии Бузока, аварский каган заявил протест против византийского вторжения в славянские земли, которые он считал своим доминионом. Опасаясь новой войны с аварами, Приск предложил разделить добычу, и каган согласился. В соответствии с этим пять тысяч славянских пленников были возвращены аварам, несмотря на недовольство византийских военных, лишенных своей части добычи.[47]

Император Маврикий, недовольный поступком Приска, отстранил этого опытного военачальника от командования. На смену ему был назначен брат императора Петр. Тем временем, славяне собрали новые силы, пересекли Дунай и вторглись в Нижнюю Мёзию. Несколько лет прошло, прежде чем Петру удалось оттеснить их обратно. Только после того, как он очистил южный берег Дуная от славян, Петр решился пересечь реку и атаковать их на их собственной территории (597 г.). В это время предводителем славян был князь Пейрагаст.[48] Хотя это имя и иранское, мы можем предположить, что сам он был, как и его предшественник Ардагаст, антом, а не склавеном. Первая битва, в которой Пейрагаст был смертельно ранен, закончилась победой византийцев. Однако, когда Петр продвинулся в глубь вражеской страны, его войско потерпело поражение от славян к северу от реки Гелибакий. Византийцы понесли огромные потери и были вынуждены отступить. Результатом этого поражения явилось то, что Маврикий уволил Петра и вместо него вновь назначил Приска.

К этому времени общая ситуация ухудшилась для византийцев в связи с интервенцией аваров. В 597 г. одна из аварских орд взяла в осаду Сингидун (современный Белград), в то время как другая вторглась во Фракию и Македонию вплоть до Салоник. На следующий год первая аварская орда опустошила Далмацию, в то время как другая ринулась вдоль южного берега Дуная в Нижнюю Мёзию и Скифию (Добруджу). Приск сосредоточил свои войска в Томах (Констанца) на Черном море, где и был осажден аварами. Весной 599 г. император Маврикий послал еще один византийский корпус под командованием Коментиола на помощь Приску, находившемуся в Томах. Не успев достичь города, Коментиол сам был атакован аварами и вынужден был поспешно отступить к Константинополю. Преследуя войска Коментиола, авары достигли

Длинной Стены, которую защищал сам Маврикий. Потерпев неудачу в попытках прорваться через стену, авары согласились заключить мирный договор (600 г.). Согласно условиям этого договора, фарватер Дуная был признан линией границы между аварами и византийцами, но византийцы сохранили за собой право пересекать нижний Дунай, когда это было необходимо, чтобы противостоять набегам славян. Была оговорена и плата императора аварам в виде ежегодных "подарков", которая составила 20000 золотых монет.[49]

Маврикий нуждался в передышке для восстановления своей разбитой армии. Однако он не намеревался соблюдать все условия договора, и как только реорганизация византийской армии была завершена, он послал сильный корпус под командованием Приска в Верхнюю Мёзию, чтобы напасть на аваров без предупреждения. Приску удалось нанести поражение аварам под Виминакием (современный Костолац), после чего он пересек Дунай и гнал их вверх по реке до устья Тисы. Здесь он настиг их и нанес еще одно поражение, теперь уже дезорганизованному народу. Три тысячи аваров и несколько тысяч славян были взяты в плен.[50] Тем временем другой византийский корпус под командованием Гудвина был послан на ту сторону нижнего Дуная для борьбы со славянами. Гудвин был германцем по происхождению, вероятно, гепидом. К этому времени имперской дипломатии удалось разделить антов и склавен. Именно против склавен Гудвин развязал войну, в то время как анты заключили союз с империей.[51] Казалось бы, кампания Гудвина завершилась успешно, но когда он вернулся во Фракию, аварский каган послал свои войска на нижний Дунай, чтобы наказать антов за их провизантийские склонности.[52]

4. Аваро-славянские отношения

В предшествующем разделе мы предложили краткий очерк отношений Византии с аварами и славянами во второй половине шестого века. Такой очерк не может дать адекватного представления об истории как аваров, так и славян в силу фрагментарного характера свидетельств. Византийские хроники упоминают аваров и славян лишь в той мере, в какой эти два народа воздействовали

на византийский политический курс. Но именно история славян и их отношений с аварами имеет для нас первостепенное значение.

Чтобы понять природу господства аваров над славянами, мы должны в первую очередь ознакомиться, пусть кратко, с самой организацией аварской орды.[53] Будучи кочевниками, авары нашли в бассейне нижнего Дуиая земли, вполне удовлетворяющие их потребности. Им ие нужно было менять своих привычек, они могли выращивать лошадей и скот на Паннонской равнине точно так же, как и до этого в причерноморских и закаспийских степях. С другой стороны, теперь они оказались в близком контакте с местными сельскохозяйственными народами и намеревались полностью воспользоваться этим. Чтобы обеспечить себе полное подчинение славянских племеи в Паннонии, аварские войска разместились в девяти укрепленных лагерях, стратегически расположенных так, чтобы господствовать над всей территорией современной Венгрии.[54] Каждый такой лагерь (hring) был защищен кольцом земляного вала. В этих лагерях хранились запасы пшеницы и другого продовольствия, получаемого от славянских крестьян, а также военная добыча и сокровища.

Условия жизни паннонских славян под властью аваров были ненадежными. Русские летописцы описывают характерную историю владычества аваров над славянским племенем дулебов.

"И авары (обры) начали войну против славян и стали изводить дулебов, которые были славянами. Они (авары) издевались над дулебскими женщинами: когда кто-то отправлялся в поездку, он запрягал не коня и не вола, а приказывал вместо этого, чтобы три, четыре или пять (дулебских) женщин были впряжены в ярмо его повозки, и заставлял их везти его. Вот так они изводили дулебов."[55]

Дулебы первоначально жили в Западной Волыни. Сначала авары завоевали их, двигаясь обходным маршем из Дакии в Паннонию по восточным склонам Карпатских гор.[56] Затем авары принудили часть дулебского племени присоединиться к ним в их дальнейшем продвижении. Эта часть дулебов вскоре осела в верховьях Тисы.[57] Вероятно, об этих дулебах повествует сюжет русской летописи. Славяне были вынуждены обеспечивать аваров дополнительными отрядами, когда те развязывали войну. Франкский историк Фредегарий, который писал в середине седьмого века, сообщает нам,

что в бою славян располагали на передовой линии, чтобы они принимали на себя главный удар, тем самым избавляя своих повелителей аваров от чрезмерных потерь.[58]

Паннонские славяне особенно страдали под аварским игом. Положение других славянских племен было не таким жалким, как у их паннонских собратьев. Хотя, к примеру, иллирийские славяне тоже признали над собой власть кагана, платили ему дань и обеспечивали вспомогательные войска, их общины сохраняли бóльшую автономию. Более того, они вскоре оказались очень ценными для аваров в силу их искусности в морском деле. В конце шестого века славяне достигли Адриатического побережья в Далмации и стремились выйти в море. Желая помочь им, каган нанял опытных кораблестроителей из Италии в качестве наставников.[59]

Как и иллирийские славяне, анто-славянские племена из региона нижнего Дуная были в значительно лучшем положении, нежели паннонские славяне. Мы теперь должны подчеркнуть тот интересный факт, ранее отмечавшийся,[60] что со времени аварского вторжения вплоть до 602 г. византийские летописцы не делали разницы между склавенами и антами, в то время как, с другой стороны, славянские вожди, упомянутые в источниках, носили антские имена. Возможное объяснение этому заключается в том, что когда авары добились подчинения себе части антских племен (561 г.), некоторые антские князья стали вассалами кагана. Последний, по-видимому, поставил некоторых из них во главу склавенских общин, чтобы крепче удерживать тех. Наступление византийцев во время правления Маврикия разрушило анто-славянское единство, вследствие чего в начале седьмого века эти две группы снова действуют одна независимо от другой.

Что касается антов, мы должны принять в расчет, что для аваров было несомненно труднее управлять ими, чем западными славянами, поскольку лишь одна их часть - бессарабские анты - признали над собой владычество аваров. Антские племена к востоку от Днепра на территории Полтавской и Харьковской областей были независимы, несмотря на тот факт, что некоторые предводители восточных антов время о времени присоединялись к аварской орде во время ее набегов на византийские владения на Балканском полуострове. Возникновение так называемой Перещепинской сокровищницы[61] должно быть отнесено ко времени одного из подобных

антских походов на Балканы. Перещепинские сокровища были закопаны в 668 г. или позднее, поскольку одна из византийских монет, обнаруженных там, была датирована этим годом. Другие вещи в этом кладе относятся к значительно более раннему времени, как, например, позолоченное серебряное блюдо, сделанное во время правления Анастасия (491 - 518 гг.). Блюдо, согласно надписи на нем, сперва принадлежало епископу Патерну, современнику Анастасия. Он был епископом в Томах, а значит, вероятно, блюдо было добыто предком владельца Перещепинского клада во время одной из осад Том. Томы осаждались аварами, булгарами, анто-славянами несколько раз на протяжении шестого и седьмого веков, и горожане всякий раз были вынуждены платить контрибуцию, чтобы осада была снята. Таким образом, блюдо могло быть получено каким-то антским князем в качестве его доли в разделе добычи. Возможно, это произошло в 559 г.[62] или немного позднее.

5. Таврида и Северный Кавказ в шестом веке

По ходу рассказа у нас была возможность рассмотреть в ряде аспектов отношение византийских властей к кочевым племенам северо-восточной части Причерноморья. Сейчас нам следует подробнее остановиться на развитии событий в Тавриде и на Северном Кавказе.

Что касается политической жизни этих регионов, особого внимания заслуживают два факта: восстановление Боспорского царства под протекцией Византийской империи и усиление Аланского царства на Северном Кавказе. Как мы уже видели,[63] новое Боспорское царство формально было союзником Византийской империи. Действительно, царь Боспора был вассалом императора, и его царство находилось под контролем имперских властей. Специальный уполномоченный чиновник империи выполнял полномочия придворного советника. Его титул назывался "комес" во время правления Юстиниана и "дукс" в последующий период.[64] Следует заметить, что византийское правительство пыталось установить протекторат над регионами по обе стороны Керченского пролива. Византийская надпись, относящаяся к 533 г., была обнаружена в Тамани.[65]

Учитывая важность Тавриды в целом для контроля за Боспором, Юстиниан уделял много внимания укреплению фортификационных сооружений вдоль южного берега Крыма. Как мы уже видели,[66] фортификации в Херсонесе были усовершенствованы во время правления Зенона (488 г.). Позднее они оказались сильно разрушенными, и Юстиниан должен был отдать приказ о восстановлении городских стен и строительстве новых крепостных валов.[67] На южном берегу были построены две новые крепости, а именно, Алустон (Алушта) и Горзувита (Гурзуф). Боспорский царь, со своей стороны, воздвиг новую башню в Пантикапее (Керчь). Во время правления Юстина II к ним было добавлено больше фортификационных сооружений.[68]

Однако византийские власти прекрасно понимали, что для защиты всей Тавриды недостаточно построить крепости на побережье, но цепь Крымских гор также должна быть укреплена достаточно сильно. Горный район Тавриды был населен готами. Постоянная опасность, исходившая от гунно-булгарских племен, заставляла готов и византийцев объединить силы, и во время правления Юстиниана готы признали над собой господство императора и взяли на себя обязательство поставлять по требованию три тысячи воинов.[69] Со своей стороны, Юстиниан послал в Готию инженеров и архитекторов для строительства фортификации. Были воздвигнуты стены для защиты города Дораса, а на северных склонах Крымских гор была построена цепь крепостей. В то время как готы обеспечивали войска, прибрежные города, такие как Херсонес и Пантикапей, взяли на себя обязанность по строительству кораблей для флота империи, в соответствии с декретом Тиберия от 575 г.[70]

Наши сведения о жизни народов столь же скудны, как и касательно предшествующего периода. Прокопий в своей книге "О постройках" говорит, что земли готов были достаточно плодородны, чтобы вести на них сельское хозяйство и выращивать виноград. Готы, согласно этому источнику, предпочитали сельскую жизнь и не заботились о возведении городов.[71] Однако в Готии был, по меньшей мере, один город - Дорас, упомянутый выше. Считалось, что Дорас был расположен на склоне Манкупа, но раскопки последнего времени свидетельствуют, что по всей вероятности он изначально был расположен на склоне Эски-Кермана.[72] В таком слу-

чае следует допустить, что у Манкупа существовал еще один готский город, поскольку там был обнаружен фундамент христианской базилики времен Юстиниана.[73] Существование этой церкви показывает, что ко времени правления Юстиниана христианство прочно утвердилось у крымских готов. На двадцать первом году правления Юстиниана (547 - 548 гг.) таманские готы попросили императора прислать им епископа, и их желание было выполнено.[74]

Должно быть, таманские готы находились под владычеством утигуров, к которым они присоединились во время войны против кутригуров в 540 г. н. э.[75] В Таманском регионе наряду с готами жили также некоторые кланы асов. Местом их основного расселения на этой территории, вероятно, была Малороса.[76] Среди этих асов, видимо, были асо-славяне (анты). К югу от устья Кубани жили касоги (черкесы), а к востоку от них между средним течением реки Кубани и Кавказским горным хребтом была сосредоточена бóльшая часть асов или аланов (осетин). Аланы были организованы в кланы и племена. В шестом веке один из аланских племенных вождей присвоил себе высшую власть над всем народом. Его звали, как сказано в византийских источниках, Саросий.[77] В таком случае возможно, что его титул был принят за собственное имя. Менандр называет его "предводителем" (hegumenos) аланов", что несомненно является переводом иранского словосочетания Sar-i-Os, что обозначает "глава асов".

Согласно Прокопию, земли аланов простирались вдоль Кавказской горной гряды на восток к "Каспийским Воротам".[78] Под этим названием Прокопий подразумевал Дарьяльское ущелье (Dar-il-Alan, "Врата аланов"). К югу соседями аланов были сваны[79], а к западу абасжаны; однако, Прокопий называет еще одно племя - брухианы,[80] находившееся между аланами и абасжанами. С тех пор как абасжаны были обращены в христианство, около 540 г., эта вера, вероятно, начала вскоре после этого распространяться среди аланов.

К востоку от аланов, в Дагестане, находились поселения сабирских гуннов.[81] Поскольку Прокопий не обозначает северной границы государства аланов, мы можем заключить, что лишь одинокие поселки асов были разбросаны в низовьях Кубани и к северу от нее. Поселения асов находились также в районе нижне-

го Дона.[82] Контролируя большую часть горных проходов в западной и центральной частях Кавказской гряды, аланы владели стратегическими позициями на путях из Северного Кавказа в Закавказье. Последнее было в то время разделено между Византийской империей и Персией. Естественно, обе эти страны предпринимали попытки, чтобы использовать аланов в качестве союзников. В 541 г. аланы помогали персам в их военной кампании против Лазики (Грузия).[83] В 549 г. они (аланы) оказались на стороне Византийской империи, от которой они получили - совместно с сабирами - награду в размере порядка 300 фунтов золота.[84] Однако мы находим упоминания о том, что в 551 г. аланские воины опять-таки служат в персидской армии.[85] В 558 г. вождь аланов Саросий оказал Византии великую услугу, своевременно послав сообщение о приближении аваров.[85] Позже он охранял византийских посланников во время их поездки к тюркскому кагану, тогда как персы пытались подкупить аланов, чтобы те убили послов империи.[87] В 571 - 572 гг. Саросий, в согласии с византийской политикой, поддержал армян во время их восстания против Персии.[88] Четырьмя годами позже государство аланов было сильно поколеблено тюрками (576 г.).[89] Вскоре, однако, неприятности обрушились на тюркский каганат,[90] и возможно, что аланам удалось, хотя бы временно, снова обрести независимость.

6. Авары, славяне и Византия в первой четверти седьмого века

В 602 г. вспыхнули бунты в византийской армии, расквартированной на берегах Дуная. Солдаты были раздражены тем, что не получали плату за несколько месяцев, а из столицы пришло сообщение о том, что в дальнейшем их жалование будет урезано. Это вызвало мятеж. Военачальник Фока был провозглашен императором, чтобы он повел армию на Константинополь. По мере приближения армии Фоки население, в свою очередь, начало восставать против законного императора Маврикия. Маврикия арестовали, пятерых его сыновей убили на глазах отца, а после и самого его казнили.[91]

Фока, которого мятеж возвел на трон, был простолюдином по рождению.[92] Византийские аристократы намеревались использовать его в качестве оружия против Маврикия, а после избавиться от него. Необразованный, злой и жестокий солдат, Фока был также человеком сильной воли, установившим по всей стране режим террора против аристократов. Поскольку правительство Фоки сосредоточивало внимание на внутренних делах, оно было не в состоянии проводить твердую внешнюю политику. Этим в полной мере воспользовались персы, вторгнувшись в восточные провинции империи. Чтобы развязать себе руки в борьбе против персов, Фока вынужден был увеличить дань аварам, поскольку это было единственным средством, чтобы предотвратить нападение аваров на Константинополь.

Несмотря на это византийцы были не в состоянии оттеснить персов назад. После ряда поражений ситуация стала критической, и империя была спасена только благодаря свержению Фоки. Его преемник Ираклий, умелый военачальник, все же не смог сразу остановить персов, поскольку перед тем, как предпринять активные действия, византийская армия нуждалась в полной реорганизации. Таким образом, на протяжении ряда лет наступление персов продолжалось. Сирия, Палестина и, наконец, Египет, житница империи, были оккупированы персидскими войсками. Только с помощью огромных усилий Ираклию постепенно удалось добиться успеха, сначала остановив персов, а затем перейдя в контрнаступление.[93]

Одним из сопутствующих результатов ослабления Византийской империи в первой четверти седьмого века явилось распространение славянской колонизации на большей части Балканского полуострова.[94] Как мы видели, набеги антов и склавен на Фракию и Иллирию начались во времена правления Анастасия[95] и продолжались в эпоху Юстиниана и его преемников.[96] Первоначально славяне были заинтересованы только в грабежах, но с конца шестого века их группы стали поселяться на тех землях, на которые они совершали набеги. Славянская экспансия шла в двух главных направлениях: в сторону Солуни (Салоники) и Эгейского моря и в сторону Адриатики (Истрия и Далмация). К середине седьмого века славяне составляли большинство населения во Фракии и Иллирии, а также проникли в некоторые области самой Греции.

Поскольку славяне находились под властью аварского кагана, последний, в соответствии с условиями его соглашения с императором Фокой, должен был положить конец славянским набегам. Хотя каган и располагал достаточной силой, чтобы держать контроль над славянской экспансией, он вряд ли бы это делал, поскольку получал от славян свою долю в добыче, и вся эта история была очень выгодна для него. Более того, каган был заинтересован в развитии славянского флота как на Эгейском, так и на Адриатическом море, поскольку он увеличивал его преимущества в случае войны с византийцами. В 602 г. он заключил союз с королем лангобардов Агилульфом, и тот прислал по просьбе кагана опытных итальянских кораблестроителей в Далмацию.[97] Таким образом было основано славянское морское дело, которое позднее достигнет расцвета, имея своим центром Дубровник (Рагуза).

В 617 г. аварский каган - или Байан, или сын Байана - умер и, согласно распространенным впоследствии традициям международного права, аваро-византийский договор требовал новой ратификации. Наследовавший престол каган использовал случай, чтобы нанести Византии удар. В его планы входило захватить императора Ираклия во время переговоров. Поэтому каган предложил провести переговоры в городе Гераклея (современный Эрегли) на берегу Мраморного моря и настоял на том, чтобы император приехал собственной персоной. Ираклий, ничего сначала не подозревавший, с готовностью согласился и направился в назначенное место. Едва он достиг Гераклеи, как был предупрежден своими шпионами о вероломном заговоре и немедленно поскакал назад в Константинополь. Взбешенный каган приказал своей орде атаковать столицу, но гвардейские полки Ираклия вместе с регулярным гарнизоном сумели отбить натиск аваров. Орда разграбила предместья Константинополя и ушла на север, уводя тысячи пленников.[98]

Ираклий не мог послать войска, чтобы отомстить аварам за предательство, поскольку все его внимание было сосредоточено на войне с Персией. Однако, чтобы как-то обуздать аваров, он прибег к традиционному маневру византийской дипломатии восстанавливания одной "варварской" орды против другой. Юстиниан I, как мы знаем,[99] пытался предотвратить опасность со стороны кутригуров, заключив союз с утигурами. Теперь Ираклий сделал попытку

установить дружественные отношения с кутригурами, рассчитывая использовать их впоследствии против аваров. Мы видели,[100] что вскоре после первого натиска аваров кутригурский хан признал себя вассалом аварского кагана. В 582 г. каган назначил Гостуна ханом кутригуров. Судя по его имени, Гостун был скорее антом, чем кутригуром.[101] Преемником Гостуна был Курт, которому суждено было основать Великую Булгарию.[102] Согласно Златарскому, Курт правил 58 лет, с 584 по 642 г.[103] А если так, то он должен был быть маленьким мальчиком во время вступления на престол, и есть некоторые свидетельства того, что его дядя Органа был регентом во время первого десятилетия его царствования.[104] Однако в начале седьмого века Курт, должно быть, уже взял на себя всю полноту власти над кутригурской ордой. Поскольку кутригуры выражали недовольство сюзеренитетом аварского кагана, они утвердились в желании вступить в переговоры с Византией. В 619 г. Курт появился в Константинополе со своей главной женой и со своими архонтами ("боярами"), каждый из которых тоже привез главную жену. Все они были крещены, и Курт был возведен в ранг патриция.[105] По византийским представлениям Курт теперь стал не только союзником императора, но и подчинил себя господству как императора, так и церкви.

Ввиду опасности окончательного утверждения альянса между Византией и булгарами, аварский каган поспешил заключить мир с империей (620 г.).[106] Оказалось, что это было только временное перемирие, необходимое аварам для подготовки нового нападения на Константинополь. Чтобы обеспечить себе успех, они вступили в переговоры с персами по поводу одновременного наступления на Византию. Из-за больших расстояний и необходимости использования послами каждой из сторон объездных путей, переговоры длились несколько лет, и только весной 626 г. персидская армия достигла азиатских берегов Боспора. В июне того же года передовые отряды аваров достигли Длинной Стены. Константинополь, таким образом, оказался под угрозой осады с двух сторон. Вскоре аварам удалось прорваться сквозь укрепленные стены, и 29 июля их орда оказалась у стен самого Константинополя. Линия фронта аваров, имевшая форму дуги, простиралась от Золотого Рога до Мраморного моря. Кроме собственной орды аварский каган имел под своим командованием отряды булгар, гепидов и славян.[107]

Участие булгар кажется довольно неожиданным ввиду предыдущего соглашения между Ираклием и ханом Куртом. Однако возможно, что булгары, присоединившиеся к аварскому кагану, не относились к кутригурам, а принадлежали к какой-то другой булгарской орде, не подчиненной Курту.

Участие славян примечательно тем, что следует принять во внимание их флот. Вероятно, легкие корабли славян плыли вдоль западного берега Черного моря от устья Дуная на юг к Деркосу, откуда они были переправлены волоком по суше к Золотому Рогу. 7 августа 626 г. аварский каган отдал приказ о штурме Константинополя с суши и с моря. Однако, как и во время нападения Виталиана столетие назад, византийские боевые корабли легко нанесли поражение легким славянским судам. В это время нет упоминаний об использовании "греческого огня". Одновременно с морской битвой константинопольский гарнизон предпринял успешную вылазку, сокрушая осаждавшего противника. Каган был сильно обеспокоен и отдал приказ об общем отступлении к Длинной Стене, откуда он надеялся держать Константинополь под постоянной угрозой нового нападения. Однако недостаток пищи и распространение эпидемий вынудили аваров полностью снять осаду и вернуться к своим обжитым местам в Паннонии.[108] Когда персы, которые расположились лагерем на азиатском побережье Босфора, узнали о неудаче кагана, у них не осталось другого выбора, кроме как тоже отступить.[109] Положение в целом изменилось столь круто и неожиданно в пользу империи, что жители Константинополя приписали это чудо вмешательству Девы Марии.[110]

7. Великая Булгария, авары и славяне во второй четверти седьмого века

Кампания 626 г. стала последней попыткой аваров захватить Константинополь. И престиж кагана, и мощь его армии были сильно подорваны этим поражением, и именно с этого момента начинается упадок аварского каганата. Вскоре чехи восстали против аваров. Традиция гласит, что предводителем восставших был франкский купец по имени Само. Объединив чешские и моравские племена и освободив их от аварского ига, Само выступил против фран-

ков и разбил франкскую армию, посланную королем Дагобером (630 г.). Сведения о первом чешском государстве очень скудны.[111] По-видимому, оно распалось примерно через тридцать пять лет после образования.

Другим не менее важным результатом кампании 626 г. стало окончательное освобождение кутригурской орды от аварского контроля. Мы знаем, что кутригурский хан Курт был обращен в христианство во время визита в Константинополь в 619 г.[112] Вслед за тем он не заявлял о себе на протяжении нескольких лет и не предлагал своей помощи Византии в 626 г. Однако во время отступления аваров от Константинополя Курт провозгласил свою независимость. Возможно даже, что он в то время принял титул кагана[113]. К этому времени прежняя вражда между двумя основными булгарскими племенами - кутригурами и утигурами - прекратилась, и между ними установились отношения сотрудничества. Его основание можно легко понять. Кутригуры угнетались аварами, а утригуры - тюрками. Каждое из племен было слишком слабым, чтобы воевать с их поработителями в одиночку. Объединившись, они стали значительно сильнее. Следует также отметить, что утигуры могли рассчитывать на поддержку оногуров, угрского (мадьярского) племени, находившихся с ними в дружественных отношениях с шестого века[114].

Таковым было основание объединения булгарских и угрских племен в причерноморских и азовских степях. Центростремительное движение среди этих племен искусно организовывалось Куртом. Хотя он был первоначально только кутригурским ханом, утигуры и оногуры, по очереди, признали его господство. Таким образом возникла так называемая Великая Булгария, каганом которой стал Курт[115]. С тех пор как Курт был крещен вместе со своими боярами в 619 г., у нас нет свидетельств распространения христианства в его владениях в какой-либо большой степени. Но несомненно, что он сам достаточно долго придерживался христианской веры. Весьма возможно, что он отрекся от нее из-за недовольства части его народа и возвратился к своей первоначальной религии, которая, вероятно, была алтайского происхождения.

Что касается балканских славян, то они также пытались освободиться от господства аваров. Согласно сведениям, изложенным императором Константином Багрянородным в его книге "De Ad-

ministrando Imperio" ("Об управлении империей"), можно убедиться, что в седьмом веке кроаты как-то вытеснили аваров из Долмации.[116] Вероятно, именно к этому событию относятся следующие слова из стихов Георгия Писида: "Скиф (т. е. авар) убивает славянина и гибнет сам; так они сражаются в крови до обоюдного уничтожения".[117] Поэма была написана по случаю возвращения Святого Креста на Голгофу императором Ираклием после его победы над персами.

Немного позднее, чем иллирийские, македонские славяне, в свою очередь, видимо, взбунтовались против аваров. В любом случае, к середине седьмого века македонские славяне отказались признавать над собой власть кагана.[118] Не подчинились они и господству императора. Как в 630-х, так и в 640-х гг. все внимание византийских властей сфокусировалось на восточных войнах, сначала против персов, затем - против арабов. У империи не было ни времени, ни сил, чтобы сдерживать как фракийских, так и македонских славян.

8. Истоки хазарского государства и падение Великой Булгарии

Великая Булгария, основанная Куртом, в последние годы его царствования была независима как от аваров, так и от тюрков. После неудачи аварского набега на Константинополь (626 г.) угроза опасности с запада со всей определенностью миновала. Ситуация на востоке была не столь благоприятной для булгар.

Во время первого нападения на северокавказские земли тюркам удалось установить контроль над утигурами, после чего они проникли в Тавриду.[119] В 581 г. тюркское войско осадило Херсонес, но затем сняло осаду, так и не захватив город, и вернулось в Туркестан для участия там в гражданской войне. На протяжении почти двадцати лет тюркское государство было ослаблено из-за внутренних распрей между ханами. Утигуры воспользовались этой ситуацией, и им удалось освободиться от тюркского контроля. Однако, тюрки сохраняли свои владения в восточной части Северного Кавказа, так же как и в районе нижней Волги. В результате внутреннего раздора в Туркестане западная группа тюрков откололась от основного ханства в Туркестане.[120]

Западная орда тюрков не могла быть очень многочисленной, и местные племена, завоеванные ею, в большой мере сохраняли свое самоуправление. Этнический состав племен Северного Кавказа был очень смешанным. К изначальной яфетической основе были добавлены разнообразные расовые черты, привнесенные новыми племенами, приходившими на эту территорию, такими как сарматы, гунно-булгары и угры. В течение пятого и шестого веков одно из этих смешанных племен стало известно как хазары. Вместе с другими местными племенами хазары признали над собой тюркское господство около 570 г. В скором времени они стали верными сторонниками тюркского государства и постепенно смешались с тюрками. Ко времени, когда западная тюркская орда на Северном Кавказе отделилась от главной орды в Туркестане, хазары уже составляли главную основу северо-кавказского государства, которое вскоре стало известно как Хазарский каганат.[121]

Благодаря географическому положению, хазарам, как и аланам до них, было предначертано сыграть важную роль в международной политике в Малой Азии. Как мы видели,[122] Византийская империя в 626 г. подверглась одновременному нападению аваров и персов. Император Ираклий нуждался в союзниках и быстро осознал возможность использования хазар против персов. В результате этого был послан византийский посланник к хазарскому кагану с предложением союзничества против Персии.[123] Интересы Византии в этом вопросе совпадали с интересами хазар, и каган с готовностью согласился на альянс. В 627 г. он сам повел свою армию в Иверию и осадил город Тифлис. Ираклий, со своей стороны, направился к Тифлису от Лазики, известной впоследствии как западная часть Грузии. Союзники встретились в окрестностях Тифлиса, и Ираклий угощал кагана на роскошном пиру, после которого он подарил кагану свой золотой обеденный сервиз.[124]

Осада Тифлиса, однако, продолжалась два месяца без результатов. Устав от бездействия, каган вернулся домой, оставив Ираклию военный корпус - сорок тысяч человек, если верить источникам.[125] Вероятно, этот корпус составляли главным образом белые угры (сарагуры), которые были вассалами хазар. В любом случае, в славянском переводе хроники Георгия Амартола констатировано, что белые угры помогали Ираклию в его войне против Персии.[126] Другая угрская орда, оногуры, была частью Великой

Булгарии под властью хана Курта, как уже отмечалось.[127] Таким образом, угрские племена Северного Кавказа в этот период разделились в своих приверженностях между хазарами и булгарами.

Пока Курт был жив, он имел достаточно силы, чтобы противостоять натиску тюрко-хазар. После его смерти, однако, Великую Булгарию поделили его сыновья, так же как и Гуннская империя была разделена после смерти Аттилы. Каждый из сыновей Курта оказался теперь во главе своей собственной орды, и ни у кого из них не было достаточных сил, чтобы совладать с хазарами. Под натиском хазар булгарские орды вынуждены были оставить прежние обжитые места и искать более безопасные регионы.[128]

Одна из орд, состоящая главным образом из кутригурских кланов, двинулась на север и, наконец, осела в районе средней Волги и Камы. Они являлись предками так называемых черных, или серебряных, булгар,[129] чьему государству было предназначено играть в течение некоторого времени важную роль в истории западной Евразии.[130]

Две другие булгарские орды, тоже большей частью состоявшие из кутригуров, пошли на запад. Одна из них в конце концов достигла Паннонии и присоединилась к аварам.[131] Другая дошла даже до Италии. Лангобарды, которые контролировали в это время бóльшую часть Италии, впустили булгар на правах своих вассалов и позволили им расселиться в районе провинции Беневенто.[132]

Четвертая булгарская орда под началом хана Аспаруха, как и две других, пошла на запад, но остановилась в районе нижнего Дуная (около 650 г.). Она состояла преимущественно из утигурских кланов.[133]

Пятая орда, по преимуществу угрская, признала сюзеренитет хазар и осталась в Азовском регионе. Эта орда позже слилась с "белыми уграми", которые несколько раньше оказались под контролем хазар. Постепенно угры двигались в южно-русские степи и через некоторое время заняли район верхнего Донца, а также нижнего Днепра и Буга.[134] Русская "Повесть временных лет" упоминает их как белых угров.[135] Страна, которой правили угры (мадьяры), была известна как Лебедия.[136] До прихода мадьяр территория Лебедии была населена, главным образом, антами.[137] Некоторые антские племена, вероятно, были вытеснены из стра-

ны, в то время как остальные вынуждены были признать господство мадьяр.

Следует отметить, что примерно в то же время, когда хазары разбили Великую Булгарию, они, должно быть, также завоевали (около 650 г.) северо-кавказских аланов, или асов;[138] таким образом, правители аланов становятся вассалами хазарского кагана.

Одновременно с утратой независимости северокавказскими асами наступило тревожное время для дунайских антов, которые были сильно потрясены вторжением орды Аспаруха. Первый из оккупированных Аспарухом районов называется некоторыми византийскими историками[139] Онглос (Ογγλοζ). Из Онглоса булгары вскоре проникли на острова дунайской дельты, а также в Добруджу. Ставка Аспаруха, по-видимому, располагалась на острове Пеус, старом поселении бастарнов.[140] В результате булгарского вторжения часть антских племен двинулась на север; большинство из них, однако, признали Аспаруха в качестве своего сюзерена. С течением времени булгары слились с анто-славянами, и из этого смешения завоевателей и завоеванных появилась новая нация, современные болгары. Название отражает тюркское происхождение прежнего правящего клана; но новая нация в целом славянская по языку и цивилизации.

Глава VI

ХАЗАРО-БУЛГАРСКИЙ ПЕРИОД (650 - 737 гг.)

1. Предварительные замечания

Как мы уже отмечали,[1] в середине седьмого века на Ближнем Востоке имел место политический и культурный переворот огромной важности: родилась Арабская империя, известная как Халифат. За короткий промежуток времени арабы завоевали Египет, Палестину, Сирию, Персию, Закавказье, а затем проникли в Туркестан. В конце седьмого века арабские войска стали продвигаться на запад вдоль средиземноморского побережья Ливии, проходя победоносно и уничтожая последние следы византийского управления и культуры в Ливии; в начале восьмого века они пересекли Гибралтарский пролив и вторглись в Испанию. Само название "Гибралтар" хранит память об этом событии: Джабрал-Тарик, гора Тарика.[2]

В результате побед арабов и утраты Византийской империей ее восточных провинций она перестала быть мировой державой и стала национальным греческим государством, ограниченным Балканским полуостровом и Малой Азией. Последнюю теперь можно было защитить от нападения арабов лишь ценой невероятных усилий, в то время как на Балканах вскоре будет образовано булгаро-славянское государство.

Обширная сфера арабских коммерческих интересов оказала влияние на экономическую историю и средиземноморских, и прикаспийских земель, включая волжский регион. Еще до арабов товарооборот между русским севером, с одной стороны, и Персией и Византией, с другой, был существенным фактом экономического развития. Теперь же торговля между севером и югом получила новый стимул. Хазарское государство, основанное на северокавказских землях и в регионе нижней Волги, широко использовало свое географическое положение и стало мостом, через который возможно было осуществлять оживленные коммерческие сношения между арабами и севером. Именно через Хазарию арабские купцы получали драгоценные меха. Булгарская орда, которая была вытеснена хазарами из азовского региона и расселилась в районе средней Волги,[3] стала еще одним звеном великого торгового пути. Поволжские булгары, как и хазары, быстро поняли выгоды своего географического положения. Что касается угров (мадьяр), которые в определенной степени зависели от хазар, то им удалось со временем установить контроль над торговым путем в районе Донца.

Как мы знаем,[4] какие-то коммерческие отношения были, вероятно, установлены между племенами на верхней Волге и прибалтийскими племенами еще в период неолита и бронзового века. Новый подъем коммерции в районе Волги не мог не повлиять также на торговлю с Прибалтикой. Скандинавским купцам, известным под названием варяги, постепенно удалось установить контроль над подходом с Балтики к верхней Волге. Разумеется, скандинавский Drang nach Osten, в первую очередь - на восточное побережье Балтики, частично явился результатом, вызванным местными скандинавскими обстоятельствами, такими как рост населения сверх той плотности, при которой оно могло бы обеспечивать себя, используя преобладающие здесь примитивные условия земледелия. Но в дополнение к этим местным причинам были и более общие причины, толкавшие варягов к Восточному Пути (Osterweg). Захват арабами южного Средиземноморья и Испании прервал или, по крайней мере, дезорганизовал на какое-то время коммерческие связи между Западной Европой и Востоком.[5] Нужно было создать окружные пути, и в поисках именно таких путей варяги начали исследование русских речных сообщений. В конце

концов им удалось открыть новый путь от Балтики к Черноморскому и Каспийскому регионам.

Теперь обратимся к обзору источников. Что касается византийских писателей, то особого внимания заслуживают работы императора Константина Багрянородного (912 - 957 гг.). Как правитель Константин не обнаружил каких-то особых дарований, но его вклад в область истории неоценим. Придавая огромную важность историческим исследованиям, Константин организовал кружок ученых историков, которым поручил написать биографии некоторых из своих предшественников на византийском троне, продолжить работу прежних летописцев и собирать все и всяческие исторические материалы. По его инициативе было составлено собрание выдержек из наиболее важных исторических книг, причем материалы собрания были распределены в соответствии с определенными темами, такими как: о дипломатической деятельности; о политических волнениях; о военных кампаниях византийских императоров и т. д. Таким образом Константин сохранил ценную информацию для будущих историков, и дошедшие до нас фрагменты из "Истории" Менандра сохранились именно в его "Выдержках" (Excerpta). В дополнение к деятельности организатора исторических исследований Константин сам был автором нескольких важных трудов. Разумеется, его книги представляют из себя компиляции материалов, в то время как сам он выступал только их редактором, тем не менее он снискал искреннюю благодарность современных историков. Трактат "De Ceremoniis Aulae Byzantinae" ("О церемониях византийского двора") - книга первостепенной важности для изучения византийской жизни. Для изучающего русскую историю особую важность представляют протоколы приема княгини Ольги (957 г.). Что же касается более раннего периода, о котором сейчас мы ведем речь, для нас еще более ценны две другие книги Константина, а именно: его описание военных округов Византийской империи "De Thematibus" ("О фемах") и его трактат "De Administrando Imperii" - эти работы тесно связаны между собой. В обеих автор сообщает много сведений о соседствующих с империей народах - хазарах, мадьярах и русах среди всех прочих. Поскольку Константин писал в середине десятого века, он использовал, кроме того, ряд более ран-

них источников. Однако, иногда его знания об определенных событиях прошлого нечетки и туманны - факт, с которым сам он, между прочим, иногда соглашается.

Вследствие подъема Халифата арабский язык стал важным проводником культурного прогресса, а среди остальных отраслей арабской науки историография приобрела особую значимость. Разумеется, не все историки и географы, писавшие по-арабски, были арабами; наоборот, некоторые наиболее выдающиеся из них были не арабами по рождению, а персами, сирийцами или греками, однако, поскольку все они пользовались арабским языком, они внесли вклад своими трудами в общий расцвет этой культуры. Вообще, подъем арабской историографии явился выдающимся феноменом в развитии исторической науки. Арабская историография не менее богата и более многоаспектна, нежели византийская. Среди арабоязычных историков и географов были люди выдающегося дарования, и само распространение арабской культуры от Испании до Туркестана привело к расширению круга интересов арабских ученых. В большинстве случаев они интересовались не только историей и географией самой Арабской империи, но также и соседних стран и народов. Это объясняет тот факт, что мы обнаруживаем в трудах арабов столь много сведений, касающихся хазар, булгар (как волжской, так и дунайской группы), мадьяр, славян и русов. В целом, сведения, которые они сообщают, заслуживают доверия, но чтобы ими пользоваться, необходимо принять во внимание некоторые особенности метода арабских авторов: прежде всего, их систему расположения материала. Взаимоотношения между народами и странами, описанные в большинстве арабских трудов, необходимо толковать с учетом ориентации каждого автора, и это становится возможным лишь тогда, когда ясно определены его исходные позиции, разъяснено географическое положение разнообразных упомянутых в работе племен, да и сами племена точно идентифицированы. Более того, не всегда ясно, к какому периоду относится сообщаемая информация. Арабский автор десятого или одиннадцатого века, возможно, пользовался более ранними, недоступными для нас источниками. К информации, которую он почерпнул из этих источников, он мог добавить сведения из более раннего времени без четкой дифференциации этих двух моментов. Таким образом, было бы опасным полагаться на труды арабского

автора десятого века для изучения событий этого века. Изложенные им факты, или хотя бы некоторые из них, возможно, на деле отражают события, происшедшие намного раньше. Необходимо в каждом случае тщательно анализировать источники информации того или иного цитируемого автора. Все вышеприведенные указания, конечно же, применимы к каждому письменному источнику любого периода, но в отношении арабских историков этот момент следует выделить особо, поскольку до недавнего времени исследователи русской истории недостаточно адекватно "просеивали" сведения, передаваемые арабскими летописцами.

Здесь будут упомянуты только те из арабских авторов, чьи труды особенно важны для изучения русской истории. Первым в таком списке должен быть назван Убайдалла Ибн-Хурдадби, занимавший пост главного почтмейстера Халифата. Его книга о "Путях и Царствах", которая была написана около 846 г., представляет из себя нечто вроде краткого учебника; информация там сжатая, но точная, и книга очень полезная. Его другой труд - "Книга генеалогии персов и их поселений", известная персидскому историку одиннадцатого века Гардизи, - не сохранился. Еще одним важным историческим источником является труд Ахмада Аль-Баладури "Книга завоевания земель". Для наших целей особо ценным представляется раздел, посвященный Северокавказской кампании арабского военачальника Марвана (737 г.). Баладури был персом по происхождению, но его отец поселился в Египте. Ахмад написал свою книгу незадолго до смерти, которая наступила в 892 г. В начале десятого века Мохаммед Ибн-Руста, житель Исфахана, написал обширную энциклопедию по истории и географии, от которой у нас есть только часть, посвященная географии. В 921 г. Абу Саид Аль-Балхи составил сходный учебник географии под названием "Картины климатов". Этот труд был переработан и расширен Ибрагимом Аль-Истахри в 953 г. Труд Ибрагима, в свою очередь, был пересмотрен и дополнен Ибн-Хакалом в 977 г. Все вышеуказанные учебники энциклопедического характера содержат ценную информацию о причерноморских и прикаспийских странах и народах.

Книга иного характера, но огромной важности, написана Ахмадом Ибн-Фадланом, который принял участие в дипломатической миссии, посланной халифом к поволжским булгарам в 921 - 922 гг.

Это не научный трактат, а путевые заметки. Хронологические заметки Фадлана выходят за рамки, установленные для настоящего тома, но замечания Ибн-Фадлана о жизни и обычаях поволжских племен, несмотря ни на что, имеют ценность для нас, поскольку многие обычаи и традиции дошли до его времени с более раннего периода. До недавнего времени труд Ибн-Фадлана был известен только в сокращенной версии из географического словаря Якута, но в 1923 г. в Месхеде обнаружили более полный экземпляр манускрипта, фотокопии которого были посланы иранским правительством в советскую Академию Наук в 1935 г. Они использованы в новом русском переводе этого труда под редакцией И. Ю. Крачковского (1939 г.).

Мохаммед Ибн-Джарир ат Табари (838 - 923 гг.) традиционно считается "отцом арабской историографии". А. Е. Крымский называет его арабским "Нестором", имея в виду киевского монаха одиннадцатого века, Нестора-летописца, вероятного автора первой русской летописи. Табари, перс по происхождению, вознамерился написать всеобщую историю мира. Уделив много внимания древнейшим периодам, он, по всей видимости, испугался, что ему не хватит времени завершить работу в тех же масштабах и поэтому попытался сделать повествование более сжатым. Заключительная часть его труда состоит только из кратких записей по годам. Поэтому книга Табари не так важна для изучающего русскую историю, как могла бы быть. Намного большее значение имеет работа Али аль-Масуди, написанная в 956 г. Масуди принадлежал к знатной арабской семье; он родился в Багдаде, много путешествовал и умер в Каире. Он написал обширный трактат по истории и географии, сейчас утраченный; до нас дошел лишь конспект, сделанный самим автором.[6] Другим выдающимся летописцем был Абдалла аль-Бакри. Его отец жил в Кордове в Испании, и сам Абдалла какое-то время был связан с севильским двором. Он умер в 1094 г. Его книга "О путях и странах" - нечто вроде географического путеводителя - была очень популярна в его время. Она содержит очень ценный раздел о причерноморских народах, включая славян и русов. Аль-Бакри частично использовал те же источники, что и Ибн-Руста и аль-Масуди, но также приводил дополнительные свидетельства. Среди арабских авторов более позднего поколения стоит упомянуть здесь выдающихся географов Мохамме-

да аль-Идриси (родился в 1099 г., завершил свой труд к 1154 г.) и Якута (1178 - 1229 гг.). "Географический словарь" последнего содержит много ценной информации, которая частично относится к более ранним периодам. Современником Якута был Ибн-аль-Атир (умер в 1239 г.), автор "Всемирной истории", которая должна была дополнить хронику Табари.

Персидская историография тоже представляет из себя большую ценность для нашего исследования. После завоевания арабами (вторая половина седьмого века) Персия находилась под контролем арабов не только политически, но также и культурно. Персия приняла ислам, и арабский язык стал на какое-то время языком персидского высшего класса. Однако, жизнеспособность иранского народа не была исчерпана, и иранская культура стала постепенно набирать силу в рамках арабской надстройки. Новый персидский язык возник из смешения старого персидского и арабского языков. К тому же не замедлило прийти политическое освобождение. Иранская династия, известная как Саманиды, обосновалась в девятом веке в южном Туркестане со столицей в Бухаре. Этот город стал центром иранского возрождения. Возрос интерес к иранской истории и географии, и в начале десятого века визирь саманидского государства Абу-Абдалла Мохаммад аль-Джайхани составляет географический трактат, известный как "Книга о путях и царствах". Сам манускрипт был утрачен, но мы знаем о его содержании из цитат в более поздних трудах. Выясняется, что Джайхани пользовался теми же источниками, что и Ибн-Руста; что же касается аль-Бакри, вероятно, он имел книгу Джайхани в своем распоряжении. В 372 году Хиджры (982 - 983 гг. н. э.) появился еще один выдающийся персидский географический трактат. Его заглавие "Худуд-аль-Алам" ("Границы мира"). Имя автора неизвестно. Единственный сохранившийся экземпляр этого труда был обнаружен в Ашхабаде в 1890 г. русским исследователем Туманским. В 1930 г. этот манускрипт был воспроизведен фототипическим способом в Ленинграде с предисловием В. В. Бартольда, который также перевел на русский язык некоторые выдержки, касающиеся славян и русов. В 1937 г. английский перевод всего труда был опубликован в Лондоне В. Ф. Минорским, который также снабдил его ценными комментариями. Автор "Худуд-аль-Алам", видимо, пользовался книгами как Ибн-Хурдадби, так и аль-Джайхани. Теми же ис-

точниками пользовался позднее Абу Саид Гардизи, о котором, кроме его имени, известно немного. Его труд, названный "Заин аль-Ахбар" ("Орнамент повествований"), включает в себя историю Персии вплоть до 1032 г. и, в качестве приложения, историю Хорасана (одна из провинций Персии) до 1041 г. Гардизи завершил свой труд во времена правления Абд-ар-Рашида (1049 - 1053 гг.) из дома Газневидов. Здесь можно также сослаться на персидскую версию хроники Табари, сделанную хорасанским визирем Балями, который добавил некоторые сведения из персидских преданий (около 970 г.).

Еще одной важной персидской компиляцией является "Табаи аль-хайаван", написанная Марвази в одиннадцатом веке, которую В. Ф. Минорский подготовил к публикации и охарактеризовал как "нечто вроде сверх-" Худуд аль-Алама".[7] Труды некоторых персидских историков позднего средневековья не будут рассмотрены, поскольку мы иногда обнаруживаем, что эти писатели пользовались утраченными ныне источниками и преданиями. В связи с этим может быть упомянута книга Мирхванда "Равдату'с Сафа", написанная в пятнадцатом веке.

В дополнение к арабским и персидским источникам существует ряд европейских текстов, относящихся по времени к хазарскому периоду. Часть из них была впервые опубликована в шестнадцатом веке, а в 1932 г. появилось новое издание под редакцией П. К. Коковцева "Еврейско-хазарская переписка в десятом веке". Оно включает, наряду с другими текстами: 1) письмо испанского еврея хазарскому царю Иосифу; 2) ответ последнего, известный в двух различных вариантах; 3) фрагмент письма неизвестного хазарского еврея. Эти документы содержат много интересных, хотя несколько расплывчатых сведений об истории хазар и их соседей, включая русов. Подлинность этих источников ставил под вопрос еще Йозеф Маркварт, а недавно Анри Грегуар тоже выразил сомнения по поводу происхождения этих документов (1937 г.).[8] С другой стороны, Максимилиан Ландау после детального анализа текста письма Хасаи ибн Шапрута царю Иосифу, как и Кембриджского фрагмента, пришел к заключению, что оба эти документа следует считать подлинными (1938 г.).[9] Итак, пока не осуществлен тщательный пересмотр проблемы в целом, целесообразна осторожность в использовании "Переписки" в качестве свидетельства.

Теперь обратимся к современной историографии. В предыдущей главе уже упоминалась работа Маркварта "Streifzüge" и главные направления в изучении истории Византии.[10] Следует отметить здесь, что "История Византии" Кулаковского завершается на 717 г. Очень полезным является труд В. Н. Златарского "История Болгарского государства", 1 том которого посвящен древнейшему периоду болгарской истории до 867 г. Существует и более современный очерк болгарской истории на английском языке, написанный С. Рунсиманом (1930 г.). Касательно мадьяр следует указать книгу Й. Немета, о которой я знаю только по резюме в "Nouvelle Revue Hongrie", 1932 г. Еще один венгерский ученый Г. Моравчик выпустил ценный очерк истории оногуров (1930 г.). В этой связи следует назвать и книгу К. А. Макартни "Мадьяры в девятом веке" (1930). Превосходная библиография о хазарах появилась в "Бюллетене Нью-Йоркской Публичной Библиотеки" в 1938 г. Статьи В. В. Григорьева о хазарах, опубликованные в 1834 - 1835 гг., продолжают привлекать внимание, хотя они несколько устарели. Среди литературы последнего времени можно упомянуть "Очерки истории хазар" М. И. Артамонова (1934 г.). Что касается истории арабов, то здесь имеется обилие трудов на разных языках. Я ограничусь отсылкой к труду А. Е. Крымского "История арабов и их литературы" (по-русски, 1912 г.), а также к недавно вышедшему очерку истории исламских народов, написанному К. Брокельманом (по-немецки, 1939 г.). Брокельман также является автором образцовой истории арабской литературы (по-немецки, 1898 - 1902 гг.). По истории Персии смотрите, наряду с другими публикациями, "Историю Персии и ее литературы" Крымского (по-русски, 1909 г.; переработанное издание по-украински, 1923 г.) и "Литературную историю Персии с древнейших времен до Фирдоуси" Э. Дж. Брауна (1902).

2. Хазарский каганат[11]

Структура хазарского государства соответствует традиционному образцу кочевых империй Евразии. Хазары изначально были ордой всадников, которой удавалось политически контролировать

соседние земледельческие племена. Их господство, однако, было намного мягче по отношению к подчиненным народам, нежели господство аваров и даже булгар.

Интерес хазар к торговле добавлял своеобразные черты к самому характеру их владычества. Заняв территорию Северного Кавказа, Азовский регион и бассейн нижней Волги, хазарское государство стратегически было расположено так, чтобы контролировать точки пересечения наиболее важных торговых путей западной Евразии. Охрана этих путей составляла главную цель политики кагана, а вознаграждался он сбором таможенных пошлин с караванов и судов, курсировавших на север и на юг, на запад и на восток. Мы уже называли хазар изначально кочевым народом, однако это утверждение нуждается в некотором уточнении. Они представляли из себя смешение тюрков, северокавказских "гуннов" и некоторых туземных "яфетических" племен северокавказского ареала.[12] Торговля и ремесла играли важную роль на этих территориях задолго до прихода тюрков, и поселения городского типа существовали там с незапамятных времен.[13] Разумеется, тюркская орда, которая вторглась на Северный Кавказ во второй половине шестого века, состояла из кочевников, но ко времени подъема хазарского государства, век спустя, некоторые из этих кочевников были уже знакомы с обычаями более оседлой жизни. В то время как хазары большую часть времени проводили в степях, почти каждый хазарский вельможа имел сады, виноградники и поля, где работали его крепостные, и которые он любил посещать.

Непросто очертить точные границы хазарского государства, особенно еще и потому, что должно быть сделано различие между собственно хазарскими землями и землями племен, подчиненных хазарскому владычеству, но пользовавшихся некоторой автономией. Основное ядро хазарского государства включало в себя северокавказскую территорию и треугольный выступ к северу между нижним Доном и нижней Волгой. Какое-то время хазары также контролировали степи и пустыни к востоку от Волги до реки Яика.[14] Таким образом восточная граница хазарского государства проходила по каспийскому побережью от устья Яика до Дербентского пролива, или так называемых Дербентских Ворот, которые охранялись мощным хазарским гарнизоном. Южная граница государства проходила, приблизительно, по Главному Кавказскому хреб-

ту. Дарьяльское ущелье в середине Кавказского хребта охранялось асами (аланами), которые были подданными хазар. Черноморское побережье от устья Кубани до Керченского пролива может быть принято за участок западной границы хазарского государства. Город Боспор (Пантикапей, Керчь) занимал хазарский гарнизон. Азовское море образовывало естественную северо-западную границу.

Таким образом мы можем убедиться, что территории, населенные как северокавказскими асами, так и приазовскими асо-славянами (антами) входили в состав хазарского государства. Из этого следует, что иранцы и славяно-асы (анты), скорее всего, играли важную роль, поскольку асы, вероятно, были наиболее развитым народом в данной политической сфере. Некоторый свет может быть пролит на культуру асов этого периода благодаря изучению археологических материалов, таких, к примеру, как находки на Северном Кавказе, с одной стороны, и в районе Дона и Донца, с другой.[15] Из литературных источников известно, что в хазарской армии был асо-славянский контингент. Северокавказские асы охраняли Дарьяльский проход для хазар. Войска асов и асо-славян использовались также и в других местах. В связи с этим характерно название города Астрахань в дельте Волги, которое, должно быть, происходит от "ас-тархан" ("командир отряда асов").[16] Интересным свидетельством влияния славян на хазарскую жизнь является употребление хазарами славянского слова "закон".[17]

Наряду с народами и племенами, непосредственно зависящими от хазар, были и другие, которые, признав господство кагана, сохранили свою автономию. Таковыми были мадьяры - союзники хазар, согласно Константину Багрянородному, на протяжении трех столетий.[18] Некоторые финскне племена в районе Оки и средней Волги были также в тот или иной период связаны с хазарским государством. Ибн-Руста, к примеру, отмечает, что буртасы (мордва) находились под сюзеренитетом кагана.[19] Позднее буртасы стали подданными волжских булгар. Эти последние, однако, сами какое-то время находились под властью хазар. Этот вопрос не прояснен, и единственным свидетельством является вызывающее сомнение "Письмо хазарского царя Иосифа".[20]

Среди городов Хазарской империи нужно упомянуть следующие четыре: Хамлидж (или Хамлих) и Итил, оба на нижней Вол-

ге; Самандар у каспийского побережья Северного Кавказа (отождествляемый либо с Махачкалой, либо с Кизляром), и Баланджар в Дагестане, находящийся на полпути между Самандаром и Дарьяльским ущельем.[21] Что же касается Хамлиджа, то его точное местоположение не установлено. По моему мнению, он, должно быть, находился на волжском конце Волго-Донского волока около современного Сталинграда (Царицына). Итил находился где-то в дельте Волги, около Астрахани. Что касается последнего, то мы можем предположить, что Астрахань была военной крепостью, защищающей Итил. Судя по названию, ее гарнизон составлял отряд асов. Следует заметить, что Астрахань не упомянута среди хазарских городов, перечисляемых арабскими авторами.

Другой важной хазарской крепостью была Тмутаракань на Черном море в дельте Кубани. Она располагалась где-то рядом с Малороссой;[22] возможно, это было другое название Малоросы. Название Тмутаракань, должно быть, происходит от алтайских слов "тма" (ср. персидское "туман") - военный отряд в десять тысяч человек - и "тархан" (вождь). Предположительно, во время тюркского вторжения на Северный Кавказ в шестом веке[23] командующий тюркским отрядом ("тма-тархан"[24]) устроил свой штаб в дельте Тамани, отсюда и название города. Греки эллинизировали название, изменив его на Τυματαρχα или Таматарха, последнее, вероятно, - из "Тагматарха".[25] Поскольку по-гречески "тагматархес" означает "командир полка",[26] имя сохранило свое изначальное значение даже в эллинизированной форме. Таматарха упоминается в византийских источниках, начиная с восьмого века. Конечно, сам город был основан раньше, и, как мы только что убедились, его название могло быть связано с появлением тюрков в шестом веке. Между прочим, русский тюрколог В. Д. Смирнов точно так же связывает с продвижением тюрков название города Керчи (Пантикапей) на противоположной стороне Киммерийского Боспора. Согласно Смирнову, название "Керчь" должно происходить от тюркского слова "карши" ("по ту сторону"), поскольку для тюрков, приближавшихся из материкового района Северного Кавказа, этот город лежал по ту сторону пролива.[27]

Некоторые торговые города хазарского государства достигли значительного процветания. О Самандаре Ибн-Хакал говорит, что там было много фруктовых садов, а в нем самом и вокруг

него было порядка сорока тысяч виноградников. "Его население состояло из мусульман и прочих; у мусульман были мечети, у христиан - церкви, а у евреев - синагоги".[28] Что касается Итила, Ибн-Фадлан сообщает, что "это большой город. Он состоит из двух частей: одна населена мусульманами, в другой живет царь (каган) со своими придворными".[29] Согласно Масуди, в Итиле было семь судей: "двое для мусульман, двое для хазар в соответствии с законом Торы, двое для христиан в соответствии с Евангелием и один для славян, русов и прочих язычников: он судил их в соответствии с естественным правом, то есть по разуму".[30] Распространение нескольких основных религий в хазарском государстве частично было результатом международного размаха его торговых отношений, благодаря которым в хазарских городах оседало много иностранных купцов. Изначальной религией самих хазар была алтайская религия шаманского типа, но позднее высшие слои хазар были обращены либо в ислам, либо в иудаизм. Сам каган в конце концов был обращен в иудаизм, о чем мы скажем в свое время.[31]

Что касается организации хазарского правительства, то его особенность заключалась в двойственном характере высшей власти, представленной двумя правителями, обычно называвшимися каганом и беком.[32] Эта черта была отмечена Константином Багрянородным (десятый век), а также рядом восточных авторов десятого и одиннадцатого века. Возможно, однако, что двойственный характер высшей власти не был изначально присущ хазарам. К примеру, и патриарх Никифор, и Георгий Амартол, говоря о переговорах между императором Ираклием и хазарами в 621 г., упоминали только одного хазарского правителя.[33] О том же говорит и армянский историк Мозес Каланкатваци.[34] На мой взгляд, двойственность высшей власти в хазарском государстве, возможно, была результатом разнородности этнического состава нации. Оригинальный тип хазарского предводителя, каган, время от времени принимал помощь еще одного властителя, который представлял какую-то иную этническую группу, влиятельную в тот или иной период. Постепенно такая организация власти стала постоянной.

Учитывая такую возможность, давайте проанализируем соотносительные титулы двух правителей, как это дано разными авторами.[35]

Автор	1-й представитель	2-й представитель
Константин[36]	Хакан	Пех
Ибн-Руста[37]	Хазар-Хакан	Айша
Ибн-Фадлан[38]	Хакан	Хакан-Бех
Масуди[39]	Хакан	Малик
Ибн-Хакал[40]	Хакан-Хазар	Малик-Хазар
Гардизи[41]	Хазар-Хакан	Абшад (Аншад)

Характерно, что первый правитель всегда оставался известным как каган или хазар-каган. Мы можем истолковать этот титул либо в том смысле, что первый правитель был вождем всего хазарского государства, либо в том смысле, что он был вождем только самих хазар, одной хазарской этнической группы. Что касается титулов второго правителя, то "бех" или "пех", конечно же, транскрипция тюркского титула "бек" ("бей"), "князь". Судя по титулу, представляется вполне определенным, что в те времена, когда второй правитель назывался беком, он представлял тюркскую группу в хазарском государстве. Малик - это арабский перевод того же самого титула. Более интригующими представляются титулы "айша" или "абшад" ("аншад"). Эти два слова, вероятно, представляют из себя разные транскрипции одного и того же названия. В связи с этим мы можем также упомянуть имя Анса, встречающееся в персидском трактате "Худуд-аль-Алам": "*Итил <...> - столица хазар и резиденция их царя, которого называют тархан-хаган и который является одним из потомков Ансы*".[42]

Таким образом, у нас есть три варианта имени: Анса, Аншад, Айша. Если мы в связи с этим сделаем предположение, как и в случае с "бегом", что второй правитель представлял особую этническую группу, то ближайшее название этноса, к которому это может быть отнесено, будет асы, или анты. Назальный звук в "Анса" может соотноситься с древнерусским названием асов - ясы. Примечательно, что титул "потомка Ансы", согласно "Худуд аль-Аламу" - "тархан-хакан".[43] Вероятно, он был "тарханом" (вождем) асов ("Анса"). Мы можем представить себе, что "ас-тархан" со временем стал достаточно сильным, чтобы быть заместителем кагана, как и тюркский бег в иные времена. Из трактата Константина мы узнаем, что уже в девятом веке заместитель кагана был известен как бег. Вполне вероятно, что в восьмом веке положение заместителя кагана занимал ас-тархан. Поскольку в "Худуд аль-

Аламе" упомянут город Атил в устье Волги, недалеко от современной Астрахани, который был резиденцией "тархана", "одного из потомков Ансы", мы можем вспомнить в связи с этим, что название Астрахани произошло от "ас-тархан".[44]

Теперь давайте обратимся к четвертой важной этнической группе в хазарском государстве: к уграм (мадьярам). Согласно Ибн-Фадлану, помимо бега был также заместитель бега, называемый кендер-каган.[45] В связи с этим нам следует вспомнить, что согласно как Ибн-Русте, так и Гардизи вождь мадьяров был известен как "кенде".[46] Вероятно, это еще одна транскрипция титула "кендер". Между прочим, kender означает "конопля" по-венгерски.[47] Возможно, это было изначально тотемическое имя мадьярского клана. Нам известно еще одно название другого мадьярского клана - Лебедия, которое должно быть происходит от "лебедь", либо от "лебеда".[48] По-видимому, тотемические названия мадьярских кланов обозначали большей частью животных или растения. В целом представляется вполне вероятным, что кендер-каган представлял мадьярскую этническую группу в хазарском правительстве.

Таким образом мы имеем интересную параллель в организации управления и судопроизводства в хазарском государстве. Обе ветви были приспособлены к отдельным группам или общинам: религиозным - в случае с судопроизводством и этническим - в случае с управлением.

К десятому веку реальная власть в хазарском государстве была сосредоточена в руках бега. Согласно Ибн-Фадлану, именно бег "руководил армией и управлял делами в государстве <...>, именно ему соседние цари выражали свою покорность".[49] Каган к этому времени сохранял только официальный престиж. Сам бег должен был входить в шатер кагана босым. Когда каган выезжал из своего дворца, весь народ обязан был простираться ниц перед ним. Срок правления кагана, по Ибн-Фадлану, ограничивался сорока годами; по прошествии этого срока его казнили.[50]

Ближайшим помощником бега, как мы уже убедились, был кендер. Следующими по рангу были тарханы, командиры отдельных подразделений хазарской армии или туземных вспомогательных войск. Приграничные крепости возглавлялись комендантами (тудунами). Основной корпус хазарской армии состоял из десяти тысяч

человек.[51] Копье было главным оружием хазарского воина. Его тело было хорошо защищено кольчугой.

Было два основных источника доходов в казну хазарского государства: таможенные сборы[52] и налоги. Налоги платили только туземцы, завоеванные хазарами. Их собирали с каждого очага ("дым"). Так мы узнаем из первой русской летописи, что "поляне платили дань мечу с каждого дыма". С другой стороны, вятичи платили с каждого лемеха.[53]

Мы знаем, что безопасность торговых путей была главной целью хазарской политики. Что касается наиболее важных водных путей, то путь по Дону и Донцу контролировался мадьярами, которые признавали господство хазарского кагана над собой. Среднюю Волгу контролировали булгары, но, как выясняется, и они поначалу подчинялись кагану; позднее, получив независимость, они остались в дружеских отношениях с хазарами, что было особенно важно, поскольку эти отношения влияли на торговлю мехами с севером.

На востоке Туркестан был оккупирован тюрками, которые находились в близком родстве с хазарами; таким образом отношения между хазарским государством и Туркестаном строились тоже на дружеской основе. Положение изменилось после арабского вторжения в Туркестан в начале восьмого века. В 737 г. арабы нанесли сокрушительное поражение тюркам.[54]

Что касается самих хазар, то они подверглись нападению арабов значительно раньше, в середине седьмого века. Вслед за победой над Сасанидами, арабы объявили все их владения своими, а в 650 г. или около того арабские войска появились в Закавказье.[55] Защита кавказских горных проходов от арабского вторжения стала главной задачей хазарских и асских войск на ближайшие десятилетия. Поскольку арабы также угрожали безопасности Византийской империи, необходимым стало сотрудничество между хазарами и византийцами. Мы знаем,[56] что в 626 г. хазары заключили союз с императором Ираклием против Персии. Позднее, когда арабы свергли Сасанидов в Персии, хазары проявили готовность поддерживать византийские войска, теперь - против арабов. Однако мы должны помнить, что если интересы хазар и совпадали с интересами византийцев в Закавказье, то в Тавриде их интересы расходились. Хазарский контроль над обеими сторонами Керчен-

ского пролива угрожал византийским владениям в южном Крыму.[57] Хазары, однако, проявили готовность к переговорам с византийскими властями. Позднее, родственные связи между двумя царствующими домами еще больше упрочили взаимоотношения. Император Юстиниан II был первым среди византийских правителей, который женился на хазарской княжне.[58] Женой Константина V (731 г.) стала тоже хазарская девушка.[59] Их сын Лев IV (775 - 780 гг.) был известен как Лев Хазар.[60]

А теперь давайте проследим ход борьбы между хазарами и арабами. В 31 г. Хиджры (651 - 652 гг. н. э.) арабские войска прорвались через Дербентский проход на север и вторглись в северокавказские земли. Хазары атаковали их под Баланджаром и нанесли серьезное поражение оккупантам.[61] Поскольку основные арабские силы были вовлечены в войну с Византией, арабы не в состоянии были направить достаточное количество войск на Кавказ, и хазарам удалось отвоевать кавказские горные проходы, что было важно для наблюдения за событиями в Закавказье.[62] Примечательно, что в 681 - 682 гг. в Баланджар прибыла христианская миссия из Закавказья, во главе которой был албанский епископ.[63]

В 683 г. сильная хазарская армия вторглась в Армению и разбила расположенные там арабские войска.[64] Из-за внутренних проблем в Халифате арабы не в состоянии были немедленно восстановить контроль над Арменией, и только в конце седьмого века халиф Абд-аль-Малик смог возобновить конфликт с хазарами. Война оказалась затяжной и шла с переменным успехом то для одной, то для другой стороны. В 714 г. арабский военачальник Муслима захватил Дербент.[65] Тремя годами позже, в 717 г., хазары нанесли ответный удар, вторгшись в Азербайджан.[66] Поскольку в это время Константинополь находился в критическом положении под ударами арабов,[67] азербайджанская кампания хазар, возможно, была бы использована византийской дипломатией, чтобы отвлечь внимание от самой Византии. Однако, диверсия потерпела неудачу, поскольку арабские войска, расположенные в Азербайджане, вытеснили оккупантов.[68] Пятью годами позже арабский правитель Армении Абу Убейд Джаррах совершил набег на хазарские владения в северокавказских землях и вернулся с богатой добычей, что побудило его повторить набег на следующий год.[69]

В 726 г. хазарский каган решил взять реванш и совершил набег на Азербайджан. Исход этой кампании не ясен. Согласно Феофану Исповеднику, хазары победили арабов, но арабские источники называют победителями арабов.[70] В любом случае, известно, что в 728 г. арабы проникли в хазарские владения на Северном Кавказе еще раз, после чего война стала особенно ожесточенной. В начале преимущество было на стороне хазар, но в 732 г. арабам удалось взять Дербент, и на этот раз - надолго. Четырнадцать тысяч сирийских арабов обосновались в Дербенте, чтобы нести там гарнизонную службу.[71] В 733 г. энергичный арабский военачальник Марван был назначен правителем Армении и Азербайджана. Вскоре он начал широкомасштабное наступление на хазарские владения в северокавказских землях.

3. Волжские булгары

Поволжских булгар считают предками чувашей.[72] Как мы видели,[73] эта ветвь булгар отделилась от своих родичей во времена крушения Великой Булгарии, последовавшего за смертью хана Курта. Под напором хазар они двинулись на север к водоразделу Дона и Волги и в конце концов осели в районе средней Волги и Камы. В русских летописях поволжские булгары иногда называются серебряными булгарами,[74] возможно из-за того, что они были богаты серебром, ввозимым из-за Урала. Они также известны как черные булгары.[75] Это название может быть объяснено в свете китайской традиции, в соответствии с которой каждая из четырех сторон горизонта имела свой особый цвет.[76] Название "черные булгары" обозначало, по-видимому, северных булгар.

Государство поволжских булгар,[77] как и хазарское государство, процветало за счет внешней торговли и поэтому зависело от контроля над сетью торговых путей. Верхняя Волга предоставляла булгарам линию связи с Прибалтикой, а Кама - с Уралом и Сибирью. Вниз по Волге товары могли переправляться на кораблях из булгарского государства либо в Каспийское море, либо, используя волок между Волгой и Доном, к Азовскому морю. Поскольку район нижней Волги и нижнего Дона составлял часть хазарского государства, булгарская торговля зависела там от доброй воли

хазарского кагана, и, конечно, из булгарских товаров изымалась десятая часть в соответствии с основными предписаниями Хазарии. Выясняется, что первоначально зависимость булгар от хазар была не только экономического, но и политического характера. Скорее всего поволжские булгары признавали над собой сюзеренитет хазарского кагана по крайней мере до середины восьмого века.

Чтобы приобрести экономическую независимость от хазар, булгарам нужны были новые пути торговых сообщений с югом, которые позволили бы избежать хазарского контроля. В конечном итоге им удалось установить прямую связь с Туркестаном, по яицкому речному пути. Арабская миссия, которая была послана из Хорезма к булгарам в 921 г., использовала яицкий путь.[78] Что касается Азовского и Черноморского регионов, то булгары были заинтересованы в установлении прямого торгового сообщения. Выясняется, что они время от времени совершали набеги на Тавриду; русский князь Игорь, по крайней мере в своем договоре с Византией, обещал не допускать нападений черных булгар на Тавриду.[79]

Булгарская орда на средней Волге вряд ли была многочисленной. Согласно Аль-Бакри, у них было всего пятьсот глав семейств; впрочем, эта цифра относится, скорее, к количеству кланов.[80] Гардизи упоминает пятьсот тысяч семей, что, скорее всего, является поэтическим преувеличением.[81] В "Худуд аль-Алам" упоминается о двадцати тысячах булгарских всадников.[82]

Эта орда состояла из трех племен, или подразделений (улусов): Барзула, Ишкиль (Ашгиль) и Балгар.[83] Все эти три названия, по-видимому, связаны с названиями племен или местностей на Северном Кавказе. Племя тюркского происхождения под названием балкары и сейчас существует на Северном Кавказе.[84] Название Берзилия (или Барсилт) упоминается в некоторых византийских источниках.[85] Что касается Ишкиля, то в Кабардинском районе есть деревня (аул) Искилти.[86] Мы можем предположить, что когда большая часть булгар двинулась на север (в седьмом веке часть этого народа осталась на Северном Кавказе, таким образом от каждого племени или улуса кто-то мигрировал, а кто-то оставался на прежнем месте.

Границы государства поволжских булгар могут быть определены лишь приблизительно. Как и в случае с хазарским государст-

вом, нам следует различать первоначальное ядро булгарского государства и позднейшие захваченные территории. Центр государства располагался в регионе средней Волги и Камы. Здесь находились и два главных города, Булгар и Сувар.[87] Они служили пакгаузами и обменными центрами как для волжского региона, так и для уральской территории. Город Булгар, или "Великий Булгар", существовал еще в тринадцатом веке. Развалины городских сооружений находятся рядом с селом Успенское Спасского района Казанской области на восточном берегу Волги тридцатью километрами ниже устья Камы.[88] В настоящее время руины расположны на расстоянии 6 км от берега Волги, но река изменила с тех пор свое русло; во времена процветания города он, вероятно, стоял прямо на берегу. Судя по тому, что осталось от города, он, очевидно, был большим,[89] располагался на холме и защищался рвом и земляным валом. Остатки его деревянной крепостной стены можно видеть и сейчас. На южном склоне холма был внутренний замок, в котором, вероятно, располагалась резиденция хана. Сохранившиеся развалины мечетей и других каменных зданий относятся к сравнительно более позднему архитектурному стилю, возможно, двенадцатого и тринадцатого веков. Поскольку более древние руины не были обнаружены, можно полагать, что местоположение первоначального города было не здесь. Уже высказывалось предположение, что изначально город располагался в другом месте, около 70 км от "Великого Булгара" недалеко от современного города Билярска.[90]

Город Биляр упоминается в некоторых арабских источниках, и высказывалось предположение, что название его является искаженной формой от "Булгар".[91] С другой стороны, следует заметить, что Билярск расположен не на Волге, а на Черемшане, притоке Волги, а автор "Худуд аль-Алама" специально оговаривает, что город Булгар располагался на берегу Итила (Волги).[92] Поэтому Биляр не может быть идентифицирован с Булгаром.

Что касается Сувара, то его местонахождение рядом с деревней Кузнечиха на берегу Утки, притока Волги, в Спасском районе Татарской автономной республики, то есть ниже "Великого Булгара".[93]

Постепенно булгарам удалось распространить свой контроль на соседние финские племена, такие как буртасы (мордва), мари

(черемисы) и др.[94] Буртасы в это время были сильным племенем, способным мобилизовать десять тысяч всадников. Как мы видели,[95] они сначала подчинялись хазарам, а затем булгарам. Согласно Ибн-Русте, *"у них не было вождя, чтобы править ими <...>. У них в каждом округе был один или двое старейшин, к которым они обращались за судом со своими делами"*.[96] Из-за отсутствия централизованной власти у буртасов булгарам приходилось иметь дело с каждым старейшиной в отдельности и навязывать свое господство, посылая войска для сбора дани.

Мед и меха составляли главное богатство буртасов, согласно Ибн-Русте. В связи с этим мы можем также вспомнить те сведения, что сообщал Ибн-Хакал об эрьзя - еще одно название мордовского племени.[97]

Он сообщает: *"Эрьзя появились [в Булгаре], спустившись вниз по реке Итиль, и привезли свои товары, но они ничего не рассказывали о своих торговых делах и о своей земле и не позволили никому сопровождать их на обратном пути домой. Именно у эрьзи приобретались соболиные и куньи меха, а также и свинец"*.[98]

Из этого заявления видно, что контроль над финскими племенами был важен для булгар, особенно из-за торговли мехами. Примечательно, что вплоть до десятого века у булгар не было монет, а в качестве валюты использовались куски меха.[99]

Можно предположить, что вдобавок к взаимоотношениям с финнами булгары находились в контакте с некоторыми племенами асов и асо-славян. Ибн-Фадлан говорит, что у царя булгар был вассал, известный как царь Аскал, то есть царь племени аскалов.[100] Вполне вероятно, что аскалы жили в районе реки Оскол и могли быть отождествлены с племенем опали-ас.[101] Ниже мы увидим,[102] что асы, жившие в районе верхнего Донца, к восьмому веку были под контролем мадьяр. Булгарский контроль над этим регионом, возможно, предшествовал мадьярскому господству, и территория Оскола стала позднее спорной областью для двух народов. В любом случае, между мадьярами и булгарами, по всей вероятности, были какие-то отношения, и примечательно то, что имя булгарского хана Алмуша,[103] который принимал у себя Ибн-Фадлана в 992 г., звучит по-венгерски. Оно идентично имени видного мадьярского воеводы девятого века.[104] К десятому веку основная мадьярская

орда ушла в регион среднего Дуная, и в это время больше не было прямых контактов между двумя народами. Поэтому мы можем оценивать появление мадьярского имени у булгарского хана в десятом веке как пережиток старой традиции.

Что касается организации экономики у булгар, то особую важность имела внешняя торговля; большая часть доходов поступала в казну от сбора таможенных пошлин. Как и в хазарском государстве, иностранные купцы платили десятипроцентную пошлину ad valorem (по стоимости - лат.).[105] Другой важной отраслью булгарской экономики было коневодство. Согласно Ибн-Русте, "когда кто-то из их мужчин женился, царь забирал у него коня или двух".[106] Вдобавок, они также занимались земледелием. Выращивались пшеница, ячмень и просо.[107]

Благодаря высокому уровню экономического развития булгары пользовались среди соседей репутацией богатого народа. Вот характерная история в русской "Повести временных лет" о походе князя Владимира на булгар в 985 г. Несмотря на победу в первом бою, воевода Владимира Добрыня посоветовал ему заключить мир. *"Сказал Добрыня: "Я видел пленников, которые все обуты в сапоги. Они не будут платить нам дани. Давай лучше поищем противника в лаптях"*. И Владимир заключил мир с булгарами".[108]

Сведения о булгарских властях и правительстве довольно скудны. Согласно арабским источникам титул правителя был "малик" (царь), что, вероятно, является переводом тюркского титула "хан".[109] Согласно Ибн-Фадлану, имя хана, правившего в 921 - 922 гг., было Алмуш, сын Шилки.[110] В другом месте заметок Ибн-Фадлана это имя, в соответствии с версией Якута, звучит следующим образом: "Алмуш, сын Шилки, Блтвар".[111] В Месхедском манускрипте, в том же фрагменте имя обозначено как "Хасан, сын Блтвара".[112] О. И. Сенковский и Ч. М. Фраен оба толковали слово "Блтвар" не как собственное имя, а как титул булгарского правителя, и объясняли его как искаженный славянский термин "владавац" (правитель).[113] Это слово до сих пор существует в сербском языке, но его нет в русском, что делает такое объяснение сомнительным. Должно быть предложено какое-то другое объяснение. По моему мнению, "Блтвар" - сложное слово, состоящее из двух слов: "бл" и "твар". Первое слово, "бл", возможно, читается как

"был". Это слово встречается в форме "быль" в знаменитом "Слове о полку Игоревом" (1185).[114] Его значение соответствует слову "бойл", употреблявшемуся дунайскими булгарами, от которого происходит русский термин "боярин".[115]

Чтобы разъяснить вторую часть слова, "твар", нам тоже следует обратиться к терминологии дунайских булгар. Согласно Анастасию Библиотекарю, один из булгарских послов, прибывших в Константинополь в 869 г., чтобы принять участие в Церковном Соборе, состоявшемся в этом году, носил титул "табар".[116] Здесь мы имеем со всей очевидностью тот же термин, что и "твар", только в слегка отличной транскрипции. Таким образом, "Блтвар" поволжских булгар - это составной титул, который следует читать: "был тавар".

4. Литовцы и финны в Северной Руси

В предыдущем рассказе мы уделяли главное внимание судьбам Южной Руси. В какой-то степени нас вынудил к такому подходу тот факт, что как в византийских, так и восточных источниках слишком мало сведений о Северной Руси. Однако, даже безотносительно к различию в объеме информации, касающейся юга или севера, политическая важность событий в причерноморских степях склоняет исследователя русской истории отдать предпочтение югу - в определенной мере и до определенного периода. Несомненно, что анты были наиболее сильным из проторусских племен, и столь же несомненно, что они были тесно связаны с причерноморскими землями, как экономически, так и политически. С другой стороны, однако, мы не должны забывать, что некоторые из славянских племен в раннюю эпоху стали продвигаться на север; к примеру, миграция склавен (словене) в район озера Ильмень может быть датирована концом четвертого века.[117] С возрастанием товарооборота в Прибалтийском регионе в седьмом и восьмом веках - в районе, эксплуатировавшемся скандинавами, - и с усилением влияния торговой империи поволжских булгар,[118] северные русские племена оказались на пересечении важных торговых путей.

В своем продвижении к озеру Ильмень славяне вклинились между некоторыми литовскими и финскими племенами.[119] Достиг-

нув истоков Волги, а затем продолжая экспансию Верхневолжья в главном восточном направлении, славяне вступили в более тесные отношения с различными финскими племенами. Чтобы получить определенное представление об обстоятельствах этой ранней славянской экспансии в Северной Руси, нам следует рассмотреть ее основной исторический и этнический фон, и поэтому сказать несколько слов о литовцах и финнах, которые были аборигенами в этих северных землях. В письменных источниках очень мало информации по этому предмету, и исследователь оказывается в зависимости, главным образом, от лингвистических и археологических источников, а также от данных сравнительной этнографии.

Литовский язык относится к балтийской группе индоевропейской семьи, которая ближе к славянской группе, чем к какой-либо другой, с лингвистической точки зрения.[120] Это обстоятельство упростило контакт между славянским и литовским языками в ранние периоды, но в то же время затруднило для филологов и историков возможность определить взаимодействие языков. Поскольку в литовском языке много слов, сходных со славянскими, и наоборот, схожесть во многих случаях может быть вызвана скорее общностью балто-славянских корней, чем влиянием одного языка на другой. Соглашаясь, что следует подходить к этой проблеме с большой осторожностью, надо сказать, что исследование словарного состава обоих языков обнаруживает много слов, несомненно перешедших из одного языка в другой.[121]

Среди литовских слов, заимствованных русскими, первым следует упомянуть слово "янтарь". Янтарь был основным предметом прибалтийской торговли в древние времена, и он экспортировался из районов, контролировавшихся предками литовцев. Лингвистическое заимствование, в данном случае, просто отражает собой область торгового взаимодействия. Следующие русские слова, также,предположительно, заимствованы из литовского языка: ковш, кувшин, пуня, ендова. Что касается славянских слов в литовском языке, многие из них были заимствованы в период с тринадцатого по шестнадцатый век, когда Западная Русь была частью Великого княжества Литовского. Однако, некоторые из этих слов, возможно, представляют собой заимствования более ранних лет.

Мы укажем несколько слов, имеющих отношение к пище и земледелию, таких как литовское asetras, русское "осетр"; ikrai, рус-

ское "икра"; bartys, русское "борть"; kasa, русское "коза". Некоторые слова, относящиеся к городской жизни и торговле, также показательны, например, литовское miestas, западно-русское "место" (город); svetlycia, русское "светлица"; miera - "мера".

Поскольку литовцы в их продвижении на север вошли в контакт с финнами (от которых позднее были частично отрезаны из-за проникновения славян), естественно, финский язык испытал значительное влияние литовского.[122] Результатом этого стало то, что многие финские слова имеют литовские корни: такие, например, как tutar ("дочь") от литовского dukter; silta ("мост") от литовского tilta; tuohi ("береста") от литовского toszis и т. д.

Взаимоотношения между литовцами и славянами и литовцами и финнами могут быть также проиллюстрированы данными археологии. В связи с этим нам следует в первую очередь рассмотреть археологические свидетельства для исследования древней литовской цивилизации, как таковой.[123] На протяжении последних нескольких десятилетий русскими и литовскими археологами проводились раскопки значительного количества курганов и городищ, датирующихся седьмым - десятым веками, на территории раннего расселения литовцев, то есть в районах Вильно, Ковно, Сувалок и в Курляндии. Древние литовские городища обычно располагались на крутых берегах рек или озер, чтобы сделать поселение недоступным для неожиданного нападения. Подступы, в случае необходимости, укреплялись земляным валом и рвом. Литовские курганы обычно очень низкие. В отдельных районах, как, например, в западной Курляндии, вовсе не было могильных холмов. Поскольку известно, что в дославянский период литовские племена распространились на восток за Смоленск вплоть до Оки,[124] некоторые из древних курганов Смоленской и Калужской областей могут рассматриваться как литовские.

С приходом славян их народ часто расселялся в городах, ранее находившихся во владении литовцев, поэтому в некоторых городищах древности более раннего слоя - литовские, а верхнего слоя - славянские. Одним из наиболее важных городищ такого типа является знаменитый Гнездовский могильник под Смоленском.[125] На этой территории насчитывается более тридцати восьми сотен курганов, большинство из них низкие, но некоторые достигают семи метров в высоту. Будучи расположенным на пересечении несколь-

ких важных торговых путей, Гнездово, по всей вероятности, играло большую роль в развитии северо-западных земель еще в сарматский период, но большинство вещей из раскопанных к настоящему времени захоронений относятся к девятому и десятому векам. Гнездовские древности этого периода являются славянскими, скандинавскими и восточными - свидетельство того, что круг торговых связей гнездовских купцов был широк.

Группа захоронений, относящихся к седьмому и восьмому векам и обнаруженных в некоторых курганах Гнездовского могильника, представляет также большую важность, поскольку эти захоронения содержат ряд предметов того же типа, что и предметы, обнаруженные в Азовском и Северокавказском регионах. Это указывает на возможность торговых отношений между Гнездово и юго-востоком даже в тот ранний период. Возможно, рынок в Верхнем Салтове на верхнем Донце был местом встречи гнездовских купцов, с одной стороны, и аланских (асских) купцов, - с другой. Собственно литовские древности обнаружены в самых ранних курганах Гнездовского могильника, особенно в тех, что расположены на берегу реки Ольши, возле деревни Батеки; эти курганы были исследованы в 1922 г.[126]

Среди предметов, найденных в литовских курганах в Гнездово и в других местах, в первую очередь следует отметить железные серпы характерного типа с изогнутым лезвием и длинной рукоятью. Также представляют интерес железные удила, стремена, медные колокольчики и другие части упряжи; что касается медных колокольчиков, то они подобны тем, что обнаружены на территории Северного Кавказа. Оружие там представлено алебардами, копьями и мечами; из украшений следует отметить тяжелые бронзовые браслеты, крученые металлические ожерелья и кольца.[127]

Судя по находкам в литовских захоронениях и городищах, можно предположить, что литовцы были воинственным народом и наездниками. Однако, поскольку большинство литовских курганов относятся к позднему периоду, а остальные не поддаются точной датировке, трудно сказать, в какое время появилась литовская конница. Что касается хозяйственной жизни, то серпы указывают на значительное развитие земледелия. Однако, поскольку большая часть территории распространения литовцев приходилась на лесную зону, и лишь небольшие участки леса могли быть рас-

чищены в то отдаленное время, только часть населения занималась сельским хозяйством, оставив охоту и рыболовство, которые являлись основными отраслями хозяйства. Жилищами в большинстве случаев, вероятно, были бревенчатые хижины, и именно потому, что дома строились из дерева, никаких следов старых жилищ в этом районе не осталось. Судя по описанию семнадцатого века, типичный литовский дом возводился из еловых бревен; большая печь, сложенная из камней, занимала середину комнаты; дымохода не было; зимой скот держали в доме.[128]

По-видимому, предки литовцев жили не деревенскими общинами, а на отдельных хуторах, так же как и в шестнадцатом-семнадцатом веках. Каждый хутор вмещал в себя большую семью, в которой совместно проживали два или три поколения, таким образом формировался маленький клан, глава которого обладал абсолютной властью над всеми его членами.[129] В случае опасности извне несколько кланов объединялись, и из таких клановых объединений, временных на первых порах, и произошли первые литовские племена.

Русская "Повесть временных лет" дает список следующих литовских племен:[130] литва (т. е. собственно литовцы), пруссы, коры, или куры (отсюда - Курляндия), зимигола, и летгола (латгалы). Поселения двух последних находились в районе Западной Двины, на северной границе распространения литовцев. Происхождение названий этих двух племен объясняются в соответствии с фактом их расселения: zemegola по-литовски означает "край (граница) земли"; latvingola (летгола) означает "край (граница) Литвы".[131] К вышеприведенному перечню могут быть добавлены следующие названия племен: жмудь - в устье Немана, ятвяги (ятвинги) - в верхнем течении Немана и Нарева, и голядь (галинды) - на берегах средней Оки.[132]

Религия древних литовцев,[133] очевидно, была очень близка религии древних славян. Они поклонялись грому и молнии, солнцу и огню. Выясняется, что Перкунас, бог грома, был главным литовским божеством (его можно сравнить со славянским Перуном). Однако, известны имена и ряда других богов, некоторые из них связаны с животными и растениями. Так, согласно более поздней Киевской летописи, князь Миндовг Литовский (тринадцатый век) даже после того, как был окрещен, "поклонялся своим [языческим] бо-

гам тайно: он [поклонялся] Нонадею, и Телявелю, и Диверкису, богу зайца и змеи".[134] Богопочитание змей и муравьев было, по всей видимости, широко распространено среди литовцев. Очевидно были распространены колдовство, ворожба и чародейство, возможно, отчасти, под влиянием финнов. Что касается погребальных обрядов, то наиболее распространенным обычаем была кремация.

Теперь обратимся к финнам.[135] Финно-угорские народы (то есть, более точно, народы, говорящие на финно-угорских языках) могут быть разделены на две главные ветви: угорскую и финно-пермскую. Венгерский, вогульский и остякский языки относятся к угорской ветви. Финно-пермская ветвь включает в себя следующие три группы языков: 1) пермская группа, к которой относятся удмуртский (вотякский) и коми (зырянский и пермский) языки; 2) восточная финская группа, то есть марийский (черемисский) и мордовский (эрьзя и мокша) языки; 3) западная финская группа, которая состоит из следующих языков: карельский, эстонский и суоми (то есть, собственно финский).

Как мы уже видели,[136] предки финно-угорских племен в сарматский период заняли всю северную часть Руси. Можно попытаться определить южную границу их расселения по линии от Финского залива к средней Волге. К востоку от Волги пермские и угорские племена распространились далеко за Уральские горы. Следует заметить, что в пятом веке н. э. некоторые угорские племена мигрировали из Уральского района и Зауралья к северокавказским землям, где они были под контролем сначала у гуннов, а затем у хазар.[137] Это была та ветвь угров, которая позже, после распада Великой Булгарии, двинулась в южнорусские степи. Русская "Повесть временных лет" упоминает их как белых угров.[138] Они были предками мадьяр. Еще одна часть угров мигрировала в конце девятого века из Уральского региона в Венгрию. Они были известны русским как черные угры.[139] Достигнув Венгрии, они слились с белыми уграми. Та часть из них, что осталась на Урале, позднее смешалась с татарами и стала известна как башкиры.

Вогуляне и остяки, также принадлежавшие к угорской ветви финских народов, проживают сейчас в северной части бассейна Оби, за Уралом. По русским летописям вогулы известны как

югра.[140] В давние времена часть их распространилась на западе Урала, в районе, где сейчас проживают зыряне (комн).

Что касается восточных финских племен, то мордва и черемисы (мари) после седьмого века признали над собой господство поволжских булгар.[141] Именно к восточной финской группе, должно быть, принадлежали древние племена меря и мурома, к настоящему времени исчезнувшие.[142] Эти племена изначально занимали Ростовский и Муромский районы, но позднее были покорены славянами и полностью русифицировались. Из западных финских племен русская первая летопись знает чудь, весь и емь,[143] из которых первые, вероятно, относились к эстонской группе.

Поскольку финны были аборигенами, а славяне - пришельцами в Северной Руси, последние подверглись значительному влиянию того народа, в чью страну они пришли. В антропологическом типе северных русских наблюдаются некоторые финские черты, возникшие от смешанных браков. Вполне естественно, что многие названия местностей и рек в северной части России имеют финское происхождение. Однако, вопрос этот очень запутан, поскольку во многих случаях так называемое финское влияние в топонимике могло быть скорее отраженным, чем прямым. Как верно указывает М. Фасмер,[144] некоторые слова финского происхождения, такие как selga ("делянка"), mandera ("подпочва"), lakhta ("залив") и др. вошли в русский лексикон и, так сказать, натурализовались в очень ранний период; поэтому присутствие такого слова в названии деревни или города еще не говорит о том, что это место было основано финнами. Оно могло быть основано русскими, в чьем диалекте это слово (по происхождению финское) уже существовало.

Кроме того, нам следует принять в расчет географическое распространение самих финских диалектов. Словарь пермских и угорских диалектов вряд ли поможет нам проанализировать топонимику Верхневолжско-окского региона, поскольку он был заселен другими финскими племенами, говорившими на других диалектах. Ввиду этого мы не можем согласиться с предположением В. О. Ключевского,[145] что название реки (и города) Москва следует выводить из якобы финского слова va ("вода"). Va встречается только в зырянском диалекте, в то время как в собственно финских диалектах "вода" обозначается словом vesi.[146]

Тем не менее нам следует все же подчеркнуть, что финские

пережитки в топонимике Северной и Центральной России действительно многочисленны. М. Фасмеру удалось составить впечатляющий список названий местностей западнофинского происхождения на землях, составивших позднее территории Псковской, Тверской, Новгородской, Санкт-Петербургской, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний.[147] Характерно, что даже название озера Ильмень (на древнерусском - Ильмер), на берегу которого был построен главный северный город средневековой Руси - Новгород, - финского происхождения (ср. эстонское название Ilmjarv: ilm - "ветер", "погода"; jarv - "озеро").[148] Анализируя местные названия на территориях Костромской, Ярославской, Владимирской, Московской, Рязанской и Нижегородской губерний, М. Фасмер пришел к заключению, что многие из этих названий могут быть объяснены через восточнофинские диалекты, свидетельствуя таким образом о распространении на этой территории в древние времена восточнофинского племени меря (к настоящему времени исчезнувшего), которое было родственно черемисам.[149]

В то время как славяне подвергались значительному финскому влиянию, сами финны также подпадали под влияние сначала иранцев, а затем - пришедших славян. Ряд слов в финно-угорских языках, обозначающих металлы, (такие, например, как медь, серебро, золото и олово), иранского происхождения.[150] Более того, много финских слов, обозначающих оружие и орудия труда (к примеру, слова, обозначающие нож, топор, меч, стрелу, молоток, лемех), пришли из иранского языка. Здесь можно упомянуть следующие финские слова, заимствованные из русского языка:[151] turku (по-русски "торг"); luokka ("дуга", произошло от русского слова "лук"); tappara ("алебарда", от русского "топор"); kloptalo (от русского "кудель"); suntio ("церковный сторож", произошло от русского "судья").

С археологической точки зрения территория распространения восточнофинских и угорских племен совпадает с более ранней культурной средой Фатьянова, Сеймы и Ананьина.[152] Бесчисленные поселения и могильники последующей эпохи - то есть раннего финно-угорского типа - трудно датировать; говоря в общем, они могут быть отнесены к периоду с шестого по девятый век.[153] Финно-угорские городища строились либо как капища, либо как кре-

пости; независимо от их первоначального назначения большинство из них служило также центрами торговли. В основном они располагались на холмах или крутых берегах рек и были защищены земляными валами и рвами.

Финно-угорские захоронения этого периода, как правило, без курганной насыпи или с невысоким могильным холмом. Предметы, обнаруженные в городищах Камского и Уральского регионов, свидетельствуют о непрерывном культурном развитии, начиная с ананьинского периода, но железо уже приходит на смену бронзе. Связующее звено между ананьинской культурой и культурой могильников того периода, о котором мы сейчас ведем речь, представлено пьяноборской культурой,[154] название которой идет от типичного могильника у Пьяного Бора на Каме (в прошлом - Сарапульского уезда Вятской губернии). Могильник седьмого-восьмого веков, так называемые "Атамановы кости", был раскопан А. А. Спицыным возле города Малмыжа в бывшей Вятской губернии.[155] Подобные же могильники исследовались на средней Волге в бывших Пензенской, Тамбовской, Рязанской и Владимирской губерниях.[156] Украшения, обнаруженные в этих захоронениях, указывают на преемственность традиции звериного стиля, а также на торговые отношения с прикаспийскими землями. Захоронения, о которых идет речь, находятся на территории распространения восточнофинских, пермских и угорских племен. Среди городищ на территории западнофинских племен особого внимания заслуживает обнаруженное около города Люцин (в бывшей Витебской губернии, сейчас в Латвии).[157] Оно расположено на берегу озера. Погребальный ритуал люцинцев представляется похожим на ритуал народов со средней Волги, но состав и тип предметов в захоронениях ближе к литовским древностям.Что касается финно-угорских городищ,[158] то их остатки были найдены в районе верхней Волги и Оки, а также на средней Волге и к востоку от Волги на Урале. Одним из наиболее известных является городище Дьяково на берегу Москвы-реки, в 8 км ниже Москвы.[159] Городища дьяковского типа обычно маленькие. Несмотря на их защищенность земляными валами, они скорее напоминали капища, нежели крепости, и, конечно, вокруг каждого из них должно было быть поселение. В этих городищах обнаружили изобилие керамики, обтесанных камней, веретен, ножей, серпов, рыболовных крючков и наконечников стрел.

Находки показывают, что народ на этой территории занимался сельским хозяйством, а также и рыболовством и охотой. Однако, вероятно, сельское хозяйство играло второстепенную роль. Рыболовство обеспечивало пищей местное население, в то время как охота снабжала купцов мехами, которые столь высоко ценились в международной торговле тех времен; торговля мехами ставила финнов в положение партнеров, необходимых для процветания как поволжских булгар, так и хазар. Таким образом, охота и добыча меха были наиболее важными отраслями экономики финских племен на этой территории, с точки зрения общей истории. В обмен на меха финны получали от поволжских булгар и хазаров металлические орудия, оружие и украшения.

Финно-угорское жилище того времени, вероятно, представляло из себя низую деревянную хижину, возведенную над вырытым убежищем. Крыша была односкатной, а зимой покрывалась землей, чтобы сохранить тепло внутри строения. Очаг был из грубого камня и не имел дымохода. Остатки таких строений были замечены в некоторых городищах дьяковского типа. Вотяки жили в таких же примитивных домах еще в восемнадцатом и девятнадцатом веках.[160] Мордовские амбары для сушки зерна - того же типа.[161] Судя по фрагментам ткани, обнаруженным в захоронениях, одежда финно-угров была сделана из холста или грубой шерсти. Поверх рубахи и широких штанов надевалось нечто вроде кафтана. Мужчины носили кольца на шее в качестве украшения. Женские головные уборы были сделаны очень искусно и состояли из разных лент с нашитыми на них металлическими пластинками. Женщины также носили серебряные и бронзовые подвески, серьги и пряжки.[162]

Похороны состояли в погребении, и только в редких случаях замечены следы кремации. Труп завертывали в бересту. В могилу помещались горшки с пищей, и это указывало на веру в то, что жизнь продолжается после смерти и похожа на ту, что была до смерти. Существование капищ является свидетельством того, что у них был особый слой жрецов или чародеев. В русских летописях часто упоминаются финские чародеи, или волхвы.[163] Скандинавы считали их очень опасными, а их искусство восхвалялось Саксоном Грамматиком.[164] Вероятно, в главных финских капищах практиковались человеческие жертвоприношения, и сим-

волические пережитки такой практики могут быть обнаружены в фольклоре некоторых восточнофинских племен даже сейчас.[165]

Религия, которую проповедовали волхвы, видимо, близка к сибирскому шаманизму.[166] Должно быть, у них было туманное представление о Высшем Существе, которое пермяки называли Ен, черемисы - Юма, а западные финны - Юмала. Признавалось существование сонма духов низшего порядка, преимущественно злых и недоброжелательных. По поверьям такие духи могли принимать облик животных и птиц. По-видимому, многочисленные бронзовые изображения как животных, так и птиц, обнаруженные в финских захоронениях, имели магическое значение.

5. Угры и асы в Южной Руси

Как мы видели,[167] угорские племена, которые мигрировали с Урала и зауральского региона на Северный Кавказ, покорились гунно-булгарам и, частью, хазарам. Просле распада Великой Булгарии северокавказские угры, по крайней мере - племя сарагутов (белых угров в русских летописях), двинулись на северо-запад в причерноморские степи. Долгое время считалось, что угры, иначе - мадьяры, оставались в южнорусских степях недолго. Это предположение было основано на неверном понимании пассажа из 38-й главы труда Константина Багрянородного "De Administrando Imperii". Из всех опубликованных изданий этого труда выясняется, что тюрки (так Константин называл мадьяр) жили совместно с хазарами, оказывая последним поддержку во всех войнах, в течение трех лет.[168] В соответствии с этим было высказано предположение, что мадьяры провели в южнорусских степях если и не буквально три года, то, в любом случае, краткий отрезок времени. Однако недавно Анри Грегуар доказал, что при издании книги Константина допущена ошибка: надо читать "триста лет" вместо "три".[169]

Поскольку мадьяры пришли в Венгрию в конце девятого века, можно предположить на основании утверждения Константина, что они оставили свои северокавказские жилища и направились в южнорусские степи в конце шестого или в начале седьмого века. Конечно, число "триста лет" - приблизительное, и если мы пытаемся

распознать, какое событие вынудило угров покинуть Северный Кавказ, то мы, естественно, имеем в виду падение Великой Булгарии с последующей массовой миграцией как булгарских, так и угорских племен. Верной поэтому представляется датировка первой угорской Landnahme второй половиной седьмого века.

Топонимические и археологические доказательства также свидетельствуют, что мадьяры оставались в Южной Руси длительный период, который может быть измерен скорее десятилетиями и веками, нежели годами.[170] Если бы они только промаршировали по черноморским степям, не оставаясь там на несколько десятилетий, они бы вряд ли оставили так много следов в названиях местностей и в курганных захоронениях.

Давайте сперва рассмотрим топонимику. Константин Багрянородный называет страну, занятую мадьярами, "Лебедией".[171] В связи с этим следует упомянуть следующие названия южнорусских местностей и рек, поскольку некоторые из них сохраняют память о древней Лебедии: Лебедин, деревня в Шигиринском уезде Киевской губернии; Лебедин в Браславской губернии (записано в шестнадцатом веке);[172] Лебедин в Харьковской губернии; Лебедянь в Тамбовской губернии; река Лыбедь, впадающая в Днепр под Киевом; две реки с таким же названием соответственно в Черниговской и Рязанской губерниях. Примечательно, что первый в перечне Лебедин находится недалеко от истока реки Ингул, а Константин упоминает реку Чингилус в Лебедии, которая могла обозначать либо Ингул, либо Ингулец.[173] В дополнение к названию Лебедии в топонимике можно обнаружить следы племенного названия мадьяр (угры). Так, около древнего Киева было место, известное как Угорское.[174] В "Книге Большому Чертежу" упоминается река Угрин, приток реки Уда, которая, в свою очередь, является притоком Донца.[175] Один из притоков Оки также называется Угра. Возможно, что такие названия городов как "Кут" или те, в составе названий которых есть "кут", - мадьярского происхождения; kut значит "колодец" по-венгерски (это слово означает "угол" по-украински). Мы можем указать здесь Кут Снежков Валковского уезда и Красный Кут Богодуховского уезда (оба - в Харьковской губернии).

Рассматривая вышеприведенные данные топонимики, мы видим, что много названий, которые, возможно, имеют мадьярское

происхождение, относятся к региону верхнего Донца (бывшая Харьковская губерния); другая группа названий связана с Киевской губернией и бассейном рек Ингул и Ингулец. Можно предположить, что мадьяры сначала концентрировались в верховьях Донца, а затем в районе Ингула. Что касается реки Угры, она находится к северу от района верхнего Донца, и вполне вероятно, что если на Угре было мадьярское поселение, то оно представляло собой гарнизон для защиты северных границ.

Необходимо отметить, что Н. Феттих и В. В. Арендт недавно определили, что некоторые древности, обнаруженные в ряде поселений и могильников Харьковской, Тамбовской и Воронежской губерний, являются мадьярскими.[176] К этой группе относятся городища в Верхнем Салтове, Ляде, Воробьеве и Гаевке. Знаменитый Черниговский рог также, согласно д-ру Феттиху, относится к мадьярской археологической сфере. Следовательно, археологические свидетельства совпадают с топонимикой, хотя и частично. Вместе данные археологии и топонимики подтверждают, до определенной степени, наше предположение, что период мадьярского контроля над Южной Русью был продолжительным.

Особое внимание должно быть уделено району верхнего Донца, включая бассейн реки Оскол, - месту расселения спали-асов.[177] Именно в этом регионе мы можем предположительно определить местонахождение народа аскалов, которые когда-то, согласно Ибн-Фадлану, были под контролем у поволжских булгар.[178] Этот народ аскалов, возможно, был связан с кланом Ашкала, который упоминают как Ибн-Руста, так и Гардизи.[179] Они пишут, что эта страна была на границе мадьярских владений, но принадлежала поволжским булгарам. Мы можем предположить, что страна аскалов, или ашкалов (то есть, в нашей интерпретации, район верхнего Донца), видимо, какое-то время была под контролем поволжских булгар, но позднее мадьяры захватили ее. К началу восьмого века она, вероятно, принадлежала мадьярам, о чем свидетельствуют находки мадьярских древностей в Верхнем Салтове.

Выясняется, что мадьяры, после того как мигрировали из северокавказских земель, сконцентрировались сначала в районе Донца, а позднее двинулись в район Ингула.

Мадьярская орда, согласно Константину Багрянородному[180],

состояла из семи кланов, или ogus. Вожди имели титул "воевода", это слово заимствовано из славянского языка. Первого воеводу звали Лебедиас. Можно предположить, что это не личное имя, а название клана[181]. "Лебедь" - русское слово; liba значит "гусь" по-венгерски. Параллель с еще одним финно-угорским племенем, вотяками, будет здесь весьма кстати. Еще в древние времена каждый клан вотяков имел свой собственный vorshud ("тотем")[182], которому и поклонялся. Мы видели[183], что птицы играли значительную роль в мифологии древних финно-угорских племен. Примечательно, что многие названия кланов у вотяков[184] произошли от названия птиц (а также растений). Так, varzia значит "ворона" по-мордовски; chola (или tsola) - это "рябчик" по-русски; iubera - "дрозд"; chabia (ср. chabei) - "пшенка". Поскольку обычаи разных финно-угорских племен имеют много общего между собой, мы позволим себе провести определенные аналогии между вотяками и мадьярами. Между прочим, в Казанском музее есть изображение лебедя среди вотякских культовых древностей[185]. Более того, наше внимание может быть привлечено тем фактом, что лист лебеды имеет очертания и форму гусиной (или лебединой) лапы, а гусиная лапа была излюбленным мотивом орнамента у финно-угорских древностей в пьяноборском и подобных ему типах. К примеру, в коллекции Заусайлова в Хельсинки есть несколько подвесок, имеющих форму гусиной лапы. Подобные же подвески были найдены в могильнике "Атамановы кости" в бассейне Камы[186].

Помимо воеводы, в клане Лебедиаса источники отмечают еще два имени или титула мадьярских вельмож. Константин Багрянородный называет их gyla (Γνλαζ) и karkhan (Καρχαν)[187]. В восточных источниках эти имена передаются как gila (или jila) и kende (kender)[188].

Можно ли полагать, что karkhan у Константина представляет из себя стяжение kender-kagan (kender-khan)? В любом случае, я склонен считать эти названия также именами кланов. Теперь, имея в виду происхождение имени Лебедиас либо от "лебедь", либо от "лебеда", не могли бы мы объяснить названия кланов gila и kende тем же путем и допустить, что каждое из них произошло от названия соответствующего кланового тотема? Что касается первого, то, возможно, тотемом была птица; gila значит "горлица" по-вен-

герски, что можно сравнить с упомянутым выше chola ("рябчик") у вотяков. Что касается клана kende, представляется возможным, что это был растительный тотем. Kender значит "конопля" по-венгерски. Мы видели[189], что один из хазарских чиновников был известен как Кендер-Кагаи, и этот титул мы можем сопоставить с мадьярским Kender или Karkhan. Я считаю возможным, что в хазарском государстве титул Кендер-Каган первоначально относился к предводителю мадьярского вспомогательного отряда, а позднее сохранился в Хазарии по традиции.

Мадьярская орда не была многочисленной. Согласно Ибн-Русте их армия состояла из десяти тысяч всадников[190]; Гардизи удваивает это число[191]. Если даже мы примем число, называемое Гардизи, то весь мадьярский народ мог составлять в то время не более чем сто тысяч мужчин и женщин. Ввиду этого представляется едва ли возможным, что с приходом мадьяр коренное население было полностью вытеснено из причерноморских степей. Должно быть, большинство из них осталось, подчинившись господству мадьяр.

Так, вероятно, и произошло с асо-иранцами и асо-славянами (антами) в регионе Дона-Донца. Между прочим, мадьяры, видимо, были в близком контакте с северокавказскими асами (предками осетинов) еще до миграции в Южную Русь.

Есть некоторые лингвистические свидетельства, указывающие на обоюдные взаимоотношения между мадьярами и асами (как иранскими, так и славянскими).

Можно привести здесь следующие осетинские (асские) слова, заимствованные мадьярами[192]:

Венгерский язык	Осетинский язык
aladar ("сотник")	aeldar ("князь","правитель")
legeny ("юноша","воин")	laeg ("мужчина")
kard ("меч")	kard("меч")
vert ("щит")	vart ("щит")

Вышеприведенные слова относятся к военной организации. Еще одна группа слов имеет отношение к торговле и путям сообщения, а именно следующие:

Венгерский язык	Осетинский язык
vendeg ("чеужестранец", "пришелец)"	faendag ("дорога")
hid ("мост")	khid ("мост")
gazdag ("богатый")	haezdug ("богатый")
jizet ("платить")	jid ("платить")
uveg ("стекло")	avg ("стекло")

В качестве дополнения мы отметим венгерское слово asszony ("женщина"), которое можно сравнить с осетинским aekhsin, khsin ("госпожа"); это идентично аланскому слову khsina, которое нам известно в греческой транскрипции (χστνα)[193].

Что касается славянских слов, заимствованных мадьярами[194], их число очень велико, но часть из них была привнесена в более поздний период, когда мадьяры расселились в Венгрии. С другой стороны, некоторые славянские слова, должно быть, вошли в венгерский язык во время пребывания мадьяр в Южной Руси, и, по крайней мере, одно из них, "воевода", упоминается Константином[195]. Слово "закон" (Ζακανον) употреблялось, согласно Константину, хазарами, но представляется вполне вероятным, что им пользовались также и мадьяры[196] . К этой группе древних заимствований из славянского языка относятся также следующие венгерские слова: rab ("раб") и jarom ("ярмо", "ярем"). Многие венгерские слова, заимствованные из славянского языка, относятся к сельскому хозяйству, как например: borona, kosa, lopata, proso, rozs, len, kapusta, repa и т.д.[197].

Характер мадьярского господства над анто-славянскими племенами в Южной Руси, вероятно, был различным в разных случаях. Некоторые антские общины, видимо, приняли сторону мадьяр добровольно, и им, возможно, было позволено сохранить собственную организацию и воевод; таким путем титул "воевода" мог перейти от славян к мадьярам. Однако в целом подчинение славян очевидно было полным, и мадьярский контроль действительно оказался тяжелым для них. Ибн-Руста говорит, что мадьяры правили славянами, своими соседями, и накладывали на них такую тяжкую дань, как будто славяне находились на положении воен-

нопленных[198]. Согласно Гардизи, мадьяры полностью поработили славян, которых они считали своими рабами и от которых они получали продовольствие[199].

Помня об этом, мы сможем лучше понять соотношение венгерского слова dolog и русского слова "долг". Первое из них значит "работа", "труд". Мадьяры вербовали славян для "работы", выполнять которую было их "долгом". Соотношение венгерского dolog и русского "долг" может быть также интерпретировано в том смысле, что в некоторых случаях славянский крестьянин обязан был исполнять "работу" в оплату за те средства (например, лошадь), которые он получал от своего мадьярского господина. Если так, то мы имеем здесь раннюю форму установления труда по договору, прототип закупа в Киевский период или кабалы в монгольскую эпоху[200] .

6. Дунайские булгары, анто-славяне и Византия (670 - 701 гг.)

От судьбы восточных антов мы перейдем к истории западных антов на Балканском полуострове. Как мы уже знаем[201] , западные анты вынуждены были подчиниться булгарской орде Аспаруха. Аспарух подошел к нижнему Дунаю около 650 года. Выясняется, что сначала только часть булгарских кланов (ogus) под его командованием пришла с ним, но постепенно за ними последовали и другие кланы, ведя арьергардные бои с хазарами и уграми, так что потребовалось два десятка лет, прежде чем вся орда сконцентрировалась на нижнем Дунае. Даже после этого орда Аспаруха вряд ли была многочисленной и могла держать под контролем местное население, готовое, вероятно сотрудничать с ордой. Часть дунайских антов, видимо, отступила на север при приближении булгар, но большая часть антских племен на Балканском полуострове признала булгарское господство, которое, во всяком случае, было менее тяжким, нежели аварское. Поскольку у нас нет точной информации об организации булгарского контроля над антами, мы можем предположить, исходя из аналогий (у аваров и мадьяр), что анты обязаны были набирать вспомогательные войска для булгар, а также обеспечивать их сельскохозяйственными продук-

тами в виде дани[202]. Представляется, что анты не сильно обременялись налогами и их положение под булгарами было явно лучше, чем у их сородичей в Византийской империи, поскольку позднее антское население Фракии проявило готовность оказать поддержку булгарам против греков.

Во время оккупации нижнедунайского региона Аспарухом Византийская империя находилась в состоянии упадка по причине как внутренних беспорядков, последовавших после смерти Ираклия (641 г.), так и из-за постоянных арабских набегов на восточные провинции империи. Вследствие этого константинопольское правительство оказалось не в состоянии защищать дунайскую границу и, в лучшем случае, могло как-то сдерживать славянские племена, живущие во Фракии и Македонии.

В 658 г. император Констанций, внук Ираклия, послал войска в места славянских поселений в Македонии, известные как Склавения[203]. К этому времени славянам, чьи жилища располагались на берегах реки Стримон (Вардар), удалось установить контроль над частью Эгейского побережья, они постоянно перехватывали византийские корабли, курсирующие между Салониками и Константинополем, причиняя большой ущерб зерновым поставкам в столицу. Славянам даже хватало дерзости, чтобы нападать на Салоники. Именно этих славянских пиратов хотел наказать Констанций. Согласно Феофану Исповеднику, славяне были покорены. Под этим Феофан, видимо, подразумевал то, что они согласились прекратить набеги, платить дань и поставлять вспомогательные части в армию. Такие славянские части были не всегда надежными. Так, в 665 г., во время войны против арабов все славянское войско, составлявшее часть византийской армии, дезертировало и перешло на арабскую сторону. Около пяти тысяч этих славян было расселено в Сирии по приказу арабского главнокомандующего[204].

В 672 г. халиф Муавия послал мощный флот на Константинополь. Все лето 673 г. город был под арабской блокадой, но к сентябрю этого года грекам удалось опять нанести поражение вражескому флоту с помощью устройства, известного как "греческий огонь"[205].

Как мы видели, первый случай применения византийскими военными огнеметного приспособления имел место в 516 г.[206], но, вероятно, позднее формула состава огненной смеси была утеряна.

Теперь же она была вновь открыта и усовершенствована сирийским инженером Калиникосом[207]. Хотя в результате морской победы византийцев опасность, нависшая над столицей, была устранена, война продолжалась еще несколько лет, вплоть до 678 г., когда был заключен мирный договор между империей и халифатом сроком на тридцать лет[208]. Только после этого император Константин IV, сын Констанция, смог уделить внимание балканским делам.

В 679 г. он организовал хорошо спланированную экспедицию к устью Дуная, надеясь разбить булгар комбинированным ударом с земли и с моря. Экспедиция, однако, потерпела неудачу[209]. Булгары отступили, частью на остров Пеус, частью к болотам в районе нижнего Дуная, и там ожидали нападения византийцев. Стесненная неудобством местности, византийская армия приготовилась к систематической осаде булгарских укрытий. Император терял терпение, к тому же у него был тяжелый случай подагры. Поэтому он отправился для лечения в Месембрию к минеральным источникам. Его отъезд деморализовал армию, которая вскоре начала отступление. Булгары быстро перехватили инициативу; они пересекли Дунай и, не встречая сопротивления, захватили две византийские провинции: Скифию (Добруджу) и Нижнюю Мёзию. Население этих провинций в то время состояло большей частью из славян. В связи с этим Феофан упоминает племя, известное как "Семь кланов", и еще одно, называвшееся северяне (Σεβερεις)[210]. Эти племена следует считать антскими[211]; они уступили Аспаруху без боя. Так было заложено основание для нового булгаро-славянского государства на Балканском полуострове, современной Болгарии. Аспарух перенес свою ставку с острова Пеус в Абоба-Плиску, что на полпути между современными Варной и Тутраканом. Со временем здесь был построен дворец, и вокруг него вырос город, первая столица булгарских ханов на Балканской земле.

Булгарская орда состояла из нескольких кланов (ogus) и подкланов, частью тюркского, но частью также и угорского происхождения.

Старший в правящем клане носил титул хана, или "славного хана", как мы можем перевести булгарский эпитет uvigi (ὑβιγη) по аналогии с куманским evegü, что означает "высокий", "славный"[212].

На официальных приемах в своем дворце хан появлялся в одеянии, расшитом бисером; но носил драгоценное ожерелье (гривну) и браслеты; он был подпоясан пурпурным ремнем, с которого свисал золотой меч; по обе стороны стояли главные бояре, тоже украшенные ожерельями, браслетами и поясами[213].

Титулами высших булгарских вельмож, как отмечается в источниках, были кавхан, тархан, табар[214]. Они могут быть уподоблены соответствующим титулам в других тюркских государствах этого периода[215]. Старшины кланов были известны как бойлы. Множественное число в тюркском языке от слова "бойл" будет "бойлар" или "бойляр" (по-гречески boliades, βολιαδες)[216]. Именно от этого слова произошло древнерусское "болярин", во множественном числе - "боляре"[217]. Булгарских витязей называли словами "багайн" или "багатур"[218].

Поражение от булгар император Константин IV принял как неизбежное и больше не вмешивался в установление булгарами контроля над северной Фракией. В 685 г. Константин умер, и его шестнадцатилетний сын Юстиниан II занял трон[219]. Новый император был одаренным юношей с огромной энергией и мог бы стать великим правителем, благодаря еще своей жестокости и своенравию. На третий год правления Юстиниан решил последовать примеру своего деда Констанция и упрочить власть империи над македонскими славянами. Призвав несколько кавалерийских эскадронов из Малой Азии, он сам повел их на Салоники. Некоторые славянские племена на его пути вновь подтвердили свою верность империи; другие были покорены силой. Чтобы ослабить славянский элемент в Македонии, а также использовать славян в войне с арабами, Юстиниан переселил около тридцати тысяч семей македонских славян в Вифинию[220].

Эта провинция в то время входила в состав военного округа-(фемы) Опсикион в Малой Азии.

Славяне, принужденные к переселению, двинулись к своим новым жилищам большой массой, племенами и кланами; из имперской казны были выделены средства для их расселения. Из этих вифинских славян была организована вспомогательная кавалерийская часть (λαος περιουσιος, что значит "дополнительное войско"), составляющая часть войск, приписанных к феме Опсикион. Во главе славянского войска стоял славянский князь

Небулос (Νεβούλος)[221]. Эксперимент, однако, потерпел неудачу, поскольку во время арабского вторжения Небулос с частью своего войска дезертировал и перешел на сторону арабов, в результате чего византийская армия была наголову разбита арабами[222]. Представляется вероятным, что славян Небулоса склонили к дезертирству их соплеменники, принадлежавшие к той группе, что осела в Сирии в 665 г.[223]. За Небулосом последовало около семи тысяч славян, что составляло порядка одной четвертой всего славянского войска. Они расселились рядом с Антиохией и Киросом[224].

Юстиниан отомстил незамедлительно, истребив полностью семьи дезертиров. Автономия той части славянского войска, которая осталась верной, была урезана, и теперь назначался византийский офицер, чтобы командовать ей. Он имел титул проконсула (ἀπὸ ὑπάτων)[225]. Славянское войско просуществовало в Вифинии вплоть до десятого века. Согласно Константину Багрянородному, во главе его были трое старшин ("голов", κεφαλαί)[226].

7. Булгары, хазары и Византия, (701 - 739 гг.)

Старый хан Аспарух умер в 701 г., и ему наследовал его сын (а возможно, и внук) Тервел. Первая булгарская династия известна как дом Дуло - предполагаемые прародители Аспаруха, - и выяснилось, что сын Аттилы Эрнак тоже был одним из предков Аспаруха[227].

Аспарух заложил прочную основу Булгарии, и его наследник Тервел мог играть важную политическую роль на Балканах и вмешиваться в дела Византийской империи, которые были в печальном состоянии из-за роста оппозиции Юстиниану со стороны многих влиятельных византийских государственных деятелей как по личным, так и по политическим причинам. Постоянные поражения византийских войск в войне с арабами снизили престиж империи на востоке, в результате чего Армения порвала связи с Константинополем и признала господство халифа[226]. Это был суровый удар по византийским интересам, поскольку влек за собой угрозу безопасности имперским владени-

ям на Кавказе. Одновременно, наступил кризис в отношениях Византии с западом из-за конфликта Юстиниана с римским папой. Так как последний отказался подтвердить решения Церковного Собора "Quinisextum" 692 года, император послал своих эмиссаров, чтобы арестовать епископа Порта и вызвать папу в Константинополь. Эта попытка провалилась[229].

Широкое народное недовольство политикой Юстиниана привело к открытому мятежу под началом стратега Леонтия. Юстиниан был арестован, ему отрезали нос (отсюда его прозвище Rhinotmete), после чего он был отправлен в Херсонес[230]. История последующих событий, связанных с Юстинианом, интересует нас постольку, поскольку проливает некоторый свет на ситуацию в Тавриде и на роль хазар в северо-восточном Причерноморье. Юстиниан не долго пробыл в Херсонесе, ему удалось скрыться в готском городе Доры (Дорас) в Крымских горах. Оттуда он отправил послание хазарскому кагану, получив в ответ приглашение перебраться в ставку последнего в Хазарии[231]. Кагана звали, как это дано в греческих источниках и в греческой транскрипции, Ибузир Главанос (Ιβονξιπος Γλιαβανος)[232]. Второе из этих слов представляется скорее титулом, чем именем и, возможно, произошло от славянского слова "глава"[233].

Каким бы ни было его имя, Каган принял изгнанного императора с должным почетом и даже согласился на свадьбу Юстиниана со своей сестрой[234]. Эту юную госпожу окрестили и дали ей имя Феодора, видимо, в память о жене Юстиниана I. Императору-изгнаннику было дозволено затем устроить свою резиденцию в Фанагории на восточной стороне Керченского пролива. Возможно, он выбрал этот город потому, что оттуда легче было обращаться с херсонесскими греками и через них наблюдать за развитием событий в Константинополе. Константинопольское правительство сразу поняло опасный подтекст в выборе Юстинианом убежища, если он начнет замышлять о возвращении власти себе. К этому времени узурпировавший трон Леонтий был, в свою очередь, свергнут другим претендентом Апсимаром, который взял имя Тиберий[235]. Новый император отправнл своих посланников к хазарскому кагану, обещая тому богатое вознаграждение за выдачу Юстиниана. В связи с этим каган послал отряд гвардии в Фанагорию, якобы защитить Юстиниана от византийских агентов. Юстиниан,

однако, подозревал измену и боялся, как бы гвардейцы не арестовали его, вместо того, чтобы защищать. Поэтому он убил капитана, отослал свою жену к ее брату кагану, а сам с немногими приверженцами сел на корабль и вышел в море[236].

Плывя вдоль южного побережья Тавриды, Юстиниан сделал остановку в Симболоне (Балаклава), где к нему еще присоединились его сторонники, после чего он поплыл дальше на запад. Когда корабль проплывал мимо устья Днестра, он попал в бурю. Согласно хронике Феофана Исповедника, один из последователей Юстиниана обратился к нему с такими словами: "Нам угрожает смерть. Обещаешь ли ты Богу, что если он возвратит тебе твое царство, то с твоей стороны не последует мести". Ответ Юстиниана был типичным для него: "Пусть господь накажет меня, если я проявлю жалость к кому-либо из моих врагов"[237]. Корабль благополучно добрался до устья Дуная, которое в то время было под контролем булгар.

Как только Юстиниан сошел на берег, он послал одного из своих людей к хану Тервелу, прося о помощи в предстоящей борьбе за византийский трон. В качестве вознаграждения Юстиниан предложил выдать свою собственную дочь (от первого брака) замуж за хана.

Юстиниан был принят в ставке хана с великими почестями. Союзникам надо было действовать быстро, чтобы добраться до Константинополя раньше, чем византийское правительство получит сведения о возвращении Юстиниана. Поспешно собрав своих булгарских и славянских воинов, Тервел двинулся вперед вместе с Юстинианом. Как только они достигли стен города, Юстиниан через глашатая потребовал немедленной сдачи столицы и признания его императорской власти. Несмотря на неожиданность нападения император Тиберий отказался капитулировать и попытался организовать оборону. На четвертую ночь осады Юстиниан с небольшим отрядом прокрался в город через водосточные трубы. Как только Юстиниан с соратниками появились на улицах города, его защитники ударились в панику, и вскоре население перешло на сторону Юстиниана (705 г.)[238].

Возвратив себе трон, Юстиниан, верный своей клятве, разделался со своими врагами с непреклонной жестокостью. Что касается Тервела, то он был удостоен исключительных почестей. Восста-

новленный император облачил хана в роскошные одежды и даровал ему звание цезаря. Рядом с троном Юстиниана был поставлен трон для Тервела, и народу было приказано выражать те же знаки почтения новому цезарю, что и самому императору. Кроме того, Тервел также получил богатые подарки[239].

Коронование булгарского хана как цезаря было важным событием, повлиявшим на дальнейшее развитие монархической идеи и в Булгарии, и на Руси. В системе римской высшей власти, установленной Диоклетианом (284 - 305 гг. н.э.), звание цезаря было вторым после августа. Согласно Диоклетиану, имперская власть навсегда должна быть представлена двумя августами и двумя цезарями[240].

Система Диоклетиана была подорвана последующими событиями: разделением империи на две части - Западную и Восточную, и падением Западной империи (476 г.). В Восточной Римской империи, или Византии, император продолжал долгое время носил титул августа, который использовался во время церемониальных приемов и других официальных событий, но значительно чаще использовались два других титула, а именно "автократ" (αντοκρατωρ), который соотносим с римским "imperator", и "басилевс" (βασιλενζ, "царь")[241]. Что же касается титула "цезарь" (Καίσαρ), то он постепенно утратил свою важность и служил дополнением к обозначению высшего ранга в византийской администрации, т.е. императора [242]. Теперь же, наделив Тервела царскими почестями, Юстиниан хотел придать титулу "цезарь" его прежнее величие. В любом случае, булгары, включая и самого Тервела, восприняли этот титул как царский[243].

Следует, между прочим, уделить внимание довольно сложной проблеме отношения титула "цезарь" к русскому титулу "царь". В древней славянской литературе было два различных способа транскрибирования слова caesar. Под влиянием греческой передачи слова "цезарь" было образовано славянское слово "кесарь", которое употреблялось восточными славянами, а также болгарами. С другой стороны, западные и балканские славяне заимствовали латинскую форму этого слова, отсюда - славянское "цесарь", от которого, благодаря его сокращению, как предполагается, и произошло русское слово "царь".

Если сравнивать славянские слова с византийской терминологией, то слова "цесарь" и "царь" соотносятся с греческим "баси-

левс" ("царь"), в то время как "кесарь" соотносим с греческим вариантом слова "цезарь" - Καίσαρ. Так, например, в Новом Завете: "Нет у нас царя кроме кесаря" [244]. В греческом оригинале: ουκ εχομεν βαδιλέα εί μή Καίσαρα. В средневековых балканских списках на церковнославянском: "Не имамы цезаря токмо кесаря". В русских списках со времени позднего средневековья: "Не имамы царя токмо кесаря". Следует заметить, что слово "царь" употреблялось на Руси, по крайней мере, уже в десятом веке, поскольку мы обнаруживаем производное от него слово "царство" в договоре Игоря с византийцами, 945 г.[245]. Представляется вероятным, что русский титул "царь" возник независимо от болгарского "цесарь"; а если так, то его происхождение может быть связано с иранским словом "сар" ("глава", "вождь"). Употребление иранского титула антскими племенами вполне допустимо ввиду связей между антами и асами, - а, как мы знаем, глава кавказских асов был известен как "сар"[246].

В целом, нельзя отрицать, что присуждение Тервелу титула цезаря оказало глубокое воздействие на булгар и положило основание к последующим претензиям булгарских ханов на императорский титул.

Заплатив долг благодарности Тервелу, Юстиниан должен был теперь наладить отношения с хазарами. Мы знаем, что он оставил свою жену, хазарскую княжну в Хазарии, пускаясь в свое отважное приключение. В его отсутствие она родила сына, которого назвали Тиберий.

Сразу по возвращении трона Юстиниан отправил в Хазарию посланника, чтобы привезти в Константинополь супругу и наследника. Как только они прибыли, они оба были коронованы, а сын императора был провозглашен соправителем[247]. Немного позже тесть Юстиниана, хазарский каган тоже прибыл в Константинополь. Ему был оказан торжественный прием, подобный тому, что был дан раньше Тервелу[248]. Был ли хазарскому хану дарован титул цезаря, мы не знаем.

Установление дружеских отношений с северными соседями империи представлялось хорошим началом для дальнейшего развития внешней политики Юстиниана. Теперь у него была выгодная позиция для сосредоточения всех сил империи против арабов. Однако, он предпочел отомстить своим врагам в Италии и Тавриде, и поэтому послал карательные экспедиции в Равенну и в Хер-

сонес[249]. Поступив таким образом, он рассредоточил свои вооруженные силы на большой территории; экспедиции были очень дорогостоящими и к тому же встретили в обоих случаях отчаянное сопротивление; кроме того, на обратном пути из Крыма византийский флот был разбит штормом. Вновь разгорелось чувство недовольства Юстинианом, и вскоре вспыхнул новый всеобщий мятеж против его правления. Император, который в это время был в Малой Азии и подготавливал кампанию против арабов, был вынужден обратиться за помощью к булгарскому хану-цезарю, Тервелу. Тот немедленно послал трехтысячное войско. Однако, когда булгары прибыли в Малую Азию, вся страна уже находилась в состоянии гражданской войны, и булгарский военачальник предпочел не вмешиваться, предоставив Юстиниана его собственной судьбе.

Оставленный почти всеми, Юстиниан был арестован, а императором вместо него провозгласили одного из военачальников, после чего Юстиниан и его наследник были казнены[250]. Это был конец династии Ираклия. Хан-цезарь Тервел посчитал своим долгом отомстить за убийство своего августа и в 712 г. вторгся в Южную Фракию, грабя все на своем пути. Он достиг столичного порта Золотой Рог, но не отважился штурмовать сам Константинополь и повернул назад, забирая с собой пленников и огромную добычу. Тем временем арабы, пользуясь разладом в византийском правительстве, продолжали заполнять Малую Азию до тех пор, пока в 716 г. под их контролем там не оказалось большинство ферм. Теперь они находились в положении, из которого могли угрожать самому Константинополю. Ввиду этой опасности византийское правительство ускорило заключение мирного договора с булгарами. Согласно его условиям, хан должен был ежегодно получать драгоценных тканей и мехов на сумму в 30 фунтов золота; привилегированным купцам с обеих сторон давалось разрешение ввозить товары беспошлинно; было достигнуто соглашение об отмене пленными. Между империей и ханством устанавливалась новая граница, проведенная от Бургасского залива на Черном море до реки Марица так, что город Андрианополь оставался в греческих владениях[251].

В то время как этот договор обеспечивал безопасность балканских границ империи, арабский натиск продолжался, и положе-

ние стало особенно угрожающим с подходом арабского флота к Дарданеллам. Поскольку командующие византийской армией и флотом не доверяли правящему в то время императору, они свергли его и в марте 717 г. посадили на трон военачальника Льва Исавра (император Лев III), которого они ценили и который действительно проявил себя человеком больших стратегических способностей и первоклассным государственным деятелем. Первое, что сделал Лев, - это заключение мирного договора с булгарами. Тервела склонили к тому, чтобы он послал вспомогательные войска, с помощью которых удалось предотвратить полное окружение Константинополя арабами с суши. Что же касается военных действий на море, то византийский флот одержал верх при помощи своего надежного "греческого огня", и в 718 г. арабы были вынуждены снять осаду византийской столицы и отступить как на суше, так и на море[252]. Хотя война между Византией и арабами длилась еще на протяжении нескольких столетий, арабским войскам больше никогда не удавалось угрожать самому Константинополю, посему 717 год стал важной вехой в византийскоарабских отношениях. Стоит заметить, что хотя арабы были побеждены на византийском фронте, они продолжали завоевание Испании со значительным успехом, а в 719 г. им удалось переправиться через Пиренеи и вторгнуться в южную Францию[253].

На протяжении всего периода царствования (717 - 741 гг.) Лев III[254] поддерживал дружеские отношения с булгарами для того, чтобы иметь возможность сосредоточить все вооруженные силы империи на войне против арабов, в которой он добился успеха, так что вскоре большая часть малоазиатских территорий была возвращена. В своей религиозной политике Лев начал проводить линию иконоборчества, которая встретила упорное сопротивление со стороны духовенства и особенно - монашества, а также испортила отношения Константинополя с Римом. Но из-за твердости правления Льва оппозиция не в силах была остановить его действия.

Поскольку во времена власти Льва войн с Булгарией не было, в византийских источниках мало сведений о булгарских делах этого периода. Хан-цезарь Тервел умер в 718 г.[255], а имя его преемника неизвестно. Следующий хан, правивший с 724 по 739 г., звался Севар[256]. Булгаро-византийская граница, определенная договором 716 г., не менялась во время правления Севара. Как да-

леко простерлись в то время булгарские владения на северо-западе, выше Дуная, неизвестно; вероятно, до Железных Ворот.

Булгары быстро расставались с кочевым образом жизни, а большинство бояр становилось владельцами крупных земельных угодий. Возможно, что отдельные анто-славянские старшины вошли в состав землевладельческой аристократии, но основная масса анто-славян в Булгарии была крестьянской, которая работала на бояр.

Вообще говоря, хотя булгары еще не слились со славянами, тенденция эпохи уже вела к такому слиянию.

8. Асы и Русь в Азовском регионе

Мы уже отмечали[257] сложность четкой дифференциации асо-славян (антов) от асо-иранцев (аланов, осетинов) в этом веке. В силу того, что правящие кланы антов были аланского происхождения, связь между антами и осетинами должна была быть тесной, особенно в Азовском и Северо-Кавказском регионах.

До падения Великой Булгарии[258] асы населяли три разных района, группы были отделены одна от другой вклинившимися между ними булгарскими и угрскими племенами. Три группы асов были следующие: западные анты в районе нижнего Дуная, восточные анты в районе нижнего Донца и асы (осетины) на Северном Кавказе. Миграция булгар и угров в середине и второй половине седьмого века значительно повлияла также и на судьбу асов. Западные анты были завоеваны дунайскими булгарами. Часть восточных антов покорилась уграм (мадьярам); другая их часть, пользуясь Pax Khazarica, смогла перейти из района верхнего Донца к нижнему Дону и Азовскому морю. Северокавказские асы вынуждены были признать господство хазар, но они сохранили свою автономию[259]. Вероятно, вскоре они установили какие-то связи с восточными антами, которые к тому времени расселились в районе нижнего Дона. Эти анты (или асы) на нижнем Дону и в Приазовье вместе с северокавказскими асами находились на территории, контролируемой хазарским каганом. Известно, что асы играли важную роль в хазарской армии и администрации. Некоторые из них становились командирами вы-

сшего ранга (тарханами). Одному из таких асских тарханов была отдана под командование крепость неподалеку от хазарской столицы Итиль[260]. Другой, по имени Юри, был влиятельным чиновником в городе Сугдея (Сурож) в Крыму в конце восьмого века[261].

Некоторые из асских кланов, а среди них и те, что жили в Приазовье, были известны, по крайней мере, с четвертого века как рухс-асы ("светлые асы"), или роксоланы, или рокасы (рогасы)[262].

В пятом веке патриарх Прокл, комментируя гунно-аланское вторжение, ссылается на пророчество Иезекииля о народе "рос" ('Рωζ)[263] В компиляции, известной как "Церковная история" Захария Ритора (555 г.), среди племен, живших к северу от Кавказа, упоминается одно под названием "хрос"[264]. Согласно А.П.Дьяконову, это сирийская транскрипция греческого слова 'Рωζ[265].

По всей видимости, это то самое племя, которое имел в виду Прокл.

Если мы сравним сообщение Захарии о хросах со свидетельством Прокопия о восточной группе антов [266], мы видим, что как хросы, так и восточные анты проживали на одной и той же территории, к северу от Азовского моря. Несомненным выводом из этого является то, что хросы должны быть отождествлены с одной из групп восточных антов. Несомненно, "хрос" ('Рωζ), как и "рок-ас", или "рухс-ас", - это название одного и того же антского клана. В связи с этим можно добавить, что в некоторых восточных источниках девятого и десятого веков Дон называется Русской, или Славянской рекой[267]. Точно так же анонимный географ седьмого века из Равенны указывает, что народ роксоланов проживал в районе Дона[268]. Он также упоминает город Малороса (Мал-и-Рос) в устье Кубани[269].

Все эти названия являются разными вариациями и транскрипциями одного и того же исходного названия: рухс-ас.

От Ибн-Русты мы узнаем, что рухс-асы, или клан рухов, считался наиболее значительным среди северокавказских аланских кланов[270]. Таким образом, росы (русь, рось), чье имя по прошествии времени было присвоено пришельцам из Скандинавии, первоначально были ирано-славянским племенем. Русы, упоминаемые Балами в персидском переводе "Истории" Табари в связи с событиями 643 г., должно быть, были теми же самыми рухс-асами.

Согласно Балами, когда авангард арабской армии подошел к Дербенту, его правитель сделал следующее заявление арабскому командиру: "*Я зажат меж двух врагов, хазар и русов. Последние - враги всего мира (т. е. всего Северного Кавказа). Поскольку одни мы знаем, как воевать с ними, давайте воевать с ними вместо взыскивания с нас дани*" [271]. В рассказе Балами нет ничего неприемлемого. Вполне возможным представляется, что рухс-асы помогали хазарам в их попытках установить контроль над Дербентом - одним из проходов в Закавказье[272].

Поскольку асы и русы имели поселения и на нижнем Дону, и в устье Кубани, можно предположить, что у них, должно быть, были корабли для плавания по Азовскому морю или вдоль его берегов.

Примечательно, что среди слов, заимствованных мадьярами у славян, мы обнаруживаем слово ladir[273] ("лодка", от славянских "лодия", "лодка").

Под защитой хазар рус-асы в Азовском регионе жили в мире и довольстве около столетия, за исключением тех случаев, когда они должны были оказывать помощь господствующему над ними народу в защите кавказских горных проходов от арабов. Однако, настало время, когда хазары больше не в состоянии были сдерживать своих врагов. В 737 г. арабский военачальник Марван прорвал линию хазарской обороны и вторгся не только на территорию Северного Кавказа, но и в район нижнего Дона. Двадцать тысяч славян (то есть асов, или русов) было взято в плен и отправлено в Сирию, где они были расселены вдоль границы с Византией, чтобы охранять неприкосновенность Халифата[274].

Глава VII

СКАНДИНАВЫ И РУССКИЙ КАГАНАТ, (737 - 839 гг.)

1. Предварительные замечания

В середине восьмого века начался период бурной экспансии скандинавских народов, известный как эра викингов[1]. Викинги были отважными мореплавателями и пиратами, рыскавшими по морям на восток и на запад в поисках приключений, добычи и славы. В рамках русской истории мы можем думать о них, как о предтечах казаков.Однако, в то время как казачье войско было демократической организацией, движение викингов имело аристократическую природу, каждый отряд возглавлялся опытным предводителем, который чаще всего принадлежал к королевскому роду.

Экспансия викингов в восьмом, девятом и десятом веках имела стихийный характер и была своего рода северной параллелью к внезапно возраставшей мощи некоторых кочевых степных народов. Образно говоря, эту экспансию можно охарактеризовать, спроецировав на историю ранний геологический процесс, как продвижение скандинавского ледника на юг в ледниковый период. В Древней Руси скандинавов называли варягами. Их проникновение на восточное балтийское побережье началось задолго до эры викингов. Еще в шестом и седьмом веках скандинавы исследовали течение Западной Двины, а затем от ее верховьев дошли до среднерусского междуречья, то есть района верхней Волги и

Оки. Вероятно, не позднее 737 г. они обнаружили истоки Донца, нанесли поражение мадьярской орде, стоявшей на Донце, и захватили Верхний Салтов. Оттуда они пошли вниз по течению Донца и Дона и, в конце концов, добрались до Азовского и Северокавказского регионов. Таким образом донецко-донской речной путь, должно быть, находился под контролем скандинавов задолго до волжского и днепровского путей. Это можно объяснить тем фактом, что волжский путь был перегорожен булгарами, а днепровский путь не представлял прямой связи с Востоком, и поэтому сначала не привлекал их (скандинавов) внимания. Кроме того на среднем и нижнем Днепре существовало препятствие в виде мадьяр, а после захвата скандинавами Верхнего Салтова остатки прежней донецкой мадьярской орды, видимо, отступили в район Днепра и, таким образом, усилили своих соплеменников, проживавших там.

Именно история захвата донецко-донского речного пути скандинавами и завоевания ими Азовского региона составит главный предмет повествования в данной главе. Чтобы адекватно оценить важность этих событий, нам следует рассматривать их в рамках истории причерноморских земель в целом. Продвижение скандинавов на юг повлияло не только на судьбы южно-русских асов, или антов, но и на судьбы хазар, мадьяр и византийцев, и, как это бывало всегда в трудные времена, византийская дипломатия активно сеяла раздоры между причерноморскими народами. Важным фактором политической истории этого периода являлось также булгаро-антское государство на Балканском полуострове. Расширяя сферу своего влияния на юге, булгарские ханы не упускали из виду ситуацию на северных границах их государства, что в конечном счете привело к столкновению с мадьярами в районе Буга и нижнего Днепра.

В конце концов вся эта запутанная дипломатическая игра привела к перекрытию донецко-донского речного пути хазарами и упадку шведско-русского государства в Азовском регионе. После утраты донецко-донского пути скандинавы вынуждены были искать какой-то другой путь на юг, и поэтому стали проявлять интерес к Днепру. Однако речь о завоевании ими района среднего Днепра пойдет уже в следующей главе.

С выходом варягов на сцену русской истории важными для нашего исследования становятся скандинавские источники. К со-

жалению, большинство сохранившихся письменных источников имеют отношение к позднейшему периоду, но мы должны принять во внимание, что авторы некоторых саг и хроник в значительной степени опирались на устную традицию, в которой сохранились фрагменты гораздо более ранних исторических повествований. Героические поэмы, прославляющие деяния доблестных скандинавских витязей, составлялись профессиональными поэтами, знаменитыми скальдами, и декламировались ими при дворе каждого скандинавского правителя еще в девятом и десятом веках.Позже Исландия стала сокровищницей древней скандинавской поэзии[2].

Саги образовали самобытную ветвь скандинавского фольклора. Сага - это повествование о героических деяниях, изложенное прозой, а не стихами. Именно в Исландии жанр саги достиг наивысшего расцвета. В средние века (с одиннадцатого по тринадцатый) дало о себе знать побуждение к научному изучению истории в скандинавских странах.Поскольку латынь была языком средневековой учености, ранние скандинавские хроники были написаны по-латыни. В конце двенадцатого века появилась "История датчан" Саксона Грамматика, тоже на латыни. Вскоре латынь была заменена одним из коренных скандинавских языков. В таких случаях зависимость хроники от саг увеличивалась. Наиболее совершенным мастером саг был Снорри Стурлусон(1178 - 1241 гг.). Его Heimskringla ("Круг земной"), история норвежских королей, исключительно важна для исследователя русской истории.

Снорри Стурлусон по рождению принадлежал к аристократическому исландскому роду и воспитывался в традициях саг, которые полюбил с детства. Он получил хорошее образование, овладел латынью, изучил право, но его главным стремлением было стать скальдом, что он и сделал. В 1218 г., уже широко известный своими сагами и поэмами, он отправился в Норвегию и был принят с почестями, поклявшись в верности королю Хаакону. Вся последующая жизнь Снорри проходила в непрестанных тревогах. Когда он возвратился в Исландию, разразилась междуусобица между ним и Стурлунгами. Между двумя кланами началась затяжная война, причем оба искали поддержки в Норвегии. В 1237 г. Снорри поехал в Норвегию во второй раз с коротким визитом. Он был убит своими врагами в 1241 г. Таким образом сама жизнь Снорри прошла в духе и традициях саг, а его литературная работа стала

параллелью его реальной жизни. Побуждение и чувства героев, которых он прославлял в своих книгах, очень близки его собственным; с другой стороны, описывая междуусобицы и сражения древности, он, возможно, в отдельных случаях добавлял к старым историям некоторые детали из личного опыта.

Вообще говоря, хотя некоторые саги базируются на древних традициях, они были записаны намного позже изображенных в них событий, о которых мы знаем только из версий тринадцатого и четырнадцатого веков. Нужно также помнить, что сага - это не хроника и не историческое исследование прошлого. Поэтому перед тем, как использовать сагу в качестве источника, мы должны тщательно "просеять" ее содержание. В некоторых сагах хорошо переданы характерные черты прошлого, но лишь немногие из них могут помочь нам в подходе к какому-либо конкретному событию, тем более в его датировке.

В дополнение к скандинавскому фольклору мы имеем некоторые рунические надписи, выбитые на камне. К сожалению, эти надписи довольно скудны, а те, что говорят о скандинавах на Руси, сравнительно поздние, одиннадцатого - тринадцатого веков[3].

Что касается византийских и восточных источников, то применительно к периоду, рассматриваемому в настоящей главе, может быть использована бóльшая часть из тех, о которых речь шла в двух предыдущих главах[4]. Поскольку хроника Феофана Исповедника повествует о событиях только до 813 г., во время правления Константина Багрянородного по приказу императора было начато продолжение хроники Феофана, которое доведено до 961 г.

Из латинских хроник этого периода особой важностью для нас обладают так называемые "Бертинские анналы", поскольку там есть запись о приезде русских посланников в Ингельхейм в 839 г.

Теперь давайте обратимся к трактовке событий нашего периода в трудах современных исследователей. К сожалению "История Византии" Кулаковского не доведена до периода, который мы рассматриваем, поскольку она заканчивается вступлением на престол Льва III (717 г.). Вместо "Истории" Кулаковского следует указать "Историю Византийской империи" Ф.И.Успенского. Успенский был выдающимся византинистом, но его "История", в целом, менее удачна, нежели некоторые его частные исследования. Второй

том "Истории" Успенского должен был охватить период с 717 по 1057 гг.; однако, опубликована была лишь его часть, повествующая о событиях до 867 г.

С появлением варягов мы входим в период, который был более или менее полно рассмотрен в большинстве курсов и очерков русской истории. Излишне говорить о том, что здесь мы не в состоянии дать общий очерк русской историографии[5]. Мы можем только отослать читателя - как в этой главе, так и в следующей - к очеркам и монографиям, имеющим непосредственную важность для исследования событий, о которых пойдет речь в каждой из этих глав. С такой точки зрения, первым из трудов должна быть названа "История Российская" В. Н. Татищева (I том был опубликован в 1768 г.), особенно потому, что она содержит фрагменты хроник, впоследствии утраченных. По той же причине никто из исследователей русской истории не может пренебречь знаменитой "Историей Государства Российского" Н. М. Карамзина (1766 - 1826 гг.), впервые опубликованной в 1818 г. Труд Карамзина действительно классический, а по широте его интересов и знакомству с западно-европейской историографией Карамзину мало равных, в том числе и среди русских историков. Символично, что современники называли Карамзина Колумбом русской истории. Это, конечно, преувеличение, поскольку русское прошлое было "открыто" до него Татищевым и князем Щербатовым; более того, не было нужды открывать его, поскольку история России постоянно изучалась поколениями ученых, начиная с составителя первой летописи. Более точным было бы назвать Карамзина русским Гиббоном.

Из последующих очерков доваряжского и варяжского периодов особенно ценны труды К. Н. Бестужева-Рюмина и М. С. Хрущевского. Что касается монографий, то в любом случае следует указать "Волжский речной путь" П. П. Смирнова (1927 г.) и "Киевскую Русь" Б. Д. Грекова (1939). Касательно "варяжско-русского" вопроса[6] есть исчерпывающий историографический очерк В. А. Мошина (1930 г.). Исследования А. А. Куника и Ф. Крузе легли в основу образования "скандинавской партии" в русской историографии; а в отношении их оппонентов, "антискандинавской партии", то здесь особо выделяется труд С. Гедеонова "Варяги и Русь".

2. Скандинавы в Северной и Центральной Руси

Из-за суровости скандинавского климата и природных условий человек мог там обеспечить свое существование, приложив значительно больше усилий, нежели житель более плодородной земли. Несмотря на небольшое население в древней Скандинавии, его состав время от времени увеличивался сверх возможности обеспечить всех пищей, а в силу примитивных методов ведения хозяйства, они были достаточно скромными. В таких случаях не оставалось иной альтернативы, кроме эмиграции хотя бы части племени или племен. И как мы уже знаем[7], где-то в начале христианской эры готы эмигрировали к южному побережью Балтийского моря, откуда затем двинулись в причерноморские степи, и так далее. В пятом и шестом веках скандинавы широко исследовали южный и восточный берега Балтийского моря, а в шестом веке часть из них расселилась в устье Западной Двины. В седьмом веке у королей Южной Швеции были заморские владения в Курляндии. К началу восьмого века Ливония и Эстония являлись частью королевства Ивара, короля Южной Швеции и Дании[8].

Скандинавия богата железом и древесиной, поэтому у ее жителей было более чем достаточно материалов, необходимых для ковки оружия и строительства кораблей. В ранние времена строились только небольшие ладьи, но в девятом веке появились крупные суда, лучше оснащенные для долгих плаваний. Они стали известны как koggi ("кох" в северорусском диалекте) и строились в Фрисланде[9]. Варяжские корабли раннего типа представляли собой открытые весельные ладьи, на которые, однако, ставился и парус[10]. Нос и корма значительно возвышались над серединой корабля, носовой и кормовой штевни были подняты особенно высоко. Судно вождя часто украшалось резьбой, а носовой штевень имел форму головы дракона.Согласно саге, у Олафа Трюгвассона было два таких корабля, известных как "Длинный Дракон" и "Короткий Дракон"[11]. На первом из них было тридцать четыре скамьи для гребцов. Головы дракона, как на носу, так и на корме, были позолочены. Из русских былин известно, что некоторые варяжские корабли, построенные на Руси, были покрашены в красный цвет[12].

Упрочив контроль над ливонским побережьем, варяги стали глубже проникать на материк. Первоначально, можно предполо-

Находки скандинавских древностей в России

жить, лишь небольшие отряды следопытов и торговцев мехами отваживались заходить в леса. Течение Западной Двины представляло собой естественный путь внутрь страны, оно-то и стало первой дорожкой, облегчавшей варягам продвижение в Россию. Коренное население вдоль берегов Западной Двины состояло из небольших племен балтов и финнов. Племена эти были немногочисленны и разрозненны, так что варяги не встретили никаких трудностей или противостояния сначала в торговле с аборигенами, а затем и в подчинении их себе.

Добравшись до верховьев реки, варяги проникли в зону славянской колонизации. Выяснилось, что славянские общины у истоков Западной Двины и в окрестностях, исключая Новгород, были малочисленны и слабы. Характерно, что в последующем продвижении внутрь страны варяги обходили Новгород и заняли его намного позже. Из-за близости истоков Западной Двины, Днепра и Волги[13] варяги, достигнув верховьев Западной Двины, вероятно, стали исследовать также и верховья Днепра и Волги. Мы можем представить себе, что они достигли истоков этих двух рек не позднее седьмого века. Что касается Днепра, то варяги вряд ли могли спускаться по нему слишком далеко, поскольку литовские и славянские племена в верховьях Днепра были, по всей видимости, сильными и хорошо организованными. Их важнейший город на этой территории располагался в районе Гнездова под Смоленском[14].

С другой стороны, варяги не встретили препятствий на верхней Волге, вплоть до района проживания черемисов, племени, находившемся под властью булгар. Это значит, что они вряд ли могли спускаться по реке ниже современного Ярославля. По Которослю, притоку Волги, впадающему в нее около Ярославля, варяжские ладьи могли подниматься к озеру Неро, на берегах которого расположен город Ростов.Оттуда существовал волок к реке Нерль, притоку Клязьмы, которая,в свою очередь, является притоком Оки. Таким способом варягам можно было проникнуть в бассейн Оки. Знаменательно, что в могильниках Ростовского, Суздальского и Муромского регионов были обнаружены предметы скандинавского происхождения, такие как овальные фибулы и мечи. По мнению графа А. С. Уварова, который в середине девятнадцатого века вместе с П. С. Савельевым исследовал эти могильники, они могут быть отнесены к восьмому и девятому векам[15]. Исследование нахо-

док в могильниках и городищах показывает, что во многих случаях варяги жили бок о бок с коренным населением, которое принадлежало к племени меря финского происхождения. Судя по тому,что мы знаем из письменных источников о варяжско-финских отношениях в девятом и десятом веках, можно допустить, что именно варяги правили финнами в Ростовско-Суздальском регионе еще в восьмом веке.

Если предположим, что варяги завоевали Ростовский регион и достигли Оки не позднее 700 г., то логично рассудить, что вскоре они начали исследовать верхнее течение Оки. Верховья Оки и ее приток Зуша находятся близко к верховьям Дона и его притоку Сосне. А верховья Тима, притока Сосны, находятся рядом с верховьями Оскола[16]. Еще одна связь между Осколом и верхним Доном - по рекам Халан (приток Оскола) и Корочь (приток Дона). Благодаря такой сети речных путей варяги могли легко проникать из района верхней Оки в область верхнего Донца и Оскола, то есть на старую территорию поселения асов. Как мы отмечали раньше[17], Верхний Салтов, по всей видимости, контролировался мадьярами с конца седьмого века.

В связи с этим следует заметить, что варяги могли подойти к верховьям Оки не только с востока, поднимаясь вверх по течению, но и с северо-запада, то есть от верхнего Днепровского бассейна[18]. Осма, приток Днепра, впадающая в него возле Дорогобужа, проходит поблизости от верхнего течения Угры, притока Оки, впадающей в последнюю у Калуги. Вероятно, на берегах реки Угры была крепость, охранявшаяся мадьярами[19].

Ввиду всего вышеизложенного представляется вероятным, что примерно в 730-е годы варяги столкнулись с мадьярами на территории верхней Оки и верхнего Донца. Мадьяры, по-видимому, потерпели поражение, и варяги захватили укрепленный город Верхний Салтов. Что касается коренного населения, асов, то они, должно быть, присоединились к варягам и выступили против мадьяр.

Мы допускаем, что такое предположение гипотетично, тем не менее есть ряд моментов в пользу наших выводов. Во-первых, это археологические свидетельства. Прекрасный меч скандинавского типа был обнаружен около Краснянки Купянского района; то есть в регионе Оскола[20]. С другой стороны, огромное количество "вос-

точных"вещей, обнаруженных в Швеции, оказались поразительно похожи нате, что найдены при раскопках Верхнего Салтова[21]. От археологического аргумента мы перейдем к интерпретации определенных положений книги Константина Багрянородного De Administrando Imperii.

Рассуждая о происхождении и истории мадьяр ("тюрков"), в главе 38 своей книги Константин говорит, что первоначально, когда мадьяры жили в Лебедии "рядом с Хазарией", они были известны "по какой-то причине" не как "тюрки"[22], а как савартоясфали (Σαβαρτοιασφάλου)[23]. Ниже, говоря о поражении мадьяр от печенегов, Константин рассказывает, что в результате этой неудачи мадьярская орда разделилась на две части, одна из которых двинулась на восток в иаправлении Персии, а другая - на запад к Ателькузу. Первая группа "до сих пор известна" под их старым именем савартоясфали. Оба эти утверждения вызывают недоумение, поскольку они не находили удовлетворительности объяснения. Вообще, сведения Константина о современности и недавнем прошлом очень точны, но говоря о более отдаленном прошлом, он иногда пользовался фрагментами предания, которое сам не понимал, чего он, впрочем, не скрывал в таких случаях ("по какой-то причине" и т.д.). Начнем с названия, савартоясфали. Маркварт[24] резонно полагает, что это название является комбинацией двух названий, которые следует читать раздельно: Σαβάρτου 'Ασφάλοι, Саварти Асфали. Маркварт сравнивает первое из них, Саварти, с названием Севордик, которое цитируется в некоторых армянских источниках. "Севордик" по-армянски значит "черные сыновья". В арабских источниках этот народ называется саварджа[25]. Согласно армянским хроникам, севордики мигрировали в Армению с севера между 750 и 760 гг.[26]. Если мы примем отождествление Марквартом севордиков и саварти, то мы получим подтверждение сведениям Константина Багрянородного о миграции савартоясфали к рубежам Персии. Однако, тогда возникает противоречие в датировке события. Согласно Константину, миграция имела место после столкновения мадьяр с печенегами, то есть в середине девятого, а не в середине восьмого века.

В этом случае предпочтение следует отдать свидетельствам армянских источников, поэтому нам нужно внести коррективы в повествование Константина. Кавказское наступление саварти явно было

не результатом распрей между мадьярами и печенегами, а более раннего инцидента с каким-то другим народом. Что это мог быть за народ? Согласно Константину, столкновение произошло в той части Лебедии, которая "рядом с Хазарией", и занятой мадьярами до их наступления на запад. Этот район можно с уверенностью идентифицировать с районом верхнего Донца и Оскола, то есть это местность, где расположен Верхний Салтов, и, если судить по археологическим свидетельствам, в конечном счете занятая скандинавами. Таким образом, у нас есть достаточное основание, чтобы считать, что сведения Константина относятся именно к скандинавам, а не к печенегам. Не можем ли мы сделать теперь еще один шаг вперед и предположить, что под именем саварти в труде Константина подразумевались скандинавы? Однако, Константин прилагает это имя к мадьярам, или к одной из их ветвей. Но, учитывая путаницу в его утверждениях, можно допустить, что он не совсем верно понял то, о чем говорил его источник в этом отношении. Его источник, вероятно, упоминал название саварти в связи с поражением мадьяр, и возможно, что это название относилось первоначально не к самим мадьярам (как предположил Константин), а к их завоевателям. Своевременно будет вспомнить в связи с этим, что в эпоху, которую мы изучаем, было множество случаев переименования народов в результате их завоевания другими народами. Мы знаем, к примеру, из Аммиана Марцелина, что некоторые племена, завоеванные аланами (асами), принимали название последних[27]. Не случилось ли нечто подобное и с саварти? Другими словами, не можем ли мы предположить, что мадьяры (или часть из них) стали называться саварти, потому что их (или часть из них) завоевали саварти?

Если саварти должны быть идентифицированы со скандинавами (как мы предположили), то встает вопрос о происхождении самого названия. Должен признаться, что у меня пока нет определенного ответа на этот вопрос, и я могу представить на рассмотрение три возможных объяснения; любого из них, если оно окажется верным, было бы достаточно.

1. Слово "саварти" может происходить от названия Svitjord ("Швеция")[28]. В этом случае, саварти обозначало бы "шведы".

2. Svartr на древнем норвежском означает "черный" [29]. Мы уже отмечали, что согласно китайской традиции, воспринятой большинством степных народов, черный - это цвет севера (ср. черные

булгары, черные угры и т.д.)[30]. Более того, как мы уже видели, в армянских источниках саварти назывались "севордик", или"черные сыновья"[31].

3. Sverth на древнем норвежском означает "меч"[32]. Меч был типичным скандинавским оружием, и можно говорить с определенной степенью убежденности, что с приходом варягов в район Донца аборигены в первую очередь стали бы узнавать у пришельцев, как называется это оружие на их языке, и в соответствии с этим названием именовали бы их самих.

Вот все, что касается саварти. Давайте обратимся теперь ко второй части сочетания савартои-асфали - асфали. Здесь, кажется, у нас более прочная почва. Как мы знаем[33], в районе верхнего Донца и Оскола народ, известный как спали, жил, по крайней мере, со времен Плиния, и мы можем со всей уверенностью заключить, что название "асфали" ничто иное как вариация названия "спали". Как мы упоминали[34], между спали и асами (антами) были тесные связи. Таким образом в асфали Константина Багрянородного логично видеть антов. Составное название савартои-асфали может быть понято, в связи с этим, как шведы и анты.

3. Скандинавы, асы и русь в Азовском регионе

Захватив Верхний Салтов, варяги открыли для себя ворота к донецко-донскому речному пути и вниз к Азовскому морю. Вероятно, они воспользовались этим путем, не теряя времени. В продвижении на юг варягам, должно быть, оказывали большую помощь асы, поселения которых находились в регионах верхнего Донца и нижнего Дона, а также и на Северном Кавказе. Мы повторяем, что некоторые из этих асов были славяне, которые испытали влияние иранцев, в то время как другие группы асов были чисто иранскими. Асы, а вернее асо-славяне, которые жили в районе верхнего Донца и были покорены мадьярами, должно быть, приветствовали появление варягов в Верхнем Салтове и выступили на их стороне против мадьяр. Таким образом, вероятно, началось сотрудничество между варягами и асами, которое стало важным фактором в дальнейшем продвижении варягов на юг в силу тесной связи между верхне-донецкими и азовскими асами.

К тому же нам следует принять во внимание, что у азовских асов были особые причины, чтобы в данный момент приветствовать приход варягов. Как мы знаем, в 119 г. Хиджры (737 - 738 гг. н.э.) арабы совершали набеги на всю территорию Северного Кавказа, включая даже район нижнего Дона, и забирали тысячи асо-славянских пленников[35] . Хазары, сюзерены асов, были не в состоянии защитить их, и асы, должно быть, искали себе другого сюзерена. Возможно, что когда дошли сведения о появлении варягов в районе верхнего Донца и об освобождении ими донецких асов от мадьяр, азовские асы и рухс-асы (русь)[36], в свою очередь, попытались упросить варягов оказать помощь в борьбе против арабов (около 739 г.). Тогда можно допустить, что это был первый случай "призыва варягов" на помощь славянами, - событие, которое традиция относит к значительно более поздней дате, т. е. к 862 году.

В любом случае, представляется возможным, что в 739 г. или чуть позже варяги достигли берегов Азовского моря, после чего, вероятно, они сразу же начали обследовать Кавказ. Помня о нашей идентификации саварти со скандинавами и выяснив, благодаря анализу труда Константина Багрянородного и армянских источников, что саварти вторглись в Армению между 750 и 760 гг., нельзя ли увидеть в этом событии первое наступление варягов на Закавказье?

Суммируя вышеприведенные доводы, весьма вероятным представляется, что в течение восьмого века отряд скандинавов, а более точно - шведов, установил контроль над районами нижнего Дона и Приазовья. Примечательно, что, согласно "Саге об Инглингах", частично включенной в Heimskringla Снорри Стурлусона (тринадцатый век), эта территория была известна как Великая Швеция (Svitjort en mikla)[37]. Отряд шведов, контролировавший местные племена асов и рухс-асов (русь), видимо, не был многочисленным, и постепенно шведы не только смешались со своими вассалами, но и приняли их название и сами стали известны сначала как асы, а затем как русь.

Хорошо известно, что скандинавские саги полны легенд об асах. Ко времени записи саг асы представляли собой часть скандинавской мифологии и входили в число богов под властью Одина.

Например мы встречаемся с ними в этой роли в "Саге об Инглингах". Однако, следы древней исторической основы могут легко быть обнаружены под мифологическим покровом[38].

Мы читаем в "Саге об Инглингах"[39]: "Земля в Азии к востоку от Танаквисла (Танаиса, т.е. реки Дон) называлась Асландом или Асхеймом, а главный город в этой земле назывался Асгард (Ас-Град, т.е. Город асов)".

Из этого фрагмента видно, что Ас-Града можно достичь, если пересечь Дон в восточном направлении; он, должно быть, располагался на восточном или юго-восточном берегу Азовского моря, возможно, в устье Кубани, где есть гора, которая до сих пор называется Ас-Даг ("Гора Асов")[40]. Если так, то Ас-Град был в той же местности (или рядом с ней), что и Малороса и Тмутаракань. Мы можем добавить к этому, что название Ас-Град, которое происходит от Азовского моря, появилось позднее в Балтийском регионе. Этот второй Ас-Град, или Асгард на берегах Западной Двины известен сейчас как Асхераден[41]. Наименование этого второго Ас-Града нетрудно объяснить. В то время как конечным пуиктом древнего варяжского пути от Балтийского до Азовского моря было устье Дона, его началом являлось устье Западной Двины. Движение по этому пути было двусторонним, поскольку не все скандинавские воины и купцы, отправлявшиеся на Восток, оставались там постоянно; многие шведские искатели приключений - даже если теперь их называли асами или русами, - проведя несколько лет на Востоке и разбогатев, со временем, бывало, возвращались домой, в прибалтийские земли и имели обыкновение давать прежним местам новые имена, которые напоминали им о сказочной стране их подвигов и приключений.

По тем же мотивам имя Ас (женская форма Аса) стало распространенным личным именем в Скандинавии. Несколько норвежских княгинь в девятом и десятом веках носили имя Аса[42]. А слог "ас" также использовался в образовании таких мужских имен, как Асмунд, Аскольд и т. п.[43].

Как мы знаем, название "русь" тесно связано с названием "ас"[44]. Столица скандинавов в Приазовье, Ас-Град, вероятно, находилась близко от "Болотного Города" русов, Малоросы. Дельта Кубани, где были расположены Ас-Град и Малороса, называлась арабскими авторами[45] Русским Островом. Несмотря на то, что

азовские скандинавы освоились с именем асов, со временем они приняли название русов, поэтому государство, которое они основали в Азовском регионе, впоследствии стало известно как Русский каганат.

4. Варяжско-русская проблема

Обсуждая в предыдущей главе возможные пути экспансии скандинавов в России, мы намеренно отложили до настоящего момента общее рассмотрение так называемой "варяжско-русской проблемы", которая играла важную роль в русской историографии и о которой существует чрезвычайно обширная библиография. Мы сделали это нарочно, поскольку посчитали необходимым привести некоторые данные, весьма важные для решения этого вопроса, а также и потому, что наши сведения о скандинавах в России, относящиеся к периоду восьмого века, до некоторой степени смутны и скудны. Только начиная с девятого века мы располагаем более определенными сведениями о скандинавах в южной части России. Теперь, когда мы находимся в преддверии девятого века, нельзя дольше откладывать детальное обсуждение варяжско-русской проблемы.

Давайте обратимся к оценке результатов "сражения" "норманистов" с "антинорманистами", столь знаменитого в русской историографии. За библиографией и исчерпывающим эту проблему очерком мы направим читателя к превосходным исследованиям В. А. Мошина[46].

Говоря в общем, не может быть сомнения, что в девятом и десятом веках под именем "русские" (русь, рось) чаще всего подразумевались скандинавы. Чтобы это продемонстрировать, достаточно будет упомянуть только три случая:

1. Согласно "Бертинским анналам", несколько "русских" прибыли вместе с византийскими посланниками к императору Людовику в 839 г.; согласно их собственным утверждениям, они были шведами по происхождению[47].

2. В договоре между князем Олегом и Византийской империей 911 г. внесены имена "русских" посланников; большинство из них явно скандинавы[48].

3. Константин Багрянородный вносит в свою книгу De Administrando Imperii (написанную в 945 г.) названия днепровских порогов как на славянском, так и на "русском". Большинство "русских" названий обнаруживают скандинавское происхождение[49].

Следовательно, неоспоримым является то, что в девятом и десятом веках название "русь" употреблялось по отношению к скандинавам. А если так, то вся полемика между норманистами и антинорманистами основана на недоразумении со стороны части последних, и все их усилия, в лучшем случае, можно назвать донкихотством. Но, несмотря на это, ценность вклада антинорманистов в изучение древней Руси нельзя отрицать. Именно антинорманисты первыми привлекли внимание исследователей русской истории к факту экспансии руси на юг задолго до появления Рюрика в Новгороде в 862 г., согласно традиционной дате. Таким образом, первоначальная упрощенная теория первых норманистов, согласно которой вся история скандинавов в России должна была начинаться с Рюрика и из Новгорода, была разрушена. И кроме того, вся аргументация первых норманистов была построена на той посылке, что само название "русь" распространялось с севера на юг и никак иначе. Чтобы доказать это, нужно было бы доказать сначала, что племя русов возникло где-то в Скандинавии и оттуда пришло в Новгород. В таком случае, это название должно быть упомянуто в скандинавских источниках. А никакого племени русов не было известно в Скандинавии и не упоминается в скандинавских сагах. В последних название Руси (Rysaland) относится к уже организованному русскому государству одиннадцатого-двенадцатого веков, но даже в этом значении оно употреблялось редко, поскольку обычно Русь называлась Gardariki, "царство замков".

Единственная зацепка, которую норманисты могли обнаружить в Швеции в поддержку своего тезиса, - это название одной из шведских провинций, Рослаген. Однако, это название провинции, а не племени; более того, спорно, что это название было ввезено в Швецию скандинавами, возвращавшимися из русских походов, как это было с названием Ас-Град, относящемся к городу на Западной Двине[50]. Понимая несостоятельность рослагенского аргумента, А. А. Куник, один из ведущих норманистов,

добросовестный и неутомимый исследователь этого вопроса, переместил свое внимание на шведское слово rodsen ("гребцы"), которым называли жителей прибрежной части Рослагена[51]. Он предположил, что это слово, rodsen (Rodsi), а в финском произношении - ruotsi, породило название "русь". Некоторые исследователи-лингвисты поддержали эту теорию[52]. Однако вызывает споры, возможна ли в соответствии с законами лингвистики такая трансмутация ruotsi в Rus. Однако, если даже филолог будет удовлетворен такой интерпретацией происхождения названия "русь", то историк - нет. Возможно ли в действительности, что скандинавы, пришедшие на Русь, взяли себе имя в той форме, которая была искажена финнами, встретившимися им на пути? Кроме того, упомянутое название "Rodsi" само по себе гипотетично[53]. К тому же, как это было вполне убедительно показано, первые скандинавы проникали на Русь не по невскому пути, а по западно-двинскому, и первые коренные жители, которых они встречали, были, несомненно, литовцы, а не финны. И наконец, если название "русь" произошло от искаженного финского ruotsi, то как нам объяснить, что это название (в форме "рось", Ῥως), было известно византийцам задолго до прихода варягов в Новгород?[54]

Мы уже говорили в предшествующих главах о многих случаях раннего употребления названия "русь", или "рось" в Южной Руси. Вряд ли можно отрицать, что оно существовало там, по крайней мере с четвертого века. В качестве резюме наших предыдущих доводов следует сказать, что само название изначально было связано с одним из аланских кланов - светлыми асами (рухс-асами). Не позднее начала девятого века название присвоили себе шведские воины, установившие контроль над донской и азовской территориями. Эти руссифицированные шведы вскоре стали известны как «русь» в Византии и на Ближнем и Среднем Востоке. Как мы увидим впоследствии[55], в связи с приходом князя Рюрика в Новгород (около 856 г.) была предпринята попытка, так сказать, "пересадить" название "русь" с юга на север и связать его происхождение с кланом Рюрика. Но эта новая теория была продиктована политическими соображениями, и ни в коем случае не распространяется на подоснову древней русской истории.

5. Первый русский каганат

Первое войско скандинавов, появившееся в Приазовье в середине восьмого века, вряд ли было многочисленным. Кроме того, его часть вскоре, видимо, переместилась в Закавказье. Однако, когда была обнаружена дорога на юг, новые отряды искателей приключений не замедлили последовать за первыми пионерами. Слухи о богатых странах Востока, должно быть, быстро распространились по всей Скандинавии. Исход варягов из Скандинавии и их натиск на Восток стал, видимо, также результатом внутренних проблем в скандинавских странах. Король Ивар, о чьих владениях в Ливонии и Эстонии уже упоминалось[56], сумел объединить Южную Швецию и Данию под своим владычеством. Его внуку Харальду пришлось подавлять восстание в Швеции, но в конце концов, он был разбит шведами при Бравалле, в Восточном Готланде, около 770 г.[57]. Его королевство распалось, и многие сторонники Харальда вынуждены были эмигрировать. Можно предположить, что некоторые из них перебрались через Балтийское море в Ливонию, откуда они могли пойти дальше на восток и на юг, пользуясь недавно открытым путем в Приазовье.

Будучи народом мореплавателей, скандинавы, видимо, строили корабли в устье Дона и плавали по Азовскому и Черному морям. Следует заметить, что еще до их прихода асы и русы пересекали Азовское море[58]. В связи с этим особого внимания требует фрагмент из хроники Феофана Исповедника, повествующий о "русских кораблях" в византийском флоте. Рассуждая о кампании Константина V против булгар (773 г.), Феофан говорит, что сначала Константин направил против булгар свой основной флот, состоявший из двух сотен кораблей (chelandia), а затем сам вышел в море со своей особой флотилией "русских кораблей" (ῥοῦσια χελάνδια)[59]. Латинский переводчик хроники Феофана, библиотекарь папы Анастасий, который писал в конце девятого века, перевел греческое слово ῥοῦσια не как "русские", а как "красные" (rubea)[60]. Мы можем вспомнить, что, согласно русским эпическим поэмам (былинам), красный был типичным цветом русских боевых кораблей[61]. Таким образом, вполне может быть, что "русские корабли" были охарактеризованы как "красные корабли"[62]. Что касается возможности присутствия русских кораб-

лей или моряков в византийском флоте в 773 г., то ее не следует отметать без надлежащего изучения проблемы[63]. От своих агентов в Херсоне византийское правительство, должно быть, получило сведения о появлении скандинавов в Азовском регионе вскоре после их прибытия туда. Следует принять во внимание, что в более поздний период, то есть в десятом веке, у нас есть точные свидетельства о русских моряках, находившихся на византийской службе. Согласно книге Константина Багрянородного "О церемониях", семьсот русских приняли участие в походе на Крит в 903 г., семь русских кораблей присоединились к византийскому флоту также в походе на Италию в 935 г.[64]. Говоря о русских моряках на службе империи, Константин Багрянородный ведет об этом речь, как о само собой разумеющемся, так что в этом не было для него чего-то нового или необычного. Поэтому мы можем предположить, что такая практика началась значительно раньше. Ничто не противоречит гипотезе, что первый случай сотрудничества русских моряков с Византией имел место в 773 г. С другой стороны, нужно ясно отдавать себе отчет в том, что все это не более чем предположение.

Следующим по хронологии случаем действий русских на Черном море представляется приложенный к жизнеописанию Св. Стефана Сурожского рассказ о нападении русского князя Бравлина на город Сурож (Сугдея)[65]. Однако, это событие не может быть датировано с достаточной точностью. Житие Св. Стефана Сурожского известно в двух вариантах: краткий - на греческом и более подробный - на русском. Оба известны только по более поздним спискам. В. Г. Василевский относит русский вариант к шестнадцатому веку. Однако, они оба, согласно Василевскому, сохранили традицию их раннего оригинала[66]. Русское житие Св. Стефана содержит четыре приложения, в которых описаны разные чудеса, сотворенные святым как при жизни, так и после смерти. В одном из этих приложений и ведется рассказ о князе Бравлине. Согласно этому рассказу, князя разбил паралич в тот момент, когда он ворвался в церковь Св. Стефана после штурма города Сурожа. Там говорится, что чудо случилось "через несколько лет" после смерти святого. Св. Стефан умер в 786 г. Определение "через несколько лет", конечно, не очень точное. Однако, поскольку в рассказе упомянут архиепископ Филарет, а он был непосредственным преем-

ником Св.Стефана, есть определенные основания к тому, чтобы отнести этот эпизод к концу восьмого века [67]. Что касается князя Бравлина, Н.Т.Беляев выдвинул гипотезу, что его имя следует рассматривать как эпитет, связывающий князя с битвой при Бравалле (770 г.), о которой мы упоминали в начале этой главки[68]. В таком случае мы вынуждены признать, что князь Бравлин, напавший на Сурож "через несколько лет" после 786 г., принимал участие в битве при Бравалле в 770 г. и снискал известность своими подвигами в этой битве. Все это не более чем цепочка предположений, но следует сказать, что толкование Беляевым имени князя Бравлина является единственным объяснением, имеющим, по меньшей мере, какую-то степень вероятности [69].

На основе всего того, что было сказано, мы позволим себе сделать пробный вывод о том, что скандинавы, проникшие в Приазовье в середине восьмого века смешались с местными асами и русами, и к концу века приобрели достаточную силу, чтобы угрожать Крыму. Мы можем предположить, что к этому времени им удалось создать не только вооруженные силы, но и организованное государство. Их правитель со временем присвоил себе хазарский титул кагана. Ибн-Руста говорит: "У русов был правитель, который назывался хакан-рус"[70]. Ибн-Руста писал в начале десятого века, но по всей видимости он пользовался источником середины девятого века, к этому времени и может быть отнесено его утверждение. Еще более непосредственное свидетельство обнаруживаем в "Бертинских Анналах" 839 г., о которых мы упоминали в предыдущей главке[71]. Русские (шведы), приехавшие в указанном году в Ингельхейм, говорили, что их правителем был каган (Chacanus).

Ввиду вышеизложенного, без сомнений, что Русский каганат существовал уже в первой половине девятого века; однако, среди исследователей русской истории нет согласия по вопросу его местоположения. Ортодоксальные норманисты склонялись к тому, чтобы считать его столицей Новгород, что не соответствует географическим и политическим условиям этого периода никоим образом[72]. В 1927 г. было опубликовано исследование П. П. Смирнова о Волжском речном пути, где вся проблема была переосмыслена под новым углом зрения, поскольку, с точки зрения Смирнова, каганат находился в русском междуречье - в регионе между верхней

Волгой и Окой[73]. Воздавая должное таланту Смирнова и тому большому количеству источников, которыми он пользовался, все-таки мы не можем принять его окончательных выводов. Смирнов связывает само название "русь" с рекой Волгой, которая упоминается в трудах Птолемея как Ра, и пытается доказать, что Русский каганат означает Волжский каганат[74]. Однако его аргументация упускает тот существенный момент, что, как мы знаем, регион средней Волги был под контролем булгар, а нижняя Волга контролировалась хазарами. Хотя русы со временем проникли в район нижней Волги, они пришли туда по Дону. Кроме того, довольно трудно допустить, что коммерческими и военными действиями русов на Ближнем и Среднем Востоке руководили из отдаленного северного центра. Значительно более вероятно, что центр их государства находился на юге, а не на отдаленном севере. Наконец, сам титул правителя русов - каган - указывает на соседство хазар, у которых он, несомненно, был заимствован. Присваивая этот титул, правитель русов скорее всего хотел подчеркнуть свою независимость от хазар, в отличие от подчиненности хазарскому кагану азовских асов и русов до прихода скандинавов. Подобный шаг, вполне естественный и органичный для правителя племени, обитающего на территории нижнего Дона и Приазовья, совершенно необъясним, когда речь заходит о Верхневолжском регионе.

Однако, хотя мы и настаиваем на том, что центр Русского каганата первой половины девятого века находился в Приазовье, не станем отрицать возможности тесных связей между севером и югом в этот период, осуществлявшихся по донецко-донскому речному пути. Верхний Салтов в верховьях Донца был, вероятно, важным пунктом на этом пути. В торговом отношении Русский каганат занимался, главным образом, торговлей мехами, и в этом плане его экономическая деятельность была аналогичной деятельности волжских булгар. Чтобы обеспечивать доставку мехов с севера, русскому кагану приходилось быть в контакте с некоторыми славянскими и финскими племенами верхневолжского региона.

В общем, мы вполне можем признать, что Русский каганат этого периода являлся сильной державой того же типа, что и государства хазар и волжских булгар, то есть имевший главной целью контроль над важными путями международной торговли. Из Азовского региона, как своего опорного пункта, купцы-русы путеше-

ствовали в девятом веке вплоть до Багдада. Сведения об их путях можно обнаружить в книге Ибн-Хурдадби, главного почтмейстера Халифата.

"Танаис, славянская река" (Дон) был первым участком их пути, согласно Ибн-Хурдадби[75]. Следующим участком была нижняя Волга, а третьим - Каспийское море. Ибн-Хурдадби писал около 847 г., но его сведения в данном случае могут относиться к более ранней дате. Характерно, что он не упоминает хазарской крепости Саркел на Дону, которая была построена в 833 г.[76], и где путешествующие по донскому речному пути платили таможенные пошлины. Согласно Ибн-Хурдадби, местом, где купцы-русы платили таможенные пошлины, был Халмий на Волге[77], и это является знаком того, что источник, которым он пользовался, говорит о ситуации, предшествовавшей строительству Саркела.

Ясно, что купцы-русы использовали волок между Доном и Волгой в том месте, где реки протекают близко друг от друга, на параллели Сталинграда (Царицына)*. Вопрос в том, спускались ли они по Дону до его излучины в направлении Волги, или поднимались вверх по течению от устья Дона. Французский переводчик труда Ибн-Хурдадби в Bibliotheca Geographorum Arabicorum говорит, что русские купцы спускались по Дону (descendent le Don)[78]. Такой перевод, скорее всего, основан на предвзятой идее, что они должны были приходить непосредственно с севера, из Новгорода. А вот в арабском оригинале просто говорится, что русские купцы "идут" (sārū)[79] донским путем, и представляется вполне определенным, что они шли от Азовского моря вверх по течению, а не вниз с севера. Ибн-аль-Факи, переработавший труд Ибн-Хурдадби (903 г.), упоминает город Самакарс, как один из перевалочных пунктов, использовавшихся русскими купцами [80]. Это указывает на дельту Кубани, как отправной пункт странствий и, таким образом, дает нам еще одно свидетельство в пользу определения местоположения штаб-квартиры Русского каганата где-то поблизости от Малоросы или Тмутаракани.

Именно к дельте Кубани, "Болоту русов" (Mal-i-Ros) следует отнести сведения из арабских и персидских источников, касающиеся Острова русов.

---

* Ныне г.Волгоград - прим.ред.

У Ибн-Русты сказано: "Страна русов является островом на озере (ср. Гардизи: "на море"); до острова три дня пути через леса и болота, и там такая влажная трясина, что когда человек наступает на почву, она вся колышется от сырости"[81]. Согласно Мирхванду[82], некоторые острова были подарены русам хазарским каганом; по-видимому, это тот самый Русский остров, который описан Ибн-Рустой и Гардизи.

Гардизи определял количество русов в сто тысяч человек. Согласно как Ибн-Русте, так и Гардизи, "русы совершали набеги на славян на кораблях, и они брали славянских пленников и продавали их хазарам и булгарам. У них не было обработанных земель, и они получали пшеницу от славян"[83]. Славяне, о которых идет речь, вероятно, - асо-славяне Донского и Азовского регионов. Несомненно, они платили дань русам пшеницей, как до этого мадьярам.

Говоря об отношениях между русами и хазарами, мы можем предположить, что ко времени первого появления скандинавов в Приазовье, около 739 г., хазары использовали их в качестве союзников против арабов. Миграция саварти, или севордиков, в Закавказье[84], возможно, была предпринята по совету хазар. Варяги, распространившие свой контроль над асами в азовском регионе, сначала, вероятно, стали вассалами хазарского кагана[85], как и сами асы до прихода варягов. В таком случае, вспомогательный отряд асов в хазарской армии, должно быть, был заменен "русским", а вождь русов - русский тархан - занял то положение, которое в хазарской системе принадлежало вождю асов - ас-тархану. Видимо, что рас-тархан, упоминающийся в книге Табари, на самом деле был рус-тарханом[86]. Уже говорилось[87], что ас-тархан занял в Хазарии со временем положение помощника кагана (анша или айша). Представляется вероятным, что теперь рус-тархан добился той же чести, а если так, то отсюда и появился у русов титул кагана.

Мы можем предположить, что со временем стали вспыхивать ссоры между хазарами и русами, и рус-тархан, или помощник кагана, провозгласил себя независимым правителем с титулом кагана. Есть определенные основания к тому, чтобы датировать это событие 825 г.[88]. На мой взгляд, именно к борьбе между хазарами и русами могут быть отнесены главы 10 и 11 книги

Константина Багрянородного De Administrando Imperii. Конечно, Константин не упоминает русов в этих главах, в которых речь идет об аланах. Но, как мы предположили, аланы, или асы, находились в это время под господством русов. Таким образом, можно утверждать, - конечно, в порядке пробы, - что "Правитель Алании", которого упоминает Константин, был русским каганом.

В главе 10 своего труда Константин говорит о народах, которых можно было бы использовать против хазар в случае войны между последними и Византийской империей. "*Отметим, что узы могут вести войну против хазар, так как они живут поблизости. Также и правитель Алании, поскольку девять climata ("областей") Хазарии находятся рядом с Аланией, и Алан может, если захочет, разорить их, нанеся тем самым много вреда и разрушений хазарам, потому что именно из этих девяти областей Хазария черпает свое благосостояние и процветание*". В следующей, 11 главе, Константин говорит, что правитель Алании может также напасть на хазар, когда те находятся на пути либо к Саркелу, либо к Херсонесу. Поскольку Саркел был построен в 833 г., глава 11, должно быть, описывает ситуацию позднее этой даты, в то время как глава 10 отражает положение до 833 г. Упоминание Саркела знаменательно, поскольку, как мы увидим[89], он был построен, чтобы препятствовать нападениям русов на Хазарию. Таким образом представляется вполне вероятным, что в главе 11 русы подразумеваются как возможные противники хазар, и рассмотрение этой главы добавляет аргументы в пользу нашего предположения, что правитель Алании может быть идентифицирован как русский каган.

В те времена, когда писал Константин, Киев уже стал более значительным русским центром, нежели Тмутаракань, а поскольку Константин уделял много внимания Киевской Руси, в ряде других глав своего труда он, возможно, предпочел упустить название "русь" из глав 10 и 11, в которых речь идет об азовской территории, чтобы избежать путаницы. Название Алания использовалось в этих главах скорее как географический, а не этнографический термин; кроме того, первоначально племя русов - так же, как и асов, - было, в любом случае, аланским, или аланославянским.

6. Хазарское государство во второй половине восьмого и в начале девятого века

Арабское вторжение нанесло столь суровый удар хазарскому государству, что оно смогло от него оправиться только с течением времени. Баладури говорит, что верховный вождь (azim) хазар - то есть каган - был обуян страхом. Поэтому он принял предложение Марвана о переходе в ислам, как предварительном условии мира[90]. Приняв ислам, каган попадал в подчиненное халифу положение. В этом отношении политика арабов была подобна византийской: любой народ, принимающий греческое православие от Патриарха Константинопольского, считался также находящимся под владычеством императора. Однако, обращение кагана в ислам явилось результатом не внутренних религиозных убеждений, а отчаянной военной и политической необходимости, этот переход не был ни искренним, ни долговременным. В любом случае, обращенные преемники халифа не были мусульманами, и лишь небольшая часть хазарского народа осталась верной исламу[91].

После успешной кампании 737 г. Марван потратил несколько лет на установление контроля над кавказскими горными племенами. В 742 г. он стал халифом - последним из династии Умайядов. Вслед за его смертью в халифате вспыхнула смута, которая привела к воцарению новой династии халифов - династии Аббассидов, под властью которой арабская политика стала менее воинственной. В период волнений и связанного с ними ослабления центральной власти в некоторых приграничных районах халифата началось оппозиционное движение, в Закавказье в том числе. Есть некоторые археологические свидетельства, иллюстрирующие беспокойную ситуацию в Закавказье того периода. Недавно около Гянджи был обнаружен клад арабских монет[92]. Некоторые из них могут быть датированы 130 г. Хиджры (747 - 748 гг.) или раньше, в то время как другие относятся к 144 г. Хиджры (762 г.) или к более позднему времени, но в этом кладе нет монет, относящихся к периоду между 130 - 144 гг. Хиджры, и это можно объяснить тем, что владелец зарыл сокровища на эти годы из-за бурной ситуации в стране.

Именно к этому десятилетию (750-е гг.) может быть отнесено вторжение саварти (севордиков) в Закавказье[93]. Возможно, что

саварти - то есть, с нашей точки зрения, варяги - предприняли свою кампанию под покровительством хазар, поскольку последние были заинтересованы в подрыве арабского контроля над Закавказьем. Саварти разрушили город Шамкор к западу от Гянджи и захватили всю территорию в районе Гянджи[94]. Им не удалось, однако, завладеть богатым городом Берда, несмотря на попытку осуществить это. Стоит заметить, что город Берда, привлекший внимание саварти, позднее станет целью русской кампании в Закавказье в 943 - 944 гг. Возможно, что русы середины десятого века в своем наступлении на Берду были в какой-то мере движимы старыми легендами и преданиями о походе саварти, возникшими среди русов середины восьмого века.

В 754 г. халиф Аль-Мансур стал проявлять беспокойство по поводу непрекращающихся волнений в Закавказье и назначил в качестве своего наместника в Армении Ясида бен Усаида ас-Сулами, чтобы тот восстановил арабскую власть над теми землями. Ясид начал новую кампанию против хазар, направив удар на Аланские Ворота, то есть на крепость Дарьял[95]. Хазары были разбиты, и каган запросил мира, который был провозглашен и скреплен супружескими узами, поскольку Ясид женился на хазарской княжне, которая, согласно армянскому историку Левонду, была дочерью кагана[96]. В 764 г. вновь вспыхнула война между арабами и хазарами, на сей раз с преимуществом хазар, которые захватили город Тифлис и разорили Армению[97]. Именно в этой войне хазарскими войсками командовал рас-тархан. В некоторых источниках его называют хорезмским наемником[98]. Маркварт[99] предлагает прочтение "ас-тархан". По нашему мнению, прочтение "рас-тархан" представляется более правдоподобным. Если это так, то он, возможно, был предводителем отряда русов, сражавшегося на стороне хазар. После этого случая между хазарами и арабами был установлен мир более чем на тридцать лет. В 182 г. Хиджры (798 - 799 гг.) дочь правящего кагана была помолвлена с армянским князем Бармакидом. Жених благополучно приехал в Берду, но там он заболел и умер до свадьбы. Хазары заподозрили отравление, и разгневанный каган послал войска в Закавказье (799 - 800 гг.)[100].

Хазарская армия снова вторглась в Армению, грабя страну и забирая много пленников. Арабы располагали недостаточными силами в Закавказье, поскольку они вынуждены были в то время

направить много войск в Согдиану и Фергану для подавления оппозиции. Только в 822 г. положение в Закавказье стало более благоприятным для них, и халиф Мамун был готов начать наступление на хазар[101]. В источниках мало сведений об этой войне. Мукаддаси, писавший в 375 г. Хиджры (985 - 986 гг.), сообщает следующее: *"Я слышал, что Мамун напал на хазар из Гурджании и принудил их царя принять ислам"*[102]. Если это утверждение заслуживает доверия, то можно думать еще об одном случае обращения хазар в ислам - около 825 г. - но, как и первое (737 г.), оно не могло быть длительным. Вероятно русы воспользовались поражением кагана; стоит попробовать отнести к этой дате (825 г.) освобождение Русского каганата от хазар[103]. Отметим, что Мукаддаси прибавляет к своему сообщению об обращении кагана следующие строки: *"Я также слышал, что римские воины, известные как русы, завоевали хазар и захватили их землю"*[104]. Поскольку Мукаддаси писал свою книгу после нападения князя Святослава на хазар (969 г.), можно отнести вышеприведенное утверждение к кампании Святослава. На мой взгляд, однако, Мукаддаси, видимо, смешал сведения о двух разных хазаро-русских войнах, одна из которых имела место около 825 г., а другая - в 969 г.

Обратимся теперь к отношениям между хазарами и Византийской империей. О периоде со второй половины восьмого до начала девятого века сведения скудны. В любом случае очевидно, что ходом хазарско-византийских отношений правили две противоположные тенденции. Из-за постоянной опасности со стороны арабов два государства склонялись к тому, чтобы восстановить дружественные отношения. С другой стороны, их интересы в Таврида были антагонистичными. Мы указывали в предыдущей главке на возможность русского участия в военно-морской кампании Константина V в 773 г.[105]. В то время рус-тархан, вероятно, находился еще под властью хазарского кагана, и если действительно русские были в византийском флоте, то послали их туда по приказу кагана.

Как мы знаем из жития Св. Иоанна Готского, около 787 г. хазары захватили главный город крымских готов Дорас, куда был назначен хазарский правитель (тудун)[106]. Вскоре в Дорасе вспыхнуло восстание против хазар. Последним, однако, удалось пода-

вить его, но, очевидно, ненадолго, поскольку в 790-е гг. город был уже под властью готского вождя (топарха), ответственного перед Византией[107]. Можно приводить доводы в пользу того, что отступление хазар из Дораса явилось результатом взаимодействия византийцев и русов. Мы уже отмечали[108], что, согласно Константину Багрянородному, правитель Алании был готов помочь империи предупредить нападение хазар как на Херсонес, так и на climata. На наш взгляд, этот "правитель Алании", возможно, был рус-тарханом. Представляется вполне вероятным, что крымская кампания князя Бравлина началась при поддержке византийской дипломатии, поскольку целью византийцев было подорвать влияние хазар в Крыму.

Одним из результатов близких отношений между хазарами и византийцами стало распространение христианства в Хазарии. Христианство, как ранее и иудаизм, проникло в Хазарию из Закавказья и Тавриды[109]. К восьмому веку Таврида была в значительной мере христианизирована. В манускрипте четырнадцатого века, впервые изданном Де Боором в 1894 г.[110], сохранился интересный список приходов готской епархии. До недавнего времени считалось, что этот список относится к середине восьмого века, однако, эта дата неприемлема, и список следует отнести к середине девятого века[111]. С другой стороны, не может быть никакого сомнения в том, что еще в восьмом веке в Крыму было много хорошо организованных христианских общин.

Середина восьмого века - это период серьезного кризиса в религиозной жизни Византийской империи из-за иконоборческой политики императоров Исаврийской династии[112]. Крым, как и Кавказ, стал местом ссылки многих византийских монахов, изгнанных из Константинополя за выступления в защиту икон. Другие монахи отправились туда добровольно, из-за неприятия императорских указов. Многие из этих пришельцев поселились в пещерах, которых множество в Крымских скалах, и превратили некоторые из этих пещер в церкви[113]. Приток монахов-изгнанников способствовал усилению религиозного чувства у крымских христиан. Не случайно, что это усилило там эллинистические аспекты в христианской культуре.

В 787 г., во время правления императрицы Ирины, Седьмой экуменический собор, собравшийся в Никее, проголосовал за вос-

становление почитания икон[114]. Хотя позднее был еще один период иконоборчества, с 815 по 842 гг.[115], решения Седьмого собора имели огромную важность как для византийской церкви, так и для крымских прихожан. Прекращение братоубийственной войны внутри церкви привело к значительному укреплению христианских общин в Крыму, что сделало возможным проникновение христианства далее на восток, в Хазарию.

К середине восьмого века традиционная религия хазар, которая представляла собой смешение алтайского шаманизма и поклонения небесному своду (tangri) с культами кавказских народов, исчезала, благодаря миссионерской деятельности христиан, мусульман и иудеев[116]. Представители каждой из этих трех великих религий пытались обратить кагана каждый в свою веру. По политическим соображениям каганы не выражали желание принимать ни христианство, ни ислам, поскольку обращение в христианство обозначало бы признание высшей власти не столько патриарха, сколько императора, в то время как обращение в ислам в равной мере делало бы кагана вассалом халифа, в лучшем случае - номинально. С другой стороны, иудаизм был политически нейтральной религией, и обращение в эту веру не повлекло бы за собой никаких политических обязательств перед кем-либо из соседей. Таким образом, иудаизм постепенно становился религией кагана и его двора.

Точная дата обращения кагана в иудаизм неизвестна. Согласно расширенной версии письма, приписываемого царю Иосифу, каган принял иудаизм около 620 г.[117], что, однако, невозможно, ввиду общей исторической обстановки. Кроме того, как мы отмечали[118], так называемое письмо Иосифа - источник достаточно сомнительный. На основе утверждения Иегуды Галеви было сделано предположение, что обращение имело место не в 620 г., а веком позже, около 740 г.[119]; но и эта дата также не вызывает доверия, поскольку из жития Св. Або мы узнаем, что каган еще оставался "язычником" в 782 г.[120]. Согласно Масуди, хазары приняли иудаизм во время правления халифа Гаруна аль-Рашида (786 - 809 гг.)[121]. Однако, мы можем вспомнить, что каган оставался "язычником" даже во время миссии Константина Философа (Св. Кирилла, славянского апостола) примерно в 861 г.[122]. Таким образом, обращение в иудаизм не могло иметь места раньше, чем спустя некоторое время после этой даты.

7. Византия и булгары, франки и авары, 739 - 805 гг.

От судеб донской и азовской земли мы теперь должны обратиться снова к Дунайскому региону и Балканам, чтобы заняться рассмотрением булгаро-антского государства. Со смертью хана Севара (739 г.) прекратилась династия Дуло, и немедленно начались неприятности, поскольку бойлы никак не могли прийти к согласию в вопросе о избрании нового хана. Каждый клан бойлов поддерживал своего старейшину в качестве кандидата на трон. Наконец, ханом был избран Кормисош из клана Вокил (или Укил)[123].

Положение нового хана было очень сложным, известно, что в начале правления его власть была только номинальной. Влиятельные бойлы вовсе не считали себя обязанными подчиняться ему и всегда были готовы открыто выразить свое неповиновение. Вообще говоря, в то время среди бойлов было две партии. Одна поддерживала дружбу с Византийской империей и не возражала бы против полной византинизации своей страны. Другая партия, которую можно было бы назвать "старой гвардией", ненавидела как империю, так и христианство и призывала к войне. Не ясно, к какой из партий принадлежал сам Кормисош. В любом случае, он поддерживал мирные отношения с империей на протяжении почти пятнадцати лет.

В 755 г. произошло событие, которое положило конец эпохе мира. Император Константин V, сын и наследник царя Льва III, иконоборец, как и его отец, и такой же способный военный лидер, боготворимый войсками, решил укрепить фракийскую границу во избежание возможных непредвиденностей в будущем[124]. До этого у него была цепь сильных крепостей, выстроенных во Фракии вдоль булгарской границы, здесь же жили несколько тысяч сирийцев и армян, на чью верность он мог полагаться. Эти действия были встречены враждебно со стороны булгар, усмотревших в них нарушение условий договора 716 г. Они потребовали нечто вроде компенсации, а когда Константин отказался, началась война между империей и булгарами, которой суждено было продлиться, с некоторыми перерывами, несколько десятилетий[125].

Война началась со стремительного набега булгар, которым удалось проникнуть вплоть до Длинной Стены. Однако, здесь они

были атакованы и разбиты императорскими войсками Константина (756 г.). Вскоре после этой битвы хан Кормисош умер, и место на троне занял его сын Винек. Славяне (или анто-славяне) во Фракии и Македонии воспользовались столкновением между булгарами и империей и попытались восстать против обоих. Константину, возвращавшемуся с булгарской кампании, удалось подавить восстание (758 г.), но когда он вернулся в Константинополь, оставив на границе небольшое войско, славяне восстали снова, теперь уже призвав на помощь булгар. На этот раз византийское войско было разбито (759 г.), но раздоры между булгарскими вождями не дали булгарам и славянам целиком воспользоваться победой. В 762 г. хан Винек был убит вместе со всей своей семьей, а предводитель бунта, некто Телец из клана Угайн был избран ханом[126].

Готовясь к новой войне против империи, Телец решил использовать славян для усиления своей регулярной армии и потребовал от них поголовного набора. Славяне Южной Фракии и Македонии, уставшие от постоянных войн, неохотно подчинялись приказу, и чтобы избежать его исполнения, решили переселиться в более спокойные районы. Хотя в течение последних нескольких лет они колебались между империей и булгарами, теперь рассчитав, что подчинение последним будет тяжелее, они подали прошение императору Константину, заверяя его в своей верности и спрашивая позволения переместиться в какой-нибудь мирный район Малой Азии. Константин милостиво согласился, после чего несколько славянских племен, числом более двухсот тысяч, направились в Вифинию, на земли, которыми их наделили, вдоль реки Артан (762 г.)[127]. Одновременно другие славянские племена, жившие в Северной и Центральной Фракии, приняли требования хана и собрали вспомогательное войско числом в двадцать тысяч. Со своей армией, усиленной таким образом, Телец вторгся в Южную Фракию, захватил некоторые византийские крепости и начал строительство новых, уже собственных[128].

Понимая серьезность положения, Константин переправил часть своей конницы морем к устью Дуная с целью совершить диверсию в булгарский тыл, в то время как сам повел основную армию к городу Анчьял, где состоялась кровавая схватка, закончившаяся поражением булгар (763 г.)[129]. Однако императорская армия понесла столь большие потери, что Константин оказался не в состо-

янии преследовать врага, и решил вместо этого вернуться в свою столицу, где отметил триумф играми в цирке. Хан Телец заплатил за поражение жизнью, убитый враждебными ему бойлами таким же образом, как и сам он убил своего предшественника двумя годами раньше[130]. В Булгарии начались мятежи, один претендент на трон сменял другого с непрерывной быстротой, а некоторые обращались к Византии за поддержкой. Сила булгар была серьезно подорвана, и в 768 г. они запросили мира[131].

Константин согласился на это, поскольку, по его мнению, они были так ослаблены, что не могли представлять из себя никакой угрозы империи. Он просчитался, однако, поскольку через мирные год или два они оправились от последствий своего поражения и под властью нового хана, энергичного Телерига вновь были готовы к любым авантюрам. Поэтому Константин вновь начал военные операции, и в мае 773 г. был набран флот в две тысячи кораблей и послан в устье Дуная. Именно в этот флот была включена "русская" или "красная" эскадра, о которой упоминалось выше[132]. Одновременно имперская армия двинулась сушей. Оказавшись между двух огней, булгары опять запросили мира. Император согласился прекратить свои военные действия и принять булгарского посланника в Константинополе, куда и был отослан один из влиятельных бойлов. Пока тянулись долгие переговоры, не приносившие результата, хан Телериг подготовил экспедицию против славянского племени, проживавшего в Берзетии (или Верзетии) в Фессалии[133]. В его планы входило принудить это племя переместиться в границы Булгарского ханства. В связи с этим булгарский отряд в двенадцать тысяч воинов был направлен в Фессалию. План Телерига стал заранее известен через шпионов императору Константину. Император тотчас же сконцентрировал армию в восемьдесят тысяч человек на окраинах Константинополя, солгав булгарскому посланнику, что оиа предназначается для кампании против арабов. Затем он тайно повел армию форсированным маршем к горному проходу, находившемуся на пути булгарской экспедиции, где и атаковал ничего не ожидавших булгар, которые поддались панике[134].

После этого события булгары подписали мирный договор, по которому каждая из сторон торжественно клялась воздерживаться от любого акта агрессии по отношению к противоположной. На

деле же, однако, обе стороны сразу стали готовиться к продолжению борьбы. Телериг каким-то образом удалось добыть список византийских секретных агентов в Булгарии, и он приказал убить их всех, после чего император Константин направил свою армию против булгар[135]. И только его непредвиденная смерть от пароксизма малярии в начале кампании (755 г.) спасла Булгарию от византийского вторжения. Булгарам, однако не удалось извлечь никакой пользы из этого счастливого для них события, поскольку на них накатилась новая волна внутренних беспорядков, а в 777 г. хан Телериг вынужден был бежать в Константинополь, где он сразу же окрестился и женился на греческой девушке[136]. Больше ему никогда не предоставлялось случая вернуться в родную страну.

Затем наступило десятилетие мира между Византией и Булгарией, за которым последовали новые столкновения с переходным успехом для каждой из сторон. В 797 г. императрица Ирина села на трон, после того как ее сын Константин VI был арестован и ослеплен[137]. Несмотря на это жестокое деяние, она проявила миролюбивый характер в международной политике, и ей удалось восстановить мир во Фракии. Не беспокоясь о возможной угрозе со стороны Византии, булгары перенесли свое внимание на среднедунайские проблемы. Пока аварская орда, сосредоточившаяся в Паннонии, была достаточно ослабленной, можно было удерживать ее земли вплоть до конца восьмого века, когда перед лицом встала угроза со стороны франков. В 791 г. Карл Великий после нанесения ряда поражений аварам проник на восток вплоть до Рааба. В 796 г. его сын Пипин разгромил аваров на берегах реки Тисы, захватив штаб-квартиру хана и огромную добычу. Чтобы защитить Франкское королевство от возможных в будущем набегов аваров, франками была образована новая приграничная область, известная как Ostmark (Австрия)[138].

Принятие Карлом Великим императорского титула (800 г.) было событием громадного значения для дальнейшего развития международной политики в Европе, и оно имело также большой отзвук на Ближнем Востоке. Теоретически, Карл Великий возродил Римскую империю; в действительности воэникло новое политическое образование - Священная Империя Германской Нации[139]. Можно было бы ожидать, что новая империя не будет признана византийским правительством, поскольку, согласно византийской доктри-

не, Римская империя никогда не умирала и продолжала существовать в Константинополе, "Новом Риме". Однако, императрица Ирина, которая в то время представляла Новый Рим, была не в том положении, чтобы остановить Карла Великого, и она выбрала компромисс [140]. Действия Карла Великого, завоевателя аваров, внушавших некогда страх, и множества западно-славянских племен, произвели глубокое впечатление и на южных славян. Предполагается, что славянское слово "краль", "король" - не что иное как транслитерация имени Карла[141].

Что же касается франко-аварской войны, то булгары не замедлили воспользоваться ослаблением аваров. Как мы видели[142]., после распада Великой Булгарии одна из булгарских орд мигрировала в Паннонию и покорилась аварскому кагану. Теперь эти паннонские булгары восстали против своих господ и вступили в связь со своими балканскими родичами. В 803 г. авары подверглись нападению с двух сторон: Карл Великий обрушился на них с запада, а булгарский хан Крум - с востока. Война окончилась полным уничтожением Аварского каганата, его владения были поделены между франками и булгарами[143]. Последние заняли оба берега Дуная вверх по течению до устья Тисы. Выше Тисы левый берег удерживался франками, в то время как славянские племена, жившие на правом берегу вплоть до устья Дравы, признали над собой господство хана Крума, которому к 805 г. удалось очистить свои новые владения от остатков аварской орды.

8. Византия и булгары в период правления хана Крума

Падение Аварского каганата произвело мощное воздействие на весь славянский мир. Предание об этом было живо еще в одиннадцатом веке, и составитель первой русской летописи включил в свою рукопись следующее замечание: *"Обры (т. е. авары) были велики ростом и горды духом, и Господь сокрушил их, и все они сгинули, и ни один из них не выжил. И до сих пор на Руси есть поговорка, которая звучит: "Они сгинули, как обры"*[144].

Вполне естественно, что благодаря своей победе над аварами, хан Крум[145] воспринимался балканскими славянами как преемник

некогда внушавшего страх аварского кагана, и булгары, действительно, стали в какой-то степени политическими наследниками аваров. Согласно византийскому лексикографу десятого века Suidas, после победы над аварами булгарская знать стала носить одежды в аварском стиле. Suidas также сообщает нам, что Крум спрашивал совета у аварских пленников относительно законодательства[146]. Владения Крума простирались теперь далеко на север. Течение реки Тисы обозначало границу между франкским и булгарским государствами. От верховьев Тисы булгарская линия границы поворачивала на восток, а на восточных Карпатах доходила до верховьев реки Прут. Затем она шла вниз по течению Прута на юг до Леово, где снова сворачивала на восток, пересекая Бессарабию, до реки Днестр. Эта наземная линия границы через Бессарабию была укреплена рвом и земляным валом[147]. Продолжаясь вдоль течения нижнего Днестра, граница доходила до Черного моря в устье Днестра. Следует заметить, что земли Молдавии и южной Бессарабии, включенные в булгарское государство, веками были населены - хотя бы частично - антами. В южной Бессарабии, вероятно, был размещен сильный булгарский гарнизон для наблюдения за перемещением мадьяр и славян в районе Днепра.

Установление булгарской власти над вновь приобретенными территориями к северу от Дуная и укрепление северной границы, видимо, потребовало нескольких лет. Одновременно хан Крум уделял много внимания как реорганизации армии, так и административным реформам, имеющим целью ослабить булгарскую аристократию - бойлов. Поэтому он решил увеличить роль своих славянских подданных, и при его дворе появилось несколько славянских старейшин (жупанов), которым были доверены разнообразные полномочия. Один из них, Драгомир, был посланником Крума в Константинополе в 812 г. Славянский язык был широко распространен при штаб-квартире Крума, и говорят, что на пирах он обычно произносил тост за здоровье гостей по-славянски[148]. Трудно составить себе четкое представление о законодательстве Крума из положений Suidas, но ясно, что в его планы входило ограничение власти аристократии над простыми людьми. Таким образом, согласно Suidas[149], Крум приказывал богатым оказывать помощь бедным под угрозой конфискации их владений. Тем, кто укрывал "воров", грозила такая же расправа, как и над самим "вором",

еще одному его закону, который, видимо, был направлен не столько против мелких воров, сколько против политических преступников, и который, в таком случае, мы можем истолковать как попытку остановить ставшие обычными междуусобицы между знатью[150]. Что касается армии, она теперь была усилена за счет включения в нее регулярных славянских частей, однако, командовали ими булгарские офицеры.

Война с Византией началась в 807 г. и шла с переменным успехом, но в целом, преимущество было на стороне булгар. В 809 г. сдалась сильная византийская крепость Сардика (современная София). Среди пленников наиболее ценным оказался арабский инженер, который согласился поступить на службу Круму и занялся строительством машин, необходимых для осады крепостей[151]. Чтобы отомстить за потерю Сардики, император Никифор осадил булгарскую столицу Плиску, которая была взята и разрушена, а большинство жителей - убиты (811). После этого, однако, византийская армия была окружена булгарами в узком горном ущелье и наголову разбита. Сам Никифор погиб в бою, и Крум приказал сделать кубок из черепа императора[152]. Кубок был отделан серебром, и хан-победитель пил из него на пирах. На следующий год булгары двинулись на Константинополь, им удалось захватить несколько крепостей внешней линии обороны, защищавшей византийскую столицу. Не рассчитывая взять город осадой или штурмом, Крум предложил мир, основанный на условиях договора 716 г., которые были вполне разумными, но, несмотря на свое здравомыслие, новый император Михаил I отклонил предложение. Тогда Крум решил захватить важную крепость Месембрию на берегу Бургасского пролива, которая стала бы для иего плацдармом для дальнейших действий. Захватив крепость при помощи осадных машин, булгары взяли много добычи, в которой оказался запас секретного состава "греческого огня" и тридцать шесть пламеметательных аппаратов[153]. В 813 г. Крум вновь подошел к Константинополю. К этому времени произошла новая перемена на византийском троне, который занял лукавый Лев Армении. Он изобразил готовность заключить мир, но потребовал частной беседы с Крумом, намереваясь вероломно схватить его во время встречи. Однако, умысел не сработал, и разъяренный хан отомстил тем, что опустошил окрестности столицы[154]. Затем Крум переместил свое

внимание на город Одрин (Адрианополь), который был уже окружен булгарами, но все еще держался. Когда хан приказал подвести осадные машины близко к стенам, жители города сдались, еще и потому, что у них больше не оставалось пищи. Город был разрушен, а оставшееся население, около десяти тысяч семей, было отправлено на север в Бессарабию. Среди этих депортированных был архиепископ Мануил и несколько византийских государственных чиновников с семьями, включая родителей будущего императора Василия I. Поскольку Адрианополь относился к македонской феме (военному округу), та часть Бессарабии, в которую жители Адрианополя были переселены, тоже стала носить название Македония[155]. Переселенцев вооружили и организовали из них пограничную охрану для защиты границы от мадьярских набегов. А вместо того в районе Адрианополя были расселены славяне.

Под натиском булгар византийское правительство решило обратиться к франкскому королю Людовику I за помощью. Поэтому к нему были направлены посланники для переговоров о военном союзе Западной и Восточной империи против булгар[156]. До того как византийские посланники прибыли к месту своего назначения, в Константинополе были получены сведения о смерти хана Крума. Наводящий ужас хан скончался от удара 13 апреля 814 г.[157].

9. Политика булгар при хане Омортаге (814 - 831 гг.)

Наследником Крума был его юный сын Омортаг. Пользуясь его юностью и неопытностью, бойлы захватили бразды правления. Их наиболее выдающимся лидером был Чок (Τζόκος)[158]. Бойлы представляли консервативную булгарскую партию, враждебную христианству, а также, видимо, и славянству. Начались гонения на христиан, и многие из них были убиты, среди них - архиепископ Мануил, бывший архиепископ Адрианополя. Правящие бойлы, однако, оказались достаточно мудры, чтобы восстановить дружественные отношения с Византийской империей, и зимой 816 г. они заключили мирный договор сроком на тридцать лет с условием его обновления каждые десять лет [159]. По условиям договора крепость Сардика была возвращена империи.

После этого внимание булгарского правительства обратилось на север. Согласно надписи, датируемой периодом между 818 и 820 гг.[160], булгарский копан (титул, который, вероятно, соотносится со славянским "жупан") по имени Окорс из клана Чакагар утонул в Днепре во время военной кампании. Из этого мы можем заключить, что булгары в то время предприняли кампанию, а возможно, и несколько кампаний против мадьяр и днепровских славян. Название клана, к которому принадлежал утонувший булгарский вождь, - Чакагар (это - множественное число) - можно сопоставить с именем Чок. В связи с этим следует заметить, что такое же имя сохранило древнее киевское предание, записанное в первой русской летописи[161]. Согласно киевской легенде, одного из трех братьев, основавших Киев, звали Щок (двое других - Кий и Хорив)[162]. Это имя со всей очевидностью схоже с булгарскими именами Чок и Чакагар. Естественно, возникает вопрос: не могли ли булгарские вожди (а может быть, и сам Чок или кто-то из его клана) дойти до Киева во время булгарской кампании того времени?

В начале царствования Омортага был построен новый дворец в древней ханской столице Плиске[163], чтобы занять место разрушенного греками в 811 г. Позднее Омортаг решил перенести свою ставку дальше на юг, ближе к балканским горным проходам, чтобы иметь лучшие позиции для наблюдения за событиями в Южной Фракии. Для этого, был построен новый дворец на берегу реки Тунцы, притока реки Доцин, которая впадает в Черное море южнее Варны. Строительство завершилось к 821 г., и новая столица получила славянское название Преслав[164].

Омортаг поддерживал дружественные отношения с империей и смог оказать ей ценную помощь во время восстания Фомы Славянина (821 - 823 гг.)[165]. Бунт Фомы явился результатом дворцового переворота, имевшим место в Константинополе в 820 г., когда император Лев V был убит капитаном своей гвардии, провозгласивший себя императором под именем Михаила II. Несмотря на то, что большинство государственных сановников и военачальников признали узурпатора, Фома отказался это сделать. Он командовал одним из корпусов византийской армии в Малой Азии, который состоял, главным образом, из славян, выходцев из тех славян, что поселились в Вифинии в восьмом веке[166]. Возможно, и

сам Фома был славянского происхождения. Его мятеж поддержали и некоторые другие военные корпуса, расположенные в Малой Азии, а также грузины и армяне. Ему также удалось воспользоваться недовольством части духовенства, да и населения, иконоборческой политикой константинопольского правительства, и он провозгласил своей главной целью восстановление почитания икон. Другой стороной восстания Фомы была социальная революция. Его поддержали крестьяне, большинство из которых стало к тому времени рабами.

Поскольку у него в подчинении была часть византийского флота, Фома мог осадить Константинополь как с моря, так и с суши. Как только он пересек Босфор, толпы македонских и фракийских славян ринулись под его знамена. При таком положении дел император Михаил II запросил хана Омортага о помощи[167]. Последний, вероятно, сам был глубоко озабочен распространением революционного духа среди своих славянских подданных, и поэтому был готов угодить императору, послав булгарскую армию ему на помощь. В то время как булгары занялись сухопутными войсками Фомы, его флотилия была разбита той частью флота, что оставалась в распоряжении императора. Таким образом, неудавшаяся революция подошла к концу. Сам Фома был взят в плен и казнен[168].

Тем временем внимание булгар переместилось на северо-запад, где возникала угроза серьезных осложнений в отношениях с франками. Как мы видели[169], после падения аварского ханства славянские племена в Сремском регионе между Савой и Дунаем признали власть булгарского хана. Хорваты, однако, чьи поселения находились к западу от Срема, подчинились франкам. По-видимому, ни одна из этих двух славянских групп не была довольна своими сюзеренами, поскольку в 818 г. сремские племена попросили императора Людовика принять их под свое покровительство, в то время как в 819 г. хорватский князь Людевит восстал против него[170]. Затем сремские вожди решили присоединиться к Людевиту, и казалось, будто возникает новое хорватско-сремское государство, но через несколько лет франкам удалось подавить восстание Людевита, и как Хорватия, так и Срем были оккупированы франками (822 г.)[171].

Здесь булгары, считавшие, что Срем находится в сфере их влияния, заявили свой протест. Переговоры между Омортагом и Лю-

довиком тянулись несколько лет, но франки не желали делать никаких уступок, и между ними в 827 г. началась война[172]. Булгарские войска на кораблях отправились вверх по Дунаю и Драве. Славяне изгнали франкскую администрацию, которая была заменена представителями булгар. Франки вернулись на следующий год, но лишь для того, чтобы быть изгнанными опять, после чего они согласились заключить мир. В 832 г. булгарских посланников принял Людовик, и мирный договор был заключен, точные условия которого неизвестны[173]. В любом случае район Срема остался под контролем булгар, и именно с этого времени древняя крепость Сингидун на месте слияния Савы и Дуная стала известна под славянским названием Белград.

10. Политический кризис в северном Причерноморье, (831 - 839 гг.)

Теперь нам снова следует обратить внимание на Русский каганат. К сожалению, сведения об этом периоде чрезвычайно скудны. Арабские географы уделяли мало внимания истории каганата, а ко времени, когда Константин Багрянородный писал свою книгу центр Руси переместился из азовского региона в Киев.

Можно предположить, что после захвата хазарами города Дорас в Крыму около 787 г., византийское правительство попыталось использовать русских против хазар[174]. Как бывало неоднократно, варварский народ, вовлеченный византийской дипломатией в водоворот международной политики с целью использования его империей, позднее при первой же возможности нападал на владения империи. Именно так и произошло в Крыму после 787 г. Русские помогли изгнать хазар из Дораса и захватили Сурож (Сугдея), и тем самым стали представлять опасность для всех византийских владений в Крыму[175]. В течение нескольких лет византийское правительство было не в состоянии отомстить, поскольку до 815 г. империя была вовлечена в гибельную борьбу с дунайскими булгарами. Затем восстание Фомы Славянина явилось угрозой самого ее существования, а после того была еще и война против арабов.

Только во время правления императора Феофила (829 - 842 гг.) византийское правительство оказалось в состоянии уделить больше

внимания русской проблеме, и даже тогда инициативу взяли на себя хазары, которым немало беспокойств доставлял рост мощи Руси. Около 833 г. хазарский каган направил посланников к императору Феофилу с просьбой прислать опытных инженеров для строительства крепости на Дону, необходимой для защиты от врагов[176]. К сожалению, ни автор продолжения хроники Феофана, ни Константин Багрянородный, записавшие этот эпизод, не объяснили, что за враги имелись в виду. Некоторые современные исследователи этой проблемы предполагали, что это печенеги, другие готовы были видеть в них мадьяр[177]. Однако, набеги печенегов достигли своей кульминации значительно позже, а мадьяры во время хазарского посольства были все еще вассалами кагана. Поэтому нам следует согласиться с такими учеными, как Дж. В. Бери[178] и А. А. Васильев[179], которые отождествляли хазарских врагов с русскими (русами). Однако я не могу принять мнение этих ученых, что русские, о которых идет речь, были новгородскими варягами. Намного более правдоподобным представляется то, что русские, против которых хазары хотели выстроить крепость, были азовскими русами. Укрепление было необходимо, чтобы преградить им путь от Азовского моря к Волге; возможно также побочной целью было перерезать линии связи с их родичами в Северной России, которые, однако, пока еще не контролировали Новгород.

Император Феофил согласился помочь хазарам и послал к ним внушительную экспедицию, во главе которой стоял spatharocandidate Петронас Каматерос[180]. Флотилия Петронаса направилась в Херсонес (Корсунь), где к ней присоединилась еще одна эскадра, посланная из Пафлагонии. В Херсонесе материалы были перегружены на корабли меньшего размера, на которых войска и инженеры переплыли через Керченский пролив и через Азовское море к устью Дона, а затем вверх по Дону к месту, выбранному для строительства крепости, в устье реки Цимлы, около современной станицы Цимлянская. Крепость была построена на левом берегу Дона[181]. Центральный замок был из белого камня, в то время как внешняя стена была кирпичной с валунами, использованными под фундамент. Кирпичи изготавливались здесь же на месте в печах для обжига, выстроенных византийскими умельцами.

Крепость стала называться Саркел, что по-угорски значит "Белый Дом"[182]. Русские летописцы называют ее "Белая Вежа"[183].

Возможно, что крепости меньших размеров были построены вдоль Дона как вверх, так и вниз по течению.

Завершив свою миссию, Петронас представил своему правительству общий отчет, в котором подчеркнул желательность укрепления власти империи в Крыму, направив туда военного правителя - стратега. Такой план был утвержден императором Феофилом, и сам Петронас был назначен на этот пост с титулом "Военный Правитель Климатов", как называли горные районы Крыма, населенные готами[184]. Город Херсонес, который имел самоуправление со времен Юстиниана II[185], теперь подчинялся новому правителю.

Мы можем предположить, что вскоре русские снова болезненно ощутили давление, оказываемое на них, и выразившееся как в строительстве Саркела, так и в укреплении военной власти империи в Крыму, и, вероятно, поэтому они решили отправить посланников в Константинополь для переговоров. Русское посольство прибыло в имперский город где-то в 838 г.[186]. Ничего не известно о ходе переговоров, но ясно, что они зашли в тупик, поскольку посланникам не было дозволено вернуться домой, вместо того, под каким-то подходящим предлогом они были отправлены на запад. Можно предположить, что император не желал делать русским никаких уступок, поскольку не в его интересах было ссориться с хазарами.

А предлогом, под которым посланникам воспрепятствовали отправиться домой, стало опасное положение, которое создалось на их обратном пути из-за нападений каких-то варварских племен. Вероятно, здесь имелось в виду появление мадьяр на нижнем Дунае. Все это было связано и с проблемами, возникшими у булгар. В 836 г. подошло к концу второе десятилетие с момента подписания мирного договора между Византией и булгарами, а, согласно условиям первоначального договора, он должен возобновляться каждые десять лет[187]. Получилось так, что договор не был возобновлен в 836 г., и что булгарский хан Маламир, преемник Омортага, захватил Сардику и развязал кампанию против Салоника. Согласование событий и их хронологии не вполне осуществлено из-за некоторой путаницы в источниках[188]. В любом случае, достаточно четко установлено, что в конце 830-х гг. отношения между византийским правительством и булгарами были напряженными,

и что первые начали вести тайные переговоры с македонцами, которые были депортированы ханом Крумом из Адрианополя в Бессарабию[189]. Теперь они стремились возвратиться на прежнее место жительства. С целью переправить их обратно император Феофил отправил флотилию кораблей к устью Дуная. Поскольку основная армия булгар в это время была втянута в салоникскую кампанию, у них не хватало сил, чтобы воспрепятствовать изгнанникам добраться до кораблей, посланных для их спасения, и булгары пригласили из-за Днестра мадьярскую орду, чтобы та напала на изгнанников. Однако, те были хорошо организованы и отразили атаку мадьяр[190]. После этого "македонцы" сели на корабли и благополучно добрались до Константинополя, в предместьях которого им были выделены земли для расселения.

Вероятно, это и есть те самые тревожные события, которые послужили византийскому правительству предлогом, чтобы не позволить русским посланникам проследовать домой. Их обязали, вместо того, присоединиться к византийскому посольству, которое при таком стечении обстоятельств было направлено к императору Людовику I в Ингельхейм. О прибытии этого посольства записано в "Бертинских Анналах" под датой 17 января 839 г.[191], а резюме содержания письма, отправленного с посольством Феофилом Людовику, там, где оно касается русских посланников, гласит следующее: "*Он (Феофил) также направляет вместе с ними (византийскими посланниками) неких людей, которые заявляют, что их племя зовется русь и что их правитель называется каганом (Chacanus); он (Феофил) просит императора (Людовика) позволить им вернуться домой через его владения, поскольку дороги, по которым они пришли в Константинополь, перерезаны дикими и жестокими племенами, и он не хочет, чтобы они подвергались опасности, если будут возвращаться тем же путем*".

Согласно летописцу, эти люди (русские посланники) были шведами по происхождению (eos gente esse Suenorum). Посчитав их подозрительными, франкский император приказал арестовать их для более полного расследования. Мы можем предположить, что это действие было следствием тайного совета из Константинополя.

Глава VIII

ОБРАЗОВАНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ (839 - 878 гг.)

1. Русские племена в девятом веке

"Повесть временных лет", составленная в двенадцатом веке на основе первой летописи одиннадцатого века, открывается общим этнографическим и географическим введением, после которого записи расположены в хронологическом порядке. Во вступительной части составитель "Повести" ведет речь в общих словах о тех местных славянских племенах, которые относятся к русским. Однако, не дается исчерпывающего обзора; приводится несколько перечней племен, и из них ни один не совпадает с каким-либо другим. Поэтому вероятным представляется, что составитель "Повести" имел в своем распоряжении ряд источников, сведения из которых он не систематизировал, а также, что он распределял определенные племена по группам в соответствии с общей для них определенной исторической почвой.

Давайте рассмотрим с этой точки зрения два перечня русских племен на листе 4 и листе 6 Ипатьевского списка, соответственно[1]. Первый перечень включает в себя следующие названия: поляне, древляне, дреговичи, полочане, словене (новгородские) и северяне. К этой цепочке следует добавить кривичей, поскольку полочане представляют собой лишь ветвь этого племени. Смоленск был главным городом кривичей. Вообще, в этот перечень включены

племена Западной и Северной Руси. Второй список - следующий: поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи, хорваты, дулебы, уличи и тиверцы. Стоит заметить, что здесь названы племена Центральной и Юго-западной Руси.

Сравнив оба этих перечня, мы можем убедиться, что как в один, так и в другой включены три племени: поляне, древляне и северяне. Все три жили либо в районе Киева, либо близко к нему. Поэтому мы можем предположить, что оба перечня были составлены летописцами, которые в каждом случае начинали свой обзор племен с Киева. Если же мы теперь рассмотрим те племена, которые не совпадают в перечнях, а упоминаются лишь в каком-то одном, то можем говорить о двух группах русских племен: северо-западной и южной. Хотя перечни составлены в одиннадцатом веке, нет сомнений в том, что большинство из упомянутых в них племен существовали значительно раньше. Мы видели[2], что Прокопий, историк шестого века, дает названия двух главных славянских групп: склавене и анты. Однако, каждая из них, вероятно, состояла из ряда более мелких групп, и сам Прокопий говорит в одном случае о "неисчислимых племенах антов"[3]. Иордан, которому известны и склавене, и анты (как и венеты на севере), тоже утверждает, что названия славянских племен варьируются в разных кланах и местностях[4]. К сожалению, ни он, ни Прокопий не взяли на себя труда дать хотя бы пробный перечень этих меньших племен и кланов.

Если обратиться к византийским источникам восьмого и девятого веков, то найдем сведения, касающиеся только балканских славян. Мы уже встречали некоторые из этих племен, когда вели речь о южной экспансии дунайских булгар[5]. Теперь нам следует более тщательно рассмотреть их названия. Согласно хронике Феофана Исповедника, когда булгары начали наступление во Фракию в конце седьмого века[6], сначала они завоевали северян (Σεβερειζ) и семь кланов (ἑπτα γενεαί)[7]. Название "северяне", несомненно, соответствует названию одного из русских племен, упомянутых выше. Что же касается семи кланов, то, на мой взгляд, они могут быть идентифицированы с одним из двух русских племен - радимичами или вятичами. Примечательно, что русские радимичи и вятичи жили в непосредственной близости от русских северян, так же как и балканские северяне и семь кланов. Более того, если

мы обратимся к археологическим свидетельствам, то надо сказать, что среди древностей радимичей и вятичей были обнаружены характерные семилепестковые подвески. Каждый лепесток подвески у вятичей имеет форму продолговатого щита, в то время как у радимичей - треугольную форму[8]. С моей точки зрения, эту подвеску можно рассматривать как эмблему племени, а количество лепестков показывает, что племя состояло из семи кланов, как и балканские семь кланов. Следует также заметить, что в то время как названия русских племен повторяются на Балканах, названия же ни вятичей, ни радимичей вовсе не упоминаются, и это создает вероятность того, что два эти племени, или, по крайней мере, одно из них, было представлено на Балканах семью кланами. Стоит отметить, что семь было сакральным числом у иранцев, а древнее иранское название крымского города Феодосия, например, - Абдарда, что означает "семь сторон"[9].

К югу от балканских северян и семи кланов в Родопских горах находились места поселения племени дреговичей. Одним из участников церковного Собора в Константинополе в 879 г. был епископ Петр из дреговичей (ο'Δρυνγβιτιαζ)[10]. Поляне и смоляне (Σμολαίνοι или Σμολεάνοι) упоминается среди македонских племен десятого века[11]. Известно, что племена полян, кривичей и древлян заселяли Пелопоннес[12].

Совпадение названий племен балканских и русских славян не может быть случайным. Ясно, что балканские и русские племена, о которых идет речь, представляют собой разные ветви одних и тех же первоначальных племен. Некоторые из них, должно быть, принадлежали к склавенской группе, другие к антам. Во времена Прокопия как склавене, так и анты занимали обширные районы к северу от нижнего Дуная. Позднее часть из них двинулась на юг, во Фракию и Македонию. В результате последующих событий, особенно вторжения аваров, анто-славянское объединение на нижнем Дунае было расколото; та часть каждого племени или группы племен, что отправилась на юг, оказалась подчиненной либо Византии, либо булгарам, другие же, отправившиеся на север, со временем стали членами киевско-русского союза.

Теперь нам следует определить, хотя бы в виде эксперимента, какие из славянских племен принадлежали к склавенской группе, а какие - к антской. Если начать разговор с балканских племен,

то, по моему мнению, как северяне, так и семь кланов относились к антской группе. Свидетельством тому является их географическое положение в северо-восточной части Фракии, поскольку известно, что в шестом и седьмом веках анты занимали восточную часть нижнедунайской территории, а склавене - западную. Более того, само название "северяне" указывает на азовско-северокавказские связи этого племени, будучи иной формой названия "сабеиры", или "савиры", принадлежавшего булгаро-гуннскому народу на Северном Кавказе[13]. Если балканские северяне были антами, ими должны быть и русские, и если семь кланов следует идентифицировать с радимичами и вятичами, это значит, что русские племена, носящие такие же названия, тоже принадлежали к антской группе. Полян - как балканских, так и русских - следует тоже рассматривать как антское племя. В данном случае, само их название, видимо, является переводом названия антов, которое первоначально означало "степной народ"[14], то же самое, что и название "поляне"[15]. С другой стороны, такие племена как древляне, дреговичи, кривичи и смоляне были скорее склавенами, а не антами, поскольку на Руси эти племена образовали северо-западную группу, северное "острие" которой даже сохранило подлинное название склавен (новгородские словене). Характерно, что за перечнем северо-западных племен в "Повести временных лет" (первым из двух, рассматривавшихся в начале этой главки) следует такое замечание: "И так распростерся славянский народ" (и тако разыдеся словенск язык)[16].

Учитывая эти предварительные замечания, давайте теперь обратимся к обзору сферы распространения и образа жизни русских племен восьмого и девятого веков. К сожалению, свидетельства письменных источников на эту тему, как и на многие другие, очень скудны. Больше сведений можно получить из археологических данных, однако относительно нашего периода их не так много, значительная часть системно исследованных славянских курганов и городищ относятся к более позднему времени - с десятого по тринадцатый век[17]. Для удобства мы будем здесь рассматривать происхождение русских племен, группируя их по географическим областям следующим образом: а). Юго-западная область; б). Юго-восточная область; в). Запад; г). Лесной район Припяти и д). Север.

а). ЮГО-ЗАПАДНАЯ ОБЛАСТЬ.

Мы включаем в эту область правобережную Украину (без Волыни и Галиции) и Бессарабию, то есть территорию от Прута на западе до нижнего Днепра (ниже Киева) на востоке. Это родина западной группы антов в шестом веке. К концу восьмого века мадьяры проникли в район нижнего Буга. Даже после этого отдельные поселения антов, возможно, остались на своих землях, но вообще граница между территорией, контролировавшейся мадьярами, и землями антов проходила по линии от Тирасполя на нижнем Днестре к устью Роси на Днепре. Мадьяры в девятом веке жили к востоку от этой линии, а славяне - к западу.

В девятом и десятом веках в юго-западной области, о которой сейчас идет речь, проживали следующие русские племена: поляне, уличи и тиверцы. Поляне к этому времени занимали большую часть Киевской области, тиверцы - южную часть Бессарабии, а уличи - северную Бессарабию и южную часть Подольской области.

Само название, тиверцы[18], возможно, происходит от названия крепости Тура (Tvra, Turris), в которой император Юстиниан I разместил одно из антских племен, видимо, предков тиверцев[19]. Название Тура, конечно, некоторым образом связано с античным названием Днестра Тирас (Τύρας), который упоминается Геродотом. Греческая буква (ипсилон), очевидно, использовалась, чтобы передавать звук, чуждый греческому языку. Первоначальное название происходит от иранского корня (tur или tvr)[20]. Следовательно, тиверцы (или турцы) были днестровским племенем.

Что касается уличей[21], в разных летописях их имя читается поразному (уличи, улучи, угличи, улутичи, лютичи, лучане). Некоторые исследователи предпочитают форму "угличи", которую они выводят из русского слова "угол" и предполагают в соответствии с этим, что родина "угличей" находилась в южной части Бессарабии, известной как "Угол" (Ὄγγλος) между Прутом и нижним Дунаем[22]. На первый взгляд, такое объяснение представляется правдоподобным, но против него есть несколько соображений. В первую очередь, в так называемой "Никоновской летописи" упоминается город уличей, Пересечень. Этот город, должно быть, располагался не в южной части Бессарабии, а в ее центре, к северу от Кишинева[24]. Более того, "Никоновская летопись" говорит также, что изначально уличи жили в районе нижнего Днепра, а к западу

от Днестра они двинулись позднее[25]. "Никоновская летопись", однако, является поздней компиляцией (шестнадцатый век). Но вот еще одна причина, чтобы не помещать уличей в бессарабский "Угол": он с шестого века был занят тиверцами[26]. Таким образом выясняется, что форма "угличи" не имеет достаточных оснований, а форма "улучи" или "уличи" оказывается предпочтительней. Название "улучи", возможно, происходит от русского слова "лука"[27]. В этой связи мы можем вспомнить излучину черноморского побережья между устьями Днепра и Днестра. Именно сюда Иордан помещает антов. *"Antesvero...qua Ponticum mare curvatur, a Danastro extenduntur ad Danaprum"*[28]. Улучи-анты во второй половине шестого века подвергались набегам кутригуров и аваров и, вероятно, были оттеснены в глубь материка, потеряв на какое-то время выходы к морю, но позднее, в седьмом и восьмом веках, они, должно быть, вновь появились на черноморском побережье. К концу восьмого века территорию нижнего Буга заняли мадьяры, которые веком позже, в свою очередь, вынуждены были двинуться на запад, чтобы дать место печенегам, теснящим их с востока.

Поляне[29] в то время, когда составлялась первая русская летопись, населяли район Киева. В седьмом и восьмом веках, однако, место их обитания было, вероятно, на юге. Поскольку территория нижнего Буга в то время занималась улучами, мы можем определить место жительства полян в районе Ингула. Вероятно, они также контролировали устье Днепра. Даже в десятом и одиннадцатом веках Олешье в устье Днепра служило киевским (т. е. полянским) купцам перевалочным пунктом на их пути в Константинополь[30]. С приходом мадьяр - в конце восьмого века - поляне отступили на север, в район Киева, который до этого, по всей видимости, был занят древлянами. Племенное имя полян (как и древлян), возможно, дано им, или принято ими как указание на природу страны, в которой они жили изначально. Как мы уже отмечали, название "поляне" означает "полевой (степной) народ". Мы можем вспомнить в связи с этим некоторые другие племенные имена сходного происхождения: езериты ("озерный народ"), поморане ("прибрежный народ"), доляне ("долинный народ")[31]. С другой стороны, названия "полянин" и "древлянин" могут иметь отношение к предыдущим политическим связям каждого из этих двух племен, соответственно. Мы знаем[32], что одно из готских племен называлось

гревтунги, что точно соответствует славянскому названию "поляне"; название другого готского племени, тервинги, имеет то же значение, что и "древляне". Мы можем предположить, что во времена готского владычества - в третьем и четвертом веках - предки полян были подчинены гревтунгам, а древлян - тервингам.

Теперь обратимся к археологическим свидетельствам. Древности как уличей, так и тиверцев исследованы недостаточно. Район их первоначального поселения позднее "наводнялся" различными кочевыми племенами, главным образом тюркского происхождения, поэтому следов двух этих антских племен могло остаться немного и еще меньше обнаружено фактически. Автор первой летописи говорит, что в его время (одиннадцатый век) некоторые города уличей и тиверцев все еще существовали (суть грады их до сего дня)[33]. Ряд курганов, облицованных камнем, были раскопаны в южной части Подолии, они предположительно определяются как уличские. В этих курганах были обнаружены сосуды с останками, сожженные кости, вот почти и все[34].

Больше материалов дали различные городища Киевской области[35], на север которой поляне переместились позднее, но на юге области поселения полян, видимо, существовали в ранний период. Некоторые из этих городищ, такие как Пастер и Матронино в Черкасском районе, существовали с глубокой древности, и находки здесь иллюстрируют, главным образом, ранний этап культуры - стадию захоронения в урнах[36]. В городище Пастер были обнаружены при раскопках украшения - подвески, стилизованные изображения лошадей и т. д., - которые можно отнести к периоду пятого-шестого веков, но с ними имеют сходство другие предметы более поздних периодов, даже одиннадцатого века[37]. В некоторых других городищах Киевской области, таких как, в частности, Княжья Гора в устье реки Рось, ранняя (пятого-шестого веков) и поздняя (десятого и одиннадцатого веков) стадии культурного развития в равной мере представлены лучше, чем промежуточный период - девятого и десятого веков. Однако, поскольку между ранними и поздними находками обнаруживается сходство, как в стиле, так и в составе вещей, можно получить отчасти и представление о промежуточном периоде. Среди предметов, обнаруженных в этих городищах, стоит указать железные орудия и принадлежности, такие как ножи, топоры, гвозди, серпы, замки, обручи[38]. Ясно,

что производство изделий из железа находилось у полян на высоком уровне[39]. Следует добавить, что они были известны своим искусством ковки оружия, особенно мечей. Первая летопись содержит характерный рассказ об ответе полян хазарам, когда последние собирались потребовать с них дань. Поляне предложили заплатить мечами[40]. Вообще говоря, мы можем предположить, что культурный уровень полян был сравнительно высок даже в восьмом и девятом веках, хотя накопление богатств, драгоценностей и произведений искусства еще не достигло таких размеров, как это будет позднее, в десятом и одиннадцатом веках.

б). ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ОБЛАСТЬ.

Здесь мы ведем речь о территории к югу от реки Угры и ее продолжения, реки Оки. На западе эта территория ограничена, грубо говоря, течением Днепра вниз от Могилева; на востоке - течением Дона; на юге - Черным морем. Мы включаем также в эту территорию Азовский регион и дельту Кубани.

Во время составления первой летописи, т. е. в одиннадцатом веке, вся юго-восточная часть той территории, которую мы рассматриваем, контролировалась куманами, и только в устье Кубани Тмутараканский "остров" оставался в руках русских. В ранний период ситуация была иной, и мы уже имели достаточно свидетельств[41] для утверждения того, что в восьмом веке на нижнем Дону и в Приазовье были русские (асо-славянские) поселения. Возможно, также, что русские проникли и в Крым[42].

Первая летопись содержит названия трех юго-восточных русских племен, а именно: северо, или северяне, радимичи и вятичи. В одиннадцатом веке северяне[43] заселяли бассейны следующих восточных притоков среднего Днепра: Псёл, Сула и Десна с ее притоком Сеймом; это соответствует территориям Черниговской, Курской и северо-западной части Полтавской областей. Радимичи[44] населяли бассейн реки Сож, то есть левобережную часть Могилевской области. Вятичи[45] контролировали южную часть бассейна Оки и район верхнего Дона, охватывая территорию Орловской, Калужской, Тульской и Рязанской областей. Мы можем с уверенностью сказать, что в более ранний период земли этих трех племен простирались намного дальше на юго-восток, и племена были вытеснены на север только в результате печенежских и куманских набегов. Можно предположить, что в первой половине девятого

века северяне занимали весь бассейн Донца, а радимичи - Десны. Когда северяне были оттеснены на северо-запад от бассейна Донца печенегами, они, в свою очередь, вытеснили радимичей к северу от Десны в район Сожа. Что касается вятичей, мы можем предположить, что первоначально их поселения находились на Дону, по крайней мере, доходя на юге до Богучара[46]. У нас нет сведений о названии асо-славянского племени, которое заселяло в восьмом и девятом веках нижний Дон и Приазовье, но можно утверждать с большой степенью достоверности, что оно называлось русь или рось, поскольку в этом регионе в начале девятого века был основан Русский каганат[47].

Обратимся теперь к данным археологии. Древности северян, радимичей и вятичей в границах соответствующих территорий, которые они населяли в одиннадцатом веке, были достаточно тщательно исследованы. С другой стороны, славянские древности на территории Донца и Дона не были систематически изучены, что же касается нижнего Дона и Приазовья, то даже возможность существования там предметов славянской старины отрицается некоторыми учеными. Во всяком случае, ни одно из погребений на этой территории нельзя признать славянским, и на этом основании археолог Ю. В. Готье выразил мнение, что в докиевский период на нижнем Дону и в Приазовье славянских поселений не было[48]. Такое утверждение вызывает возражения. Argumentum a silentio имеет значительно меньше веса в археологических теориях, нежели точное свидетельство, особенно в отношении регионов, которые еще не были систематически исследованы. Мы можем согласиться, что пока еще не было найдено следов определенной культуры в том или ином регионе, но это вовсе не обязательно должно означать, что такие следы не будут обнаружены в будущем. Свидетельство может находиться как раз там, но пока оно остается погребенным, мы не знаем о нем. Нельзя было и предполагать о тех богатствах, что были накоплены антскими вождями шестого и седьмого веков, до того, как были обнаружены сокровищницы в Перещепине и Судже, а обе они были найдены совсем недавно, первая в 1911 г., а вторая в 1927 г.[49]. Более того, даже уже известные какое-то время предметы не всегда сразу можно адекватно идентифицировать; к примеру, некоторые древности Верхнего Салтова были отнесены Арендтом и Феттихом к мадьярской "культурной

сфере" только в 1934 - 1937 гг.[50]. Мы знаем также регионы, где существование славянских поселений точно подтверждается письменными источниками, но пока еще не археологическими находками. Так, нет сомнений в существовании племен уличей и тиверцев, но у нас слишком мало археологических свидетельств для подкрепления данных литературных источников. Нет сомнений в том, что Тмутаракань была в одиннадцатом веке русским городом, но кроме знаменитого камня с надписью князя Глеба[51], больше нет монументальных показаний, каким-либо образом иллюстрирующих расцвет там русской культуры[52]. Ввиду этих соображений мы едва ли станем отбрасывать свидетельства арабских источников, касающиеся славянского населения на нижнем Дону в восьмом веке[53].

Обратимся теперь к северянам[54]. Согласно материалам, обнаруженным в курганах северян десятого и одиннадцатого веков, наиболее распространенным погребальным обрядом у них была кремация. Однако, также известны курганы с погребенными останками. Некоторые курганы северян небогаты погребальным инвентарем. В них обнаружено небольшое количество серег, инкрустированных серебром и стеклом, пряжек и бус. Другая группа курганов значительно богаче. Среди находок в типичных курганах другого типа обнаружены височные кольца, сделанные из спирально скрученной проволоки, медные и железные крученые ожерелья, подвески к ожерельям - круглые и в форме полумесяца, браслеты, кольца, декоративные пластины для головных уборов в форме нимба. В некоторых северянских курганах, как и в городищах, было обнаружено оружие. В гочевском кургане Курской области был найден меч полянского типа[55]. Ввиду различия двух типов северянских захоронений было сделано предположение, что эти две группы представляют захоронения людей разного социального положения: знати и простых людей[56]. Возможно также, что различие это не экономического, а племенного характера.

Исследование древностей радимичей и вятичей[57] приводит к выводу, что, несмотря на некоторые частные различия, эти две группы имели много общего. Мы уже говорили (в начале главки), что семилепестковая подвеска характерна для древностей как радимичей, так и вятичей, хотя форма лепестка у этих племен разная. Мы повторяем, что либо одно из них, либо оба племени свя-

заны с семью кланами (ἑπταγενεαί) во Фракии. Подвеска была, видимо, эмблемой племени, символизирующей союз семи кланов в каждом случае, но и сами два племени были также тесно связаны. Согласно "Повести временных лет", племена эти были потомками двух братьев - Радима и Вятока (Вятко)[58]. Мы читаем, что эти два брата были поляками (лях), или жили среди поляков (в ляхах). Комментируя это утверждение и принимая в расчет возможность миграции отдельных западнославянских племен на восток вслед за падением Аварского каганата, А. А. Шахматов выстроил гипотезу о польском происхождении радимичей и вятичей[59]. Эта гипотеза не может быть поддержана, поскольку она явно противоречит существующим археологическим свидетельствам[60]. Поэтому нам следует исключить предположение Шахматова. Вполне возможно, что легенда о польском происхождении радимичей и вятичей была пущена в ход в то время, когда Киев был захвачен польским королем Болеславом I (1018 г.)[61]. Возможно также, что текст легенды, как он читается в "Повести временных лет", является искаженным. Согласно тексту, "было два брата среди поляков" (бяста два брата в лясех). Нельзя ли предположить, что в оригинальном тексте читалось "среди азов" (в язех) вместо "среди поляков" (в ляхах)? Во всяком случае, больше оснований к тому, что радимичи и вятичи происходят от асов, нежели от поляков. В вятичских и радимичских курганах десятого и одиннадцатого веков погребение, как похоронный обряд, преобладает над кремацией. Кремация очень редко встречается у радимичей, еще реже - у вятичей[62]. По-видимому, погребение было древним обычаем обеих племен. Теперь мы знаем, что этот обычай был также распространен у аланов (асов)[63]. Более того, сами имена двух мифических братьев, Радима и Вятока, возможно, имеют осетинское происхождение. Что касается имени "Радим", мы можем привести осетинское слово rad ("порядок", "линия"), а "Вяток" - осетинское jaetaeg ("вождь")[64].

Обычно вятичские курганы[65] невысоки - от 0,7 до 1,4 метра в высоту. Костяки расположены головой на север или северо-запад. Вероятно, мыслилось сориентировать голову погребенного в направлении заката, а изменение связано с временем года. Состав предметов в захоронениях довольно однообразен в большинстве курганов. Вот типичные предметы: семилепестковые височные под-

вески, бусы, крученые ожерелья, браслеты и кованые кольца и кресты, сделанные в ажурной технике. Кресты, видимо, были просто украшениями, и обнаружение их совсем не обязательно является свидетельством в пользу христианства[66]. В радимичских курганах[67] тело располагалось на специальном ложе из золы и земли, возвышавшемся на 0,5 м над уровнем почвы. Затем над похоронным ложем возводился сферический могильный холм. Тело всегда клали головой на запад. Для погребального убранства типичными являются семилепестковые височные подвески, кованые ожерелья и подвески к ожерельям.

в). ЗАПАДНЫЕ ЗЕМЛИ

В этом разделе речь пойдет о Западной Волыни и Галиции. Западная Волынь в восьмом и девятом веках была местом проживания дулебов, а Галиция, расположенная на северо-восточных склонах Карпатских гор, была родиной хорватов (кроатов)[68]. Югославский ученый Л. Гауптманн недавно сделал достаточно правдоподобное предположение о том, что хорваты являлись славянским племенем, находившимся под контролем аланского клана[69]. Другими словами (с нашей точки зрения), хорватов можно считать одним из племен асов или антов. Страна, которую они заселяли, называлась Белой Хорватией, а географически и этнографически она образовывала соединение русских, польских и чешских племен. Согласно Гауптманну, именно из Галиции хорваты (кроаты) перешли Карпатские горы в южном направлении и проникли сначала в бассейн верхней Эльбы (Лабы), а затем в район среднего Дуная, пока они, наконец, не осели к югу от этой реки. Часть этого племени, однако, осталась в Галиции и в конце девятого века признала над собой господство моравского князя Святополка[70]. В конце десятого века киевский князь Владимир, в свою очередь, заявил права на Галицию[71].

Что касается дулебов[72], то их история тесно смыкалась с историей хорват. Мы знаем, что во второй половине шестого века авары завоевали дулебов и вынудили часть из них мигрировать в Моравию. В основном же племя, однако, осталось в Волыни, переместившись немного на север вниз по Западному Бугу. Возможно, именно после этого они стали известны как бужане. Название дулебы - древнее. В перечне славянских племен из "Повести временных лет", приведенном в начале главки, есть замечание, определяющее место-

нахождение дулебов: страна дулебов там, "где ныне волыняне". Согласно Барсову, это замечание в "Повести временных лет" является вставкой более позднего переписчика, скорее всего, составителя краткого свода летописей в четырнадцатом веке[73]. Предположение Барсова вполне приемлемо. А если так, то название волыняне вошло в употребление в сравнительно поздний период. Это явно находится в противоречии со сходно звучащим названием Valinana, или Velinana, приведенным Масуди в главе о славянах (десятый век)[74]. Идентификация этого названия, упоминаемого Масуди, с волынянами вряд ли представляется возможной. Согласно Масуди, племя, которое он описывал, было наиболее мощным и древним среди славянских племен. К тому же нет других источников, из которых мы бы узнали о древнем славянском племени, носящем имя "волыняне". Поэтому Маркварт предполагает, что Масуди имел в виду антов в своей книге. Имя вождя племени звучит у Масуди как Майак. Маркварт пытается идентифицировать его с Мезамером (Безмером), антским князем шестого века, убитым аварами[75]. На мой взгляд, имя Майак следует скорее считать искаженной формой имени Боз (он же Буз) - правителя антов во время алано-готской войны конца четвертого века[76]. Во всяком случае, Velinana у Масуди вряд ли имеет какую-либо связь с русскими волынянами. Следует добавить, что само прочтение: Valinana (или Velinana) в тексте Масуди представляется сомнительным. В Лейденском манускрипте это название написано без диакритических знаков[77]; оно может быть прочитано несколькими разными способами, соответственно воображению комментатора: Veliamana, Veliamata, Velinamia и т. д. В рукописи труда Аль-Бакри (а Аль-Бакри пользовался оригиналом книги Масуди) название звучит как Velinbaba[78].

Археологические свидетельства также противоречат предположению, что волыняне, или даже их предшественники дулебы были достаточно сильным племенем, чтобы главенствовать над другими славянскими племенами. Состав вещей в волынских курганах достаточно беден. В некоторых курганах не было обнаружено погребального инвентаря. В тех случаях, когда находили утварь, она была представлена простыми кувшинами, деревянными ведрами, примитивными украшениями[79]. Волынские курганы - низкие. Преобладающим погребальным обычаем было захоронение, хотя известны также отдельные случаи кремации.

г). ЛЕСНОЙ РАЙОН ПРИПЯТИ

К северу от Припяти жили дреговичи, к югу - древляне. В десятом веке древляне[80] обитали в лесной и болотистой местности между течениями рек Ирши и Тетерева на юге и Припяти на севере. Однако, есть основания считать, что в более отдаленные времена, предшествовавшие отступлению полян от нижнего Днепра в район Киева вследствие натиска мадьяр, территория, занимаемая древлянами, распространялась значительно дальше на юг, чем в десятом веке. Возможно, тогда они контролировали киевские земли, по крайней мере район вокруг самого Киева; иными словами, их земли простирались до северной кромки степной зоны. Хотя само название "древляне" обозначает "древесный (лесной) народ", оно, видимо, как было сказано выше[81], скорее имеет отношение к политическим условиям, чем к природной среде, то есть оно, скорее всего, указывает на то, что они находились раньше в подчинении у готского племени тервингов. В любом случае, захоронения, подобные древлянским, были обнаружены при раскопках возле Киева[82]. Возможно также, что не позднее конца восьмого века часть древлян обосновалась к востоку от Днепра, откуда позднее они были вытеснены на запад, по ту сторону реки, племенами радимичей и северян. Конечно, все это догадки. Только древности, обнаруженные на территории, занятой древлянами в десятом веке, могут быть надежно определены как древлянские.

Были произведены раскопки более чем семи тысяч древлянских могильных холмов[83]. Они относятся к периоду с девятого по тринадцатый век. Преобладающим типом захоронения является погребение. Состав предметов небогат. Обиаружены были простые горшки, деревянные ведра, стеклянные бусы, серьги из бронзы или серебра низкой пробы. Среди других предметов, найденных при раскопках, можно указать на изделия из кремня, маленькие железные ножи, серпы, фрагменты шерстяной ткани и кожаную обувь. В целом уровень материальной культуры древлян девятого и десятого веков ниже, чем у полян. Была ли ситуация такой же в седьмом и восьмом веках, или благосостояние древлян оскудело после того, как они были вытеснены к северу от киевских земель? Трудно сказать.

В главе, посвященной славянам, Масуди упоминает мощное царство ад-Дир с большими городами и сильной армией[84]. Некото-

рые исследователи высказывали предположение, что название "ад-Дир" следует интерпретировать как личное имя, и царь ад-Дир идентифицировался со скандинавом Диром, который, согласно первой летописи, вместе с Аскольдом упрочился в Киеве около 860 г.[85]. Эта точка зрения вряд ли приемлема; более того, на мой взгляд, название "ад-Дир" следует интерпретировать скорее как племенное, а не личное имя. В таком случае, вероятно, Масуди имел в виду древлян. Древляне описаны в "Повести временных лет" как гордый и воинственный народ, несмотря на то, что ко времени составления этой летописи они были вытеснены в болотистую глушь. Если бы можно было подтвердить, что они контролировали Киев в седьмом-восьмом веках, то комментарий Масуди вполне подходил бы к ним.

Что касается дреговичей[86], они тоже погребали своих усопших. Состав вещей в захоронениях не впечатляет. Наряду с другими предметами были обнаружены филигранные бусы и височные подвески с частично совпадающими концами, которые согласно Готье[87], ближе к стилю украшений кривичей, чем радимичей; и это несмотря на тот факт, что последние жили прямо по ту сторону Днепра от дреговичей.

д). СЕВЕР

В северных и северо-западных землях было два главных племени: кривичи[88] и словене[89]. Кривичи заселяли верховья Днепра, Западную Двину и Волгу, контролируя таким образом важное пересечение речных путей. Словене, двигаясь на север от среднего Днепра[90], вероятнее всего, достигли берегов озера Ильмень не позднее шестого века, а город Новгород существовал, видимо, уже в шестом веке.

Судя по археологическим свидетельствам, кривичи имели много общего со словенами. Для тех и других типична была кремация усопших. Лишь в одиннадцатом веке, под влиянием христианских ритуалов, погребение распространилось среди кривичей.

Словенские курганы[91] обычно высокие, выше десяти метров. Жители Новгородской и Псковской земель, как правило, называли курганы подобного типа сопками[92]. Наиболее ранние сопки относятся к седьмому веку, и в одной из них была обнаружена сасанидская монета, датированная 617 г. н.э.[93]. Однако, большинство сопок относятся к восьмому и девятому векам. Состав предметов,

найденных в них при раскопках, небогат. Керамика и обгорелые кости животных и людей составляют находки.

В районе Смоленска - на территории распространения кривичей - большинство могильных холмов ниже и меньше по размерам, чем словенские курганы. Наиболее важным местом сосредоточения кривичских курганов является Гнездово[94]. Большинство гнездовских курганов может быть датировано десятым веком, но часть из них относится к более раннему периоду. Содержимое гнездовских курганов значительно богаче словенских сопок. Даже в ранних курганах было обнаружено много украшений, таких как железные и медные крученые ожерелья, медные фибулы, подвески в форме креста и полумесяца, металлические статуэтки птиц и т. д.

Как мы видели, общее направление миграции ряда южно-русских племен, таких как улучи, поляне, северяне, радимичи и вятичи, было с юга на север; это отступление вызвано натиском мадьяр и других кочевых народов. Миграция северных племен, начиная с седьмого века, наоборот, была не отступлением, а наступательной экспансией, направленной с запада на восток, от смоленских и новгородских земель к русскому междуречью - между верхней Волгой и Окой[95]. Первые кривичские переселенцы достигли верхней Волги, следуя по течению реки Вазузы[96]. Словене поднимались по реке Мсте, от истоков которой, используя волок, они двигались к верхней Мологе, а оттуда добирались до Сити и Кашинки[97]. Ранние захоронения словенского типа были обнаружены около Бежецка и на берегах реки Сити[98].

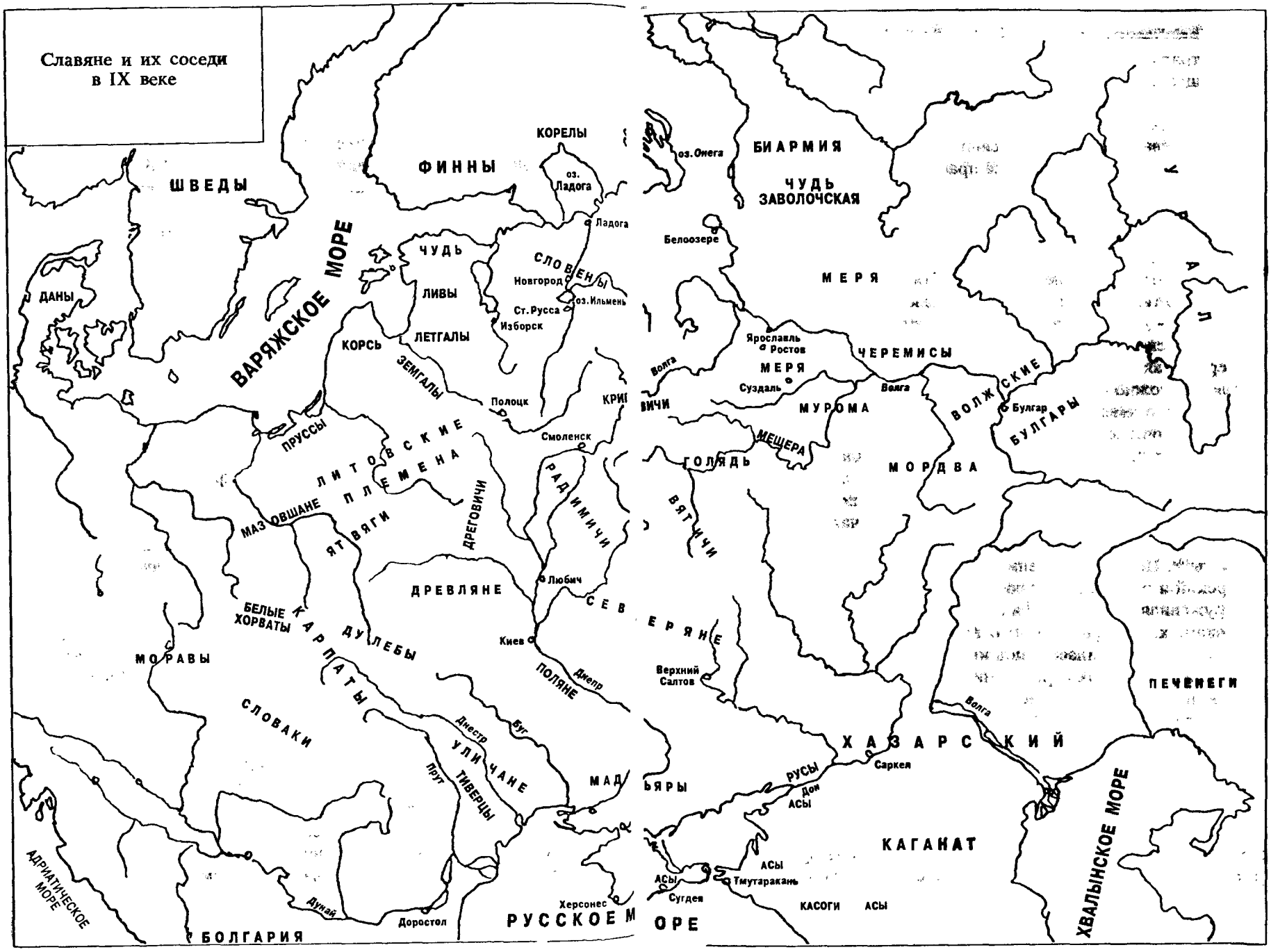
Два потока колонизации - словенский и кривичский - слились в Ростово-Суздальском регионе. В девятом и десятом веках многочисленные славянские поселения уже были на этой территории, которая первоначально заселялась финно-угорскими племенами. Первые славянские поселенцы появились там, вероятно, в восьмом, если не в седьмом веке. К сожалению, результаты археологических исследований не дают нам ясной картины. В середине девятнадцатого века граф А. С. Уваров и П. С. Савельев произвели раскопки более чем семи тысяч курганов на этой территории[99], но работы велись поспешно и без записи точного местоположения каждого из найденных объектов. Поэтому сейчас невозможно классифицировать культурные пласты и отделить финский слой от славянского. В любом случае ясно, что большинство курганов об-

наруживают смешанную финно-славянскую культуру. Такие вещи, как тонкие височные подвески, фибулы и гривны, весьма сходны с подобными же предметами, найденными в гнездовских захоронениях[100]. То, что, по меньшей мере, часть курганов Ростово-суздальского региона принадлежит не финнам, а поселенцам, подтверждается большим количеством захоронений с помощью кремации, что было не характерно для финнов. С другой стороны, как северные славяне (кривичи и словене), так и скандинавы практиковали кремацию. Археолог И. А. Тихомиров на этом основании предположил, что не финские предметы в ростово-суздальских курганах следует считать древнегерманскими[101]. Недавно П. П. Смирнов повторил его точку зрения[102]. Мы видели[103], что скандинавы, видимо, проникли в Ростово-Суздальский регион в конце седьмого или начале восьмого века. Однако, вероятно, они шли по пятам славянской колонизации, которая проторила им дорожку. Поэтому, хотя и некоторые не финские предметы в Ростово-Суздальских курганах следует признать скандинавскими, большая их часть, вероятно, славянская.

А теперь мы возьмем на себя смелость предложить общий обзор образа жизни и цивилизации древнерусских племен.

Что касается экономической жизни, русские племена восьмого и девятого веков были хорошо знакомы с земледелием, которое в большинстве случаев составляло основу их экономической деятельности[104]. В степных районах разведение лошадей и скота представляло собой еще одну важнейшую отрасль экономики, в то время как в северных лесах особой значимостью, видимо, обладали охота и пчеловодство. Что касается материальной культуры, то русские племена находились на стадии железного века. Многие предметы домашнего обихода и сельскохозяйственные орудия, такие как, к примеру, серпы, были сделаны из железа. Железное оружие, подобное мечам, выковывалось. Бронза и серебро использовались для изготовления украшений. Находки веретен свидетельствуют о знакомстве с ткачеством, в то время как фрагменты шерстяной ткани указывают на развитие производства сукна.

Практикование двух разных способов захоронения - с помощью погребения и кремации - отражает существование двух различных тенденций в религиозных верованиях. Кремация усопших была


Славяне и их соседи в IX веке
ШВЕДЫ
ФИННЫ
КОРЕЛЫ
оз. Ладога
Ладога
ЧУДЬ
СЛОВЕНЫ
Новгород
оз. Ильмень
ДАНЫ
ВАРЯЖСКОЕ МОРЕ
ЛИВЫ
Ст. Русса
Изборск
КОРСЬ
ЛЕТГАЛЫ
ЗЕМГАЛЫ
Полоцк
КРИ
Смоленск
ПРУССЫ
ЛИТОВСКИЕ ПЛЕМЕНА
ДРЕГОВИЧИ
РАДИМИЧИ
МАЗОВШАНЕ
ЯТВЯГИ
ДРЕВЛЯНЕ
Любич
СЕВ
БЕЛЫЕ ХОРВАТЫ
КАРПАТЫ
ДУЛЕБЫ
Киев
МОРАВЫ
ПОЛЯНЕ
Днепр
СЛОВАКИ
Днестр
Буг
УЛИЧАНЕ
ТИВЕРЦЫ
Прут
МАД
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
Дунай
Доростол
Херсонес
РУССКОЕ М
ОРЕ
БОЛГАРИЯ
оз. Онега
БИАРМИЯ
ЧУДЬ ЗАВОЛОЧСКАЯ
Белоозеро
МЕРЯ
Ярославль
Ростов
ЧЕРЕМИСЫ
Волга
МЕРЯ
Суздаль
Волга
ВИЧИ
МУРОМА
ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ
Булгар
МЕЩЕРА
ГОЛЯДЬ
МОРДВА
ВЯТИЧИ
ЕРЯНЕ
Верхний Салтов
ПЕЧЕНЕГИ
Волга
ХАЗАРСКИЙ
Саркел
ЬЯРЫ
РУСЫ
Дон
АСЫ
КАГАНАТ
АСЫ
АСЫ
Тмутаракань
Сугдея
КАСОГИ
АСЫ
ХВАЛЫНСКОЕ МОРЕ

старой традицией по крайней мере тех славянских племен, у которых существовало почитание Перуна, бога грома и молнии. Мы видели, что в восьмом и девятом веках обряд кремации доминировал у кривичей и словен. Что касается полян и северян, мы имеем свидетельства кремации, относящиеся к десятому веку, и нельзя быть уверенными, что такая же практика существовала у них и в более ранний период.

В погребальных обрядах всех других русских племен - радимичей, вятичей, дулебов, древлян и дреговичей - обычай погребения представляется преобладающим. То же самое, вероятно, относится и к хорватам. Нам следует вспомнить в связи с этим, что погребение было типичным для северо-кавказской культурной сферы, в частности, - для аланов. Поскольку анты были, по нашему мнению, тесно связаны с аланами, распространение этой формы похорон среди таких антских племен, как радимичи, вятичи, северяне и дулебы, можно приписать аланскому происхождению правящих кланов этих племен. Древляне и дреговичи, видимо, переняли этот ритуал у своих соседей, дулебов.

Различие похоронного ритуала у русских племен, несомненно, является свидетельством двойственности их религиозных верований. Религия антских племен явно находилась под влиянием иранского вероучения и мифологии. Мы уже отмечали почитание мифологической птицы-собаки Сенмурва в скифский и сасанидский периоды[105]. Поклонение Сенмурву, вероятно, продолжалось еще в хазарский и ранний варяжский периоды, и керамическая плитка, обнаруженная в Гнездове[106] и относящаяся к восьмому или девятому векам, характерна в этом отношении. В "Повести временных лет" Сенмурв упоминается под именем Симаргла[107], которое близко к "Симургу", - так персидский поэт Фирдоуси называет мистическую птицу в своей поэме "Шах-Намэ"[108].

После политического объединения русских племен под властью киевских князей религиозные верования различных племен были синкретизированы, и во второй половине десятого века, до обращения Владимира в христианство, киевский пантеон включал в себя как славянского Перуна, так и иранского Симурга[109].

Относительно социального расслоения русских племен восьмого и девятого веков археологические свидетельства указывают на разделение между богатыми высшими классами и простыми людь-

ми, во всяком случае, среди полян, северян и кривичей. Знать и купцы таких больших городов, как Киев и Смоленск, накопили значительное богатство[110]. Находки большого количества кладов с восточными монетами, обнаруженных в разных губерниях, указывают на широкий круг внешнеторговых отношений. Оставляя в стороне клады, относящиеся к более позднему времени, и принимая в расчет только те, которые содержат восточные монеты восьмого и девятого веков, следует сказать, что большинство этих кладов было обнаружено на землях северян, радимичей и вятичей; хотя немало подобных кладов находилось и в землях кривичей и словен, а также в Ростово-суздальском регионе, тоже заселенном этими двумя племенами. Что касается киевских земель, в период до десятого века здесь было найдено немного, и лишь один клад был обнаружен при раскопках на территории нижнего Дона[111].

В заключение давайте обратимся к антропологическим свидетельствам. Антропологами было исследовано значительное количество костяков и черепов, обнаруженных в различных курганах и могильниках по всей России, но данные этих исследований нельзя назвать исчерпывающими или окончательными. Согласно Ю. Д. Талко-Гринцевичу[112], нельзя установить общий восточнославянский тип, и, с точки зрения антропологии, существует не только разница между различными племенами, но, в ряде случаев, существуют различные группы внутри одного племени.

Что касается роста, то новгородские словене, поляне и часть северян были выше, чем представители других племен. Древляне и радимичи были среднего роста (выше 165 см); кривичи были самыми низкорослыми (около 157 см). С точки зрения краниометрии, поляне были суббрахицефалами; северяне, западные кривичи, древляне и новгородцы - субдолихоцефалами; восточные кривичи - долихоцефалами. Что касается ширины лба, то у северян, полян, древлян и кривичей лбы были достаточно широкими, а у новгородцев - средними. У полян были широкие затылки, это приложимо также к северянам, древлянам и кривичам; у новгородцев затылки были среднего размера. У древлян и кривичей были крупные лица, в то время как у новгородцев, северян и полян - значительно меньше.

Принимая во внимание эти показатели, так же как и ряд других, Талко-Гринцевич предложил следующую классификацию древнерусских племен:

1. Новгородцы
2. Поляне и северяне
3. Древляне и кривичи

Эта классификация неполная, поскольку в нее включены не все русские племена. В то же время, оиа может помочь историку, а ее обоснованность позволяет обнаружить различие антропологического типа между антскими племенами (группа 2) и словенскими племенами (группа 3).

Следует заметить, однако, что обоснованность классификации Талко-Гринцевича ставилась под вопрос Яном Чекановским, который подчеркивал даже больше, чем Талко-Гринцевич, смешение антропологических типов на территории Западной Евразии, которое затрудняло установление четких географических границ между антропологическими группами. Что касается классификации самого Чекановского, можно указать на то, что он относнт полян к тому антропологическому типу, который он называет "восточным" или "преславянским", а северян (или их часть) к "средиземноморскому" типу[113].

2. Распространение хазарского и мадьярского контроля над южно-русскими племенами

У составителя "Повести временных лет", использовавшего ряд древних устных преданий, было смутное представление о том, что южно-русские племеиа в некоторое отдаленное время принадлежали к великому государству, или союзу, внутри которого каждое племя могло сохранять свои собственные обычаи. Этот "союз"греки называли Великой Скифией; каждое племя держалось и своих собственных обычаев, и законов, и преданий их отцов, и у каждого племени было свое свойство[114]. В этом предании о Великой Скифии можно усмотреть отзвуки сарматской и гуннской эпох, но более естественным представляется отнесение Великой Скифии "Повести временных лет" к хазаро-мадьярскому периоду, когда, между прочим, сами хазары употребляли славянское слово "закон".

В конце седьмого века племена асов и русов с нижнего Дона покорились хазарам, в то время как племена асов в районе верхне-

го Донца были завоеваны мадьярами, последние, однако, считали себя наделенными верховной властью над хазарами в этой местности. Согласно нашему предположению[115], в 730-е гг. в регионе верхнего Донца появились шведы и столкнулись с мадьярами. Эти последние тогда двинулись на запад в район нижнего Днепра и Буга и частично завоевали, частично вытеснили на север полян и уличей[116]. Теперь донецко-донской речной путь контролировался шведами, которые со временем смешались с асами и русами, приняв название последних. Новые объединенные русы, должно быть, сначала признавали над собой господство хазар, но затем, около 825 г., порвали с ними и основали свой собственный каганат. Около 833 г. хазары нанесли ответный удар, построив крепость Саркел, намереваясь отрезать русских от донского речного пути[117].

Возведение Саркела явилось лишь первым шагом в стремлении хазар взять Русский каганат в кольцо. Чтобы обезопасить свой контроль над нижним Доном и предотвратить возможность прихода новых варяжских отрядов на помощь русским, хазары вынуждены были также удерживать контроль над верхним Доном и верхним Донцом. Такая политика была также продиктована и экономическими соображениями. Именно по верхне-донецкому пути азовские русские получали с севера меха. Примечательно то, что как только хазары завоевали русские племена в районе Оки, они наложили дань в мехах.

Работы по строительству Саркела начались около 833 г. Мы можем представить, что к 840 г. хазары, должно быть, завоевали северян и вятичей, а позднее - также и радимичей. Относительно хазарского контроля над полянами свидетельства противоречивы. Под датой 6367 г. от сотворения мира (859 г. н. э.) летописец записывает, что поляне платили хазарам дань мехами[118]. Однако, согласно другому рассказу[119], когда хазары потребовали дань с полян, те предложили заплатить мечами. Летописец сообщает, что хазарским старшинам это предложение показалось подозрительным, и они предостерегли своего "князя" (т.е. кагана) такими словами: "*Не добрая эта дань, князь. Мы ее добыли оружием, острым с одной стороны, которое называется саблей, а их оружие обоюдоострое и называется мечом. Эти люди наложат дань на нас и на другие страны. И все это сбылось*"[120]. Этот рассказ, как он читается в "Повести временных лет", несомненно, является пло-

дом поэтической доработки. В первоначальной версии, должно быть, был записан простой факт, что поляне однажды предложили хазарам заплатить дань мечами. Впоследствии выплата дани прекратилась, что вызвало комментарии и объяснение летописца.

Мы можем предположить, что хотя хазарские войска и дошли до Киева, они вряд ли оставались там долго. Ввиду другой доступной информации нам следует считать, что фактический контроль над Киевом был установлен мадьярами. Поскольку сами мадьяры являлись хазарскими вассалами, поэтому нет противоречия в источниках, одни из которых называют хазар, а другие - мадьяр правителями Киева. В этой связи "Повесть временных лет" говорит только о хазарах[121]. Мадьярская версия дана в хронике нотариуса короля Белы[122]. Она была написана в тринадцатом веке, но ее составитель использовал старую мадьярскую хронику, так называемую Gesta Hungarorum ("Венгерские деяния"), которая была написана в начале двенадцатого века, то есть одновременно с русской "Повестью временных лет"[123]. Согласно нотариусу Белы, мадьярский воевода Олом (или Алмус) разбил киевлян, которые были принуждены после этого признать его господство[124]. В связи с этим следует отметить, что "Повесть временных лет" упоминает дворец Олома ("Олмин двор"), который был расположен на холме возле Киева[125]. Эта гора была известна как поселение угров (т. е. мадьяр) - Угорское[126].

Воевода Олом (Αλμοὐτζης, ср. Алмус) также упоминается в книге Константина Багрянородного "Об управлении империей"[127]. Макартни считает, что сын Олома родился около 840 г.[126]. А если так, то дата рождения Олома приходится на период несколько раньше 820 г., во всяком случае, не позже этого года. Видимо, он был во цвете лет ко времени, когда хазары появились в Киеве, около 840 г. Мы можем предположить, что между хазарами и мадьярами было достигнуто соглашение, по которому Киев был оставлен в подчинении Олому.

Анализ легенды об основании города Киева, записанной в "Повести временных лет", показывает, что у киевлян даже еще в одиннадцатом веке сохранялись смутные воспоминания о хазарско-мадьярской подоснове. Согласно легенде, жили некогда три брата - Кий, Щёк и Хорив и сестра их Лыбедь. Братья поселились на холмах, стоящих неподалеку друг от друга, и это стало началом города, который был назван Киевом в честь старшего из братьев Кия[129].

Имя "Кий", возможно, происходит от тюркского слова kiy ("берег реки"[130]). Поскольку правящий клан Хазарского государства был тюркского происхождения, мы можем связать название города Киева с приходом хазар. Хазарские войска, должно быть, подошли к Киеву с востока, и их привлекли крутые холмы (kiy) по ту сторону Днепра. Отсюда, видимо, и название города.

Представляется, что имя третьего брата, Хорива, имеет библейское происхождение. Хорив - это русская транскрипция имени Хореб. Имя это связано с названием холма Хоривицы, - по-видимому, места поселения хазарских евреев в Киеве[131].

Что касается второго брата, Щёка, то он, судя по всему, может быть отождествлен с Чоком, булгарским бойлом, который воевал в Днепровском регионе в начале девятого века[132]. Следует отметить, однако, что подобное же имя, Шок (Saac) упоминается в старых мадьярских хрониках[133].

Имя сестры мифических братьев, Лыбедь, ясно указывает на мадьярское происхождение, поскольку оно, вероятнее всего, связано с именем мадьярского воеводы Лебедя[134]. Примечательно то, что царевна Лебедь стала популярным персонажем русских былин и народных сказок[135].

3. Рюрик и варяжско-русское правление в Новгороде

К середине девятого века Украина - как правобережная, так и левобережная - контролировалась хазарами и мадьярами. В то же время варяги усиливали свое давление на Северную Русь. Таким образом вся территория между Балтийским и Черным морями была разделена на две сферы влияния: хазарско-мадьярскую на юге и варяжскую на севере. Эта ситуация точно описана в "Повести временных лет" под датой 6367 от сотворения мира (859 г. н. э.) следующими словами: "*Варяги из-за моря наложили дань на чудь, словен, мерю, весь и кривичей; а хазары наложили дань на полян, северян, и вятичей*"[136].

Комментируя дату этого утверждения, мы должны сказать, что в оригинальной версии первой летописи для раннего периода никаких дат не указывалось; такие даты, которые мы обнаружива-

ем в "Повести временных лет", являются результатом додумывания ее составителя и не всегда соответствуют повествованию[137]. Во всяком случае, мы можем допустить, что к середине девятого века словене признали господство варягов. Мало что известно о деятельности последних в Северной Руси до прихода Рюрика. Вообще говоря, политика варягов на севере должна была быть связана с положением в Русском каганате на юге.

Известия о хазарском давлении на Русский каганат, должно быть, были доставлены в Северную Русь, в первую очередь, теми русскими посланниками, которым византийское правительство воспрепятствовало вернуться в каганат в 839 г., и вместо того направило в Германию, откуда, со временем отпущенные императором Людовиком, они направились в Швецию, а затем, вероятно, в Старую Русу[138]. Вдобавок, сведения об установлении хазарского контроля над вятичами и северянами и о том, что они таким образом отрезали речной путь по Донцу, вероятно, доходили до Новгорода от купцов, для которых теперь возникло препятствие в их поездках на юг.

Нам следует принять в расчет, что в первой половине девятого века - после основания Русского каганата в Азовском регионе и до хазарского наступления - отношения между русским севером и русским югом были оживленными и обширными. Регион верхней Двины и озера Ильмень являлся важным торговым пуктом на пути из Скандинавии на Восток и обратно. Находки оружия и фибул скандинавского типа вместе с восточными монетами в Ливонских могильниках[139], среди других городищ, и в Асхерадене[140] - достаточно показательны. Некоторые шведские воины и купцы, отправлявшиеся в поисках приключений в Азовский регион, после того как богатели или уставали, бывало, возвращались на север и селились в Северной Руси, где они все еще могли принимать участие в торговле с Востоком. Некоторые из новых отрядов искателей приключений, направлявшихся на Восток из Скандинавии, тоже останавливались в Северной Руси; таким образом к середине девятого века в районе озера Ильмень возникла община шведских купцов, которая, благодаря своей коммерческой деятельности, тем или иным образом была связана с Русским каганатом. Центром этого северного "отделения" Русского каганата была, вероятно, Старая Руса, а Шахматов и Платонов даже предполагали, что этот город следу-

ет идентифицировать с "Русским островом", упоминавшимся арабскими писателями[141], хотя это предположение, с нашей точки зрения, неприемлемо.

Разрыв в отношениях с Югом, явившийся результатом наступления хазар, должно быть, болезненно отозвался на экономической жизни новгородского региона. Мы можем вспомнить, что даже в более поздние времена, в киевский период, население Новгорода зависело от поставок зерна из района Оки. А ильменская "русская компания" шведских купцов и их посредников, должно быть, терпела серьезные убытки из-за разрыва связей с Русским каганатом. Новые отряды варягов, которые продолжали прибывать из Скандинавии и останавливались в Северной Руси на пути в Приазовье, не имея возможности двигаться на юг, начали грабить коренное население Северной Руси. Есть упоминание об одном из таких эпизодов в житии Св. Анскария, согласно которому в 852 г. какие-то датчане переплыли Балтийское море и захватили город в стране славян (in jinibus Slavorum). Этот город может быть отождествлен с Новгородом[142]. Получив большой выкуп, датчане возвратились домой. Возможно, тот же самый эпизод был записан в русской "Повести временных лет" под датой 862 г.[143] *"И они (словене) изгнали варягов за море, и не дали им дани и начали править сами"*[144]. Согласно так называемой Иоакимовой летописи, утраченной, выдержками из которой однако пользовался В. Н. Татищев, имя словенского князя, изгнавшего варягов, было Гостомысл[145]. Судя по резюме Татищева к рассказу Иоакима о Гостомысле, рассказ этот имеет характер легенды.

Хотя датчане были изгнаны, положение в новгородских землях не улучшилось, поскольку путь на юг не был расчищен. Поэтому продолжался кризис, *"и не было справедливости в управлении, и род восставал на род, и началась междуусобица"*[146]. Чтобы облегчить положение и открыть путь на юг, необходима была война против хазар, но такое предприятие требовало войск, которых явно было недостаточно в районе Ильменя. Это, вероятнее всего, стало основной причиной "призвания варягов"[147].

Давайте теперь проанализируем знаменитый рассказ, как он записан в "Повести временных лет". Он ведется по-разному в Ипатьевском и Лаврентьевском списках. Согласно Ипатьевскому списку, *"рекоша русь, чудь, словене, кривичи и вся: земля наша велика*

и обилна, а наряда в ней нет: да поидете княжить и володеть нами"[148]. Несомненно, под названием "русь" здесь подразумеваются члены шведской колонии в Старой Русе, главным образом, купцы, ведущие торговлю с Русским каганатом в Приазовье. Их целью в "призвании варягов" было, в первую очередь, вновь открыть торговый путь на юг с помощью новых отрядов скандинавов.

С течением времени смысл первоначального рассказа был забыт, и в позднем варианте, сохранившемся в Лаврентьевском списке, русь больше не упоминается среди ильменских племен, призвавших скандинавов на помощь, а наоборот, согласно некоторым изводам Лаврентьевского списка, именно русь призвали эти племена, **чтобы** править ими: "*реша руси чудь, словене, кривичи и весь и т. д.*"[149].

Вдобавок к этому рассказу "Повесть временных лет" содержит перечень скандинавских ("варяжских") племен, включая и русь, как одно из них; этот перечень есть как в Ипатьевском, так и в Лаврентьевском списках: "*И пошли они за море к варяжской руси, это варяжское племя называлось русь, так как каждое варяжское племя имело свое название, как то: шведы, норвежцы, и готы*" (сице бо звахуть ты варяги русь, яко се друзии зовутся свеи, друзие же урмане, англяне, инеи и готе, тако и си)[150]. Это утверждение следует считать поздней интерполяцией, которую можно отнести ко времени составления "Повести временных лет", то есть к началу двенадцатого века. Это чрезвачайно интересно как попытка вывести происхождение названия "русь" не с юга, а с севера, так что составителя "Повести временных лет" резонно назвать первоисточником школы "норманистов".

Не известно ни одного скандинавского племени, называвшегося "русь". Но совершенно ясно из рассказанного в "Повести временных лет", что именно такое племя имелось в виду под этим названием. Давайте, действительно, рассмотрим перечень варяжских народов, как он дан выше. Кроме русов, упомянуты следующие народы: шведы (свеи), норвежцы (урмане), англы (англяне)[151] и готы - жители Готланда (готе). Заметим, что здесь нет упоминания о датчанах. В то же время русь "Повести временных лет" следует идентифицировать с датчанами, что является еще одной причиной для различения старых русов с Юга и новых русов с Севера; а мы знаем, что русы Русского каганата были шведами[152].

Предводитель русов, который, согласно "Повести временных лет", принял приглашение прийти и править ильменскими племенами, звался Рюриком. Его действительно можно считать одним из датских феодалов и идентифицировать с Рюриком из Ютландии, упоминающимся в западных летописях. Отождествление Рюрика Новгородского и Рюрика Ютландского впервые было предложено Фридрихом Крузе в 1836 г.[153], но не получило широкого распространения. В 1929 г. Н. Т. Беляев снова подошел к рассмотрению этой проблемы и с помощью некоторых новых материалов и новых доводов полностью подтвердил теорию Крузе[154]. Эта идентификация, конечно, имеет веские основания.

Теперь нам нужно сделать краткий очерк жизни Рюрика[155]. Его отец, из клана Скьелдунгов, был изгнан из Ютландии и принял вассальную зависимость от Карла Великого, от которого получил около 782 г. Фрисланд в ленное владение. Рюрик родился около 800 г. Его детство прошло в беспокойном окружении, поскольку отец, а после его смерти - старший брат, постоянно вели войну с правителями, захватившими власть в Ютландии. В 826 г. или около того старший брат Рюрика Харальд, которому удалось захватить часть Ютландии (но позднее он был изгнан оттуда), принял покровительство Людовика Благочестивого и был окрещен в Ингельхейме, возле Майнца[156]. Поскольку Харальд прибыл туда со всем своим семейством, мы можем предположить, что Рюрик тоже был окрещен. Если это так, то он вряд ли всерьез воспринял свое обращение, потому что позднее вернулся к язычеству.

После обращения Харальда император даровал ему в ленное владение район Рустринген во Фрисланде. Рюрик имел в нем свою долю, а после смерти брата стал владыкой всего лена. Еще при жизни Харальда оба брата яростно воевали, чтобы защитить свои земли от нападений со стороны короля Дании, а после смерти императора Людовика положение Рюрика стало довольно ненадежным. Согласно Верденскому договору (843 г.), Фрисланд был включен в долю империи, доставшуюся Лотарю, и получилось так, что Рюрик утратил свой лен. На протяжении следующих нескольких лет Рюрик вел жизнь искателя приключений, участвуя в набегах как на континент, так и на Англию. В хрониках тех лет он стал известен как jel Christianitatis, "язва христианства"[157]. В 845 г. его корабли поднялись вверх по Эльбе, и в том же году он совершил

набег на Северную Францию. В 850 г. Рюрик спустил на воду флот в триста пятьдесят кораблей, с которым он грабил прибрежные районы Англии[158]. В последующие годы он направил свое внимание на устье Рейна и Фрисланд. Лотарь был вынужден пойти на компромисс и возвратил Фрисланд Рюрику на том условии, что он будет защищать побережье империи от нападений других викингов[159]. Поскольку Рюрик теперь не мог беспрепятственно грабить побережье Северного моря, он, вероятно, устремил свое внимание к Балтике, видимо хорошо проинформированный о набеге датчан на Новгород в 852 г.

Интерес Рюрика к прибалтийским землям получил новый толчок, когда Лотарь вынудил его снова отдать Фрисланд, вместо которого ему был дарован другой лен в Ютландии (854 г.)[160]. Став владыкой Южной Ютландии, Рюрик получил прямой доступ к Балтийскому морю и оказался, таким образом, в лучшем, чем ранее, положении для того, чтобы принимать активное участие в балтийских делах. Составитель "Повести времеиных лет" относит прибытие Рюрика в Новгород к тому же году, когда датчане вынуждены были оставить город ("862", то есть 852 г.). На самом деле, между этими двумя событиями, видимо, прошло два года, а то и больше, и во всяком случае, экспедиция Рюрика в Новгород не могла быть предпринята раньше его обоснования в Ютландии, то есть, не раньше 854 г. Наиболее вероятно, что она имела место в 855 или даже в 856 г.

"Повесть временных лет" утверждает, что Рюрик прибыл на Русь с двумя братьями, Синеусом и Трувором. Этих имен нет в западных хрониках. Согласно Н. Т. Беляеву, имена Синеус и Трувор не следует интерпретировать как личные, а скорее, как эпитеты самого Рюрика. По-скандинавски Signjotr значит "победоносный", а Thruwar - "заслуживающий доверия"[161]. В средневековых сказаниях легенда о трех братьях, основывающих город или государство, была популярным мотивом, и поскольку существовал подобный рассказ о Киеве, летописец без колебаний приложил его и к новгородской земле.

Теперь нам следует вернуться к анализу названия русь, источник которого в "Повести временных лет" связан с приходом Рюрика. Мы видели, что под русью составитель "Повести временных лет" подразумевал датчан. Как владыка Ютландии, Рюрик, ко-

нечно, мог считаться датчанином, и в его свите, должно быть, было много датчан. Но в Ютландии нет такого района, который был бы известен как Русь. Однако, поскольку Рюрик на протяжении какого-то времени был правителем Фрисланда, Беляевым была предпринята попытка интерпретировать название "Русь" как финское искажение названия "Фрис"[162]. Эта гипотеза едва ли правдоподобна, но Беляев указывает, хотя и вскользь, на другую возможность: происхождение названия "Русь" от Рустрингена, который был первоначальным леном Рюрика; название "Рустринген" было сокращено до "Русь"[163]. Название "Русь" в его первоначальном значении, относящемся к южным русам, было достаточно хорошо знакомо в Новгороде ко времени появления Рюрика, и теперь его стали, видимо, употреблять вместо длинного "Рустринген". Мы видели, что в "Повести временных лет" (Ипатьевский список) есть очевидное противоречие, касательно руси. Это та русь, которая склоняет другие племена к тому, чтобы пригласить варягов, и, с другой стороны, это - варяжское племя русь, которое отозвалось на призыв. Загадку можно разрешить, если допустить существование двух русей: старая шведская русь Русского каганата и новая фрисландская русь Рюрика.

4. Русь в Приднепровье и Причерноморье

Согласно "Повести временных лет", придя на Русь, Рюрик обосновался на Ладоге, в то время как Синеус взял себе в подчинение Белоозеро, а Трувор - Изборск[164]. Мы видели, что предполагаемых братьев Рюрика, вероятно, не существовало[165], но, скорее всего, он посадил кого-то из своих родственников или последователей в других городах в качестве своих наместников или вассалов. Проведя большую часть своей жизни на западе, Рюрик, должно быть, хорошо был знаком с зарождающейся феодальной системой и, видимо, был готов приложить ее принципы к своим новым владениям на Руси. Под этим углом зрения привлекает внимание утверждение Иоакимовой летописи, касающееся организации Северной Руси под властью Рюрика, известное нам в резюме Татищева. По Татищеву[166], "*Рюрик насадил во всех городах князей либо варяжского, либо славянского происхождения, а сам был известен как*

князь великий, что равнозначно греческим титулам "архикратор" или "басилевс", а те князья были его вассалами". Греческие титулы, конечно, здесь не относятся к делу, поскольку представления Рюрика о сюзеренитете копировались в соответствии со стандартами Западной империи, с которыми он был хорошо знаком.

Можно сравнить утверждения Татищева и "Повести временных лет". Согласно последней, братья Рюрика, Синеус и Трувор, умерли через два года после прибытия на Русь. После их смерти Рюрик с Ладоги перебрался в Новгород и построил там замок. "*И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Бело-озеро. И по тем городом суть находници варязи*"[167].

Занятый организацией своего нового царства, Рюрик, видимо, не замышлял никакой кампании на юг. И все же, в надежде на то, чтобы способствовать проведению такой кампании, старая колония русов в Старой Русе позвала Рюрика в Новгород. Они, вероятно, решили теперь попытаться пробить себе путь на юг без помощи Рюрика. С этой точки зрения мы можем подойти к рассказу летописца о походе Аскольда на Киев. В начале повествования читаем следующее: "*И бяста у него два мужа (Аскольд и Дир), не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царю-городу с родом своим. И поидоста по Днепру...*"[168]. Очевидно, что инициатива в этом деле принадлежала не Рюрику, а самим двум боярам. Слова "не племени его", видимо, следует понимать в значении "не из его фрисландской свиты". Они отправились "с родом своим", то есть с членами старо-русской (шведской) колонии.

По утверждению летописца, целью Аскольда был Константинополь, но это звучит скорее как собственный комментарий летописца, а не запись факта. Трудно допустить, что в те времена какой-либо новгородец мог думать о кампании против Константинополя[169]. Замысел Аскольда, должно быть, действительно заключался в том, чтобы прорваться на юг, но с той главной целью, как мы можем думать, чтобы восстановить связи с Русским каганатом в Приазовье. Поскольку традиционный донецко-донской речной путь был перегорожен хазарами, следовало установить новый путь. Кривичские купцы, вероятно, к тому времени разведывали днепровский речной путь от Смоленска до Киева, и, видимо, благодаря им Аскольду пришла мысль идти на Киев, откуда он надеялся найти какой-то путь дальше на юг.

Летописный рассказ продолжается так: "*И поидоста Аскольд и Дирпо Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок; и упрошаста и реста "чий се градок?". Они же (горожане) реша: "была суть три братья, Кий, Щёк, Хорив, иже сделаша градокось, и изгибоша, и мы седим, платяче дань родом их козаром". Аскольд же и Дир остатса в граде сем и многм варяги съвокуписта, и начаста владети Польскою (т. е. - полянской) землею*"[170].

Рассказ представляет из себя легенду, которая, вероятно, сохраняет отзвук реальных исторических деталей. Что касается хазарской дани, мы уже видели[171], что скорее всего, дань для хазар собиралась мадьярским воеводой Оломом. Возможно, Аскольд и Дир правили Киевом от имени Олома. Когда позднее Олег захватил Киев[172], он сказал Аскольду и Диру: "*Вы не князья, и не княжеского рода*", - и его слова следует понимать в том смысле, что Аскольд и Дир не считались независимыми правителями, а, скорее, чьими-то заместителями. Но если так, то чьими же? После того, как они были убиты по приказу Олега, их тела принесли ко дворцу Олома на Угорской горе[173]. Почему? Очевидно, потому что они правили от имени Олома из его дворца, который служил резиденцией правителя.

Под датой 6374 (866 г. н. э.) в "Повести временных лет" записано, что Аскольд и Дир предприняли кампанию против Константинополя[174]. Из византийских источников мы знаем, что первое русское нападение на Константинополь было в 860, а не в 866 г.[175]. Поэтому нам следует считать, что во фрагменте из "Повести временных лет" допущена хронологическая ошибка на шесть лет. Что касается самой кампании, мы не думаем, что у Аскольда и Дира была достаточно большая армия, чтобы предпринять этот поход самостоятельно. У мадьяр, даже если мы предположим, что они согласились пропустить русов через Нижнеднепровский регион, не было кораблей, и они не знали, как вести войну на море, поэтому они не могли оказать какую-то реальную поддержку. Ожидать помощи можно было только от Русского каганата в Приазовье. Должно быть, кампания была предпринята совместными усилиями Аскольда и Дира и Русского каганата. Видимо, тмутараканский каган взял на себя инициативу в этом деле. Во всяком случае, установление связи с Тмутараканским каганатом, как мы предположили выше[176], было изначальной целью Аскольда, и, вероят-

но, он отправил посланников в Тмутаракань вскоре после прибытия в Киев. От Киева до Азовского побережья можно было добраться на кораблях, используя степные реки и волоки[177]. Одним из таких речных путей был путь вверх по реке Орлу (притоку Днепра), а от его верховьев волоком к притокам Донца, а затем вниз по Донцу и Дону. Однако, этот путь преграждали хазары. Поэтому, скорее всего, был использован другой путь: вверх по Самаре (южному притоку Днепра) и ее притоку Волчьей, затем волоком к Кальмиусу, а по нему - к Азовскому морю.

О положении в Русском каганате тех лет сведений мало. Как мы видели[178], посланникам из каганата, которые прибыли в Константинополь в 838 г., не было дозволено возвратиться, и они были посланы в Германию. Мы не знаем, удалось ли им вернуться в Тмутаракань по окружному пути - из Ингельхейма в Новгород и так далее. Во всяком случае, задержание посланников византийским императором означало разрыв дипломатических отношений между Русским каганатом и Византией, и, возможно, это стало причиной русского набега на Амастрис в 840 г. (или около того)[179], если мы допустим, что такой набег действительно имел место[180]. Нет никаких свидетельств о дальнейших действиях русских на Черном море между 840 и 860 г. В то время как предполагаемый набег 840 г. был направлен на Малую Азию, в 860 г. русы решили ударить по самому Константинополю.

Представляется, что кампания 860 г.[181] была хорошо подготовлена, и для нее было выбрано подходящее время. Империя в это время находилась в самом разгаре войны с арабами. В 859 г. последние нанесли византийским войскам сокрушительное поражение, и самому императору едва удалось избежать пленения. Начиная с ранней весны 860 г. империя занялась интенсивной подготовкой армии к новой кампании против арабов, и в начале июня император и его помощник, куропалат Бардас, повели византийскую армию в Малую Азию. Именно такого случая и ожидали русские, чтобы напасть на Константинополь.

Неизвестно, какой путь русские выбрали, чтобы доставить свой флот из Киммерийского Босфора (Керченский пролив) во Фракийский Босфор (Босфорский пролив). Несомненно, византийцы были застигнуты врасплох, не имея и мысли о приближении русских, пока их корабли не появились в Босфорском проливе.

С другой стороны, столь же очевидно, что византийский флот наблюдал как за крымской береговой линией, так и за побережьем Малой Азии, чтобы не допустить каких-либо активных действий русских, особенно после набега на Амастрис в 840 г. Поэтому, мы вправе думать, что русские появились с той стороны, с какой византийцы их никак не ожидали. Возможно, они использовали окружной путь через Азовское море и Северную Таврию к устью Днепра[182]; то есть, сначала они переплыли Азовское море, а затем от его северного побережья направились вверх по реке Берде и вниз по реке Конской, притоку Днепра. Вполне возможно, что в районе лагуны, образованной при впадении Конской в Днепр, ниже современного города Запорожье, экспедиционные войска Русского каганата воссоединились с отрядом Аскольда и Дира, идущим из Киева. Объединенная флотилия русских кораблей, должно быть, затем пошла вниз по Конской и нижнему Днепру в Черное море, а по нему направилась прямо на юг к Босфору.

18 июня 860 г. соединенный русский флот, состоящий из двухсот кораблей, появился перед стенами Константинополя[183]. Как власти, так и население пришли в полное замешательство. Если бы русские сразу же пошли на штурм города, они, вероятнее всего, захватили бы его, не встретив сопротивления со стороны жителей. Но вместо того они начали грабить дворцы и монастыри перед стенами города. Между тем патриарх Фотий сплотил население и спешно сформировал народное ополчение для защиты города. Был направлен посланник в императорскую ставку в Малой Азии с сообщением о критическом положении столицы[184].

Чтобы поднять дух народа, Фотий организовал религиозную процессию к набережной Золотого Рога, внутренней бухты Константинополя. Святая реликвия, известная как плащаница Святой девы, была опущена в воду, после чего, согласно преданию, разразился шторм, разметавший русские корабли. Сам Фотий, однако, сказал в одной из своих проповедей, что русские начали отступать еще перед штормом[185]. На какое-то время они еще задержались в ближних водах, где вскоре были атакованы византийским флотом, посланным императором, который сам также поспешил обратно в столицу с сухопутными войсками. Русские, несомненно, понесли большие потери, и лишь немногим кораблям удалось спастись бегством.

5. Миссия Константина Философа в Хазарии и первое обращение Руси

После отступления русского флота от Константинополя византийским властям пришлось принять меры, которые бы предотвратили любое нападение в будущем. Одним из методов византийской дипломатии в отношениях с "северными варварами" было способствование их обращению в христианство. Мы видели, что в шестом веке "гуннский" князь Грод был приглашен в Константинополь, чтобы принять там крещение[186], а в седьмом веке был обращен молодой булгарский хан Курт[187]. Естественно, что после русского набега 860 г. византийские власти - как светские, так и церковные - должны были вернуться к мысли об усмирении яростного духа русов проповедью христианства среди них.

Во время русского набега трон патриарха, как мы знаем[188], был занят Фотием, человеком высокого интеллекта и глубоко образованным, одним из наиболее выдающихся духовных лидеров во всей истории Византии[189]. Как глава Византийской Церкви, Фотий играл важную роль и в государственных делах. Императору Михаилу было немногим за двадцать лет в 860 г.; кроме того, он был слабохарактерным юношей, которому недоставало решительности[190]. Его главный помощник, куропалат Бардас, был близким другом Фотия и всегда ценил его советы. Просветительской целью Фотия было выдвижение философии в качестве основания Церкви, а также распространение византийской духовной цивилизации за пределами Империи. Поэтому первый срок его патриаршества (858 - 867 гг.) был ознаменован возрождением миссионерской деятельности византийской Церкви. Попытка обратить русов в христианство стала лишь одним из направлений подобной политики Фотия.

Русы были столь же опасны для хазар, как и для византийцев, поэтому представлялась необходимой некоторая координация политики византийцев и хазар в отношении руси. Хотя христианство и пробивало свои корни в Хазарии[191], оно там не утвердилось, и сам каган был язычником. Все же, Фотий питал надежду на то, чтобы обратить хазар и русов одновременно. Согласно "Житию" Константина Философа, именно хазарам принадлежала инициатива его миссии, но, во всяком случае, Фотий стремился восполь-

зоваться прибытием хазарских посланников в Константинополь и предложил послать им проповедников (вероятно, в конце 860 г.).

Как записано в "Житии" Константина Философа, хазарские посланники по прибытии в Константинополь заявили следующее: "*Мы знали бога, повелителя всего сущего (Тангри, алтайского бога неба), с незапамятных времен... а теперь иудеи побуждают нас принять их религию и обычаи, и арабы, со своей стороны, тянут нас в свою веру, обещая нам мир и много даров*"[192]. В этих словах очень точно описана религиозная ситуация в Хазарии. Мы уже упоминали[193], что на протяжении какого-то времени в Хазарии распространялись как иудаизм и ислам, так и христианство, и арабы считали обращение кагана в ислам как необходимое условие мира. Ясно, что ко времени хазарского посольства в Константинополь, каган должен был решить, какую из трех иноземных для Хазарии религий ему нужно принять взамен примитивного шаманизма.

Фотий назначил самого способного из своих учеников, Константина, прозванного Философом, возглавить миссию. Константин стал известен под именем Кирилл, которое было дано ему вместе с высшим монашеским чином (схимой) перед смертью, как один из двух славянских апостолов, а вторым был его брат Мефодий[194]. Нет сомнений в том, что Константин был человеком мощных интеллектуальных способностей, искусным диалектиком и еще более выдающимся лингвистом. Согласно его биографу, он был единственным достойным кандидатом для выполнения миссии в Хазарии: "*Никто иной не смог бы осуществить ее*"[195]. Помимо общего философского и богословского образования, лингвистические способности Константина и его знание разных диалектик явились причиной того, что выбор пал на него. За несколько лет до этого он был послан миссионером в Сирию, и, вероятно, приобрел не только некоторые познания в мусульманской диалектике, но и основы арабского и еврейского языков, что помогло ему в спорах с иудеями и мусульманами в Хазарии[196]. На пути в Хазарию Константин остановился в Херсонесе в Крыму, чтобы завершить изучение древнееврейского. Между прочим, через самаритянина, которого он встретил в Крыму, он приобрел также некоторые познания в самаритянском языке[197].

Не менее важным было и знакомство Константина со славянским языком. Они оба с братом Мефодием, который должен был

сопровождать его в Хазарию, родились в Салониках, где их отец занимал важный пост в военной администрации[198]. Как и во многих македонских семьях, в семье говорили как по-славянски, так и по-гречески. Знание славянского было главнейшим требованием к главе и членам миссии в Хазарию, поскольку этот язык был широко распространен в Крыму и в самой Хазарии, особенно среди племен асов и русов. Нам следует добавить, чтобы избежать превратного истолкования, что некоторые другие кланы - особенно на Северном Кавказе - говорили только на иранском (осетинском), а в некоторых приграничных районах употреблялось смешение славянского и осетинского. Даже после прихода шведов и установления их владычества над асами и русами лингвистическая ситуация существенно не изменилась. Шведская правящая верхушка была немногочисленна и далека от того, чтобы навязывать свой язык народам, которыми она правила, и сами шведы, вероятно, быстро славянизировались, как это будет позднее и с правителями Киева.

Возможно, знание славянского языка оказалось очень полезным Константину во время его пребывания в Херсонесе.

"И он нашел там список Евангелия и псалмов, написанных порусски (росьскы письмены писано; вариант: русьскы), и он нашел человека, говорящего на этом языке, и говорил с ним, и понимал смысл того, что говорит тот, и, приспособив его язык к своему собственному наречию, он разобрал буквы, как гласные, так и согласные, и, помолясь Богу, стал быстро читать и говорить (порусски)"[199].

Хотя сам Константин повсеместно признан изобретателем славянского алфавита, и хотя нет никаких ясных свидетельств о существовавшем до него сколько-нибудь развитом славянском письме[200], знаменитый вышеприведенный фрагмент из "Жития" Константина вводил в заблуждение несколько поколений ученых. Предполагалось много теорий для идентификации тех самых "русских букв"[201]. До недавнего времени "готская" теория считалась наиболее правдоподобной[202]. Согласно ей, манускрипт, который был найден Константином в Херсонесе, был на готском (на языке крымских готов). В 1935 г. совершенно противоположная гипотеза была выдвинута А. Вайяном[203], а именно, что текст вышеприведенного фрагмента следует считать неточным, и в нем вместо "русских букв" (русьскы) имелись в виду "сирийские буквы" (сурьскы). На наш

взгляд, ни готская, ни сирийская теория не имеют оснований. Крымские готы были хорошо известны даже в Константинополе и, конечно, еще больше - в Херсонесе; невозможно, чтобы Константин ошибся, приняв их за русских. Что касается сирийской гипотезы, она более правдоподобна, чем готская, ввиду общего образования и культурного уровня Константина[204], но в то же время мы стоим перед тем фактом, что ни в одном из списков "Жития" Константина в этом фрагменте не читается "сурьскы", в то время как в некоторых манускриптах нет "русьскы", но есть "росьскы" или "рускы", так что возможность вывести "русскы" из "сурьскы" в этом фрагменте чрезвычайно мала. Более того, из содержания рассказа ясно, что главной трудностью для Константина было разобрать буквы, а не понимать язык, что ему удалось легко, сравнив этот язык со своим собственным (своей беседе прикладая), то есть, несомненно, сравнивая русский с македонским славянским наречием. Все это вместе говорит о том, что простейший путь объяснения текста - это читать его таким, какой он есть, и согласиться с тем, что манускрипт действительно был на русском, то есть на языке южной руси (асов, антов), или более точно - на языке крымских асов или русов.

Позднее, в полемике с римским духовенством, когда Константин защищал права славян на то, чтобы иметь свои священные книги и проводить службу на собственном языке, он составил перечень народов, которые используют собственный язык в церковной литературе и церковной службе. Перечень содержит названия следующих народов[205]: армяне, персы, абасжане, иберы, сугдеане, готы, авары, тюрки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы. Хотя здесь и нет особого упоминания о русских, внимание приковывает название "сугдеане". Их, конечно, следует идентифицировать с жителями города и района Сугдея в восточном Крыму. А в этой части Крыма бóльшую часть населения составляли асы. Таким образом, под названием "сугдеане" Константин, видимо, подразумевал и асов, и русов, поскольку русы были кланом асов.

Хотя проблему языка рукописи, которую Константин изучал в Херсонесе, на наш взгляд решить легко, характер букв, которыми она написана, представляет собой значительно более сложную проблему, и здесь мы можем лишь высказать предположение. Известно, что христианство распространялось среди народов Северного

Кавказа, главным образом, с юга, из Грузии и Армении. Как грузинские, так и армянские миссионеры время от времени приезжали в Хазарию. Так, в 681 - 682 гг. албанский епископ Израэль проповедовал среди северокавказских "гуннов"[206]. Вероятно, среди обращенных им были и осетины (асы). В конце восьмого века грузинский монах Св. Або путешествовал по Крыму и Хазарии[207]. Представляется вполне правдоподобным, что христианские общины, возникавшие на Северном Кавказе в течение седьмого и восьмого веков, включая и осетинские (асские) общины, использовали грузинские или армянские буквы для написания литургических текстов или молитв. От северокавказских асов крымские асы ("сугдеане"), видимо, заимствовали алфавит, который, скорее всего, состоял из армянских или грузинских букв (а может быть, смешение тех и других), адаптированных к языку асов. И, вероятно, Константин имел дело в Херсонесе[208] с русским манускриптом, написанным с помощью такого адаптированного армянского или грузинского алфавита.

Можно считать, что Константин оставался в Крыму на протяжении зимы 861 г., а весной того же года направился в ставку кагана в Хазарию. Путь, избранный миссионером, привлекает внимание[209]. Сперва он направился в Северную Таврию, где на него напали мадьяры, однако они не вынудили его повернуть обратно, и он проследовал дальше к одной из бухт на северном побережье Азовского моря, где сел на корабль и поплыл по "хазарскому пути". Спрашивается, почему Константин не сел на корабль прямо в Херсонесе или, по крайней мере, в Керчи, что уберегло бы его от невзгод на сухопутном пути через Северную Таврию, подобных нападению мадьяр. Вероятно, для выбора окольного пути была серьезная причина. Очевидно, морской путь через Керченский пролив кем-то был прегражден, так что Константин не мог им воспользоваться. Но кто мог препятствовать мореплаванию через Керченский пролив? Вряд ли кто-нибудь иной, как русские, чья ставка находилась по ту сторону пролива в Тмутаракани, но которые, очевидно, в это время контролировали Керчь. Из этого следует, что русские не желали принимать византийских миссионеров. А если так, то Константин вынужден был избрать другой путь, называемый в его "Житии" "хазарским путем". Это, несомненно, старый путь русских купцов через Хазарию, как он опи-

сан у Ибн-Хурдадби[210], то есть вверх по Дону до Саркела, затем волоком к Волге и вниз по Волге к городу Итилю.

Во время миссии Константина ставка кагана находилась не в Итиле, а в Самандаре, который был расположен либо на месте современного города Кизляра, либо на месте Тарку[211]. Во всяком случае, Константин должен был продолжать путешествие от Итиля на юг вдоль западного берега Каспийского моря к устью реки Терек. После прибытия в ставку кагана Константину предстояло вступить в полемику с оппонентами - нудейскими и мусульманскими миссионерами. В "Житии" достаточно подробно описана его полемика с нудеями, но мало сказано о полемике с мусульманами. В "Житии" Мефодия[212] о полемике с мусульманами не упоминается вовсе. Мы можем вспомнить, что в книге арабского автора Аль-Бакри есть рассказ о религиозных диспутах между христианами и нудеями, где, очевидно, имеется в виду миссия Константина[213]. Согласно Аль-Бакри, нудеи взяли верх над своим христианским оппонентом, а что касается мусульманского миссионера, ему не удалось принять участие в диспуте, поскольку он был отравлен евреями. Согласно "Житию" Константина, именно он разбил все аргументы нудея и никак иначе; но и нельзя ожидать другого в таком литературном документе, как "Житие" святого.

Во всяком случае, даже из "Жития" ясно, что каган не был обращен в христианство, благодаря аргументации Константина. Однако он позволил своим придворным и своему народу окреститься, если они того желают. И около двухсот человек действительно было окрещено. Более того, каган написал вежливое письмо императору, в котором читаем следующее: "*Ты прислал нам, Государь, достойного человека, который своими словами и делами показал нам, что христианская вера - святая; мы поняли, что это истинная вера, и мы дозволили тем, кто захочет, принять крещение, и надеемся, что мы сами будем готовы сделать то же в надлежащее время. И мы являемся друзьями и помощниками твоего величества и готовы служить тебе, когда тебе потребуется наша служба*"[214]. Таким образом, сохраняя миролюбивое отношение к религии, каган заявил о дружбе и сотрудничестве между ним и императором. Поэтому мы можем сказать, что с политической точки зрения миссия Константина имела полный успех, но с точки зрения религиозной успех был лишь частичным. Хотя и был

дан новый толчок к распространению христианства в Хазарии, оно не стало официальной религией, и сам каган остался от него в стороне. Следует добавить, что через три или четыре года после путешествия Константина в Хазарию каган был обращен в иудаизм (около 865 г.)[215].

Провожая Константина, каган предложил ему богатые дары, но Константин отказался принять их, попросив кагана вместо того об освобождении византийских пленников без всякого выкупа, на что каган согласился[216]. Поскольку перед миссией Константина не было войны между Византией и хазарами, естественно возникает вопрос, что за византийские пленники были в Хазарии, и как они попали туда. Единственное возможное объяснение - что это были греки, взятые в плен русскими во время их набега на Константинополь, привезенные после этого в Тмутаракань и проданные хазарам.

Возвращаясь назад, Константин выбрал сухопутный путь через Северный Кавказ. Сначала он направился к Каспийским Воротам, то есть, к Дарьяльскому ущелью. Оттуда он продолжил свое путешествие к восточному побережью Азовского моря через засушливые степи, где и он, и его спутники страдали от жажды и истощения[217]. Можно удивляться, почему он не выбрал значительно более удобный путь вниз по реке Кубани до Тмутаракани. И опять ответ здесь, видимо, в том, что тмутараканские русские не позволили ему пройти по их территории. Более того, при нем были освобожденные греческие пленники, которых те хотели бы захватить.

Переправившись через Азовское море, Константин вернулся в Крым, и во время своего второго пребывания в Крыму он обратил народ Фул в христианство[218]. Город Фулы находился на северо-восточном склоне Крымских гор, возле современного города Карасубазар. По свидетельству "Жития" Константина жители Фул поклонялись священному дубу, который был срублен Константином. Это похоже на рассказ об обращении "гуннов" албанским епископом Израэлем в 681/82 г.[219]. Гунны, как и фульцы, поклонялись священному дубу, и Израэль, как и Константин, срубил его. Согласно Маркварту поклонение деревьям было широко распространено среди касогов (черкесцев) и абасжан, у которых его заимствовали аланы (асы)[220]. Мы можем упомянуть в связи с этим, что Константин Багрянородный, писавший в середине десятого века,

рассказывает, что русские (которые в то время контролировали Киев) приносили в жертву петухов перед большим дубом на острове Св. Григория, который следует идентифицировать с островом Хортица на Днепре[221]. Правители Киева были скандинавского происхождения, но в их армии было много полян, а они были одним из антских, или асских племен. Ко времени обращения фульцев (около 861 г.) часть кавказских и крымских асов и русов уже были христианами, а сугдейские русы имели даже церковные книги на своем собственном языке и со своей графикой - "русскими буквами". Но вдали от моря, как в Фулах до прихода Константина, асы и русы все еще оставались язычниками.

Хотя ему удавалось распространять христианство в Крыму и на Северном Кавказе, Константин не сумел обратить тмутараканских русских, которые решительно отказались принять его. Однако, пример крымских и северокавказских асов и русов со временем подействовал и на тмутараканских русов, и в 867 г. патриарх Фотий мог торжественно провозгласить, что народ рос, известный своей дикостью, теперь принял христианского епископа и стал исполнять христианские обряды с большим усердием[222]. К сожалению, Фотий не указал в своем послании, где располагалась епархия росского епископа, поскольку тмутараканская епархия упомянута в перечне епархий Готии, который, по моему мнению, был, видимо, составлен Константином после его возвращения из Хазарии[223]. Поэтому нам следует считать тмутараканское епископство зародышем русской церкви[224].

6. Миссия Константина и Мефодия в Паннонии и зарождение славянской письменности[225]

Через год после возвращения из Хазарии Константин с братом Мефодием предпринял новую миссию, результаты которой имели серьезные последствия для всего хода развития славянской культуры. На сей раз их позвали на запад, а не на восток. Инициатива новой миссии исходила от князя Ростислава из Моравии. В 862 г. его посланники прибыли в Константинополь и попросили императора направить проповедников в Моравию, чтобы насаждать там христианство. К этому времени часть моравского народа, включая

самого князя Ростислава, уже была обращена в христианство, главным образом через германских миссионеров. Последние, однако, не были знакомы со славянским языком, что являлось серьезной помехой для их проповедей. Кроме того, церковные книги, которые они привезли с собой, и церковные службы, которые они проводили, были на латыни, и потому не воспринимались коренным населением.

Чтобы полностью осознать значимость решения Ростислава обратиться к Константину с просьбой прислать миссионеров, нам следует рассмотреть политическую и духовную ситуацию на нижнем Дунае, на территории, известной как Паннония, в расширенном смысле этого слова. С церковной точки зрения эта территория находилась под юрисдикцией Рима, а говоря более определенно, епископ Зальцбургский провозгласил свое господство над этим регионом. Что касается международной политики, то в первой четверти девятого века, как мы видели[226], за нижнедунайские земли велся спор между франками и булгарами. Моравия оставалась в франкской сфере влияния, и в 840 г. король Людовик Немецкий посадил там князя Ростислава как своего вассала. Сперва Ростислав оставался верным Людовику, но позднее попытался освободить себя и свою страну от германского владычества[227]. Хотя сам Ростислав был окрещен, он возмущался высокомерием германских епископов. В 855 г. Людовик послал войска в Моравию, но они потерпели поражение от моравского князя. Позднее Людовик предложил булгарскому хану Борису, в то время еще язычнику, союз против Моравии[228]. Чтобы предвосхитить опасность быть атакованным булгарами вместе с германцами, Ростислав решил просить византийского императора о помощи, как дипломатической, так и церковной.

Вполне естественным для патриарха Фотия было доверить новую миссию двум солунским братьям, ввиду как знания ими славянского языка, так и опыта в миссионерской деятельности, который они приобрели в Хазарии, где, и это следует отметить, ведущая роль принадлежала Константину, в то время как Мефодий не проявил особенной инициативы. Константин стал также главой паннонской миссии, но на этот раз Мефодий тоже был очень деятелен, и после смерти Константина в 869 г. Мефодий один продолжил миссионерскую деятельность, проявив себя достойным преемником своего выдающегося брата.

Обсуждая план миссионерской деятельности в Моравии, Константин с самого начала настаивал на использовании славянского языка моравской церковью. Его идею поддержали и Фотий, и император Михаил. Следует заметить, что иерархи Византийской Церкви в некоторых случаях были готовы согласиться на использование местных языков в церковной службе, в отличие от обычно бескомпромиссного отношения Рима. Раз было принято решение об использовании славянского языка в церковных службах в Моравии, сразу же возникла проблема наличия церковных книг, по крайней мере, главных, переведенных на славянский и написанных по-славянски; а в то время не было устойчивого местного алфавита. Мы можем допустить, что во многих случаях славяне использовали греческий алфавит, который, однако, не вполне подходил для славянского языка; как мы видели выше[229], крымские асы и русы использовали нечто вроде своей собственной азбуки. Теперь, перед началом своей паннонской миссии, Константин должен был либо согласиться на то, чтобы использовать греческий алфавит для передачи славянских букв, либо утвердить "русские буквы", которые он изучал в Крыму, либо изобрести совершенно новый славянский алфавит. По "Житию", Константин выбрал последнее и составил свой собственный алфавит. И Философ, согласно своему обычаю, сначала начал молиться вместе со своими помощниками; и вскоре "*Господь внял молитве его приближенных, и божественная мысль осенила Константина, и он составил буквы*"[230].

Славянский алфавит, используемый в церковных книгах и, в переработанной форме, в светской литературе русскими, украинцами, болгарами и сербами, называется кириллическим, в соответствии с монашеским именем Константина. Однако, многие исследователи сейчас сомневаются в том, что это именно тот алфавит, который был изобретен Константином (Кириллом), и приписывают изобретение кириллического шрифта болгарскому ученику Мефодия в конце девятого века[231]. Что касается Константина, то по общему мнению он считается сейчас изобретателем так называемого глаголического алфавита. Проблему эту трудно решить, поскольку не только не сохранилось ни одного автографа Константина, но и ни одной славянской рукописи его времени не было найдено. Самые ранние образцы глаголического и кириллического шрифтов относятся ко времени царствования болгарского царя Симеона (892 - 927 гг.)[232].

Кириллический алфавит взял за основу греческий унциальный шрифт с использованием некоторых дополнительных букв для передачи звуков, которых нет в греческом языке. Что касается глаголического алфавита, его происхождение до сих пор является загадкой. Одно время существовало общее мнение, что он произошел от греческой скорописи, но доверие к этой теории серьезно пошатнулось[233]. Различные исследователи выдвигали предположения о происхождении глаголицы от того или другого восточного алфавита: коптского, еврейского, самаритянского, армянского или грузинского[234]. Не являясь специалистом ни в лингвистике, ни в палеографии, я вряд ли могу заявить о себе как о компетентном судье в полемике о глаголице. Однако, поскольку исследователи в этих специальных областях не пришли пока к определенным выводам, мне не остается ничего, кроме как высказать свое собственное мнение. Нельзя отрицать определенного сходства между армянским и грузинским алфавитами, с одной стороны, и глаголическим, с другой. Поскольку, согласно моему предположению, "русские буквы", обнаруженные Константином в Крыму, вероятно, происходили от армянского или грузинского алфавитов (или от обоих), я готов с определенными оговорками и до определенной степени поддержать теорию Н. К. Никольского о том, что упоминающиеся в "Житии" Константина "русские буквы" были глаголическими[235]. Примечательно в связи с этим, что по надписи на реймсской копии евангелия четырнадцатого века мы можем заключить, что глаголица была известна как "русский шрифт"[236].

А если так, то несомненным выводом будет то, что Константин не изобретал глаголического алфавита, а следовательно, алфавит, который он изобрел, вероятно, был кириллическим. Как объяснить употребление глаголицы, как второго из двух ранних славянских алфавитов? Можно думать, что, изобретая кириллицу для общего употребления, Константин продолжал использовать глаголицу в качестве некоего тайного шрифта для конфиденциальных посланий, посвятив в его "тайны" лишь наиболее надежных своих последователей[237]. Позднее, после смерти Константина, секретность была снята, и глаголицей, видимо, стали пользоваться наряду с кириллицей, а в некоторых регионах глаголице даже отдавали предпочтение.

Склоняясь к только что приведенной интерпретации взаимоотношения между двумя шрифтами, я готов, в принципе, допустить возможность иного подхода к проблеме. Вероятно, Константин не принял "русских букв" такими, какими он обнаружил их, но переработал их и приспособил к потребностям славянского языка. Эту переработку и адаптацию, возможно, называли его изобретением. В таком случае, Константин также может считаться изобретателем глаголического алфавита, и это позволит отнести изобретение кириллицы к последователям Мефодия.

В 863 г. Константин и Мефодий прибыли в Моравию ко двору князя Ростислава. История их деятельности там находится вне сферы настоящего труда, и нам следует ограничиться лишь некоторыми замечаниями общего характера. Особенная трудность миссионерского положения братьев заключалась в том, что им приходилось быть одновременно в добрых отношениях и с Византией, и с Римом. В сущности, между западной и восточной церквями еще не было схизмы. Даже обличение папской политики Фотием, прозвучавшее в 867 г.[238], не разрушило общности церквей, поскольку позднее сам Фотий возобновил отношения с Римом. Окончательный разрыв произойдет двумя веками позже, во время патриаршества Михаила Керулария (1054 г.). Щекотливость положения Константина и Мефодия происходила из того факта, что они были посланы в качестве миссионеров патриархом Константинополя в земли, традиционно относившиеся к юрисдикции папы римского. Если бы братья по прибытии в Моравию настаивали на ее духовном подчинении Константинополю (в чем, видимо, их инструктировал Фотий), они бы нарушили канонический порядок. Но они ничего подобного не сделали, будучи наполнены истинным христианским духом, а не соображениями церковной политики. Их целью было организовать славянскую церковь в Моравии, а не расширить границы византийского патриаршества. Противостояние, которое они встретили сразу же, исходило не из Рима, а от германского духовенства[239]. Поскольку последнее канонически было подчинено папе, то именно к папе и обратились Константин и Мефодий за подтверждением их полномочий в Паннонии. Теоретически, во власти папы было организовать новую епархию в Паннонии, независимо от любых протестов епископа Зальцбургского. Действительно, немцы ставили на пути братьев столько препятст-

вий, сколько могли. Как германское, так и итальянское духовенство яростно сопротивлялось использованию славянского языка в церковных службах.

В 868 г. Константин и Мефодий отправились в Рим с целью защитить права славянского языка, эта миссия имела полный успех, и папа Адриан торжественно возложил копии славянских литургических книг на алтари некоторых римских церквей[240]. К этому времени здоровье Константина было сильно расстроено неустанными трудами, и он умер в Риме после получения высшего монашеского чина (схимы)[241] под именем Кирилл (869 г.). Мефодий готов был продолжать труд в одиночку, и в 870 г. папа Адриан II посвятил его в сан епископа Паннонии с епархиальным центром в Сирме (Митровица)[242]. Казалось, что дело славянской церкви обеспечено, но в это время в Моравии произошел дворцовый переворот. Немцы искусно воспользовались разногласиями между князем Ростиславом и его племянником Святополком. С помощью немцев Святополк арестовал своего дядю и сам захватил моравский трон. Вскоре немцы предали его и вторглись в Моравию. Лишь в 874 г. Святополку удалось изгнать их и восстановить свою власть[243].

Сопротивляясь немцам политически, Святополк был готов к компромиссу с ними в делах церковных. Он признал Мефодия архиепископом, но в то же время пользовался советами германского священника, Вихинга. Вихинг противился славянским литургиям и ветвистыми путями вел интриги против Мефодия, посылая на него доносы папе[244]. Мефодий еще раз отправился в Рим, и хотя ему удалось оправдаться перед папой, тот, чтобы не вызывать раздражения немецких прелатов, постепенно стал сокращать использование славянского языка в моравской церкви. После смерти Мефодия (885 г.) в Моравии прекратилось использование славянского языка для литургических служб. Последователи Мефодия были изгнаны из страны и вынуждены были найти убежище в Болгарии[245].

Хотя главные результаты паннонской миссии, таким образом, оказались утрачены, исторический труд Константина и Мефодия был не напрасен, поскольку они заложили прочное основание для создания славянской письменности и всей славянской цивилизации в целом, благодаря чему братья удостоились называться сла-

вянскими апостолами. В разгар их административной и миссионерской деятельности в Паннонии, несмотря на все препятствия, они находили время для литературных трудов, наиболее важными плодами которых явились переводы на славянский язык евангелий, псалмов и некоторых книг для церковных служб[246]. Славянский язык в трудах Константина и Мефодия, лингвистической основой которого явился македонский диалект[247], стал языком всех славянских церквей, то есть, православных, и поэтому известен как церковнославянский. Это был язык большинства образованных славян на протяжении средних веков и раннего периода новой истории, и он также лег в основу развития русского литературного языка. Таким образом, хотя расцвет славянской письменности в Моравии длился недолго, он продолжался достаточно, чтобы его факел можно было перенести сначала в Болгарию и Сербию, а затем - в Россию.

7. Обращение дунайских болгар[248].

Как мы видели[249], дипломатический шаг моравского князя Ростислава, имевший результатом отправку христианских миссионеров из Константинополя в Паннонию, вызван был желанием предотвратить опасность для Моравии франко-болгарского дружественного союза. Мало что известно о ходе переговоров между королем Людовиком Немецким и болгарским ханом Борисом в 862 и 863 гг., но можно предположить, что наряду с другими, обсуждались и вопросы церковной политики[250]. Хотя большинство болгар и подчиненных им славян все еще оставались язычниками, христианство уже начало распространяться в Болгарии, главным образом, через греков, как тех, кто оказался в подчинении хана, так и греческих купцов, которые постоянно наезжали в Болгарию. И, вообще говоря, Болгария, как ближайший сосед империи, естественно, была открыта для византийского культурного влияния. Таким образом хан Борис стоял перед той же дилеммой, что и позднее князь Владимир Киевский: противостоять ли христианству, или содействовать его распространению в интересах государства[251]. Принятие христианства приносило много выгод, таких как повышение престижа правителя как внутри страны, так и на меж-

дународной арене, и определение к нему на службу высокообразованного персонала. С другой стороны, Борис не мог не понимать определенных опасностей, вытекающих из принятия христианства от Византии. Признание владычества константинопольского патриарха над предполагаемой булгарской церковью могло привести к необходимости признания господства византийского императора над булгарским государством. Представляется вполне вероятным, что поэтому Борис предпочел бы получить христианство не от Византии, а от Рима, а точнее, от германских прелатов, находящихся под юрисдикцией Рима. Если эти рассуждения верны, то значит религиозные темы играли определенную роль в переговорах между франками и болгарами.

Известно, что в 863 г. Людовик известил Рим о намерении Бориса принять истинную веру[252]. Важный, хотя и деликатный пункт стал проблемой для будущей организации болгарской церкви. Видимо, Борис настаивал на определенной автономии болгарской церкви, во всяком случае, на организации ее как отдельной епархии. Позднее русские киевские князья выдвигали точно такие же требования[253]. Пока тянулись переговоры между франками и болгарами, византийские войска вторглись в Болгарию, и император Михаил III потребовал от Бориса порвать союз с франками. Не получив помощи от Германии, Борис был вынужден не только принять византийский ультиматум, но и выразить желание стать христианином. Он был окрещен вместе с некоторыми из его придворных в 864 г.[254]. Сам император был крестным отцом Бориса, и поэтому Борис принял императорское имя Михаил как свое христианское имя.

Однако, среди бойлов все еще сильна была языческая партия, которая вскоре организовала заговор против хана. Заговорщики окружили дворец, но Борис не испугался, и с небольшим отрядом верных ему гвардейцев сделал вылазку и разогнал бунтовщиков. Зачинщики были арестованы и немедленно казнены вместе с детьми, чтобы предотвратить всякую возможность возмездия[255]. Казнь предводителей языческой партий, среди которых большинство составляли болгары, а не славяне, увеличила вес славян при ханском дворе. Хотя Борис безоговорочно связал себя с христианской партией, он не был готов к тому, чтобы полностью подчиниться главенству Византии. Наоборот, вскоре он был разочарован в сотрудничестве с Византией.

Нам следует осознать, что политика патриарха Фотия в отношении к болгарской и моравской церквям была совершенно разной. Посылая своих миссионеров в Паннонию, Фотий был готов к тому, чтобы паннонская церковь была организована как автономная епархия, и рекомендовал использование в литургии славянского языка[256]. Ничего подобного не предполагалось для Болгарии. После обращения Бориса туда послали греческих и армянских священников; в Болгарию не был назначен епископ, и Фотий планировал держать болгарскую церковь под непосредственной властью патриаршего трона в Константинополе. Нетрудно понять причины разного отношения Фотия к Моравии и Болгарии. Моравия была удалена от границ не только Византийской империи, но и Константинопольского патриархата. Фотий ничего не терял от образования национальной церкви в Моравии. Здесь все заботы относились к папе. Территория Болгарии, наоборот, издавна прилегала к границам империи, и с церковной точки зрения, Фракия всегда считалась частью Константинопольского патриархата, а не Рима[257]. Во всяком случае, в отношении Фотия к Болгарии превалировали соображения имперского централизма и греческого национализма.

Политика Византии в этом вопросе оказалась очень недальновидной. Когда Борис принял христианство, он, должно быть, сразу же стал настаивать на том, чтобы иметь епископа болгарской церкви, с целью сделать ее потенциально автономной. Теперь же, когда, с его точки зрения, византийские власти обманули его, он направил посланников в Рим с просьбой к папе Николаю, чтобы тот прислал в Болгарию епископа и священников (август 866 г.)[258]. Борис также обратился к королю Людовику Немецкому с просьбой оказать содействие в этом деле, пользуясь влиянием короля на папу. Папу не нужно было подталкивать, поскольку он очень хотел воспользоваться случаем для распространения своего влияния на Балканском полуострове. Он немедленно направил Борису двух легатов для организации болгарской церкви под властью Рима. Таким действием папа нарушил прерогативы Константинопольского патриархата, и легко можно представить себе возмущение Фотия. Разразился острый конфликт между папой и патриархом, и Фотий торжественно осудил действие Николая, указывая также и на, по его мнению,

теологические ошибки римской церкви, наиболее серьезной из которых он считал пункт о Filioque в латинском "Символе веры" (867 г.)[259].

Опасность полного разрыва между восточной и западной церквями была предотвращена дворцовым переворотом в Константинополе. Император Михаил III был убит Василием Македонянином, который сам занял трон (23 сентября 867 г.). Одновременно Фотий был смещен, и вместо него патриархом был избран Игнатий[260]. Хотя Игнатий хотел достичь компромисса с Римом по вопросам богословских расхождений, он проявил не меньшую, чем Фотий, готовность настаивать на византийских прерогативах по отношению к болгарской церкви. Нам следует принять в расчет, что хан Борис к этому времени был разочарован в позиции папы. Одному из двух посланных в Булгарию легатов - Формозо, епископу Порта - удалось снискать доверие Бориса. Формозо продемонстрировал большое понимание потребностей болгарской церкви, и намеревался организовать ее как обособленную единицу. Это явно противоречило тайным планам папы, и противники Формозо в Риме стали выражать подозрения в том, что он больше заботится о своих интересах, нежели об интересах римского престола. Поэтому, когда Борис попросил папу назначить Формозо первым епископом Болгарии, тот не только отказался, но и отозвал Формозо обратно в Рим.

Борис был глубоко оскорблен и снова обратился в Константинополь за руководством в церковных делах. Дело было передано на рассмотрение Восьмого Вселенского Собора, который собрался в Константинополе в 869 - 870 гг. Собор (решения которого впо-следствии отвержены православной церковью) осудил Фотия, но с другой стороны, несмотря на протест папских легатов, вновь утвердил владычество патриарха константинопольского над Болгарией[261]. Полемика, однако, на этом не закончилась, поскольку папа не желал отказываться от своих требований.

Борьба между Византией и Римом болезненно сказалась на становлении молодой болгарской церкви, тем более, что ни папа, ни патриарх не готовы были признать обоснованность использования славянского языка в церковных службах. Только после прихода последователей Мефодия - Клемента, Наума и других - из Моравии в Болгарию (886 г.) стала возможной славянизация

болгарской церкви. Были образованы славянские школы для подготовки болгарских священников, и подготовлены славянские переводы наиболее важных церковных книг. В конце концов Болгарское народное собрание 893 г., которое провозгласило сына Бориса Симеона правителем (архонтом) Болгарии, одновременно признало славянский язык официальным языком церкви[262]. Климент был назначен епископом Велиграда. Период правления царя Симеона (893 - 927 гг.) стал временем быстрого подъема и расцвета славянской письменности в Болгарии[263].

8. Киев в 870-е гг. и взятие его Олегом

Теперь снова обратимся к Киеву. Как мы видели[264], в 860 г. Аскольд и Дир объединили силы с приазовскими русскими для нападения на Константинополь. Известно, что после кампании 860 г., по крайней мере, некоторая часть русских была обращена в христианство и оказалась под владычеством епископа, чей престол был, предположительно в Тмутаракани[265]. В связи с таким развитием событий нам бы, естественно, очень хотелось знать отношение к христианству тех русских, которые находились под контролем Аскольда и Дира, и собирались ли сами Аскольд и Дир способствовать распространению христианства в Киеве. К сожалению, в наших источниках нет доступной информации[266].

С другой стороны, представляется вполне возможным, что в 860-е и 870-е гг. некоторые христианские миссионеры добирались до Киева не только с юга, но и с запада, а именно из Моравии. Мы видели[267], что благодаря трудам святых Кирилла и Мефодия, христианство прочно утвердилось в Моравии, и славянский язык стал первым, хотя только на время, языком моравской церкви. Таким образом, на протяжении ряда лет Моравия была важным центром славянской культуры и образования. Хотя князь Святополк (870 - 894 гг.) и не был поборником славянской церкви[268], он косвенным образом способствовал ее распространению, расширяя границы своего государства. Именно к его царству мы можем отнести упоминание Аль-Бахри и некоторых других восточных писателей о могучем славян-

ском государстве, столица которого называлась аль-Фирак (Прага). Согласно Гардизи, имя славянского правителя было Свет-Малик[269]. Этот царь, наряду с другими землями, управлял областью джервабов, то есть хорват.

Нет сомнений, что здесь имелись в виду хорваты из Галиции[270]. Город джервабов, упомянутый Аль-Бахри, вероятно, Краков. Эти хорваты происходили от того же корня, что и южные (балканские) хорваты, но из-за географического положения вошли в близкую связь с восточными славянами, а затем и в объединение русских племен, которыми управляли киевские князья. Даже в тот отдаленный период, видимо существовали коммерческие отношения между Киевом и Галицией[271], а с купцами, как это бывало везде, возможно, приходили и христианские миссионеры. Мы вполне допускаем, что некоторые последователи Св. Кирилла и Мефодия приходили проповедывать в Галицию, а оттуда кто-то из них, возможно, пытался установить связи с Киевом[272]. Именно к этому "Моравскому периоду" можно отнести происхождение идеи о единстве трех славянских племен - чехов, поляков и русских[273]; позднее легенда о трех братьях - Чехе, Ляхе (поляке) и Русе - была пущена в ход, чтобы еще более ясно выразить идею единства этих трех славянских народов[274].

Говоря о расширении киевской торговли в 870-е гг., нам теперь следует выделить возрастающую важность верхнеднепровского пути. История захвата Киева Олегом (878 г.), как она рассказана летописцем одиннадцатого века[275], достаточно характерна. Согласно этой истории, Олег притворился купцом, и с помощью этой уловки ему удалось захватить город. Очевидным подтекстом этой истории является то, что к тому времени не было ничего необычного в прибытии купеческих кораблей в Киев из Смоленска.

Из-за недостатка свидетельств мы не в состоянии привести какие-либо точные данные о культурном и экономическом развитии Киева в 870-е гг. Однако, принимая в расчет то, что город установил достаточно близкие отношения - как коммерческие, так и иные - со Смоленском на севере, Галицией на западе и Приазовьем на юго-востоке, вполне можем допустить, что, благодаря этим различным влияниям, в Киеве происходили важные культурные перемены. Политически же, как уже отмечалось[276],

Киев в это время находился под мадьярским контролем.

В конце 870-х гг. мирное, по-видимому, течение жизни в Киеве было нарушено появлением нового отряда варягов, добравшихся до города из Новгорода. Чтобы разобраться в причинах этого события, нам следует теперь переключить наше внимание на Новгород. Мы видели, что ютландский князь Рюрик появился на Ладоге около 856 гг.[277], а несколько позднее он захватил Новгород[278]. Должно быть, прошло несколько лет, прежде чем Рюрик навел порядок в своих новых владениях на новгородской земле. Однако, он продолжал наблюдать за развитием событий на западе и в 867 г. предпринял неудачную попытку возвратить себе Фрисланд с помощью датчан[279]. Смерть в 869 г. Лотаря, короля Лотарингии, который в 854 г. получил Фрисланд в ленное владение от своего отца, императора Лотаря[280], вызвала общее перераспределение всех владений во Франкской империи, и Рюрик решил, что это благоприятный момент для предъявления его требований. Поэтому он отправился в Нимвеген для беседы с Карлом Смелым (братом императора Лотаря) и обещал поддерживать его за соответствующее вознаграждение. В 873 г. Рюрик получил Фрисланд обратно, и после этого его имя больше не упоминалось во фракийских хрониках[281]. В русской "Повести временных лет" запись о смерти Рюрика помещена под годом 879[282]. Если мы допустим, что здесь та же хронологическая ошибка, что и в рассказе о нападении русских на Константинополь - то есть, ошибка в шесть лет, - мы можем отнести смерть Рюрика к 873 г. Но, как мы вскоре увидим, расчеты летописца постепенно корректировались, и в таком случае ошибка составляла четыре или три года вместо шести. Во всяком случае, Рюрик умер, вероятно, вскоре после возвращения ему старого лена[283].

По преданию в "Повести временных лет", Рюрик оставил в Новгороде своего юного сына Игоря, от чьего имени сначала правил его родич Олег[284]. Имя "Игорь" встречается в клане Скьелдунгов. Прародителя Скьелдунгов - пра-пра-прадеда Рюрика - звали Ивар, это имя можно считать иной формой имени Ингвар, или Игорь[285]. Согласно летописям, сын Рюрика был тем самым Игорем, ставшим киевским князем после смерти Олега и правившим с 912 по 945 г.[286]. Однако, вряд ли допустима идентификация двух этих Игорей. В таком случае, Игорю Киевскому было

бы больше 70 лет ко времени смерти (родился не позднее 873 г., умер в 945 г.). Между тем, в летописях нет указаний на то, что князь Игорь был так стар. В 941 - 944 гг. он сам вел полную тягот кампанию против Византийской империи[287]. В 945 г. он сам руководил походом на древлян, во время которого и был убит[288]. К тому же, его сын Святослав родился в 942 г.[289]. Ввиду этих соображений мы можем предположить, что между Рюриком Новгородским и Игорем Киевским было, по меньшей мере, одно промежуточное поколение, а возможно, и два[290].

Что касается Олега, то в так называемой Иоакимовой летописи он назван "урманином", то есть норвежцем[291]. Его можно идентифицировать с Оддом норвежских саг[292]. Возможно, что имя, под которым он упоминается в русских летописях, есть всего лишь производное от названия его родной страны. Олег - это русская транскрипция слова "Хельги", которое, возможно, обозначает уроженца Халогаланда (Хельгаланда) в Норвегии[293]. В Олеге, таким образом, мы имеем представителя третьей струи скандинавского потока в Северной Руси, первые два были представлены шведами (Аскольдом и Диром) и датчанами (Рюриком). Мы допускаем, что Олег, вероятно, прибыл в Новгород не один, а во главе большой свиты, состоявшей главным образом из норвежцев, и это объясняет тот факт, что он стал правителем после смерти Рюрика, а может быть, даже раньше, после последнего отъезда Рюрика на запад. Уплывая на запад, Рюрик, должно быть, взял с собой, по крайней мере, часть своей датской свиты, а те датчане, что остались в Новгороде, вынуждены были пойти на компромисс с норвежцами и дать клятву верности Олегу. Мы уже видели[294], что разрыв связей с Приазовьем, происшедший около 840 г., болезненно сказался на благосостоянии Севера. Хотя Аскольду и Диру удалось добраться до Киева, они, в свою очередь, потеряли связь с Новгородом. С другой стороны, Рюрик, даже будучи правителем Новгорода, продолжал настойчиво стремиться к тому, чтобы возвратить свои западные владения, и поэтому мало был заинтересован в экспансии на Юг.

Именно поэтому Олегу следует воздать должное за объединение Севера и Юга Руси. Начало его южной кампании описано в летописи следующими словами: "*Отправился Олег, взяв* с

собой много воинов из варягов, чуди, славян, мери, веси и кривичей"[295]. Ясно, что Олег к тому времени был признанным предводителем всех северных племен. Показательно также, что русские (русь) не упомянуты среди его приверженцев, и на то есть очевидные причины. Старые русы (шведского происхождения, из Приазовья), должно быть, ушли из Новгорода в Киев значительно раньше с Аскольдом и Диром, в то время как новая фрисландская русь, или, по крайней мере, те, кто остался от них после отъезда Рюрика во Фрисланд, смешались с варягами Олега.

Поход Олега в первой летописи отмечен датой 6390 (882 г. н. э.)[296]. Как и раньше, здесь можно ожидать хронологической ошибки, хотя и не в шесть лет, как в случае с русским нападением на Константинополь. Нам следует принять в расчет, что летописная дата договора Олега с греками верна (911 г.). Ясно, что по ходу повествования летописец постепенно уточнял свои расчеты. Поэтому мы можем предположить, что ошибка в датировке первого похода Олега - меньшая, нежели в датировке набега Аскольда на Константинополь, возможно, не в шесть лет, а, мы бы сказали, между четырьмя и двумя годами. В таком случае, поход Олега можно отнести ко времени между 878 и 880 гг. (скорее, к 878 г.).

Олег продвигался с осторожностью, стараясь обеспечить свой контроль над наиболее важными пунктами на днепровском речном пути, в каждом из которых он оставлял гарнизон своих солдат. "*И он занял город (Смоленск) и оставил там гарнизон. Оттуда он пошел дальше и захватил Любеч, и там оставил гарнизон. Затем он подошел к киевским холмам*"[297]. Согласно первой летописи, Олег захватил Киев хитростью. Он спрятал свои войска недалеко от берега реки, а затем отправил гонцов к Аскольду и Диру, чтобы известить о прибытии торгового каравана[298]. Вполне возможно, что вестниками Олега были какие-то смоленские купцы, которые и раньше приезжали в Киев, так что их появление не вызывало подозрений у киевских правителей. Обман сработал: Аскольд и Дир отправились на кораблях без достаточной охраны и были убиты на месте воинами Олега. Как мы уже упоминали[299], их тела затем были отнесены к дворцу Олома. С их убийством прекратилась власть мадьяр над Киевом. "*И Олег сам сел князем в Киеве*"[300].

9. Заключительные замечания

Захват Киева Олегом открывает новую страницу русской истории - период так называемого Киевского государства, или Киевской Руси. В отличие от предшествующих южнорусских формаций государственного типа в антский и хазарский период, расположенных на Дону и в Приазовье, днепровский речной путь - "из варяг в греки" - становится теперь главной географической осью Русского государства. Для Олега, однако, Киев был только первым, пусть и наиболее важным, пунктом на пути на Юг. Южное Приднепровье на протяжении ряда лет оставалось в руках мадьяр, и должно было пройти около тридцати лет после завоевания Киева, чтобы Олег начал свой первый поход на Константинополь. Тем не менее, Киев оставался опорным пунктом во всех его последующих походах на юг, и поэтому мы считаем дату прихода Олега в Киев важной вехой, вполне подходящей для того, чтобы ею завершить этот том.

В этой последней главе нашего очерка истории древней Руси мы вели речь о разнообразных событиях, которые произошли за сорок лет между русским посольством в Константинополь в 838 - 839 гг. и завоеванием Киева Олегом около 878 г. На первый взгляд может показаться, что почти нет органической связи между рассматриваемыми явлениями, кроме хронологической последовательности. Такое впечатление - если случится, что оно возникнет у читателя - может явиться результатом географической широты событий, которые берутся в расчет. Нам необходимо было перемещать наше внимание с севера на юг, с востока на запад, пристально наблюдая за важными политическими событиями не только в Прибалтике, но и на юго-восточном побережье Северного моря; мы отправлялись то на Кавказ, то на средний Дунай. Вдобавок к рассмотрению политических и военных событий, мы также делали обзор церковной политики и тенденций культурного прогресса, поскольку это знаменательный период - век формирования средневековой славянской цивилизации в целом. Именно в этом веке было положено культурное основание так называемой Киевской Руси. Действительно, христианство стало официальной религией Киевской Руси только в конце десятого века.

Но расцвет христианства на Руси в одиннадцатом веке не может быть понят, если мы не будем знать, что часть русских племен - юго-восточных и западных - находилась под влиянием христианской мысли, по крайней мере, с 860-х гг. Появление таких выдающихся духовных лидеров, как, к примеру, митрополит Илларион, в одиннадцатом веке, свидетельствует о том, что христианство пустило корни в русском обществе в значительно более ранний период. Без знаний об этой ранней почве расцвет христианской культуры в одиннадцатом веке на Руси мог бы показаться неожиданным чудом. В действительности же, в девятом веке в столь взаимно удаленных районах, как Приазовье, Моравия и Булгария, была подготовлена почва для произрастания христианства на Руси.

Основания экономической системы Киевской Руси тоже были заложены задолго до десятого века. Сельское хозяйство достигло значительного прогресса на территории всей Руси на протяжении восьмого и девятого веков. Что касается торговли, то Тмутаракань в девятом веке оставалась более важным центром, нежели Киев, и она сохраняла свои позиции даже в начале киевского периода. Как в десятом, так и в первой половине одиннадцатого века, когда днепровский речной путь уже был прочно установлен, русские князья старались сохранять нетронутыми свои отношения с Тмутараканью и пристально наблюдали за событиями на Азовском море.

С политической, как и со стратегической точки зрения, Тмутаракань в десятом веке была столь же важна, как и Киев. Поход Владимира на Крым в 989 г.[301] в какой-то мере был мотивирован его стремлением обеспечить себе владение Тмутараканью, старой столицей первого Русского каганата. Характерно то, что после крымской кампании Владимир присвоил себе титул кагана, который сохранил за собой и его сын Ярослав[302]. Таким образом, правители Киева стали политическими преемниками русских каганов Тмутаракани. Использование титула кагана первыми киевскими князьями ясно демонстрирует широту их политических интересов, а также их мечты о создании империи. Новые набеги тюркских кочевников, сначала печенегов, а затем куманов (половцев), отрезали Киев от Приазовья и сделали невозможным осуществление плана создания империи. Положение

города как потенциальной столицы империи таким образом было подорвано. В свое время утрата Киевом связи с Приазовьем и Северным Кавказом стала одной из главных, хотя и не прямой, причин последующего упадка и окончательного крушения Киевского каганата.

Хронологическая таблица

Примечания

Сокращения

Литература

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА*

До Н. Э.	
*3000	Зарождение неолитической культуры в России
*2500	Культура Анау II
	Трипольская культура
*2100	Майкопский курган
*2000	Культура Анау III
	Афанасьевская культура
	Кельтеминарская культура
	Фатьяновская неолитическая культура
*1800	Конец трипольской культуры
*1500	Фатьяновская бронзовая культура
	Андроновская культура
	Тазбагатайская культура
*1200	Бородинский клад
*1100	Сейминская культура
*1000	Кобанская культура
	Карасукская культура
	Киммерийцы в Южной Руси
*900	Поздняя волосовская культура
	Ранние железные орудия в центральной России и на Украине
*900 - 500	Минусинская культура, первый этап
*700 - 200	Скифы в Южной Руси
*700	Начало греческой колонизации северных берегов Черного моря
*647 - 646	Основан город Борисфениты (Ольвия)
*600 - 200	Ананьинская культура
*512	Кампания Дария против скифов
*500 - 300	Минусинская культура, второй этап
*500	Основана Пантикапея (Керчь)
434/3	Договор о дружбе между Боспорским царством и Афинами

* указывает на то, что дата приблизительна

*400	Основан Херсонес (Херсон)
335	Дунайская кампания Александра Великого
330	Ольвия осаждена Зопирионом
329 - 328	Туркестанская кампания Александра Великого
291	Лисимах побежден гетами
*284	Кельты в Западной Украине и Бессарабии
*250	Начало Бактрийского царства
*248	Образование Парфянского царства
202 до н. э. - 9 н. э.	Ранняя династия Хань в Китае
*200 до н. э. - 180 н. э.	Преобладание сарматов в Южной Руси
177	Гунны вторгаются в Кан-Су
165	Гунны наносят поражение Ю-ши
	Миграция Ю-ши в Джунгарию
	Осуны в Джунгарии завоеваны Ю-ши
	Ю-ши в Семиречье
140	Гунны вторгаются в Семиречье
	Миграция Ю-ши в Фергану и Согдиану
*128	Народ ан-цай (анты) в Казахстане упоминается в китайских хрониках
108	Роксоланы разбиты войсками Митридата в Крыму
	Митридат становится царем Боспора
106	Херсонес присоединен к Боспорскому царству
62	Самоубийство Митридата
*50	Разграбление Ольвии гетами
24	Херсонес получает "Хартию вольности" от Рима

н. э.

25 - 220	Поздняя династия Хань в Китае
49 - 62	Котис, царь Боспора
98	Венеды (западные славяне) упоминаются Тацитом
101 - 102	Первый поход на Дакию императора Траяна
105 - 106	Второй поход на Дакию императора Траяна
*125	Ан-цай отождествляются с аланами в китайских хрониках
*165 - 180	Миграция готов на Украину
174	Вандалы допущены в Дакию Марком Аврелием

226 - 640	Династия Сасанидов в Иране
251	Император Деций разбит готами на Балканах
256	Набег боранов на кавказское побережье Черного моря
257	Бораны и остготы грабят Трапезунт
258	Набег визиготов на Босфор и Дарданеллы
262 - 264	Набег визиготов на побережье Фракии и Вифинии
267	Набег остготов и герулов на Афины и Коринф
268	Набег визиготов на Салоники
	Дакия оставлена римлянами
*350 - 370	Германарих, король остготов
*360	Аланы завоеваны гуннами
*362	Боспорское царство завоевано Германарихом
*365	Кампания Германариха против славян
	Миграция словен из района среднего Днепра на север (в конечном счете, к озеру Ильмень)
*370	Остготы разбиты гуннами
*373 - 376	Алано-готская война
*374	Остготы побеждают антов и распинают их царя Боза
*375	Битва при Эраке: победа аланов над остготами
*376	Аланы в Дакии
	Визиготы вторгаются во Фракию
378	Битва при Адрианополе между римлянами и готами
	Смерть императора Валента
	Гунны пересекают Керченский пролив
379 - 395	Император Феодосий I
*380	Разрозненные отряды аланов появляются в районе среднего Дуная
406	Аланы и вандалы вторгаются в Галлию
409	Аланы и вандалы вторгаются в Испанию
410	Разграбление Рима визиготами
418	Аланы разбиты визиготами в Испании
	Остатки западной аланской орды смешиваются с вандалами
420	Гунны расселяются на среднем Дунае
427	Вандалы и аланы захватывают Карфаген в северной Африке (Тунис)

434 - 453	Аттила, хан гуннов
434	Мирный договор между Византийской империей и гуннами
448	Византийское посольство к хану Аттиле, описанное Приском
451	Аттила вторгается в Галлию; "Битва народов"
452	Итальянская кампания Аттилы
453	Смерть Аттилы
454	Распад Гуннской империи
468 - 469	Война на Дунае между византийцами и гуннами
491 - 518	Император Анастасий I
493	Набег "скифов" (возможно, славян) на Фракию
514 - 516	Восстание Виталиана
517	Набег славян на Македонию и Иллирию
527 - 565	Император Юстиниан I
534	Хилбуд, византийский военачальник, убит в битве со славянами на Дунае
*543	Псевдо-Хилбуд, антский претендент на должность Хилбуда
*544	Анты вводят войска в Тир
*550	Три славянских народа - венеты, склавене и анты - упоминаются Иорданом
*555	Народ хрос на Дону упоминается в сирийской хронике
558 - 559	Вторжение булгарского хана Забергана во Фракию
559	Авары на Северном Кавказе
561	Посланник антов Мезамер убит аварами
562	Авары в Добрудже
563	Появление первого тюркского посланника в Константинополе
568	Авары в Паннонии Византийско-тюркский союз
576	Тюрки по обе стороны Керченского пролива Ставка тюркского военачальника (Тьма тархана) организована на Таманском полуострове (отсюда название города Тмутаракань)
582 - 602	Правление императора Маврикия
584 - 642	Хан Великой Булгарии Курт

592 - 597	Византийские кампании против славян
588	Распадение Тюркской империи на восточную часть (Монголию) и западную часть (Туркестан)
*600	Скандинавы в устье Западной Двины в восточной Прибалтике
610 - 641	Правление императора Ираклия
618 - 907	Династия Тань в Китае
622	Исход Мохаммеда из Мекки (Хиджра), с чего начинается эра Ислама
*625	Образование хазарского государства
626	Набег аваров на Константинополь
	Поражение аваров
	Византийско-хазарский союз
632	Начало арабской экспансии
*643	Распадение Великой Булгарии
*650	Миграция булгарской орды во главе с Аспарухом из Приазовья на нижний Дунай
	Возникновение государства поволжских булгар
	Миграция угров (мадьяр) с Северного Кавказа в район Дона и Донца
	Экспансия скандинавов (шведов) в районе Западной Двины
	Экспансия славян в районе верхней Волги и Оки
	Город Малороса в Тамани, упомянутый в "Космографии" Равеннского Анонима
651 - 652	Набеги арабов на Северный Кавказ
658	Поход императора Констанса на македонских славян
661 - 749	Умайядская династия халифов
673	Поражение, нанесенное арабскому флоту у Константинополя при помощи "греческого огня"
679	Вторжение булгар во Фракию
681 - 682	Появление христианской миссии из Армении на Северном Кавказе
683	Хазарский набег на Армению
685 - 695	Первое правление Юстиниана II
686	Тридцать тысяч македонских славян перемещены в Вифинию

692	Часть вифинских славян переходит с византийской на арабскую сторону: семь тысяч из них поселяются в Сирии
696 - 704	Юстиниан II в изгнании в Хазарии
*700	Скандинавы (шведы) в районе верхней Волги и Оки
	Мадьяры укрепляют свой контроль над районом верхнего Донца и Оскола
701	Смерть Аспаруха, первого хана дунайских болгар
705 - 711	Второе правление Юстиниана II
705	Юстиниан II отвоевывает Константинополь с помощью болгар
	Болгарский хан Тервел провозглашен цезарем
711	Свержение и казнь Юстиниана II
712	Арабы завоевывают Хорезм в Туркестане
714 - 717	Война между арабами и хазарами на Кавказе
716	Мирный договор между византийцами и болгарами
717 - 741	Правление императора Льва III
717 - 718	Победа Льва III над арабами
726 - 732	Война между арабами и хазарами на Кавказе
*735	Шведы наносят поражение мадьярам в районе верхнего Донца - Оскола и захватывают Верхний Салтов
	Мадьяры перемещаются из района Донца к Днепру
737 - 738	Арабы под командованием Марвана вторгаются в район Дона: двадцать тысяч славян направляются в Сирию
739	Падение Западной Тюркской империи в Туркестане
741 - 775	Правление императора Константина V
749 - 1258	Аббасидская династия халифов
*750	Шведы, в качестве вассалов хазарского кагана, устанавливают контроль над племенами асов и русов, со временем приняв название русов
	Основан город Ас (Ас-Град), вероятно, в Приазовье, который упоминается в скандинавских сагах

750 - 760	Народ севордик (саварти, шведы?) в Закавказье
756 - 759	Война между Византией и болгарами
762	Двести тысяч славян из Фракии и Македонии перемещены в Вифинию
763	Битва при Анкиале между византийцами и болгарами
764	Хазарские войска под командованием рас (рус?)-тархана захватывают Тифлис и разоряют Армению
*770	Битва при Бравалле в Швеции, после которой некоторые из уцелевших, по-видимому, мигрируют в Россию
773	Кампания Константина V против болгар Русские (или "красные") корабли присоединяются к византийскому флоту
*782	Св. Або из Тифлиса посещает Крым и Хазарию
*787	Город Дорас (Доры) в Крыму оккупирован хазарами
*790	Восстание в Дорасе и отступление хазар Нападение русских на Сугдею (Сурож)
797 - 802	Императрица Ирина
800	Карл Великий коронован как император Священной Римской империи
*800	Родился Рюрик (Рорик), из клана Скьёлдунгов
803 - 805	Аварский каганат уничтожен совместными усилиями франков и болгар
805 - 814	Болгарский хан Крум
807 - 816	Война между византийцами и болгарами
813	Адрианополь сдается болгарам Десять тысяч греческих семей перемещены из Адрианополя в Бессарабию
814 - 831	Болгарский хан Омортаг
814 - 816	Правление Чока и других бойлов в Болгарии
816	Болгаро-византийский мирный договор
821 - 823	Восстание Фомы Славянина в Византийской империи
*825	Освобождение русских от хазарского господства Образование Русского каганата, предположительно, в Тмутаракани

826	Рюрик крещен в Ингельхейме (Франкония) вместе со своим старшим братом. Император Людовик дарует им в ленное владение Рустринген во Фрисланде
827 - 832	Война между болгарами и франками
833	Хазарские посланники просят у Византии помощи в строительстве крепости на Дону, по-видимому, против русских
*835	Византийскими инженерами построена для хазар крепость Саркел на Дону Хазары начинают кампанию против русских племен на среднем Днепре и в районе Оки
836 - 839	Осложнения между болгарами и византийцами
838	Русские посланники в Константинополе
*838	Адрианопольские греки, расселенные в Бессарабии, восстают против болгар и отбивают мадьярскую атаку
839	Русским посланникам препятствуют вернуться домой и посылают их из Константинополя в Ингельхейм (Франкония)
*840	Нападение русских на Амастрис Киев занят хазарами и мадьярами. Предводитель мадьяр Алмус (Олом) становится киевским воеводой
842 - 867	Правление императора Михаила III
843	Верденский договор. Рюрик лишен своего лена
845 - 850	Набеги Рюрика на Саксонию, Францию и Англию
846 - 870	Моравский князь Ростислав
850	Император Лотарь возвращает Рюрику Рустринген
*852	Набег датчан на Новгород
852 - 889	Болгарский хан Борис
854	Рюрик принужден уступить Рустринген, но вместо того ему дарована южная Ютландия
*856	Рюрик появляется на Руси и поселяется на Ладоге
*858	Рюрик переезжает в Новгород Аскольд и Дир исследуют днепровский речной путь и добираются до Киева, где устанавливают свое правление, по-видимому, в качестве заместителей Олома

858 - 867	Фотий, патриарх Константинополя
860	Русский набег на Константинополь
*860 - 861	Миссия Константина Философа (Св. Кирилла) в Хазарию
*860	"Русские буквы", которые Константин изучает в Херсонесе
862	Константин и Мефодий посланы в Моравию миссионерами
*862	Изобретение славянского алфавита
864	Обращение болгарского хана Бориса в христианство
*865	Обращение хазар в иудаизм Обращение (тмутараканских) русских в христианство
866	Болгарский хан Борис порывает отношения с византийским патриархом и отправляет посланников в Рим
867	Образование первого русского епископства, по-видимому, в Тмутаракани Разрыв между патриархом Фотием и папой Николаем
867 - 886	Правление императора Василия I
867 - 878	Игнатий, патриарх Константинополя
869	Смерть Св. Кирилла (Константина Философа)
869 - 870	Восьмой Вселенский Собор (не признанный православными) провозглашает господство патриарха Константинополя над Болгарией
870	Рюрик встречается с королем Карлом Смелым в Нимвегене
870 - 894	Моравский князь Святополк
*873	Смерть Рюрика
*878	Захват Киева Олегом
885	Смерть св. Мефодия
886	Ученики Мефодия изгнаны из Моравии и находят убежище в Болгарии
893	Болгарское Народное Собрание признает славянский языком церкви

ПРИМЕЧАНИЯ

Б. Николаев "Жизнь и труды Г. В. Вернадского"

[1] Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991, с. 13.
[2] Аксенов Г. П. Вернадский. М., 1994, с. 68.
[3] Вернадский Г. В. Из воспоминаний. // В. И. 1995, № 1, с. 129.
[4] Там же, с. 131.
[5] Там же, с. 133.
[6] Там же, с. 135.
[7] Там же, с. 136.
[8] Там же, с. 138 - 139.
[9] Там же, с. 138.
[10] Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.
[11] Вернадский Г. В. Из воспоминаний, с. 142.
[12] Там же, с. 143.
[13] Там же, с. 145 - 147.
[14] Вернадский Г. В. Из воспоминаний. // В. И. 1995, № 3, с. 103 - 121. См. также вступительную статью Соничевой Н. Е. к работе Вернадского Г. В. "Соединение церквей" в исторической действительности. // В. И. 1994, № 7, с. 156.
[15] Там же, с. 159.
[16] Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919 - 1939. М., 1994, с. 56, 82 - 84, 91.
См. Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты... с. 25, 32.
[17] Вернадский Г. В. "Соединение церквей" в исторической действительности. // В. И. 1994, № 7, с. 160 - 174.
[18] Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Прага. 1927. с. 5.
[19] Там же, с. 8.
[20] Там же, с. 17; 21 - 23.
[21] Раев М. Указ. соч., с. 200 - 202.
[22] Пашуто В. Т. Указ. соч. с. 35.
[23] Цит. по: Соничева Н. Е. Вступительная статья к работе Вернадского Г. В. "Соединение церквей" в исторической действительности. // В. И. 1994, № 7, с. 158.
[24] Толстов С. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского. // В. И. 1946, № 4, с. 124.
[25] Тихомиров М. Н. Славяне в "Истории России" проф. Г. Вернадского. // В. И. 1946, № 4, с. 124.
[26] Толстов С. Указ. соч., с. 115.
[27] Там же, с. 123.
[28] Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 124.
[29] Раев М. Указ. соч., с. 211.

[1] Поскольку во всех археологических публикациях до 1917 г. и даже в некоторых появившихся после этой даты, топография местности приспособлена к старому административному делению Российской империи, мы должны во многих случаях ссылаться на границы старых провинций.

[2] Gotie, pp. 15 f. > 26 ff.

[3] Община задруга до недавнего времени сохранялась в Югославии. Это тип "большой семьи", по крайней мере три поколения живущих вместе. Имеется широкая литература относительно задруги. Среди недавних публикаций: V.Popović. Zadruga (Sarajevo, 1921); idem, "Zadruga: teorija: literatura", SZM, 33-34 (1921-22); Z.Vinski. Die Südslavische Grossfamilie (Zagreb, 1938); P.E.Moseley. "The Peasant Family: The Zadruga", The Cultural Approach to History, Ed. by C.E.Ware (New York, 1940), pp. 95-108. Еще одна статья об югославской задруге, написанная П.Е.Мозели, выходит в "Славянском и восточноевропейском обозрении", насколько я понимаю, он готовит обширную монографию на этот сюжет. См.также: Вернадский, Звенья, с.87-90.

[4] См. мою книгу "History of Pussia" (2 d ed Jale University Press, 1930), Introduction; и "Political and Diplomatic History of Russia" (Little, Brown and Co., 1936), chap.1.

[5] См. гл.VIII, разд.5 и 6 ниже.

[6] И.Е. Забелин. История русской жизни, т.I-II (Москва, 1876-79).

[7] В.М.Флоринскнй. Первобытные славяне, т.I-II (Томск, 1895-98).

[8] А.В.Арцыховский. "Введение в археологию" (Москва, 1940) - недоступно для меня. См. рецензию на эту книгу С.Киселева в ВДИ, № 2 (1940), с.132-134.

[9] M.Boule. Les hommes fossiles (Paris, 1923); M.S.Burkitt. The Old Stone Age (Cambridge, 1933); Ефименко, Готье. Очерки, гл. I-II; Mengin; G.Merhart. "The Palaeolitical Period in Sibiria", RL, 12 (1928), 55-57; "Палеолит СССР", ГА, 118 (1935); Б.Е.Петри. "Сибирский палеолит", ИУТ, У (1923, том плиток) Иркутск, 1927 (для меня недоступен); L.Sawicki. "Materialy do znajamosci prehistorji Rosji", PA, III (1926-27).

[10] См.: разд.2 выше.

[11] От имени стоянки каменного века в Мадлене, Дордонь, Франция.

[12] От поселений каменного века в Ле Мустье, Дордонь, Франция.

[13] Ефименко, с.178-179.

[14] От стоянки, открытой в пещере Ориньяк, Верхняя Гаронна, и пещере Солютрэ, Саон-эт-Луар, обе во Франции.

[15] Мальта - одна из многих стоянок каменного века в Центральной Сибири, которые находятся в местах затопления после завершения строительства дамб электростанций на Ангаре в связи с электрификацией этого района.

[16] С.Н.Замятин. "Первая находка палеолита в долине Сейма", ИИМ (1940), с.96-101.

[17] V.G.Child. Danube in Prehistory (Oxford, 1929); idem, The Dawuof Europeen Civilization (New York, 1929); Ebert, Ch.II;
Готье. очерки, гл.III-V.

[18] See Menghin, pp.303-308, 429-430; R.Pumpelly. Explorations in Turkestan (Washington, D.C., 1908).

[19] Ebert, ch.II; В.В.Хвойко. "Каменный век среднего Приднепровья", ТАС, XI,I (1899); Его же. "Начало земледелия и бронзовый век в среднем Приднестровье", ТАС, XIII,I (1905); Е.Ю.Кричевский. "Трипольские площадки", СА, VI (1940), 20-45; Т.Пассек. Трипольская керамика (Москва-Ленинград, 1935); Т.Пассек, Б.Безвенглинский. "Новые открытия трипольской археологической экспедиции", ВДИ, IV (1939), 186-192; Е.фон Штерн "Доисторическая греческая культура на юге России", ТАС, XIII, I (1905); idem. "Südrussland Neolithikum", RL, 13, 34-50.

[20] Понятия "правобережная" и "левобережная" Украина, означая правую и левую сторону при взгляде по течению Днепра, используются для обозначения частей Украины направо и налево по Днепру соответственно.

[21] См. Готье. Очерки, с. 63-67; Minns, pp. 145-146.
Слово "дольмен" происходит из бретонского языка: dol, "стол" и men, "камень". Введение его в оборот объясняется тем, что дольмены были впервые изучены в Британии.

[22] Ebert, chap. II.

[23] Готье. Очерки, с. 81-82.

[24] Фатьяновское культурное пространство не представляло самую северную экспансию неолитического человека на территории России. Среди неолитических стоянок Северного региона может быть упомянута стоянка на берегах Ладожского озера, раскопанная в 1878 г. А.А.Иностранцевым. Также к неолитической эре могут быть отнесены рисунки на камнях Онежского озера. См.: А.А.Иностранцев. "Доисторический человек побережья Ладожского озера" (С.-Петербург, 1882); В.И.Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера" (Москва-Ленинград, 1936).

[25] См. раздел 5 ниже.

[26] G.Merhart. "Sibirien: Neolithikum", RL, 12, 57-70; Б.Е.Петри. "Неолитические находки на Байкале", МАЭ, III (1916); его же. "Сибирский неолит", ИБГ, III (1926); С.А.Теплухов. "Древние погребения", МЭ, III, 2 (1927).

[27] См.Толстов, с. 156-159; его же. "По следам древней цивилизации", Известия, 10 октября 1940.

[28] См. разд. I выше.

[29] V.G.Childe. The Bronze Age (Cambridge, 1930); Ebert, chap. III; Готье. Очерки, гл. VI-IX; Merhart; Радлов; Ростовцев, гл. II; Tallgren. Kupfer; idem. "L'age du cuivre dans la Russie Centrale", SMYA, 32, 2; Теплухов.

[30] См. А.В.Шмидт и А.А.Иессен. "Олово на севере европейской части СССР", ГА, 110 (1935), 205 и далее.

[31] См. № 39 ниже.

[32] Готье. Очерки, гл.VIII; F.Hančar. Urgeschichte Kaukasiens (Vienna, 1937); А.А.Иессен. "К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе", ГА, 110 (1935); Tallgren. "Kaukasus: Bronzezeit", RL, 6 (1926), 264-267.

[33] Ростовцев, с. 22-29.

[34] Иессен, ГА, 120, 81. А.М.Тальгреи относит ансамбль мебели Майкопского кургана к 1660-1500 г. до н. э., ESA, 6 (1931). 144.

[35] Иессен, ГА, 120, 83.

[36] Аул в языке кавказских татар и некоторых иных племен означает "деревня".

[37] Дон по-осетински означает "река".

[38] Tallgren. Pontide; idem. "Südrussland: Bronzezeit", RL, 13 (1929), 50-52.

[39] В.А.Городцов. "Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде", ТАС, XIII, I (1905).

[40] Его же. "Культура бронзовой эпохи в средней России", ИМО (1914); Готье. Очерки, гл. IX; Tallgren. "Fatjanovo-Kultur", RL, 3, 192-193; Tallgren. Kupfer.

[41] См. разд. 4 выше.

[42] A.M.Tallgren. "Sibirien: Bronzezeit", RL, 12, 70-71; idem. "Turkestan: Bronzezeit", RL, 13, 485-486.

[43] См. разд.4 выше.

[44] Там же.

[45] Там же.

[46] Толстов, с. 156, 159.

[47] Р.С.Рыков. "Работы в совхозе "Гигант" (Караганда)", ГА, 110 (1935), 40-48; М.П. Грязнов. "Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане", Казаки (Материалы симпозиума, опубликованные Академией Наук), т.II (1927).

Глава II. Киммерийская и скифская эра (1000 - 200 гг. до н. э.)

[1] См. выше, гл. I, разд. 5.

[2] Merhart; Радлов; Теплухов. Для изучения захоронений скифского периода на нижней Волге и южном Урале см. B.Grakov. "Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Ural", ESA, 3 (1928), 25-62. Cf. Rostovtzeff. Skythien, I, 447-494.

[3] См. гл. I, разд. 5.

[4] Толстов, с. 155 и далее.

[5] Рыков, как и в № 47, гл. I.

[6] См. № 16 выше.

[7] См. гл. I, разд. 5.

[8] Б. Е. Деген-Ковалевский. "К истории железного производства Закавказья", ГА, 120 (1935), 238-340.

[9] См. № 16 ниже.

[10] А.А.Спицын. "Курганы скифов-пахарей", АК, 65 (1918).

[11] См. разд. 3 ниже для объяснения термина.

[12] Готье, с. 8 и далее.

[13] Городище - в единственном числе, а городища - во множественном. Обе эти формы будут далее использованы здесь. Общую характеристику городищ см. A.M.Tallgren. "Gorodisce", RL, 4, 369-397.

[14] Готье. Очерки, гл. X; Tallgren, "L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale", SMYA, 31 (1919); А.В.Збруева. "Ананьинский могильник", СА, II (1937), 95-111.

[15] Ср. разд. 3 ниже.

[16] Основные работы на эту тему таковы: Minns; Rostovtzeff. Iranians and Greeks; Rostovtzeff, Skythien. См. также G.Borovka. Scythische Art (London, 1926); M.Ebert. "Südrussland: Scythische Periode", RL, 13, 52-98; Кондаков. Древности, I-II; Кондаков. Очерки, гл. I; "Minns Volume", ESA, 9 (1934); Rostovtzeff. Animal Style; Toll.

[17] A.Baschmakoff /Baschmakov/. Ciuguante siècles d'évolution ethnique autour de la Mer hoir (Paris,k 1937), p.140.
[18] Ростовцев, с. 39.
[19] Herodotus, IV, II.
[20] Idem, 13.
[21] Rostovtzeff, p. 40 and Table XXI.
[22] Minns, pp. 35 ff.; M.Vasmer. "Skythen: Sprache", RL, 12, 236-251.
[23] См. гл. V, разд. 2.
[24] См. F.E.Brown. "A Recembly Discovered Compound Bow", AIK, 9 (1937), 1-9.
[25] См. разд. 6 ниже.
[26] Herodotus, IV, 20.
[27] Мы предпочитаем использовать здесь псевдоклассическое имя "Таврида" вместо современного "Крым", поскольку последнее стало широко использоваться только после монгольского периода. Имя Крым производно от турецкого слова qirim (отсюда и русское Крым), которое означает "ров" и относится более специально к Перекопскому перешейку, старое русское слово перекоп является точным переводом турецкого qirim. Неприемлемо предложение А.Д.Гудли, что "имя Киммерия сохраняется в Крыме" (Herodotus in "The Loeb Classical Library", II, 213, п.1).
[28] Brun, II, 47-48.
[29] Под Северной Таврией подразумевается степная часть между южным изгибом Днепра и северовосточным побережьем Азовского моря; под Таврией сам Крымский полуостров.
[30] Herodotus, IV, 19.
[31] Idem, 18.
[32] Minns, p. 461.
[33] Herodotus, IV, 17.
[34] Idem, 110-117.
[35] Херсонес являлся транскрипцией первоначального имени, но около третьего века н.э. стала использоваться более краткая форма Херсон, которая преобладала в византийский период.
[36] Minns; Rostovtzeff; Ольвия (Украинская Академия Наук. Киев, 1940); "Жебелевский том", CA, VII (1941).
[37] См. разд. 1 и 2 выше.
[38] См. разд. 2 выше.
[39] Ibid.
[40] Herodotus, IV, 17.
[41] Idem, 51.
[42] Idem, 105.
[43] См. разд. 1 выше.
[44] Safrik, I, 116 f; Niederle I, 266; **Minns, p. 102.**
[45] Готье, с. 28.
[46] Niederle, I, 275-285; IV, 24.
[47] Niederle, IV, 24; Minns, p. 104.
[48] Herodotus, IV, 21.
[49] См. разд. 2 выше.
[50] О скифах-земледельцах см.: Спицын, **статья № 6 выше; В.Щербаковский,** "Zur Agathyrsenfrage; ESA, 9 (1934), 208.

[51] Herodotus, IV, 106.
[52] Minns, p. 104.
[53] Herodotus, IV, 18.
[54] Grousset, p. 42.
[55] Herodotus, IV, 107.
[56] Grousset, p. 42.
[57] Herodotus, IV, 22.
[58] См. разд. 6 ниже.
[59] Minns, p. 107.
[60] Б.Я.Владимирцов. Общественный строй монголов. - Л., 1934.
[61] Strabo, XI, 6, 2.
[62] См. разд. 2 выше.
[63] Herodotus, IV, 22.
[64] Idem, III, 93.
[65] A.Herrmann, "Issedoi", PW, 18 (1916), col. 2244.
[66] Herodotus, IV, 23.
[67] Недавно г. Бенвенист предположил, что аримаспы должны быть иранцами; он реконструировал имя Ariamaspa ("Друзья лошадей"). См. Grousset, p. 37, N 3.
[68] Herodotus, I, 215.
[69] См. разд. 2 выше.
[70] О массагетах см. Minns, p. III f.; Grousset, p. 37, n 3; Markwart. "Skizzen zur geschichtlichen Völker-Kunde von Mittelasien und Sibirien", Festschrift für Friedrich Hirth (Berlin, 1920), p. 292. Согласно Марквату, имя массагеты (massjageta) означает "рыбаки".
[71] По поводу проблемы тохаров и йю-ки см. Charpentier; S. Feist. "Der gegenwärtige Stand des Tocharerproblems", Festschrift für Friedrich Hirth (1920), pp. 74-84; Haloun; Herrmann; R Grousset, "Les études historiques e l'Orientalisme", RH, 181 (1937), 1039; E.Sahwentner. "Tocharica" and "neue Tocharische Literatur", ZVS, 65 (1938), 126-133 and 266-273; E. Sieg, W. Siegling and W. Schultze. Tocharische Grammatik 1931; Tarn, chap. VIII. Согласно Халуну (с. 316), имя йю-ки должно было произноситься как Zgudja, что можно сравнить с Ashkuzai, именем скифов по-ассирийски. Следует отметить, что тохарская проблема весьма сложна и далека от разрешения. Существует значительное расхождение во мнениях относительно нее, и многие ученые склонны отождествлять йю-ки с тохарами. Кажется в любом случае очевидным, что группа йю-ки состояла по крайней мере из двух различных племен, какими бы соответственно ни были их имена.
[72] См. разд. 2 выше.
[73] Фракийский Боспор не следует смешивать с Киммерийским Боспором или Керченским проливом.
[74] См. разд. 4 выше.
[75] Rostovtzeff, p. 84.
[76] W.W.Tarn. "Alexander: the Conquest of Persia", CAH, VI, 355.
[77] W.W.Tarn. "Alexander: the Conquest of Persia", CAH, VI, 355.
[78] О Греко-Бактрийском царстве см. В.Бартольд. "Греко-Бактрийское государство: его распространение на северо-восток", АН (1916), с. 823-828; Rostovtzeff. Hellenistic World, pp. 542-551; Tarn. Chap. III; Тревер. Памятники.

[79] Minns, pp. 459-460; Tarn. Alexander, p.394; Tarn. "The Heritage of Alexander", CAH, VI, 464.

[80] *Minns*, p. 123; Tarn. "The New Hellenistic", CAH, VII, 82. Затем Лизимах вернулся из плена и принял активное участие в войнах с диадохами. Он пал в битве с Селевком в 283 г. до н. э.

[81] Braun, pp. 164-172; Hrushevskyi, I, 113-114; H.Hubert. Les Celtes (Paris, 1932), 2 vols.; Niederle I, 303-318; E.Rademacher. "Kelten: Archaeologie", RL, 6, 281-300; Zeuss, pp. 170-175.

[82] Bromberg, p. 470.

Глааа III. Сармато-готская эпоха (200 г. до н. э. - 370 г. н. э.)

[1] См. разд. 3 ниже.

[2] "с" в слове "русь" должно произноситься мягко.

[3] См. гл. I, разд. 2.

[4] Ibid.

[5] Grousset; McGovern.

[6] См. гл. 1, разд. 5.

[7] M. P. Griaznov. "The Pazirik Burial of Altai", AJA (1933), 30 - 44.

[8] M. P. Griaznov. "Fürstengräber in Altaigebiet", WPZ (1928), 120 - 123.

[9] П. К. Козлов, С. А. Теплухов, Г.И. Боровка. Краткие очерки экспедиции по исследованию северной Монголии. (1925); K. V. Trever. "Excavations in Northern Mongolia (1924 - 1925)," GAM, III (1932).

[10] Ср. гл. II, разд. 5

[11] О войнах и миграции йю-ки см. Herrmann; McGovern, chaps. V and VI; Tarn, chap. VII.

[12] Проблема имени арси очень запутана. См. Tarn, p. 284 f.

[13] См. разд. 3 ниже.

[14] History of the Later Hans (Heou Han Shu), chap. 118, TP, VII (1907), 150.

[15] Vernadsky. Origins, p. 60 f

[16] Pomponius Mela, I, 13.

[17] Pliny, VI, 35.

[18] Strabo, XI, 8, 2; Ptolemy, V, 9, 16; Stephanus of Byzantium, s. v Ασσατοζ.

[19] Vernadsky. Origins, 61

[20] Charpentier, p. 358.

[21] См. разд. 3 ниже.

[22] Strabo, XI, 8, 2. Прочтение ηασιανοι, как это делается в печатных изданиях, принадлежит Халуну, с. 244. Тарн, однако, принимает ηασιανοι (Tarn, p. 284).

[23] Charpentier, p. 359 f.

[24] Trogus, "Prologus Libri XLII".

[25] M. Ebert. "Südrussland: Sarmatische Periode", RL, 13, 98 114; Кондаков. Древности, II; Он же. Очерки, гл. I; Rostovtzeff. Animal Style; idem. Centre; idem. Iranians and Greeks; idem. Sarmatae; idem. Skythien; idem. Zhivopis.

[26] Polybius, XXV, 6, 13.

[27] См. разд. 2 выше.
[28] О Парфии и парфянской цивилизации см. Rostovtzeff. Sarmatae, в особенности pp.124 - 130; W. W. Tarn. "Parthia", CAH, IX, chap. XIV.
[29] Cf. Rostovtzeff. Sarmatae, p. 103.
[30] Толстов, с. 160.
[31] Tacitus. Historiae, I, 79.
[32] Rostovtzeff. Sarmatae, p. 92 - 93.
[33] Dio Cassins, 71, 16; cf. Miller, p. 86.
[34] Barsov, pp. 96 - 97; Niederle, IV, 159; see also chap. V, n. 139.
[35] Miller, p. 86.
[36] Strabo, VII, 3, 17.
[37] Rostovtzeff. Sarmatae, p. 101.
[38] Миллер. Следы, с. 235.
[39] См. разд 2 выше.
[40] Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 13 и 16. Здесь и далее цитированный перевод, принадлежащий John C. Rolfe, in "The Loeb Classical Library", несколько изменен в ряде мест.
[41] См. № 24 выше.
[42] Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 18.
[43] См. разд. 2 выше.
[44] Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 13.
[45] М. Ростовцев. "Бог-всадник", SK, I (1927), 141 - 146.
[46] Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 13.
[47] См. разд. 2 выше.
[48] Minns; Rostovtzeff. Iranians and Greeks; idem. "The Bosporan Kingdom", CAH, VIII, chap. XVIII; idem. Hellenic World, especially pp. 585 - 587 and 594 - 602; idem. Roman Empire, passim; idem. Skythien; idem. Zhivopis.
[49] M. Rostovtzeff and H. A. Ormerod. "Pontus and its Neighbours", CAH, IX, chap. V; see also Rostovtzeff. Hellenistic World, chap. VII.
[50] Rostovtzeff. "Queen Dynamis", JHS, 39 (1919), 103.
[51] См. Rostovtzeff, p. 159.
[52] См. гл. VII, разд. 6 и гл. VIII, разд. 5.
[53] См. разд. 7 и 8 ниже.
[54] Я. И. Смирнов. Восточное серебро (С.-Пб., 1905); Тревер. Памятники.
[55] Sf. Sobolevskii, I - II; Vasmer. Iranier.
[56] Pliny, VI, 20
[57] См. гл. IV, разд. 6 и 8.
[58] Миллер. Следы, с. 240.
[59] Латышев, I, 295; ср. Смирнов, с. 8.
[60] Следует отметить, что некоторые ученые относили "Русскую реку" восточных авторов к Волге, а не к Дону. См. Минорский, с. 41, 75, 216 - 218, 316.
[61] Гедеонов, II, 421
[62] Книга, с. 91
[63] Гедеонов, II, 421
[64] F. Knauer. "Der russische Nationalname und die indogermanische Urheimat", IF, 81(1912-13), 67 - 70.

[65] См. разд. 3 выше.
[66] См. Мелиоранский, I-III; Миклосич, I, III-IV; Вернадский. Звенья, с. 16 и далее.
[67] См. разд. 2 и 3 выше.
[68] Параллель была предложена мне Эдвардом Сепиром.
[69] Н. Т. Беляев. "О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса", SK, I (1927), 247 - 288.
[70] См. Л. А. Динцес. Русская глиняная игрупка (Москва - Лепинград, 1936).
[71] См. разд. 8 ниже.
[72] Rostovtzeff, pp. 33 - 34, 72 - 73.
[73] Herodotus, IV, 59.
[74] Динцес (как и в № 70), с. 29 и далее.
[75] Gorodtsov.
[76] Rostovtzeff. Plate XXIII. См. также Ростовцев "Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре", АК, 49 (1913), с. 9 и далее.
[77] Gorodtsov; Rostovtzeff. "Une tablette votive thracomithriaque du Louvre", AIM, 13 (1933), 385 - 408.
[78] Tacitus. Germania, 46.
[79] См. разд. 4 выше.
[80] Jordanis, Sec. 34. Эта и последующие цитаты на английском взяты из перевода К. К. Мироу.
[81] См. разд. 7 ниже.
[82] Jordanis, Sec. 36.
[83] Jordanis, Sec.116. Для идентификации "тиудов", "меренов", "морденов" см. Zeuss, pp. 688 - 689; cf. Mommsen, p. 165.
[84] Образцовой работой по истории готов является L. Schmidt. Ostgermanen.
[85] Pliny, IV, 99.
[86] Tacitus, Germania, 43.
[87] Ptolemy, III, 5, 8.
[88] M. Vasmer, "Die aelteste Bevoelkerungsverhaeltnisse", Geistige Arbeit (November 5, 1937), p. 2.
[89] Vasmer. Beitraege, I.
[90] Jordanis, Sec. 34.
[91] Procopius, VII, 14, 29.
[92] Jordanis, Sec. 28.
[93] Pliny, VI, 22.
[94] Д-р Якобсон, принимая отождествление споров со спалами, выражает свои сомнения относительно правомерности параллели оскол-оспол. Безотносительно к проблеме лингвистических связей, существует основание для связи географически спалы и восточных антов (ас) с регионом Оскол. Ср. также имя Аскал, упомянутое Ибн-Фадланом (см. гл. VI, разд. 3).
[95] См. разд. 9 ниже.
[96] Procopius, VIII, 4, 9.
[97] Berneker, I, 434.
[98] Cf. Beowulf, I, 2979; A. Olrik. Ragnarok (Berlin and Leipzig, 1922), pp. 475 ff.; Vernadsky. Goten, p. 15.

[99] См. разд. 3 выше.
[100] Абаев, С. 833.
[101] См. разд. 2 выше.
[102] См. Vernadsky. Origins, p. 62.
[103] IPE, II, № 29; cf. Αντηζ ανηρ Agathias, III, 21, p. 275.
[104] Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 13.
[105] Vernadsky. Origins, p. 63.
[106] Jordanis, Sec. 35.
[107] См. гл. IV, разд. 2.
[108] "Scriptores Rerum Langobardorum", MGH (1878), pp. 3, 54.
[109] Niederle, IV, p. 72 - 73.
[110] Cf. Muellenhoff, p. 98.
[111] См. гл. IV, разд. 8.
[112] См. разд. 3 выше.
[113] См. разд. 8 ниже.
[114] Jordanis, Sec. 129.
[115] См. Hrushevskyi, 1, 497. Markwart (pp. 365 f.) предполагает связь между именем росомоны и именем грос, цитированным Захарием Ритором.
О гросс см. ниже, гл. VI, разд. 8.
[116] Ptolemy, III, 5, 13.
[117] Согласно реконструкции карты Птолемея Латышевым, Каркинит вливается в Черное море к западу от Перекопского перешейка, но в этом месте не существует такой большой реки; мы можем предположить поэтому, что предлагаемая Птолемеем река вливалась в Азовское море.
[118] Миллер. Следы, с. 242.
[119] См. 9 ниже. Следует отметить, что в то время как Зосима употребляет "бораны" (Βορανοι) в Chronicon Paschale (1, 57), название читается как "борадес" (Βοραδες); ср. также Васильев, с. 4 - 5.
[120] Plutarch: Libellus defluviis, XIV, 4; ср.Латышев, I, 502.
[121] Миллер. Следы, с. 241.
[122] Gotie, pp. 6 ff.
[123] Tacitus. Germania, 46.
[124] Berneker, I, 386. cf. Wanstrat, p. 59. Было предположено также угорское происхождение.
[125] Berneker, I, 436 - 438.
[126] См. А. С. Будилович. Первобытные славяне, 1 - 11 (Киев, 1878 - 1882).
[127] Гл. 11, разд. 1.
[128] См. разд. 5 выше.
[129] Theophylactus, VI, 2, 10.
[130] Procopius, VII, 14, 23. (Эта и последующие цитаты из Прокопия по-английски приводятся по переводу Х. Б. Дьюинга).
[131] О религии древних славян см. Mansikka. Religion; Niederle. Zivot, II, I.
[132] См. разд. 5 выше.
[133] Trever. Senmurv, pp. 293 - 328.
[134] Кондаков. Древности, II, рис. 103 (с. 119); Trever. Senmurv, p. 313.
О Семибратном кургане см. гл. II, разд. 1.

[135] См. гл. II, разд. 2 выше.
[136] Ср. Щербакивский. Формация украинского народу (Podiebrady, 1937).
[137] Основные работы по готам принадлежат Шмидту; см. также Браун; Готье, с. 17 - 21; Rostovtzeff, pp. 216 - 218, and Index, s.v. Goths; Васильев.
[138] См. разд. 6 выше.
[139] См. Jordanis, Sec. 26.
[140] Schmidt, pp. 529 ff.
[141] Jordanis, Sec. 27.
[142] Schmidt, p. 199.
[143] Jordanis, Sec. 27.
[144] Braun, p. 245.
[145] Schmidt, p. 199.
[146] Jordanis, Sec. 28.
[147] См. разд. 7 выше.
[148] О герулах см. Schmidt, pp. 548 ff.
[149] Schmidt, p. 131.
[150] Трапезитские готы прежде назывались тетракситские готы. Рукописи предлагают то или другое прочтение. См. Васильев, с. 57 - 69.
[151] См. разд. 7 выше.
[152] Zocimus, I, 31 - 33.
[153] Idem, 34 - 35.
[154] Schmidt, pp. 214 - 215.
[155] Idem, pp. 215 - 216.
[156] Zocimus, I, 42.
[157] Chronicon Paschale, I, 57.
[158] См. разд. 7 выше.
[159] Васильев, с. 18.
[160] Schmidt, pp. 234 ff.
[161] Dopsch, II, 197.
[162] Ammianus Marcellinus, **XXXI, 3**, I.
[163] Jordanis, Sec. 116.
[164] Васильев, с. 22 - 23.
[165] Jordanis, Sec. 119.
[166] См. разд. 7 выше.
[167] Jordanis, Sec. 119.
[168] Idem, Sec. 116.
[169] См. разд. 7 выше.
[170] Ср. Миллер. Следы, с. 242. Вероятно можно связать "навего" Иордана с "наварами" Птолемея (см. разд. 7 выше).
[171] Mommsem, p. 165 - 166. "Thindos Inqunxis" интерпретируется как "чудь в регионе Авнус (Олонец)"; "вазинабронкэ" как "весь в регионе Бьярмиа". Cf Zeuss pp. 688 - 689; Mue llenhoff, p. 74. See also J. J. Mikkola, "Die Namen oler Völker Hermanarichs", FUF, XV (1922), 56 - 66.
[172] См. Vernadcky, Goten, p. 14.
[173] Beowulf, v. 1679.
[174] Jordanis, passim.

Глава IV. Гунно-антский период (370 - 558 гг.)

[1] См. гл. III выше.
[2] Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси / Москва, 1876; 2-е изд., 1882 / ; ср. Мошин. Вопрос, с. 367 - 368.
[3] Д. Одинец. Возникновение государственного строя и славян /Paris, 1935/.
[4] См. гл. III, разд. 2.
[5] Grousset, pp. 110 - 115; McGovern, pp. 404 ff.
[6] О гуннах, кроме Груссе и Макговерна, а также цитированных ими работ, см. А. А. Alföldi. «Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethische Sonderung», AH, 9 (1932); К. Иностранцев. «Хуп-ну и гунны», Живая старина, 10 (1900); Коидаков. Древности, III; ТО 11.
[7] Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 10.
[8] Idem, 2, 6.
[9] Idem, 2, 3.
[10] Idem, 2, 9.
[11] Idem, 2, 2.
[12] Apollinaris Sidonius. «Panegyricus dictus Autemio Augusto», verse 245 ff. Следует отметить, что некоторая деформация черепов - иной природы, нежели описанная относительно гуннов Аммианом и Сидонием, - была обычаем, широко распространенным среди аланов, смотри RL, 13, 109.
[13] См. гл.III, разд. 3.
[14] Ammianus Marcellinus, XXXI, 3, 2.
[15] Jordanis, Secs. 129 - 130.
[16] См. гл. III, разд. 7.
[17] Jordanis, Sec. 246.
[18] Ammianus Marcellinus, XXXI, 3, 3.
[19] См. гл. III, разд. 9.
[20] См. гл. III, разд. 7.
[21] Jordanis, Sec. 247.
[22] Слово, с. 25 - 26. См., однако, комментарий Васильева (Васильев, с. 139 - 140).
[23] Jordanis, Sec. 248 - 249.
[24] Ammianus Marcellinus, XXXI, 3, 3.
[25] N. Zupanic. «Prvi nosilci etnickih imen Sbr, Hrvat, Ceh», Etnolog, II (1928).
[26] Jordanis, Sec. 249
[27] Priscus, IV. 28.
[28] Jordanis, Sec. 252.
[29] Ср. гл. III, разд. 9.
[30] Ammianus Marcellinus, XXXI, 3, 4 - 8.
[31] Относительно дальнейшего см. Ammianus Marcellinus, XXXI, 5 - 13; Jordanis, Secs. 131 - 138; Schmidt, pp. 257 ff.
[32] Nicephorus Kallistus, XVI, 26; of Deguignes, I 2, p. 294.
[33] «Lanus» in Isidore of Seville, Etymologiae, IX, 2, 94.
[34] Была и другая миграция аланов в Молдавию в тринадцатом и четырнадцатом веках, и основание города Ясы обычно относят к этому более позднему периоду. См. Кулаковский. Аланы, с. 66.

[35] Idem, p. 29.
[36] L. Pacatus Drepanius, Panegiricus Theodosio Augusto dictus, Chap. 32.
[37] Кулаковский. Аланы, с. 26 - 27.
[38] Notitia Dignitatum (ed. Seeck), Occident, VI, 130.
[39] О дальнейшем см. Bury, I. 185 ff.
[40] Rav. An., IV, 45 (p. 82).
[41] Кулаковский. Аланы, с. 35.
[42] Idem, p. 36.
[43] Idem, p. 41
[44] See Gautier, Geiserich (Frankfurt a. M., 1934).
[45] См. разд. 2 и 3 выше.
[46] См. разд. 3 выше.
[47] Bury, I, 272 and 278; Kulakovskii, I, 262.
[48] Philostorgius, XII, 13; Olympiodorus, frg. 46; Socrates, VII, 23.
[49] Bury, I, p. 271.
[50] Socrates, VII, 43.
[51] Philostorgius, V, 26.
[52] See Nicephorus Kallistus, XIV, 37.
[53] Ezekiel, 38, 2.
[54] О взаимосвязи библейского имени Рош и греческого Рос (Ρως) см. А. Флоровский. «Принц Рош у пророка Иезекииля», «Сборник в честь В. Н. Златарского» (София, 1925), с. 505 - 520. Ср. также М. Сюзюмов «К вопросу о происхождении слова Ρως, Ρωσια, Россия», ВДИ, II (1940), 121 - 123. Ни один из вышеупомянутых ученых не ссылается на проповедь Прокла.
[55] Главным источником относительно Аттилы является «Готская история» Приска, сохранившаяся лишь фрагментарно; см. также Jordanis. Gelica, pp. 178 - 228, 254 - 258. Cf. Bury, I, chap. IX; Кулаковский, I, 264.
[56] Кулаковский, I, 264.
[57] Idem, 265.
[58] Кулаковский. Аланы, с. 38. Следует уделить внимание в данной связи имени Алань - месту в департаменте Од (Longnon. Noms, p. 133). Ср. название Халань в Южной России, см. гл. III, разд. 5.
[59] Salvianus. De Gubernatione Dei, VI, 64; ср. Кулаковский. Аланы, с. 40.
[60] Кулаковский. Аланы, с. 38.
[61] Миллер, с. 96.
[62] Chronica Gallica, A. D. 441; Кулаковский. Аланы, с. 38.
[63] «Don(le) cu L'Uldon», La Grande Encyclopédie, 14, 882; Григорий Турский упоминает определенный Ulda fluvius, который Огюст Лоннон уточняет как Uldus и который он идентифицирует как L'Oust (Longnon, Geographie, p. 159). «Улдон» - возможное сокращение от «Улэн-Дон»; улэи по-осетински означает «волна». Относительно иных следов аланского поселения в топонимике имени «Аллэны» (Eure-et-Loir) можно упомянуть (Longnon, Noms, p. 133). В качестве археологического свидетельства см. L. Frauchet. «Une Colonie scytho-alaine en Orleanais au V-me siècle», Revue Scientifique, February 8 and 22, 1930.
[64] Bury, I, 275; Кулаковский, I, 267 - 268.

[65] Priscus, frg. 8; English trans., Bury, I, 279 - 288.
[66] Idem, frg. 1 - 6.
[67] Idem, frg. 8.
[68] Jordanis, Sec. 258.
[69] Bury, I, 258 - 296.
[70] См. разд. 4 выше.
[71] См. разд. 3 выше.
[72] Lot, pp. 107 - 108.
[73] См. J. Moravcsik. «Attila's Todt in Geschichte und Sage», KCA, II, (1926).
[74] Ср. гл. III, разд. 3.
[75] Jordanis, Sec. 37.
[76] См. гл. II, разд. 2.
[77] Нур., col. 280.
[78] Миллер. Следы, с. 242 и далее.
[79] См. гл III, разд. 4.
[80] Ср. гл III, разд. 5.
[81] Миллер. Следы, с. 239 - 240.
[82] Idem, pp. 243, 248.
[83] А. И. Маркевич. «Географическая номенклатура Крыма», ТО, II (1928), 12; Vasmer. Iranier, p. 70.
[84] Миллер. Следы, с. 246, 247, 257, 259, 261; cf. Vasmer. Iranier, pp. 31 ff.
[85] Strabo, XI, 2, 9.
[86] Мар. Состав, с. 45 и 52.
[87] Goertz, I, 79 f.
[88] Minorsky, p. 445.
[89] Rav An , IV, 3 (p. 45).
[90] Миллер Словарь, с. 787.
[91] Об этом см. Васильев, с. 21 и далее; Кулаковский. Таврида, с. 38 - 39, 54 и далее.
[92] См. разд. 7 ниже.
[93] John Chrysostom. «Epistola XIV», PG, 52, col. 618; Ср. Васильев, с. 33.
[94] См. гл III, разд. 4 и 9.
[95] Jordanis, Secs. 259 - 261; Schmidt, p. 268 f
[96] Jordanis, Sec 265.
[97] Об Аспаре см. Tillemont, pp. 409 - 414; O. Seeck. «Flavius Ardabur Aspar», PW, 2 Cols 607 - 610.
[98] John of Antioch, frg. 205 (Exc. Ins., p. 129).
[99] Priscus, frgs. 36, 38, 39; Chronicon Paschale, I, 598; Marcellinus, s. a. 469.
[100] Я готов принять по сути тезис Д. Бромберга, что «протоболгарские гунны жили между концом пятого века и приходом аваров лишь в околоазовье, но ие иа Балканы или в Трансильванию» (Bromberg, p. 58). Мр. Бромберг готовит всесторонпюю монографию по этому вопросу
[101] См разд. 3 выше.
[102] См гл V, разд 2.
[103] Bury, I, 318 320; Кулаковский, I, 351 - 354.
[104] Nicephorus Kallistus, XV, 27.

[105] Malalas, p. 371 - 372; cf. Exc. Ins., p. 161.
[106] Ф. И. Успенский, который рассматривает Остриса как славянина, выводит его имя от славянского прилагательного острый (Успенский, I, 389). Я предполагаю это имя производным от осетинского стур - «великий», «большой». Ср. Миллер. Словарь, с. 1131.
[107] Кулаковский, I, 468.
[108] Marcellinus, s. a. 493.
[109] Runciman, pp. 279 - 281.
[110] См. разд. 6 выше.
[111] Васильев, с. 57 - 69; ср. гл. III, разд. 9.
[112] См. гл. II, разд. 2.
[113] Васильев, с. 43 - 47.
[114] See Moravcsik.
[115] Vernadsky. Lebedia, pp. 183 - 186.
[116] Кулаковский. Таврида, с. 56.
[117] Там же, с. 57 - 58.
[118] См. разд. 10 ниже.
[119] Кулаковский. Таврида, с. 59.
[120] См. разд. 6 выше.
[121] См. гл. III, разд. 7, ср. разд. 2 выше.
[122] См. разд. 6 выше.
[123] Procopius, VII, 14, 32 - 33.
[124] См. разд. 6 выше; также гл. III, разд. 7.
[125] Так назван в русской «Жизни св. Этерия», «Жития святых» Дмитрия Ростовского, 7 марта, цитировано Брюном I, 92.
[126] А. А. Спицын. «Древности антов». АНОРС, 101 (1928), 492 - 495.
[127] Рыбаков, с. 320 - 323.
[128] Там же, с. 337.
[129] Готье, с. 58 - 62; А. М. Покровский. "Верхне-Салтовский могильник", ТАС, XII, I (1905); В. А. Бабенко. "Новые систематические исследования Верхне-Салтовского могильника", ТАС, XIV, 3 (1911).
[130] Arne, pp. 57 - 59.
[131] Fettich, p. 188; ср. Захаров, с. 67 и далее, с. 73.
[132] Mauricius, XI, 5.
[133] Более точно Менандер говорит о "славянских" полках с этим оружием.
[134] Procopius, VII, 14, 22; John of Ephesus apud Michael Syrus, ed. Chabot, p. 390; cf. Markwart, p. 483.
[135] Mauricius, XI, 5.
[136] Рыбаков, с. 323 - 325.
[137] См. гл. I, разд. 3 - о древнем культурном слое Борщево.
[138] Procopius, VII, 14, 22.
[139] Mauricius, XI, 5.
[140] См. разд. 2 выше.
[141] Jordanis, Sec. 247.
[142] Menander, frg. 6 (p. 5).
[143] Ἀρδαγασγος (Theophylactus, I, 7, 5; VI, 7, 1; VI, 9, 1).

[144] Πειραγαστοζ (Theophylactus, VII, 4, 13).
[145] Κελαγαστοζ (Menander, frg. 6).
[146] Vasmer. Iranier, p. 37.
[147] Δαβραγαστηζ (Agathias, III, 6).
[148] Л. А. Мацулевич. "Погребение варварского князя", ГА, 112 (1934).
[149] Граф А. А. Бобринский. "Перещепинский клад", МАР, 34 (1914). Некоторые археологи относят перещепинские находки к аварам, АН, 18 (1936), 59 ff.
[150] См. разд. 7 выше.
[151] Об Анастасии см. Bury, I, chap. XIII; Charanis; Кулаковский, I, 432 - 521.
[152] См. разд. 7 выше.
[153] Bury, I, 460.
[154] Malalas, p. 450; cf. Theophanes, p. 218.
[155] Marcellinus, s. a. 505.
[156] См. гл. II, разд. 2.
[157] "De Origine Actibusque Getarum" - название работы Иордана об истории готов. В своей терминологии Иордан следует за Кассиодором.
[158] Jordanis, Sec. 301.
[159] Ennodius, p. 278.
[160] Ср. Васильев. Славяне, с. 407 - 408.
[161] Malalas, p. 402; cf. Exc. Ins., p. 169.
[162] Zacharias Rhetor, p. 136.
[163] Marcellinus, s. a. 512.
[164] См. разд. 7 выше.
[165] Подобное отождествление проводилось Тиллемоном, с. 414 и Гиббоном, IV, 207, но отвергнуто - без объяснения оснований - Момзеном, "Гермес", IV (1872), 349, № 1.
[166] В любом случае нам известно, что Патрикий пообещал оставить арианство, если он будет сделан кесарем (Кулаковский, I, 353).
[167] О религиозной политике Анастасия см. Карана.
[168] См. гл. III, разд. 9.
[169] Theophanes, p. 161.
[170] Charanis, pp. 63 - 64.
[171] Malalas, p. 405; cf. Exc. Ins., p. 169.
[172] Safarik, p. 160 f.; Ср. А. А. Васильев. "О славянском происхождении Юстиниана", ВВ, I (1894), 469 - 492.
[173] Malalas, p. 403; cf. Exc. Ins., p. 169. Прокл Афинский был, возможно, известным неоплатоником. Charanis, p. 64, 52, отрицает это отождествление на основании смерти неоплатоника Прокла в 482 г. (484, согласно PW, 28, 1760). Однако Прокл мог до своей смерти передать формулу кому-либо из своих учеников, и сказанное одним из них от имени покойного философа могло быть приписано Малаласом самому Проклу.
[174] Кулаковский, I, 469. Ср. Васильев. Славяне, с. 407.
[175] Marcellinus, s. a. 517, ссылаясь, возможно, на Иеремию, 6.22.
[176] См. разд. 4 выше.
[177] Мы можем вывести подобное заключение из Procopius, Anecdota, XVIII, 20.
[178] Procopius. Anecdota, VI, 27 - 28.

[179] О правлении Юстиниана см. Bury, II; Ch. Diehl. Justinien; Кулаковский, II, 37 - 334.
[180] См. гл. III, разд. 7.
[181] Procopius. Anecdota, XVIII, 20 - 21.
[182] Idem, VII, 14, 2.
[183] Схожие эпизоды запечатлены в хронике Малаласа, один относительно гуннского царя Грода или Горда (Γρωδ), а другой о герульском предводителе Грете или Грепе (Γρεπης). См. Malalas, pp. 427 - 428, 431 - 433. Cf. Bury, II, 311; and Schmidt, p. 554. Бромбер считает эти два персонажа тождественными, см. RS, 20, 358.
[184] Μονγελ, Malalas, p. 432.
[185] См. гл. VI, разд. 6 ниже.
[186] Bury, II, 311.
[187] IPE, II, № 49. См. Кулаковский. Таврида, с. 59; Васильев, с. 71 (с хронологической поправкой).
[188] Ср. разд. 6 выше.
[189] Procopius, VII, 14, 1 - 2; ср. Левченко, с. 38 - 39.
[190] Idem, 14, 8.
[191] Procopius, V, 27, I.
[192] Procopius, VII, 14, 12 ff.
[193] Bromberg, pp. 58 - 59; cf. Brun, I, 243.
[194] Burg, II, 297.
[195] Procopius, VII, 22, 3 - 4.
[196] Codex Justinianus, ed. Krueger, p. 3.
[197] Кулаковский, II, 220 - 221.
[198] Procopius, VIII, 18, 18 - 24; 19, 7 - 22. Cf. Bury, II, 303.
[199] Кулаковский, II, 225.
[200] Agathias, 5, 12 - 15; Theophanes, pp. 233 - 234. Cf. Bury, II, 304; 309; Кулаковский, II, 225 - 227.
[201] Idem, 5, 12; ср. Кулаковский, II, 226 - 227.

Глава V. Аваро-антский период (558 - 650 гг.)

[1] См. Гл. IV, 1.
[2] Grousset, pp. 124 - 125.
[3] См. Гл. I, 5 и Гл. II, 1.
[4] Grousset, p. 126
[5] "Каган" - это древнерусская форма произношения. Есть несколько вариантов произнесения оригинального тюркского титула: "хаган", "хакан" и др. Произнесение "каган" оказалось предпочтительней с того времени, когда оно относилось к официальному титулу русских правителей Тьму-торокани и Киева в девятом и, соответственно, одиннадцатом веках.
[6] Bury, II, 313 - 316; Grousset, pp. 226 - 227; Кулаковский, II, с. 230 - 231.
[7] Menander, frg. 4 (p. 4).

[8] См. Гл. IV, 10.
[9] Menander, frgs. 4 - 5 (pp. 4 - 5).
[10] См. Гл. IV, 10.
[11] См. Гл. II, 2.
[12] Веселовский Н. И. Курганы Кубанской области в период Римского владычества. ТАС, XII, I (1905), 15; Rostovtseff, Skythien, pp. 557 - 558.
[13] Menander, frg. 5 (p. 5); cf. Bury, II, 315.
[14] Menander, frg. 5 (p. 5).
[15] Кулаковский, II, 231.
[16] Menander, frg. 6 (pp. 5 - 6).
[17] Markwart, p. 147; Markwart, Chronologie, pp. 78, 82; Zlatarski, I, 1, pp. 383 - 387.
[18] Menander, frg. 6 (p. 6).
[19] См.: L. Hauptmann, "Les rapports des Byzantins avec les slaves et les Avares", Byz., 4 (1929), 137 - 170; cf. Hauptmann, Kroaten, p. 337.
[20] Hauptmann, Kroaten, p. 337; Markwart, p. 146 f.; 325 f.; Niederle, IV, 172 ff.
[21] Bury, pp. 115 - 116; Кулаковский, II, p. 344 - 345.
[22] О тюрках смотрите: W. Barthold, "Turks: Historical and Ethnografical Survey", Ef, IV, 900 - 908; E. Chavannes, "Documents sur les T'ou-kin occidentaux", STO, VI (1903); Grousset, pp. 124 - 126; V. Radlov, Die altturkische Suschriften, (см. Источники, I, 1); V. Thomsen, "Altturkische Suschriften", (см. Источники, I, 1).
[23] О эфталитах см. Гл. IV, 2.
[24] Grousset, p. 127.
[25] Theophanes, p. 239; cf. Кулаковский, II, 230.
[26] Menander, frg. 18 (pp. 47 - 49).
[27] Кулаковский, II, 290, 356.
[28] Menander, frg., 19 - 22 (pp. 49 - 56).
[29] Кулаковский, II, 361 - 369.
[30] Menander, frg. 43 (p. 89).
[31] Menander, frg. 43 (p. 89). Согласно Менандру, имя тюркского военачальника, взявшего Боспор, было Бохан; вероятно, оно может читаться и как "Бога-хан": см. Ef, I, 736 - 737.
[32] Grousset, pp. 133 - 138.
[33] Сейчас Сремска-Митровица.
[34] Кулаковский, II, 395; Stein, p. 113.
[35] О Маврикии см.: Bury, 1889, pp. 83 - 94; Кулаковский, II, 419 - 495. О византийско-славянских отношениях времен Маврикия см. Левченко, с. 41 - 46.
[36] Theophylactus, I, 4, 5.
[37] Idem, 7, 5.
[38] Mavricius, XI, 5.
[39] См. Bromberg, p. 458.
[40] Theophylactus, VI, 9, 1.
[41] См. Markwart, p. 146.
[42] См. Гл. IV, 10.
[43] Miller, Sprache, p. 34.
[44] Jordanis, Sec. 247.
[45] Theophylactus, VI, 9, 5 - 13.

[47] Кулаковский, II, 459.
[48] Theophylactus, VII, 4, 13.
[49] Кулаковский, II, 467.
[50] Там же, с. 469 - 470.
[51] Theophylactus, VIII, 5, 12.
[52] Idem, 5, 13.
[53] H. Howarth, "The Avars", JRAS, XXI (1889), 721 - 810; Успенский, I, 468 - 469; Успенский,Монархии, с. 7 - 18. Археологические свидетельства см.: A. Alfoldi, "Zur Historischen Bestimmung der Avarenfunde", ESA, 9 (1934), 285 - 307; D. Bartha, "Die Avarische Doppelschalmei von Janoshida", AH, 14 (1934); N. Fettich, "Das Kunstgewerbe der Avarenzeit in Ungarn", AH, 1 (1926); idem, "Die Tierkampfscene in der Nomadenkunst", RK, pp. 83 ff.; T. Howarth, "Die Avarischen Graberfelder von Ulbo und Kiskoros", AH, 19 (1935); A. Marosi and N. Fettich, "Trouvailles Avares de Dunapentele", AH, 18 (1936).
[54] Feher, p. 34
[55] Нур., col. 9.
[56] См. выше, 2.
[57] Markwart, p. 129; Niederle, III, 196.
[58] Fredegar, IV, 48.
[59] Кулаковский, II, 482; III, 196.
[60] См. выше, 3.
[61] См. Гл. IV, 8.
[62] См. выше, 3.
[63] См. Гл. IV, 10.
[64] Кулаковский, Таврида, с. 62.
[65] Васильев, с. 71.
[66] См. Гл. IV, 7.
[67] Procopius, Buildings, III, 7, 10 - 11.
[68] АК, 18, 121 - 123.
[69] Procopius, Buildings, III, 7, 13 - 14.
[70] Novella 163, 2.
[71] Procopius, Buildings, III, 7, 15 - 16.
[72] Васильев, с. 51.
[73] Там же, с. 71 - 72.
[74] Кулаковский, Таврида, с. 62.
[75] См. Гл. IV, 10.
[76] Там же, 6.
[77] Εαρωστιος, Menander, frg. 4 (p. 4); Βαϱσβαϰ, Menander, frg. 22 (p. 55).
[78] Procopius, VIII, 3, 4.
[79] Idem, I, 15, 1.
[80] Idem, VIII, 4, 1.
[81] О сабирах см.: Артамонов, с. 115 - 118.
[82] Miller, pp. 66 - 68.
[83] Procopius, VIII, 1, 4.
[84] Idem, II, 29, 29
[85] Idem, VII, 8, 37.

[86] См. выше, 2.
[87] Кулаковский, Аланы, с. 48.
[88] Там же.
[89] Menander, frg. 43 (p. 87).
[90] См. выше, 2.
[91] Кулаковский, II, 484 - 496.
[92] О Фоке и его правлении см.: Bury, 1889, pp. 197 - 206, Кулаковский, III, 1 - 27.
[93] О Ираклии и его правлении см.: Bury, 1889, pp. 207 - 257; Кулаковский, III, 28 - 170; Ostrogorsky, pp. 54 - 66.
[94] См.: Левченко, с. 47 - 48; Васильев, Славяне, с. 413 и ниже.
[95] См. Гл. IV, 9.
[96] См. выше, 2 и 3; Гл. IV, 10.
[97] См. выше, 4.
[98] N. H. Baynes, "The Dates of the Avar Surprise", BZ, 21 (1912), 110 - 128; Кулаковский, III, 53 - 55.
[99] См. Гл. IV, 10.
[100] См. выше, 2.
[101] Гост-ун; -ун, согласно Маркварту, 147, - это "hypocoristicon". См., однако: Златарский, I, 1, с. 383 - 384.
[102] Курт или Кубрат. О нем и его правлении см.: Runciman, pp. 11 - 16; Златарский, I, 1, с. 84 - 122.
[103] Златарский, I, 1, с. 84.
[104] Runciman, p. 14; Златарский, I, 1, с. 84 - 86.
[105] Runciman pp. 13 - 14.
[106] Кулаковский, III, 56.
[107] Там же, с. 80.
[108] Кулаковский, III, с. 84 - 85.
[109] Там же, с. 85.
[110] Там же, с. 85 - 86.
[111] Fredegar, IV, 48; IV, 68; Успенский, Монархии, с. 17.
[112] См. выше, 6.
[113] Runciman, pp. 14 - 15; Кулаковский, III, 246.
[114] См.: Moravcsik, а также J. Schnetz, "Onoguria", ASP, 40 (1926), 157 - 160; Васильев, с. 100.
[115] Moravcsik; Runciman, pp. 15 - 16; Златарский, I, 1, с. 99 - 100.
[116] De Adm., 30.
[117] Кулаковский, III, 89.
[118] Кулаковский, III, с. 88 - 89.
[119] См. выше, 2; 5.
[120] Grousset, pp. 133 - 138.
[121] Артамонов, с. 88 - 134; Vernadsky, Conversion, pp. 76 - 77.
[122] См. выше, 6.
[123] Кулаковский, III, 93.
[124] Там же, с. 93 - 94.
[125] Кулаковский, III, 94.
[126] Нур., cols. 9 - 10; Истрин, Хроника, II, 306.

[127] См. выше, 7.
[128] Theophanes, pp. 356 - 358; cf. Runciman, chap. I.
[129] О термине "черные булгары" см. Гл. IV, 3; о термине "серебряные булгары" см. Nicderle, IV, 49.
[130] См. ниже, Гл. VI, 3.
[131] Runciman, p. 19.
[132] Idem, p. 21.
[133] Idem, pp. 25 ff.
[134] См. ниже, Гл. VI, 5.
[135] Vernadsky, Lebedia, pp. 182 - 185.
[136] De Adm., 38.
[137] См. выше, Гл. IV, 8.
[138] Кулаковский, Аланы, с. 49.
[139] Произношение точно не определено. У Никифора (p. 34) имеем "Ογλοζ"; у Феофана "Ογγλζ" или (в других рукописях) "Ογκλοζ"; Анастасий в своем латинском переводе "Хроники" Феофила дает как Hoglos, так и Onglos; см. Златарский, I, 1, с. 96, 126. Feher, p. 24, принимает прочтение Ogloz, которое он интерпретирует как ajul , что можно сравнить с мадьярским ól ("хлев") и татарским aul ("деревня"). С этой точки зрения название должно быть отнесено не ко всей стране, а только к лагерю Аспаруха. См. также выше примечание 34 к гл. III.
[140] См. Гл. III, 6.

Глава IV. Хазаро-булгарский период (650-737 гг.)

[1] См. Гл. V, 1.
[2] Тарик был командиром арабских войск, которые переправились в Испанию и захватили скалу, известную ныне как Гибралтар (EI, IV, 666).
[3] См. Гл. V, 7.
[4] См. Гл. I, 4, Гл. 2, 1.
[5] H. Pirenna, Mediaeval Cities (Princeton, 1925), pp. 25 - 55. См., однако: Dopsch, II, 433 ff. (Английскос изд., pp. 388 - 389).
[6] На труд Масуди часто ссылаются как на "Золотые луга" (Prairies d'or в переводе на французский Барбье де Менара), хотя это неправильный перевод арабского заглавия.
[7] Письмо профессора Минорского ко мне от 24 декабря 1940 г.
[8] H. Gregoire "Le Glosel Khazar", Byz., 12, 225 - 266.
[9] M. Landau, "Beitraege zum Chazarenproblem", Schriften der Geseltschaftzur Foerderung der Wissenschaft des Judentums, No 43 (1938). Я обязан д-ру А. С. Яхуда за эту справку. См. также Ю. Д. Бруцкус, Письмо хазарского еврея (Берлин, 1924).
[10] См. Гл. IV, 1.
[11] О хазарах см. Артамонов; V. Bartold, "Khazar", EI, II, 935 - 937; Gotie, pp. 70 - 90; Григорьев, сс. 45 - 78; Markwart, pp. 1 - 27; 270 - 305; 474 - 477; Vernadsky, Conversion. Обширную библиографию о хазарах см.: NYPL (September, 1938),

pp. 695 - 710.
[12] Об этническом происхождении хазар см. Артамонов, с. 88 и ниже; Vernadsky, Conversion, pp. 76 - 77.
[13] См. Гл. I, 5.
[14] Река Яик сейчас называется Урал.
[15] См. ниже 5 и 8.
[16] См. Minorsky, p. 451.
[17] De Adm., 38.
[18] Gregoire, Habitat, p. 267
[19] Macartney, p. 194.
[20] Коковцев, сс. 98 - 99; выше, 1.
[21] Минорский, сс. 451-454.
[22] См. Гл. IV, 10; Гл. V, 5.
[23] См. Гл. V, 2.
[24] Имя тюркского командира было Бохан (Бога-Хан?). См. пр. 31 к Гл. V.
[25] См. Смириов, Тмутаракань, с. 34. Что касается формы Τυματαρχα, она со всей очевидностью произошла от тюркского слова "тма (тума) - тархан". Что касается смешения и взаимоотношеиия греческого и тюркского терминов, интересно заметить, что в одном случае Менандр ошибочно толкует первую часть названия "тма" (которую он цитирует, довольно странно, в эллинизированной форме), как личное имя: "Имя (тюркского) посланника было Тагма (Ταγμα), а его чин - тархан (Ταρχαν), - см. Менандр, фрг. 20 (p. 53).
[26] Ταγματαρχης, "предводитель тагмы" (Liddel-Scott); в современном греческом "майор".
[27] Смирнов, Тмутаракань, сс. 68 - 71.
[28] Гаркави, с. 220; Караулов, с. 114.
[29] Ibn-Fadhlan, p. 85.
[30] Mas'udi, II, II.
[31] См. Гл. VIII, 6.
[32] Gotie, p. 82; Григорьев, сс. 66 - 78.
[33] Nicephorus Patriarcha, Brief History, p. 15; Georgios Monachus, II, 671.
[34] Мозес Каланкатваци, гл. X (пер. Патканова, с. 15), цитировано Кулаковским, III, 93.
[35] Minorsky, p. 451.
[36] De Adm., 42.
[37] Macartney, p. 197.
[38] Ibn-Fadhlan, p. 84.
[39] Minorsky, p. 451.
[40] Idem, p. 451.
[41] Macartney, pp. 197 - 198.
[42] Minorsky, pp. 161 - 162.
[43] Idem, p. 161.
[44] См. сноску 16, выше.
[45] Ibn-Fadhlan, p. 84.
[46] Или "Канда". См. Macartney, p. 206.
[47] Ballagi, s. v.

[48] См. 5, ниже.
[49] Ibn-Fadhlan, p. 84.
[50] Idem, p. 84; cf. J. G. Frazer, "The Killing of the Khazar Kings", Folk-lore, XXVIII (1917), 382 - 407.
[51] Macartney, p. 199.
[52] Gotie, p. 78.
[53] Cross, pp. 143 - 171.
[54] Bartold, p. 191.
[55] Григорьев, с. 53.
[56] См. Гл. 5, 8.
[57] Васильев, сс. 85 - 87.
[58] См. 7, ниже.
[59] Bury, 1889, p. 458.
[60] Bury, loc. cit.; cf. Ostrogorsky, p. 119.
[61] Григорьев, с. 53.
[62] Там же, с. 54.
[63] Markwart, pp. 16 и ииже; p. 302.
[64] Григорьев, с. 54.
[65] Там же.
[66] Там же.
[67] См. 7, ниже.
[68] Григорьев, с. 54.
[69] Там же.
[70] Там же, с. 54 - 55, Theophanes, p. 407.
[71] Григорьев, с. 55.
[72] Gotie, p. 178; Марр, V, 387 - 388, Н. И. Ашмарин, "Болгары и чуваши", KVO, 18 (1912).
[73] См. Гл. V, 8.
[74] G. Niederle, IV, 49.
[75] Я допускаю дискуссионность проблемы приложения к поволжским булгарам названия "черные булгары". См. Д. И. Иловайский, "Болгаре и русь на Азовском поморье", ЖМНП, 177 (1875), 368 - 378; C. A. Macartney, "On the Black Bulgars", BNJ, VIII (1931), 156 158; Markwart, p. 503; Minorsky, p. 439; Westberg, pp. 386 388.
[76] Groot, Hunnen, I, 20.
[77] О государстве поволжских булгар см. W. Bartold, "Bulgar", EI, I, 786 791; Gotie, pp. 156 - 185; Григорьев, сс. 79 - 106; И. Н. Смирнов, "Волжские Болгары", Довнар-Запольский, I.
[78] Ibn-Fadhlan, p. 66.
[79] Cross, p. 162; Хрестоматия, I, 13; здесь опять, идентифицируя черных булгар, о которых идет речь в договоре с поволжскими булгарами, я понимаю дискуссионность этой темы. Совершенно противоположная интерпретация этой статьи договора недавно предложена Бромбергом, pp. 33 42.
[80] Macartney, p. 197
[81] Macartney, loc. cit.
[82] Minorsky, p. 163.

[83] Idem, p. 461.
[84] МСЭ, 1, 565.
[85] Minorsky, p. 461.
[86] Семенов, Словарь, II, 3657.
[87] Gotie, pp. 162 - 164; Minorsky, p. 461.
[88] См. В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара, **Казань, 1926.**
[89] Gotie, p. 162.
[90] Idem, p. 163.
[91] Idem, pp. 163 - 164.
[92] Minorsky, p. 163.
[93] Gotie, p. 164; Minorsky, p. 163.
[94] О финских племенах см. 4, ниже.
[95] См. 2, выше.
[96] Macartney, p. 194.
[97] Говорят, что название русского города **Рязань произошло от "эрьзя".**
[98] Gotie, p. 167.
[99] Idem, pp. 177 - 178.
[100] Ibn-Fadhlan, p. 76.
[101] См. Гл. III, 7.
[102] См. 5, ниже.
[103] Ibn-Fadhlan, p. 65.
[104] См. Гл. VIII, 4.
[105] Macartney, p. 193.
[106] Macartney, loc. cit.
[107] Gotie, p. 171.
[108] Cross, p. 183.
[109] Ibn-Rusta, p. 141 **(в арабском тексте).**
[110] Ibn-Fadhlan, p. 65.
[111] Idem, n. 8, p. 88.
[112] Idem, p. 55.
[113] Idem, p. 8, n. 88.
[114] Слово, с. 27; **Мелиоранский, I,** 285 - 286.
[115] См. 6, ниже.
[116] Златарский, I, 2, 795 и ниже.
[117] См. Гл. III, 6.
[118] См. 3, выше.
[119] См. Гл. III, 6.
[120] О древних литовцах см.: Brueckner, I, 405 - 413; Brueckner, Litwa; G. Gerullis, "Baltische Volker", RL, 3, 354 - 383; Gotie, pp. 186 - 207; Muellenhoff, pp. 11 - 34; Niederle, IV, 38 - 47; Vasmer, Beitraege, I; Е. Вольтер, "Литовский язык" и "Литовцы" ЭС, 34, 815 - 830; Zeuss, pp. 667 - 683.
[121] A. Brueckner, Litu-Slavisch Studien (Weimar, 1877); H. Petersson, "Baltisches und Slavisches" LUA, 12 (1916); idem, "Baltische und Slavische Wortstudien", LUA, 14, 2 (1918); Wanstrat, pp. 87 - 89.
[122] Setälä, p. 25.
[123] О литовской археологии см.: Gotie, pp. 186 - 191; Jakobson, "Sudostbalticum:

Litauen", RL, 13, 29 - 32; Niederle, Rukovet, pp. 122 - 125; 260; Ф. В. Покровский, "Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии", ТАС, IX, I (1895); А. А. Спицын, "Предполагаемые литовские курганы", РАО, 8, 1 - 2 (1896).

[124] См. Гл. III, 6.

[125] Gotie, pp. 107 - 108, 209 - 210, 234 - 236, 253 - 255; Е. Клетнова, сс. 309 - 322; В. И. Сизов, "Гнездовский могильник", МАР, 28 (1902).

[126] Клетнова, сс. 311 - 312.

[127] Gotie, pp. 189 - 190.

[128] Idem, p. 197.

[129] Idem, p. 199.

[130] Барсов, сс. 38 - 44; Cross, p. 140.

[131] Барсов, с. 43.

[132] Там же, сс. 41, 43 - 44; Gotie, pp. 201 - 202.

[133] Brueckner, Litwa; A. Mirzynski, Zrodla do Mytologii Litewskiej, 2 vols. (Warsaw, 1892 - 96); (ни то, ни другое неприемлемо для меня); ср. Gotie, pp. 201 - 203.

[134] ПСРЛ, II, 188.

[135] Барсов, сс. 44 - 67; Gotie, pp. 122 - 155; J. Kalma, Die Ostseefinnischen Lehnwörter in Russischen (Helsinki, 1915); H. Jakobsohn, Arier und Ugrofinnen (Gottingen, 1922); R. Meckelein, Die Finnisch-Ugrishen Elemente in Russischen (Diss. Berlin, 1913); J. Mikkola, Berührungen zwischen den Westfinnischen und Slavischen Sprachen (Helsinki, 1894); idem, "Die ältern Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch", SFO, 75 (1938) (Ср. обзор этого исследования, сделанный М. Фасмером, ZSP, 15 [1938], 448 - 455). Muellenhoff, pp. 39 - 77; Niederle, IV, 28 - 38; U. T. Sirelius, The Genealogy of the Finns (Helsinki, 1925); Smirnov, Populations; Tallgren, Orient; Tallgren, Provinces; Vasmer, Beitraege, II-III; М. П. Веске, "Славяно-финские культурные отношения", КУО, VIII (1890) (неприемлемо для меня). R. W. Wiklund, "Finno-Ugrier", RL, 3, 354 - 383; Zeuss, pp. 683 - 691.

[136] См. Гл. III, 6.

[137] См. Гл. IV, 7; Гл. V, 7 и 8.

[138] Vernadsky, Lebedia, pp. 182 - 185.

[139] Idem, pp. 184 - 185.

[140] Барсов, сс. 60 - 64.

[141] См. 3, выше.

[142] Барсов, сс. 51 - 56; Vasmer, Beitraege, III, 510 и ниже.

[143] Барсов, сс. 44 - 67, 49 - 51, 57 - 60; ср. Vasmer, Beitraege, II,

[144] Vasmer, Beitraege, II, p. 365.

[145] Ключевский, I, 363.

[146] Vasmer, Beitraege, II, p. 357.

[147] Idem, pp. 365 и ниже.

[148] Idem, p. 373.

[149] Idem, III, особенно p. 579.

[150] Gotie, p. 133.

[151] Setälä, p. 25.

[152] См. Гл. 1, 4 и 5; и Гл. II, 1.

[153] Gotie, pp. 113 - 114, 138 и ниже; Tallgren, Orient; Tallgren, Provinces.

[154] Спицын, Древности Камы, сс. 1 - 7 и иллюстрации I - IV; Tallgren, Col. Zaur., II,

11 - 13; ср. Tallgren "Neues über russische Archaeologie", FUF, XVII (1925), 33 - 34.
[155] Спицын, Древности Камы, сс. 8 - 9 и илл. V.
[156] П. П. Ефименко, "Рязанские могильники", МЭ, III (1926); Gotie, pp. III; Н. В. Ястребов, "Лядинский и Томниковский могильники", МАР, 10 (1893); ср. Fettich, pp. 190 и ниже; Tallgren, Provinces, pp. 6 и ниже.
[157] А. А.Спицын, "Люцинский могильник", МАР, 14 (1893).
[158] Gotie, pp. 95 - 99; А. А. Спицын, "Городища Дьякова типа", ОРСА, V, (1903)
[159] В. И. Сизов, "Дьяково городище", ТАС, IX, 2.
[160] И. Н. Смирнов, "Вотяки", КУО, 8, 2, (1890), 88.
[161] Там же, сс. 137 - 324.
[162] Gotie, pp. 137 - 141.
[163] См., например, Cross, p. 240.
[164] Saxo Grammaticus, p. 138.
[165] Gotie, p. 153.
[166] Idem, 154 - 155.
[167] См. Гл. V, 8.
[168] De Adm., 38 (PG, 113, col. 317).
[169] Gregoire, Habitat, p. 267.
[170] Vernadsky, Lebedia, pp. 190 - 193.
[171] De Adm., 38.
[172] Хрущевский, VII, 15.
[173] De Adm., 38.
[174] Ип., col. 18.
[175] Книга, с. 9.
[176] Fettich, pp. 162 - 172; Zakharov, pp. 78 - 79.
[177] См. Гл. III, 7.
[178] Ibn-Fadhlan, pp. 76 - 78.
[179] Macartney, p. 192.
[180] De Adm., p. 38.
[181] Vernadsky, Lebedia, pp. 188 - 190
[182] Богаевский, I, 130 и ниже; II, 95 и ниже; Худяков, с. 348.
[183] См. 4, выше.
[184] Худяков, сс. 352 - 354.
[185] Богаевский, I, 131.
[186] Спицын, Древности Камы, илл. V, рис. 2 и 7; Tallgren, Col. Zaus., II, Plate II, Figs. 25, 27 - 30, 35. См. также Кондаков, Древности, V, с. 76, 89.
[187] De Adm., 40.
[188] Macartney, p. 206.
[189] См. 2, выше.
[190] Macartney, p. 206.
[191] Macartney, Loc. cit.
[192] H. Sköld, "Die ossetischen Lehnwörter in Ungarischen", LUA, XX, 4 (1925); ср. Абаев, сс. 884 - 887.
[193] Абаев, с. 892. Ср. D. Gerhardt, "Alanen und Osseten", ZDMG, 93 (1939), 42.
[194] F. Miklosich, II.
[195] De Adm., 38.

[196] De Adm., Loc. cit.
[197] Vernadsky, Lebedia, pp. 193 - 195.
[198] Macartney, p. 208.
[199] Macartney, Loc. cit.
[200] О закупе см. Eck, c. 391 - 394; Греков, с. 117 - 123; о кабале см.: Eck, pp. 395 - 397; G. Vernadsky, "A'propos des origines de servage de "Kabala", RHD (1935), pp. 360 - 367.
[201] См. Гл. V, 7.
[202] Ср. I. Dujcev, "Protobulgares et Slaves", AIK, 10 (1938), 145 - 154.
[203] Кулаковский, III, 210.
[204] Theophanes, p. 348.
[205] Bury, 1889, pp. 310 - 311; Кулаковский, III, 236 - 237.
[206] Гл. IV, 9.
[207] Bury, 1889, p. 319; Ostrogorsky, pp. 80 - 81; C. Zenghelis, "Le feu grégeois", Byz., 7 (1932), 265 и ниже.
[208] Кулаковский, III, 238.
[209] Там же, сс. 247 - 248.
[210] Theophanes, p. 359.
[211] См. Гл. VIII, 1.
[212] Runciman, p. 284.
[213] Калайдович, с. 64.
[214] Runciman, pp. 286 - 287.
[215] См., например, 3, выше.
[216] Markwart, Chronologie, pp. 40 - 41; ср. Мелиоранский, I, 283 - 287; II, 82 - 86.
[217] В современном русском "боярин" вместо "болярин". Я не могу принять точки зрения Мелиоранского, что первоначальным русским словом было "боярин", а не "болярин" (Мелиоранский, I, 283). Форма "боляре" использована в тексте договора Игоря с Византией, 945 г. (Лавр. col. 47). См. также: Срезневский, I, s. v.
[218] Runciman, p. 285; ср. русское слово "богатырь".
[219] О Юстиниане II и его правлении см.: Bury, 1889, pp. 320 - 330; Кулаковский, III, 253 - 276; Ostrogorsky, pp. 84 - 91.
[220] Кулаковский, III, 258 - 259; Theophanes, p. 364.
[221] Кулаковский, III, 259 - 261.
[222] Там же, сс. 264 - 265; Theophanes, p. 366.
[223] См. выше в этом же разделе.
[224] Кулаковский, III, 265.
[225] Там же, сс. 265, 360 - 362; Панченко, "Памятник славян в Вифинии", РАИК, 8, (1902), 15 и ниже; Ostrogorsky, p. 85, n.3.
[226] De Cer., II, 44 (89, 112, col. 1229).
[227] Runciman, pp. 279 - 280.
[228] Кулаковский, III, 265 - 266.
[229] Там же, сс. 274 - 275.
[230] Там же, сс. 275 - 276.
[231] Там же, с. 286.
[232] Там же, сс. 286 - 287; Кулаковский не делает ссылку на источник, откуда взято имя хазарского кагана. Штриттер, IV, 116 дает имя как Βουσηρης Γλιαβαρος и

ссылается, главным образом, на Бандури. A. Banduri, Imperium Orientale II (Venice, 1729), 493, упоминает жену Юстиниана II Феодору и комментирует следующим образом: Busiri Chazarorum chagano seu Ducis filia fuit.

[233] Ср. Κεφαλαι, главы славянского войска в Вифинии; см. 6, выше.

[234] Кулаковский, III, 287.

[235] Там же, сс. 279 - 284.

[236] Theophanes, p. 373.

[237] Idem, pp. 373 - 374.

[238] Кулаковский, III, 288 - 289.

[239] Theophanes, pp. 374 - 375; Nicephorus Patriarcha, p. 42. Ср. Ostrovsky, p. 93; Zlatarsky, I, 1, pp. 166 - 167.

[240] О системе Диоклетиана см.: W. Ensslin, "The Reforms of Diocletian", CAH, XII, 383 - 388.

[241] Bury, Constitution, pp. 19 - 21; Ostrogorsky, Avtokrator, pp. 97 - 121.

[242] См. Bury, System, p. 36; Ostrogorsky, pp. 64 - 65, 93; Stein, pp. 161 - 163; Zlatarski, I, 1, pp. 166 - 167.

[243] Здесь я не согласен с С. Рансиманом, который, по-моему, недооценивает значения этого события (Runciman, p. 30).

[244] Иоанн, 19, 15.

[245] Нур., col. 38; ср. Срезневский, III, кол. 1434. О соотношении титулов "цесарь" и "кесарь" в средневековой Болгарии см.: С. Романски, "Симеоновата титла цесар", Б. П., I, 1, (1929), 125 - 128.

[246] Sar-i-os (Σαρωσιος), Menander, frg. 4 (p. 4).

[247] Кулаковский, III, 290.

[248] Там же, сс. 290 - 291.

[249] Там же, сс. 293 - 301.

[250] Там же, с. 302.

[251] Theophanes, p. 497; Zlatarski, I, 1, pp. 178 - 183.

[252] Bury, 1889, pp. 401 - 405.

[253] Halphen, pp. 143 - 144.

[254] О Льве III и его правлении см.: Bury, 1889, pp. 401 - 449; Ostrogorsky, pp. 103 - 111.

[255] Runciman, p. 33.

[256] Idem, p. 35.

[257] См. Гл. IV, 6 и 8.

[258] См. Гл. V, 8.

[259] См. 2, выше.

[260] Там же.

[261] Василевский, III, 93.

[262] См. Гл. III, 9.

[263] См. Гл. IV, 4.

[264] Zacharias Rhetor, p. 253.

[265] А. П. Дьяконов, "Известия Псевдо-Захарии о древних славянах", ВДИ, IV, (1939), 86 - 87.

[266] Procopius, VIII, 4, 9.

[267] Minorsky, pp. 216 - 218.

[268] Rav. An., IV, 3 (p. 45)

[270] См. Гл. IV, 6.
[270] Minorsky, p. 445.
[271] Гаркави, с. 74.
[272] См. 2, выше, о хазаро-арабских войнах в Закавказье.
[273] Ballagi, s. v.
[274] Гаркави, сс. 38, 76.

Глава VII. Скандинавы и русский каганат (737 - 839 гг.)

[1] См.: T. D. Kendrick, A History of the Vikings (London, 1931).
[2] Современное рассмотрение этой темы см. в книге: Halvdan Koht, The Old Norse Sagas (New York, 1931).
[3] О скандинавских рунических надписях см. Источники, I, 1.
[4] См. Гл. V, 1; Гл. VI, 1.
[5] Здесь можно сделать ссылку на книгу: An Outline of Modern Russian Historiography by Anatole G. Mazour (Berkeley, California, 1939).
[6] См. 4, ниже.
[7] См. Гл. III, 6.
[8] См.: B. Nerman, "Die Verbindungen Zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jungeren Eisenzeit", VHA, 40 (1929), 15.
[9] Беляев, с. 240.
[10] О кораблях викингов см.: Kendrick, pp. 23 - 27. Корабль, относящийся к "языческому англо-саксонскому периоду" недавно был обнаружен в раскопках возле Вудбриджа, Саффолк, Англия. Об этой замечательной находке см.: C. W. Phillips, "The Excavation of the Sutton Hoo Ship-Burial", AJ, XX (1940), 149 - 202.
[11] Monsen, 182.
[12] Аристов, с. 100.
[13] Ср. Kerner, pp. 1 - 15 и карта 2.
[14] См. Гл. IV, 4.
[15] А. С. Уваров, "Меряне и их быт", ТС, 1, 2 (1871).
[16] Kerner, сс. 58 - 60, 108, 158. Вообще говоря, профессор Кернер уделяет меньше внимания рекам Донского бассейна, чем рекам Днепровского и Волжского.
[17] См. Гл. VI, 5.
[18] Kerner, pp. 109 - 131.
[19] См. Гл. VI, 5.
[20] Arne, p. 58.
[21] Idem, pp. 93 - 95, 121 - 122.
[22] Надо заметить, что Константин Багрянородный называл мадьяр "тюрками".
[23] De Adm., 38. О савартоясфали см.: Brun, II, Grot, p. 217; Macartney, pp. 86, 174 - 176; Markwart, pp. 36 - 40; W. Pecz, BZ, 7 (1898), 618 - 619; Roesler, p. 150; Zeuss, p. 749.
[24] Markwart, p. 36.
[25] Idem, pp. 36 - 39.
[26] Idem, p. 37.

[27] См. Гл. III, 3.
[28] См. Rafn, I, 245.
[29] Svartr или svart, см. Cleasby, p. 607; Gordon, p. 361. Burn, II, p. 328 выводит название саварти из слова swart, которое он относит к языку крымских готов. Zeuss (p. 749) тоже связывает название со словом "черный", соотнося его с германскими swart, schwarz; он интерпретирует название "савартояспали" как "черные угры". Ср. Roesler, p. 150.
[30] См. Гл. VI, 3 и 5.
[31] Markwart, pp. 36 - 39.
[32] Sverth, см. Cleasby, p. 610; Gordon, p. 361; на восточно-норвежском Swaerth, Gordon, p. 361.
[33] См. Гл. III, 7.
[34] Там же.
[35] См. Гл. VI, 8.
[36] Там же.
[37] Rafn, I, 245.
[38] Гиббон (II, 241) был первым, кто попытался связать историю Одина с русской исторической почвой. Несмотря на то, что его предположение не вызывает большого доверия, сам его подход к проблеме, на мой взгляд, имеет серьезные основания. Мы должны, конечно, вспомнить, что уже в шестом веке Иордан замечает, что готы называли своих победоносных вождей "не просто людьми, но полубогами, то есть Ансисами" (Jordanis, sec. 78). Я не вступаю здесь в дискуссию о возможных взаимоотношениях названий "Ансис" и "ас", однако, даже если и не было связи между Ансисами Иордана и асами, то тесные контакты между скандинавами и асами в девятом веке вполне могли иметь результатом полное слияние легенды и истории. Об асах (богах) см.: Munch, pp. 1 - 10 и ниже. Знаменательно, что форма женского рода от скандинавского слова as - это asynja (Munch, pp. 287 - 288), которая точно соответствует древнерусскому "ясыня" (асская (осетинская) женщина) (см., напр., ПСРЛ, IX, 150).
[39] Rafn, I, 246; cf. Monsen, p. 2.
[40] "Asso-Dag", Goertz, I, 79.
[41] Taube, p. 385.
[42] См.: Monsen, Index, s. v.
[43] Taube, p. 385; М. Ольсен выводит подобные имена из ans (у Иордана Ansis) (Munch, p. 287).
[44] См. Гл. VI, 8.
[45] См. 5, ниже.
[46] Мошин, "Начало"; Мошин, "Вопрос"
[47] MGH, Scriptores, I, 434.
[48] Хрестоматия, I, 1; ср. Cross, p. 151.
[49] De Adm., 9. О интерпретации названия см. Мошин, Начало. сс. 36 - 37; Thomsen, Origin, pp. 54 - 66.
[50] См. 3, выше.
[51] Kunik, Berufung, I, 165 167
[52] Шахматов, Судьбы, с. 50.
[53] См.: A. Pogodin, "Les Rodsi un peuple imaginaire", RES, 17 (1937), 71 80.

[54] См. Гл. VI, 8.
[55] См. Гл. VIII, 3.
[56] См. 2, выше.
[57] Беляев, с. 219.
[58] См. Гл. VI, 8.
[59] Theophanes, p. 446.
[60] Idem, II, 295.
[61] Аристов, с. 100.
[62] "Красный корабль", на котором плавал император, упоминается Константином Багрянородным (De Adm., 51). Однако, он называет его agrarium ('Ρουσιον 'αγραριον), а не chelandium (χελανδιον), как в нашем случае.
[63] Ср. Мошин, Вопрос, с. 131.
[64] De Cer., II, 44.
[65] Василевский, III, 95 - 96.
[66] Там же, с. CCXX, CCLVII. Коста-Луйе недавно выразила сомнение по поводу подлинности источника. Правда, она не предоставила тому никаких доказательств (Da Costa, pp. 243 - 244).
[67] Василевский, с. 96.
[68] Беляев, с. 220.
[69] Там же, и сс. 26 - 27; Василевский, с. CCLXXIV.
[70] Macartney, p. 213.
[71] См. 4, выше.
[72] Шахматов (Судьбы, с. 56) считает Старую Руссу (вместо Новгорода) столицей каганата, что вовсе неприемлемо. Однако, я допускаю, что шведская колония в Старой Руссе была, до определенной степени, связана с каганатом. См. Гл. VIII, 3.
[73] Смирнов, с. 130.
[74] Там же, сс. 7 - 9, 120 - 121.
[75] Ibn-Khurdadhbih, p. 115 (во французском переводе); p. 154 (в арабском тексте).
[76] См. 10, ниже.
[77] Ibn-Khurdadhbih, Loc. cit.
[78] Idem, p. 115; (во французском переводе).
[79] Ibn-Khurdadhbih, p. 150 арабского текста.
[80] Ibn-al-Faqih, p. 271 (арабского текста). De Goeje предлагает прочтение "Самкуш" вместо "Самакарс". Название может иметь отношение к Керчи (Сам-Крчь) или к какому-то другому городу на Таманском полуострове. А нельзя ли рассматривать "Самакарс" как искаженное "Таматарча" (Тмутаракань)?
[81] Macartney, p. 213.
[82] B. D'Herbelot, Bibliothčque Orientale (Paris, 1697), s. v. Rous (pp. 722 - 723).
[83] Macartney, p. 213.
[84] См. 3, выше.
[85] Ср. сообщение Мирхванда о том, что каган подарил русам какой-то остров (сноска 82, выше).
[86] См. 6, ниже.
[87] См. Гл. VI, 2.
[88] См. 6, ниже.
[89] См. 10, ниже.

[90] Baladhuri, Hitti's trans., I, 325 - 326.
[91] Vernadsky, Conversion, p. 80.
[92] С. Ф. Пахомов, "Гянджинский клад", Академику Марру, сс. 737 - 744.
[93] См. 3, выше.
[94] Mas'udi, II, 75.
[95] Markwart, p. 37.
[96] Brosset, I, 257, n. 1.
[97] Brosset, Loc. cit.; Григорьев, с. 56.
[98] Minorsky, p. 451.
[99] Markwart, Bericht, p. 271.
[100] Idem, pp. 5 - 6.
[101] Idem, p. 476.
[102] Idem, p. 3.
[103] Ср. 5, выше.
[104] Гаркави, с. 282.
[105] См. 5, выше.
[106] Васильев, с. 91; См. также В. П. Бабенчиков, "Из истории Крымской Готии", ГА, 117 (1935), 147 - 152.
[107] Васильев, с. 105.
[108] См. 5, выше.
[109] См. Гл. VI, 2.
[110] C. de Boor, "Nachträge zu den Notitiae Episcopatuum", ZK, XII (1891), 520 - 534.
[111] См. Гл. VIII, 5.
[112] О иконоборческом движении см.: Bury, 1889, pp. 428 - 438; Ostrogorsky, pp. 103 - 119.
[113] Васильев, с. 89.
[114] Bury, 1889, pp. 497 - 498.
[115] Bury, Eastern, pp. 56 - 76; Ostrogorsky, pp. 138 - 146.
[116] Vernadsky, Conversion, pp. 78 - 79.
[117] Коковцев, сс. 89 - 103.
[118] См. 1, выше.
[119] Коковцев, сс. 131 - 132.
[120] St. Abo, pp. 23 - 28.
[121] Mas'udi, II, 8.
[122] См. ниже, Гл. VIII, 5.
[123] Runciman, p. 35.
[124] Bury, 1889, p. 470.
[125] Idem, pp. 471 и ниже.
[126] Runciman, p. 37.
[127] Nicephorus Patriarcha, pp. 68 - 69; Theophanes, p. 432.
[128] Runciman, p. 38.
[129] Дата 763 г. приводится в соответствии с кн.: A. Lombard, Constantin V (Paris, 1902), p. 48. Ostrogorsky, p. 144, следует Ломбару. Zlatarsky, I, 1, p. 213 датирует битву 762 г., в чем ему вторит Runciman, p. 38.
[130] Runciman, p. 39.
[131] Bury, 1889, pp. 472 - 473; Runciman, pp. 39 - 40.

[132] См. 5, выше.
[133] Theophanes, p. 447.
[134] Runciman, p. 41.
[135] Idem, p. 42.
[136] Idem, p. 43.
[137] Bury, 1889, p. 488.
[138] Halphen, p. 241
[139] Норма, хотя и несколько устаревшая сейчас. См.: J. Bruce, The Holy Roman Empire (rev. ed., New York and London, 1904), См. также: K. Heldmann, Das Kaisertum Karls des Grossen (Weimar, 1928).
[140] Bury, 1889, p. 490; Ostrogorsky, pp. 126 - 128.
[141] Шахматов, Судьбы, с. 26.
[142] См. Гл. V, 8.
[143] Howorth, pp. 801 - 805; Runciman, p. 50.
[144] См.: Cross, p. 141.
[145] О Круме см.: Runciman, pp. 51 - 70; Zlatarsky I, 1, pp. 247 - 282.
[146] Suidas, s. v. Βουλγαροι (I, 483 - 484).
[147] Feher, pp. 8 - 23; Zlatarsky, I, 1, pp. 248 - 249.
[148] Zlatarsky, I, 1, pp. 262, 290.
[149] Suidas, как и в сн. 146, выше.
[150] Zlatarsky, I, 1, pp. 285 - 287.
[151] Runciman, pp. 54 - 55. О стенобитных машинах Крума см.: Zlatarsky, I, 1, pp. 415 - 420.
[152] Runciman, p. 57.
[153] Idem, p. 61.
[154] Idem, p. 63 - 64.
[155] Idem, p. 65. Недавно H. Grégoire (Habitat, pp. 270 - 274) предположил, что именно эти македонские поселенцы на Дунае упоминаются и некоторыми восточными писателями под именем Vnndr. Предположение Грегуара довольно остроумно, но проблема Vnndr требует дальнейшего исследования.
[156] Idem, pp. 67 - 68.
[157] Idem, p. 68
[158] О Чоке см.: Bury, Eastern, p, 359; Gregoire, Sources, p. 767; Runciman, p. 71. Zlatarsky, I, 1, pp. 293 - 294.
[159] Runciman, pp. 72 - 73. Doelger, I, 48 относит договор к 814 г.
[160] Aboba-Pliska, p. 190; Beshevliev, No. 1 (p. 43) и pp. 65 - 69; Runciman, p. 81; Zlatarsky, I, 1, p. 294.
[161] Cross, p. 145.
[162] См. ниже, Гл. VIII, 4.
[163] Руины замка Омортага были обнаружеиы при раскопках, организованных Русским Археологическим Институтом в Константинополе под руководством Ф. И. Успенского и К. Шкорпила. См. Aboba; а также Feher, pp. 41 - 52.
[164] Feher, pp. 52 - 58; Runciman, pp. 77 - 78.
[165] О восстании Фомы Славяниua см.: Bury, Eastern, pp. 84 - 110; Лишиц Е., "Восстание Фомы Славянина", ВДИ, I (1939), 352 - 365; Ostrogorsky, pp. 142 - 143; Vasiliev, Arabes, I, 22 - 49. Васильев считает Фому армянином.

[166] См. 7, выше; также Гл. VI, 6.
[167] Bury, Eastern, pp. 100 - 102.
[168] Idem, p. 106.
[169] См. 6, выше.
[170] Dvornik, Slaves, p. 47.
[171] Idem, pp. 48 - 49.
[172] Idem, p. 50.
[173] Runciman, p. 83.
[174] См. 6, выше.
[175] О нападении русских на Сугдею (Сурож) см. 5, выше. То, что русские, возможно, помогли готам изгнать хазар из Дораса, является только моим предположением.
[176] De Adm., 42; Theophanes Continuatus, pp. 122 - 124.
[177] Vasiliev, p. 109.
[178] Bury, Eastern, p. 418.
[179] Vasiliev, p. 111.
[180] Idem, p. 115.
[181] М. И. Артамонов, "Средневековые поселения на нижнем Дону", ГА, 131 (1935); его же, "Саркел", СА, VI (1940), 130 - 165; из более ранней литературы о Саркеле см.: Х. И. Попов, "Где находилась хазарская крепость Саркел?" ТАС, IX, 1 (1895).
[182] По-гречески 'Ασπρον 'Οσπιτιον
[183] Cross, p. 171.
[184] Vasiliev, p. 108.
[185] См. Гл. VI, 6.
[186] Bury, Eastern, p. 418.
[187] См. 9, выше.
[188] О Дунайском кризисе 836 - 839 гг. см.: Bury, Eastern, pp. 370 - 373; Grot, pp. 225 - 233; Runciman, pp. 85 - 88; Zlatarsky, pp. 337 - 341.
[189] См. 8, выше.
[190] Grot, p. 227.
[191] Ann. Bert. s. a. 839; ср. Kruse, pp. 132 - 133.

Глава VIII. Образоввние Киевской Руси (839 - 878 гг.)

[1] Ип., кол. 5 - 6 и 10. Об этнографии "Повести временных лет" см. Барсов, сс. 7 - 13; A. Pogodin, "Die Bericht der russischen Chronik ueber die Gruendung des russischen states; ZOG, 5 (1931), 194 - 214.
[2] См. Гл. III, 7.
[3] Procopius, VIII, 4, 9.
[4] Jordanis, sec. 34.
[5] См. Гл. VI, 6.
[6] Там же.
[7] Theophanes, p. 359; ср. Niedorle, II, 415 - 416.
[8] Gotie, pp. 212 - 215.

[9] Миллер, Следы, с. 240.
[10] Dvornik, Slaves, pp. 235 - 236; Niederle, II, 424.
[11] Dvornik, Slaves, pp. 13 и 237; Niederle, II, 428.
[12] Dvornik, Slaves, pp. 15 - 16; Niederle, II, 370.
[13] См. Гл. IV, 7.
[14] См. Гл. III, 2.
[15] От "поле"; иа древиерусском - "степь".
[16] Ип., кол. 6.
[17] Общие сведения о расселеиии русских племеи см.: Барсов, сс. 67 - 205; Gotie, pp. 204 - 209; Хрущевский, I, 143 - 211; Niederle, W, 127 - 213; Шахматов, Судьбы, сс. 28 - 39; Спицын, Расселеиие; П. Н. Третьяков, "Расселение древиерусских племеп по археологическим данным" СА, IV (1937), 33 - 51. Для общей ориентации в изучении археологических материалов см.: Niederle, IV, 240 - 277 и Niederle, Rukovet.
[18] О тиверцах см.: Барсов, сс. 97 - 99; Хрущевский, I, 179 - 180; Niederle, IV, 161 - 162.
[19] См. Гл. IV, 10.
[20] Соболевский, I, 4 - 5, 277.
[21] Барсов, сс. 96 - 100; Хрущевский, I, 176 - 179; Niederle, IV, 157 - 161.
[22] См. Гл. III, 3; ср. Барсов, сс. 96 - 97.
[23] ПСРЛ, IX, 26.
[24] Н. И. Надеждин, "О положеиии города Пересечиа", ОО, I (1844), 235.
[25] ПСРЛ, IX, 26.
[26] См. сн. 19, выше.
[27] Brun, I, p. 179 - 182; Niederle, IV, 158.
[28] Jordanis, sec. 35.
[29] Барсов, сс. 128 - 129; Хрущевский, I, 167 - 169; Niederle, IV, 178 - 182; Пархомеико, сс. 57 - 59.
[30] Хрущевский, I. 254.
[31] Dvornik, Slaves, p. 15.
[32] См. Гл. III, 9.
[33] Cross, p. 141.
[34] Gotie, p. 225.
[35] Idem, pp. 7 - 8, 236 - 237.
[36] См. Гл. II, 1.
[37] Рыбаков, с. 336.
[38] Gotie, p. 93.
[39] Ср. G. Vernadsky, "Iron mining and iron industries in Mediaeval Russia", Etudes dedies a la memoire d'André Andréadčs (Athens, 1939), pp. 363 - 364.
[40] Cross, p. 143.
[41] См. Гл. VI, 8.
[42] См. Гл. IV, 8.
[43] Niederle, IV, 182 - 186.
[44] Idem, pp. 189 - 191; П. Рыков, "Юго-восточные границы радимичей", Сар. Унив., X, 3, 39 - 53.
[45] М. Хрущевский, "Допытання про розселенне вятичей", НТС, 118 (иеприемлемо

для меня); Niederle, IV, 191 - 197.
[46] Niederle, IV, 193; Шахматов, Поселения.
[47] См. Гл. VI, 8.
[48] Готье, 228. Столь же скептичны И. И. Ляпушкин, "Славяно-русские поселения IX - X вв. на Дону и Тамани", ИИМ, 6 (1940), 89 - 92, и А. Н. Насонов, "Тмутаракань", ИЗ, VI, (1940), 80. См., однако, В. Мавродин, "По поводу одной теории о местоположении Тмутаракани", ПИДО, № 9 - 10 (1936), о котором я знаю по ссылке Насонова; также, В. Мавродин, "Славяно-русское иаселение нижнего Дона и Северного Кавказа в X - XIV веках", ПИГ, II (1939), прорецензировано И. Ляпушкиным, ВДИ, I (1940), 150 - 153.
[49] См. Гл. IV, 8.
[50] См. Гл. IV, 5.
[51] Орлов, сс. 1 - 2; А. Спицын, "Тмутараканский камень", ОРСА, 9 (1915), 103 - 132.
[52] О ранних археологических исследованиях Таманского полуострова см.: Герц, II; Minus, pp. 21 - 24, 566; о недавних исследованиях см.: А. С. Башкиров, "Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года", ИАИ, III (1928), 71 - 86; Д. Эдинг, "Экспедиционная работа московских археологов в 1937 году", ВДМ, I (1941), сс. 220 - 222. Скудность памятников может быть частично объяснена изменением уровня моря, в результате чего части древних городищ оказались покрыты водой. См.: Герц, I, 48 и ВДИ I, (1938), с. 141.
[53] Гаркави, с. 38, 76.
[54] Барсов, сс. 147 - 152; Хрущевский, I, 170 - 174; Об археологических свидетельствах см. Н. Макаренко, "Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии", АК, 22 (1907), 38 - 90; Д. Самоквастов, Могилы русской земли (Москва, 1908), сс. 188 - 200; его же "Северянские курганы", ТАС, III, 1.
[55] Рыбаков, с. 337.
[56] Готье, сс. 226 - 227.
[57] Арциховский, Курганы; П. М. Еременко и А. А. Спицын, "Радимичские курганы", РАО, 8 (1895); Б. А. Рыбаков, "Радзимичы", БАН, III (1932); Греков, с. 28, - неприемлемо для меня.
[58] Ип., кол. 10; ср. Cross, p. 141.
[59] Шахматов, Судьбы, сс. 37 - 39.
[60] Готье, сс. 218 - 219.
[61] Vernadsky, PDH, pp. 226 - 227.
[62] Готье, сс. 212 - 215.
[63] Там же, сс. 54 - 62.
[64] Миллер, Словарь, сс. 934, 1407. Можно также вывести название "радимичи" из осетинского radomun (radaemun) - "смирять", "покорять" (Миллер, Словарь, сс. 934 - 935). Нидерле принимает точку зрения русского летописца, что названия "радимичи" и "вятичи" следует выводить из личных имен Радиме и Вятко; последнее, согласно Нидерле, - это стяжение имени Вячеслав (Niederle, IV, 190, 194). Шахматов предполагает происхождение имени "вятичи" от "венты", это название он сравнивает с венетами (венедами) у Тацита и с кельтским племенем венетов. См. А. Шахматов, "Zudcn aeltesten slavisch-keltischen Beziehungen", ASP, 33 (1912), 61. Ср. также его "Поселения", с. 728. Позднее Шахматов представил промежуточную польскую

форму, "Wetic" (Судьбы, с. 38). Ср. Арциховский, Курганы, с. 152 и Niederle, IV, 194 - 196.

[65] Арциховский, Курганы; Готье, с. 212.

[66] Готье,с. 212.

[67] Там же,.с. 214.

[68] Барсов, с. 95; Хрущевский, I, 184 - 187; Niederle, IV, 172 - 175.

[69] Hauptmann, Kroaten, pp. 343 и ииже; Vinski, pp. 20 - 21.

[70] См. 6 и 8, ниже.

[71] Vernadsky, PDH, p. 46.

[72] Барсов, сс. 100 - 102; Хрущевский, I, 180 - 184; Niederle, IV, 172 - 175.

[73] Барсов, с. 101.

[74] Mas'udi, III, 65.

[75] Markwart, p. 147.

[76] Принимая во внимание возможность чередования "м"/"б" не только в тюркском, но и, в определенных условиях, в осетинском языках (о последием см. Miller, Sprache, p. 34). Ср. Гл. V, 3.

[77] Charmoy, p. 311, n. bbb.

[78] Куник, Аль-Бекри, с. 33.

[79] Готье, с. 241. Подробнее см. В. Антонович, "Раскопки курганов в западной Волыни", ТАС, XI, 1; Е. Н. Мельник, "Раскопки в земле лучан", ТАС, XI, 1, (1902).

[80] Барсов, сс. 127 - 128; Niederle, IV, 177 - 178.

[81] См. начало главки.

[82] Пархоменко, с. 45.

[83] Готье, с. 240 - 241; Niederle, IV, 257. См. также **В. Антонович, "Раскопки в стране древлян", МАР, II (1813).**

[84] Mas'udi, III, 64.

[85] Хрущевский, I, 364. О Дире см. 4, ниже.

[86] Барсов, сс. 124 - 128; Niederle, IV, pp. 186 - 189; **В. В. Завитневич, "Очерк погребальных обрядов в курганах Минской губернии", ТАС, IX, 2 (1887).**

[87] Готье, с. 217.

[88] Барсов, сс. 174 - 180; Niederle, IV, pp. 197 - 199.

[89] Барсов, сс. 191 - 192; Niederle, IV, pp. 202 - 203.

[90] См. Гл. III, 7.

[91] Готье, сс. 206 - 207; Niederle, IV, pp. 267 - 268. Подробнее см. Н. Бранденбург, "Курганы южного Приладожья", МАР, 18 (1895); В.Н. Глазов, "Гдовские курганы", МАР, 29 (1903); Л. К. Ивановский, "Курганы Петербургской губернии", МАР, 20 (1896).

[92] Сопка в местных диалектах обозначает вулкан, либо любой холм конической формы.

[93] Готье, с. 207.

[94] См. Гл. VII, 4.

[95] Готье, сс. 207 - 208; Niederle, pp. 202 - 203; Третьяков, сс. 69 - 97; исследование Третьякова стало доступным для меня слишком поздно, чтобы я мог использовать его во всей полноте.

[96] Kerner, pp. 109 - 113.

[97] Idem, pp. 115 - 116.
[98] Готье, с. 222.
[99] TAC, I, 2.
[100] Niederle, IV, 248 - 266; ср. А. А. Спицын, "Владимирские курганы", АК, 15 (1905).
[101] И. А. Тихомиров, "Кто насыпал ярославские курганы?" Труды второго Тверского областного археологического съезда (Тверь, 1906) (неприемлемо для меня, см. Смирнов, с. 145).
[102] Смирнов, с. 145.
[103] См. Гл. VII, 2.
[104] До недавнего времени исследователи средневековой Руси выделяли развитие внешней торговли как характерную черту русской экономики раннего киевского периода. Ключевский был типичным выразителем этой теории. Сейчас существует тенденция уделять больше внимания земледельческой сфере. См. особ.: Греков, сс. 21 - 33. Эта проблема будет рассмотрена во втором томе.
[105] См. Гл. III, 8.
[106] Тревер, Сенмурв, с. 324.
[107] Ип., кол. 6: Лавр., кол. 79.
[108] Firdausi, Warner's trans., I, 241, 246, 253, 276, 302; III, 158, 313, 330; V, 132 - 133.
[109] О языческих культах в Киеве до обращения Владимира см.: Mansikka, Religion, и Niederle, Zivot, II, I, pp. 116 - 128.
[110] Готье,с. 235 - 239.
[111] О географическом распространении находок восточных монет в России см. Любомирова и Маркова.
[112] Ю. Д. Талко-Гринцевич, "Опыт физической характеристики древних восточных славян", Статьи по славяноведению, III (1910), 109 - 111, 123 - 124. Ср. Пархоменко, с. 24.
[113] Jan Czekanowski, "Anthropologische Beitrage zum Problem der Slawisch-Finnischen Beziehungen", SMYA, 35, 4 (1925).
[114] Ип., кол. 10.
[115] См. Гл. VII, 3.
[116] См. 1, выше.
[117] См. Гл. VII, 10.
[118] Cross, p. 144.
[119] Ип., кол. 12 - 13.
[120] Cross, p. 143.
[121] Idem, p. 145.
[122] An. Bel., p. 11.
[123] Vernadsky, Lebedia, p. 199.
[124] An. Bel., p. 11.
[125] Ип., кол. 18.
[126] Там же.
[127] De Adm., 38.
[128] Macartney, p. 109.
[129] Cross, pp. 140, 145.

[130] Гордлевский, Словарь, с. 594.
[131] Vernadsky, Lebedia, p. 202.
[132] См. Гл. VII, 9.
[133] An. Bel., p. 8.
[134] См. Гл. VI, 5.
[135] Vernadsky, Lebedia, p. 203.
[136] Cross, p. 144.
[137] О хронологии в "Повести временных лет" см.: Cross, pp. 109 - 115.
[138] См. Гл. VII, 10.
[139] Arne, p. 20; Markov, pp. 16 - 23.
[140] Об Асхерадене-Асгарде см. Гл. VII, 2.
[141] С. Ф. Платонов, "Руса", ДД, 1 (1920), 1 - 5; Шахматов, Судьбы, с. 56.
[142] Rimbert, Vita Anskarii, p. 43.
[143] О недостоверности даты 862 г. см. Ключевский, I, 101.
[144] Ип., кол. 15.
[145] Татищев, I, 33.
[146] Ип., кол. 15.
[147] Об истории текста и литературной основе легенды о "призвании варягов" см.: А. А. Шахматов, "Сказание о призвании варягов", АНОРИ, 9. 4, 365; ср. Смирнов, сс. 151 - 152; Stender-Petersen, pp. 42 - 76.
[148] Ип., кол. 15.
[149] Лавр., кол. 19. Прочтение "руси" (дательный падеж) появляется в Радзивилловском изводе, а также в изводе Московской духовной академии. В Лаврентьевском и Троицком списках есть "русь", как и в Ипатьевском.
[150] Ип., кол. 15.
[151] Поскольку "Повесть временных лет" была составлена после норманского завоевания, слово "англяне" следовало бы передавать как "англичане", а не как "англы".
[152] См. Гл. VII, 3 и 5.
[153] Ф. Крузе, "О происхождении Рюрика", ЖМНП, 9 (1836), 43 - 73.
[154] Беляев, сс. 237 - 239.
[155] Там же, сс. 225 - 270.
[156] Крузе, сс. 88 - 103.
[157] Беляев, с. 230.
[158] Крузе, сс. 164 - 167, 190.
[159] Беляев, с. 232; Крузе, с. 190 - 191.
[160] Крузе, с. 233.
[161] Беляев, сс. 244 - 245.
[162] Там же, сс. 246 - 247.
[163] Там же, с. 251.
[164] Ип., кол. 15.
[165] См. 3, выше.
[166] Татищев, I, 34.
[167] Ип., кол. 15.
[168] Там же, кол. 16.
[169] Поэтому я не могу принять точки зрения Н. Т. Беляева, который предполагает, что Аскольд был послан Рюриком на Константинополь (Беляев, с. 241).

[170] Ип., кол. 16.
[171] См. 2, выше.
[172] См. 8, ниже.
[173] Ип., кол. 18.
[174] Cross, p. 145.
[175] Ostrogorsky, p. 159.
[176] См. выше, в начале этой главки.
[177] Brun, I, 174 - 209.
[178] См. Гл. VII, 10.
[179] О русском набеге на Амастрис см. Василевский, III, I-CXLI.
[180] Да Коста-Луйе недавно попыталась показать необоснованность использования "Жития" Св. Георгия из Амастриса в качестве источника для изучения русского набега на этот город. Она предположила, что фрагмент о набеге в "Житии" является поздней интерполяцией и относится к походу Игоря 941 г. (Da Costa, pp. 246 - 248). Такая интерпретация не нова, и уже Василевский рассматривал и критиковал ее (Василевский, III, CXXXVI - CXXXVIII). А. А. Васильев связывает события в Амастрисе с русской кампанией 860 г. (Vasiliev, Arabes, I, 243).
[181] Bury, Eastern, pp. 419 - 422; Ostrogorsky, p. 159; Vasiliev, Arabes, I, 240 - 247
[182] См. сн. 177, выше.
[183] Касательно даты см.: Ostrogorsky, p. 159.
[184] Vasiliev, Arabes, I, 244.
[185] Photius, Homily, II, p. 222.
[186] См. Гл. IV, 10.
[187] См. Гл. V, 6.
[188] См. 4, выше.
[189] О Фотии см.: Dvornik, "Étude sur Photius", BYZ, II (1936), 1 - 19; Dvornik, Slaves, pp. 119 - 146; J. Hergensöther, Photius, 3 vols (Ratisbonn, 1869); Т. М. Россейкин, Первое патриаршество Фотия (Сергиев Посад, 1915), неприемлемо для меня.
[190] Последние исследования А. Грегуара (Byz., 4, 437 - 468; 5, 327 - 346; 8, 515 - 550) показали, что Михаил III был лучшим правителем, чем считалось ранее, и что его царствование имело большое значение для истории Византии. Однако, не самому Михаилу, а его советникам, особенно Бардасу и Фотию, следует воздать должное за успехи его политики. Ср. Ostrogorsky, p. 155.
[191] См. Гл. VI, 2.
[192] Life, chap. 8.
[193] См. Гл. VI, 2.
[194] Существует обширная литература о Св. Кирилле и Мефодии, об их жизни и деяниях, библиографию см. у Ильинского. Наиболее важная из работ последнего времени: Dvornik, Legendes.
[195] Life, chap. 8.
[196] Life, chap. 6; ср. Dvornik, Légendes, pp. 85 - 111.
[197] Life, chap. 8; Dvornik, Légendes, p. 185. А. Вайян предполагает, что упоминание самаритянина в "Житии" Константина следует понимать метафорически: "Самаритянин, которого Константин встретил в Херсонесе, - это добрый самаритянин, то есть самаритянин Евангелия" (RES, 15, 76). Однако, в "Житии"

упоминается не только самаритянин, но и самаритянские книги, поэтому толкование Вайяна не достигает своей цели.

[196] Он был drungarius. См.: Dvornik, Legendes, pp. 2 - 19.

[197] Life, chap. 8.

[198] О проблеме существования руницческого письма у славян см.: В. Ягич, "Вопрос о рунах у славян", ЭСФ, III, 1 - 36.

[199] См. Dvornik, Légendes, pp. 185 - 188; Ильинский, сс. 66 - 67.

[200] См. Vasiliev, p. 113.

[201] A. Vaillant, "Les lettres russes de la vie de Constantin", RES, 15 (1935), 75 - 77

[202] Д-р Р. Якобсон сообщил мне в частной беседе, что он - сторонник сирийской гипотезы.

[203] Life, chap. 16.

[204] См. выше, Гл. VI, 2.

[205] См. выше, Гл. VII, 6.

[206] См. сн. 234, ниже.

[207] Life, chap. 8 and 9; ср. Vernadsky, Eparchy, pp. 70 - 71.

[208] См. Гл. VII, 5.

[209] См. Гл. VI, 2.

[210] Life of Methodius, chap. 4.

[211] Macartney, pp. 201 - 202; ср. Vernadsky, Conversion, p. 84.

[212] Life, chap. 11.

[213] Vernadsky, Conversion, p. 85.

[214] Life, chap. 11.

[215] Idem, chap. 12.

[216] Ibid.

[217] Brosset, III, 484.

[218] Markwart, p. 15.

[219] De Adm., 9.

[220] Photius, "Epistola 13", sec. 35 (PG, 102, cols. 736 - 737); ср. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople, I, 2, No 481 (Istanbul, 1936), pp. 88 - 89.

[221] Vernadsky, Eparchy, pp. 70 - 75.

[222] См. Vernadsky, Status, pp. 300 и ниже.

[223] См. Dvornik, Légendes, pp. 212 - 230; Dvornik, Slaves, pp. 147 - 183; Ильинский, сс. 71 - 84.

[224] См. Гл. VII, 9.

[225] О Ростиславе см.: Грот, сс. 97 - 119; Успенский, Монархии, сс. 40 - 52.

[226] Bury, p. 383; Zlatarsky, pp. 14 - 15.

[227] См. 5, выше.

[228] Life, chap. 14.

[229] Dvornik, Slaves, p. 318; Г. Ильинский, "Где, когда и с какой целью глаголица была заменена кириллицей?" ВС, 3 (1931), 87.

[230] О проблеме происхождения и взаимоотношения кириллицы и глаголицы см.: В. Ягич, "Глаголическое письмо", ЭСФ, III, 51 - 230; Карский, Палеография, сс. 158 - 223; В. Н. Щепкин, Учебник русской палеографии (Москва, 1818), сс. 11 - 20; Vajs, pp. 13 - 21.

[233] A. Rahlfs, "Zur Frage nach der Herkunft des Glagolitischen Alphabets", ZVS, 45 (1913), 285-287. См., однако, Vajs, p. 39.

[234] О сходстве глаголицы с грузинским алфавитом см.: R. Abicht, Ist die Aehnlichkeit des glagolitischen mit dem grusinischen Alphabet Zufall (Leipzig, 1895), неприемлемо для меня; об армянских параллелях см.: M. Gaster, Ilchester Lectures on Greeko-Slavonie Literature (London, 1887), pp. 209 - 229. Важность кавказской почвы для изучения проблемы была подчеркнута В. Ф. Миллером, "К вопросу о славянской азбуке", ЖМНП, 232 (1884), 1 - 35. Он выдвинул предположение о происхождении глаголицы от древнеперсидского, что неубедительно. В 1927 г. В. Пожидаев предложил еще одну гипотезу, связанную с кавказской почвой. Согласно ему, глаголицу можно вывести из кавказских клановых эмблем (tamga). См.: М. Грунский, "Нова теория про похождения глаголицы", УАН, 19 (1928), 266 - 277. Эта теория мало правдоподобна.

[235] Никольский, Письмена.

[236] Там же, сс. 36 - 37.

[237] Об употреблении глаголицы как тайного письма в иекоторых кириллических рукописях см.: Карский, сс. 249 - 250.

[238] См. 7, ниже.

[238] См.: P. I. Alexander, "The Papacy, the Bavarian Clergy, and the Slavonic Apostles", SR, 20 (1941), 206 - 293.

[240] Life, chap. 17; ср. Dvornik, Slaves, p. 199.

[241] "Схима" - это славянская транскрипция греческого σχημα.

[242] Dvornik, Slaves, p. 207.

[243] О Святополке см.: Грот, сс. 121 - 124; Успенский, Моиархии, сс. 63 - 94.

[244] Dvornik, Slaves, 262 - 270.

[245] См. 7, ниже.

[246] Выясняется, что сначала был переведен ряд фрагментов из Нового Завета непосредственно для церковных служб, см.: Dvornik, Slaves, p. 166. Со временем были сделаны дальнейшие переводы, ср. Ильинский, сс. 115 - 136.

[247] Н. Дурново, "Мысли и предположения о происхождении старославянского языка", ВС, 1, (1929), 48 - 85 и 3 (1931), сс. 68 - 78; Ильинский, сс. 136 - 164.

[248] См.: Bury, Eastern, pp. 381 - 392; Dvornik, Slaves, pp. 184 - 195; Runciman, pp. 99 - 130; Zlatarsky, I, 2, pp. 21 - 201.

[249] См. 6, выше.

[250] Bury, Eastern, p. 383.

[251] Приселков, сс. 21 - 35; Vernadsky, Status, pp. 294 - 302.

[252] Dvornik, Slaves, p. 186.

[253] Приселков, сс. 10- 11, 35 - 36; Vernadsky, Status, p. 298.

[254] A. Vaillant and M. Lascaris, "La date de la conversion des Bulgares", RES, 13 (1933), 5 - 15.

[253] Runciman, pp. 105 - 106.

[256] См. 6, выше.

[257] Н. Суворов, "Учебник церковного права" (Москва, 1912), сс. 31 - 32.

[258] Dvornik, Slaves, p. 191.

[259] Bury, Eastern, pp. 200 - 203.

[256] Idem, pp. 203 - 204.

[261] Runciman, pp. 113 - 114.
[262] Idem, pp. 134 - 135; Zlatarski, pp. 253 - 277.
[263] О письменности и искусстве во время правления Симеона см.: Runciman, pp. 138 - 143; Zlatarski, pp. 282 - 284.
[264] См. 4, выше.
[265] См. 5, выше.
[266] О рассмотрении проблемы распространения христианства на Руси до обращения Владимира см.: Н. Полонская, "К вопросу о христианстве на Руси до Владимира", ЖМНП, 71 (1917), 33 - 80.
[267] См. 6, выше.
[268] Там же.
[269] Macartney, p. 211, Малик означает "царь" по-арабски.
[270] См. 1, выше.
[271] Ср. А. В. Флоровский, Чехи и восточные славяне (Прага, 1935), сс. 158 - 182.
[272] Выясняется, что составитель первой русской хроники пользовался некоторыми моравскими литературными материалами. См.: Никольский, Повесть, сс. 45 - 84. Некоторые выводы Никольского вызвали возражения В. М. Истрина, "Моравская история славян", ВС, 3 (1931), сс. 36 - 55; но даже Истрин допускает, что списки моравских рукописей ходили по Киевской Руси в одиннадцатом, "а возможно даже в десятом веке" (с. 54).
[273] Ип., кол. 19.
[274] Никольский, Повесть, сс. 78 - 83.
[275] Cross, p. 146.
[276] См. 4, выше.
[277] См. 3, выше.
[278] См. 4, выше.
[279] Kruse, p. 382.
[280] См. 3, выше.
[281] Беляев, с. 269.
[282] Cross, p. 146.
[283] Согасно Кендрику (p. 206, n. 1). Рорик Ютландский (т. е. Рюрик Новгородский) умер в 876 г.
[284] Cross, pp. 146 - 147.
[285] Беляев, с. 243.
[286] Cross, pp. 157 - 164.
[287] Idem, pp. 157 - 159.
[288] Idem, p. 164.
[289] Idem, p. 158.
[290] Ср. Хрущевский, 1, 391.
[291] Татищев, 1, 35.
[292] Беляев, с. 257.
[293] Там же, с. 256. Р. Якобсон высказал мне предположение, что имя Helgi по-скандинавски значит "святой" (ср. Cleasby, p. 255); русский "вещий Олег" по-скандинавски был бы Helgi Helgi, так что русский эпитет "вещий", по всей видимости, всего лишь перевод скандинавского имени на русский язык. Исследование А. Лященко об Олеге, цитируемое Беляевым (с. 257), неприемлемо для меня.

[284] См. 3, выше.
[285] Ип., кол. 17, ср. Cross, p. 146.
[286] Cross, p. 146.
[287] Ип., кол. 17.
[288] Там же; ПСРЛ, IX, 15.
[289] См. 4, выше.
[290] Cross, p. 146.
[291] Vernadsky, Status, pp. 297 - 302.
[292] Митрополит Илларион обращался и к Владимиру, и к Ярославу, как к каганам См.: Vernadsky, Status, p. 301; также РИБ, 36 (1920), 103.

СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	В. И. Абаев, «Аланика», АНОО (1935), сс. 881 - 894.
Абоба	Ф. И. Успенский, К. В. Шкорпил и другие, «Материалы для болгарских древностей: Абоба-Плиска», с альбомом иллюстраций, РАИК, 10 (1905).
АК	Археологическая комиссия, Известия.
АН	Академия наук, Известия.
АНЗ	Академия наук, Записки.
АНЗИ	Академия наук, Записки по историко-филологическому отделению.
АНИР	Академия наук, Известия по русскому языку и словесности.
АНМ	Академия наук, Memoires.
АНОО	Академия наук, Известия, Отделение общественных наук.
АНОРИ	Академия наук, Отделение русского языка и словесности, Известия.
АНОРС	Академия наук, Отделение русского языка и словесности, Сборник.
АНСР	Академия наук, Сборник по русскому языку и словесности.
Арыстов	Н. Аристов, «Промышленность древней Руси», (СПб, 1866).
Артамонов	М. И. Артамонов, Очерки древностей истории хазар (Ленинград, 1936).
Арциховский, Курганы	А. В. Арциховский, Курганы вятичей (Москва, 1930).
БАН	Академия наук БССР, Институт истории, Працы секции археологии.
Барсов	Н. П. Барсов, Очерки русской исторической географии (2-е изд., Варшава, 1885).
Беляев	Н. Т. Беляев, «Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи», SK, 3, (1929), 215 - 270.
Богаевский	П. М. Богаевский, «Очерки религиозных представлений вотяков», 30 (1890): I, № 2, 116 - 163; II, № 2, 77 - 109; III, № 4, 42 - 70.
Браун	Ф. Браун, «Разыскания в области гото-славянских отношений», АНОРС, 64, № 12, (1899).
Брюн	Ф. К. Брюн, «Черноморье», I - II (НУ, 28 и 30, 1879-80).
Василевский	В. Г. Василевский, Труды, I - IV (С.-Петербург - Ленинград, 1908 - 1930).
Васильев, Славяне	А. А. Васильев, «Славяне в Греции», ВВ, 5 (1898), 404 - 438, 626 - 670.
ВВ	Византийский Временник.

ВДИ	Вестник древней истории.
Вернадский, Звенья	Г. Вернадский, Звенья русской культуры, Т. I (Брюссель, 1938).
Вестберг	Ф.Ф. Вестберг, «К анализу восточных источников о восточной Европе», ЖМНП, 13 (1908), 364 - 412; 14 (1908), 1 - 52.
ВОЗ	Русское археологическое общество, Восточное отделение, Записки.
ВС	Византинославика.
ГА	Государственная Академия истории материальной культуры, Известия.
ГАМ	Государственная Академия истории материальной культуры, Memoirs.
Гаркави	А. Гаркави, «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских» (С.-Петербург, 1870).
Гедеонов	С. Гедеонов, Варяги и Русь, I - II (С.-Петербург, 1876).
Герц	К. К. Герц, Собрание сочинений, I - II (С.-Петербург, 1898).
Гордлевский, Словарь	Турецко-русский словарь, составил Д. А. Магазаник под редакцией В. А. Гордлевского.
Городцов	В. А. Городцов, «Дако-сарматские элементы в русском народном искусстве», ИМТ, I (1926).
Готье	Ю. В. Готье, Железный век в восточной Европе (Москва - Ленинград, 1930).
Готье, Очерки	Ю. В. Готье, Очерки по истории материальной культуры восточной Европы, I (Москва, 1925).
Греков	Б. Д. Греков, Киевская Русь (3-е изд., Москва - Ленинград, 1939).
Григорьев	В. В. Григорьев, Россия и Азия (С.-Петербург, 1876).
Грот	К. Я. Грот, Моравия и мадьяры (С.-Петербург, 1881).
Грушевский	М. С. Грушевский, История Украины-Руси, Т. I (Львов, 2-е изд. 1904 г.); Т. VII (Киев - Львов, 1909).
ДД	Дела и дни.
Довнар-Запольский	Русская история под редакцией Довнар-Запольского, Т. I (Москва, 1910).
Ефименко	П. П. Ефименко, «Дородовое общество», ГА, 79 (1934).
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения.
ИАИ	Институт археологии и искусствознания (Москва, РАНИОН), Отделение археологии.
ИБГ	Иркутск, Биолого-Географический институт, Известия.
Ибн-Фадлан	Фадлан, Ибн, изд. Крачковским, См. Источники, II, 2, А.
ИЗ	Исторические записки.
ИИМ	Академия наук, Институт истории материальной культуры, Краткие сообщения.
Ильинский	Г. А. Ильинский, Опыт систематической Кирилло-Мефодиевской библиографии (София, 1934).
ИМО	Исторический музей, Отчет.
ИМТ	Исторический музей, Труды.

Ип.	Ипатьевский список «Повести временных лет», См. Источники, II, 3.
Истрин, Хроника	Георгий Амартол, Хроника. См. Источиики, II, 3.
ИУТ	Иркутск, Университет, Труды профессоров и преподавателей.
Калайдович	К. Калайдович, Иоаии, экзарх Болгарский (Москва,1824).
Карский, Палеография	Е. Ф. Карский, Славянская кирилловская палеография (Леиинград, 1928).
Клетнова	Е. Клетнова, «Великий Гнездовский могильник», Niederluv Sbornik (Prague, 1925), сс. 309 - 322.
Ключевский	В. О. Ключевский, Курс Русской истории, Т. I (Петроград, 1918).
Книга	Книга большому чертежу (2-е изд. С.-Петербург, 1858).
Коковцев	П. К. Коковцев, Еврейско-хазарская переписка в X веке (Ленинград, 1932).
Коидаков, Древности	Граф И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, Русские древности (С.-Петербург, 1889-99), в 6 т.
Кондаков, Очерки	Н. П. Кондаков, Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры (Прага, 1929).
Кулаковский	Ю. Кулаковский, История Византии, Т. I - III (Киев, 1910-15).
Кулаковский, Аланы	Ю. Кулаковский, Аланы по сведениям классических и византийских писателей (Киев, 1899).
Кулаковский, Таврида	Ю. Кулаковский, Прошлое Тавриды (2-е изд., Киев, 1914).
Куник, Аль-Бекри	А. Куник и барон В. Розеи, «Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славяиах», АНЗ, 32, доп. № 2 (1878).
КУО	Казань, Университет, Общество археологии, истории и этнографии, Известия.
Латышев	В. В. Латышев, Скифика и кавказика, Т. I - II (С.-Петербург, 1890 - 1904).
Левченко	М. В. Левченко, «Византия и славяне в VI - VII веках», ВДИ, 4 (1938), 23 - 48.
Любомиров	П. Г. Любомиров, «Торговые связи Руси с Востоком в VIII - IX веках», Сар. Унив., I, 3 (1923), 5 - 38.
МАР	Археологическая комиссия, Материалы по археологии России.
Марков	А. Марков, Топография кладов восточных моиет (С.-Петербург, 1910).
Марр	Н. Я. Марр, Избранные работы, Т. I - V (Ленииград, 1933-35).
Марр, Состав	Н. Я. Марр, Племенной состав населения Кавказа (Петроград, 1920).
Марру	Академия наук академику Марру (Москва - Ленинград, 1935).
МАЭ	Академия наук, Музей антропологии и этнографии, Сборииик.

Мелиоранский I	П. М. Мелиоранский, «Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», АНОРИ, 7, 2 (1903), сс. 273 - 302.
Мелиоранский, II	П. М. Мелиоранский, «Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве»», АНОРИ, 10, 2 (1905), сс. 66 - 92.
Мелиоранский, III	П. М. Мелиоранский, «Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени», АНОРИ, 10, 4 (1905), сс. 109 - 134.
МИАС	Академия наук, Институт истории материальной культуры, Материалы и исследования по археологии СССР.
Миллер	В. Ф. Миллер, «Осетинские этюды», Часть III, МУ, 8 (1887).
Миллер, Следы	В. Ф. Миллер, «Эпиграфические следы иранства на юге России», ЖМНП, 247 (1886), 232 - 283.
Миллер, Словарь	В. Ф. Миллер, Осетинско-русско-немецкий словарь (Ленинград, 1927-34), в 3 т.
Мошин, Вопрос	В. А. Мошин, «Варяго-русский вопрос», Славия, 10 (1931), 109 - 136, 343 - 379, 501 - 587.
Мошин, Начало	В. А. Мошин, «Начало Руси», ВС, 3 (1931), 38 - 58, 285 - 307.
МП	Академия наук, Музей палеографии, Труды.
МСЭ	Малая Советская Энциклопедия.
МУ	Москва, Университет, Ученые записки, Отдел историко-филологический.
МЭ	Русский музей, Материалы по этнографии.
Никольский, Письмена	Н. К. Никольский, «К вопросу о русских письменах», АНИР, I, 1 - 37.
Никольский, Повесть	Н. К. Никольский, «Повесть временных лет», АНСР, II, 1 - 106.
НТШ	Наукове товарыство имени Шевченко, Записки.
НУ	Одесса, Новороссийский университет, Записки.
НИИФ	Одесса, Новороссийский университет, Историко-филологическое общество, Летописи.
ОО	Одесса, Общество истории и древностей, Записки.
Орлов	А. С. Орлов, Библиография русских надписей XI - XV веков (Москва - Ленинград, 1936).
ОРСА	Русское археологическое общество, Отделение русской и славянской археологии, Записки.
Пархоменко	В. А. Пархоменко, У истоков русской государственности (Ленинград, 1924).
ПИГ	Педагогический институт имени Герцена, Ленинград, Ученые записки.
ПИДО	Проблемы истории докапиталистических обществ.
Приселков	М. Д. Приселков, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси (С.-Петербург, 1913).
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей.
Радлов	В. В. Радлов, «Сибирские древности», МАР, 3, 5, 15, 27.

РАИК	Русский археологический институт, Константинополь, Известия.
РАО	Русское археологическое общество, Записки.
РИБ	Русская историческая библиотека.
Ростовцев, Живопись	М. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, Т. I (С.-Петербург, 1914); альбом иллюстраций (1913).
Рыбаков	Б. А. Рыбаков, «Анты и Киевская Русь», ВДИ, I, (1939), 319 - 337.
СА	Советская археология.
Сар. Ун.	Саратовский университет, Ученые записки.
Семенов, Словарь	П. П. Семенов, Географическо-статистический словарь Российской империи (С.-Петербург, 1865-85), в 5 т.
Слово	Слово о полку Игореве. См. Источники, II, 3.
Смирнов	П. П. Смирнов, Вользкый шлях и стародавни русы (Киев, 1928).
Смирнов, Тмутаракань	В. Д. Смирнов, «Что такое Тмутаракань?», ВВ, 23 (1923), 15 - 73.
СМК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис).
Соболевский, I	А. И. Соболевский, «Русско-скифские этюды», АНОРИ, 26 (1923), 1 - 44; 27 (1924), 252 - 332.
Соболевский, II	А. И. Соболевский, «Славяно-скифские этюды», АНИР, I (1928), 376 - 390.
Спицын, Древности Камы	А. А. Спицын, «Древности бассейнов рек Оки и Камы», МАР, 25 (1901).
Спицын, Расселение	А. А. Спицын, «Расселение древнерусских племен по археологическим данным», ЖМНП, 324 (1899), 301 - 340.
Срезневский	И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, I - III (С.-Петербург, 1893 - 1912).
СТО	Сборник трудов Орхонской экспедиции.
ТАС	Труды археологических съездов. (В цитировании первая цифра указывает на номер каждого из археологических съездов в их последовательности, а вторая - на номер тома).
Теплоухов	С. А. Теплоухов, «Опыт классификации металлических культур Минусинского края», МЭ, IV, 1 (1927).
ТО	Таврическое общество истории, археологии и этнографии (Симферополь), Известия.
Толль	Н. П. Толль, Скифы и гунны (Прага,1928).
Толстов	С. Толстов, «Древности Верхнего Хорезма», ВДИ, I (1941), 155 - 184.
Тревер, Памятники	К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства (Москва - Ленинград, 1940).
Тревер, Сэнмурв	К. В. Тревер, «Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж», ГА, 100 (1933), 293 - 328.

Третьяков	П. Н. Третьяков, «К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.», МИАС, 5 (1941).
УАН	Всеукраинска академия наук, историчнo-филологичный виддил, Записки.
Успенский	Ф. И. Успенский, История Византийской империи, Т. I - II (С.-Петербург - Ленинград, 1914 - 1927).
Успенский, Монархии	Ф. И. Успенский, Первые славянские монархии на северо-западе (С.-Петербург, 1872).
Христоматия	М. Ф. Владимирский-Буданов, Христоматия по истории русского права, Т. I (6-е изд., С.-Петербург и Киев, 1908).
Худяков	М. Г. Худяков, «Вотские родовые деления», КУО, 30, 3, сс. 339 - 356, и 31, 1, сс. 1 - 18 (1920).
Шахматов, Поселения	А. А. Шахматов, «Южные поселения Вятичей», АН (1907), сс. 715 - 729.
Шахматов, Судьбы	А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени (Петроград, 1919).
ЭО	Этнографическое обозрение.
ЭС	Брокгауз-Эфрон, Энциклопедический словарь.
ЭСФ	Энциклопедия славянской филологии.

AA	American Anthropologist.
AH	Archaeologia Hungarica.
AIK	Annales de l'Institut Kondakov.
AIM	Academie des Inscriptions, *Memoires presentes par divers savants.*
AJ	The Antiquaries Journal.
AJA	American Journal of Archaeology.
An. Bel.	"Anonymi Belae regis notarii de Gestis Hungarorum liber." See Sources, II, 1.
Arne	T. J. Arne, *La Suede et l'Orient* (Upsala, 1914).
ASP	Archiv fur slavische Philologie.
AUA	Aarhus Universitet, *Aarskrift.*
AWB	Preussische Akademie der Wissenschaften, Berlin, *Sitzungsberichte* (Phil.-Hist. Klasse).
AWV	Akademie der Wissenschaften, Vienna, *Denkschriften* (Phil.-Hist. Klasse).
Ballagi	M. Ballagi, *Worterbuch der Ungarischen und Deutschen Sprache,* Vol. I (Pest, 1872).
Bartold	W. Bartold, *Turkestan Down to the Mongolian Invasion* (London, 1928).
Berneker	E. Berneker, *Slavisches Etymologisches Worterbuch* (Heidelberg. Vol. I, 1908-13; Vol. II, Fasc. 1, s. a.).
Beshevliev	V. Beshevliev, "Prvobolgarski nadpisi." See Sources, I, 1.
BGA	Bibliotheca Geographorum Arabicorum, ed. M. J. Goje (Leyden).

BNJ	Byzantisch-Neugriechische Jahrbucher.
Book of Annals	Povest Vremennykh Let. See Sources, II, 3.
BP	Bolgarski Pregled.
Bromberg	J. Bromberg, "Toponymical and Historical Miscellanics," Byz. 12 (1937), 151 - 180, and 449 - 475; 13 (1938), 9 - 71.
Brosset	M. Brosset, Histoire de la Georgie, Vol. I (St. Petersburg, 1849); Vol. III, Additions et Eclaircissements (1851); Vol. IV, Introduction et Tables des Matieres (1858).
Browne	E. G. Browne, A History of Persian Literature under Tatar Dominion (Cambridge, 1920).
Brueckner	A. Brueckner, Dzieje Kultury Polskiej, I (Krakow, 1930)
Brueckner, Litwa	A. Brueckner, Starozytna Litwa (Warsaw, 1909).
Bury	J. B. Bury, History of the Later Roman Empire, Vols. I - II (London, 1923).
Bury, Constitution	J. B. Bury, The Constitution of the Later Roman Empire (Cambridge, 1910).
Bury, Eastern	J. B. Bury, A History of the Eastern Roman Empire (London, 1912).
Bury, *System*	J. B Bury, "The Imperial Administrative System in the Ninth Century," British Academy, Supplemental Papers, I (London, 1911).
Bury, *1889*	J. B. Bury, *A History of the Later Roman Empire,* Vol. II (London, 1889).
Byz.	*Byzantion* .
BZ	*Byzantinische Zeitschrift.*
CAH	Cambridge Ancient History.
GGU	Corpus der Griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit.
Charanis	P. Charanis, *Church and State in the Later Roman Empire* (Madison, Wisconsin, 1939).
Charmoy	F. Charmoy, Relation de Masoudy. See Sources, II, 2, F.
Charpentier,	Jarl Charpentier, "Die ethnographische Stellung der Tocharer," *ZDMG, 71* (1917), 347 - 388.
Cleasby	*An Icelandic-English Dictionary,* based on the ms. collections of the late Richard Cleasby, enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson (Oxford, 1874).
Cross	S. H. Cross, *The Russian Primary Chronicle* (Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1930).
Da Costa	G. Da Costa-Louillet, "Y eut-il des invasions Russes dans l'Empire Byzantin avant 860?," *Byz. 15* (1941), 231 - 248.
De Adm.	Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperii, PG, 113.*
De Cer.	Constantine Porphyrogenitus, *De Ceremoniis Aulae Byzantinae, PG, 112.*
Deguignes	Deguignes, *Histoire Generale des Huns,* Vol. I, in two parts (Paris, 1756).

Doelger, Regesten	F. Doelger, Regesten der Kaiserurkunden des Ostroemischen Reiches, *CGU*, Ser. I, Pt. 1 (Munich, 1941).
Dopsch	A. Dopsch, Grundlagen der Europaischen Kulturentwicklung, I - II (2d ed. Vienna, 1923-24). There is a somewhat abridged English ed., under the title, The Economic and Social Foundations of European Civilization (New York and London, 1937). The German ed. is cited, unless otherwise stated.
Dvornik, Legendes	F. Dvornik, Les Legendes de Constantin et de Methode vues de Byzance (Prague, 1933).
Dvornik, Slaves	F. Dvornik, Les Slaves, Byzance et Rome au IX Siecle (Paris, 1926).
Ebert	M. Ebert, Suedrussand im Altertum (Bonn and Leipzig, 1921).
Eck	A. Eck, Le Moyen Age Russe (Paris, 1933).
EI	Encyclopaedia of Islam.
ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua.
Exc. Ins.	Excerpta de Insidiis, see Constantine Porphyrogenitus, Excerpta Historica, III. See Sources, II, 1.
Feher	G. Feher, "Les monuments de la culture Protobulgare," AN, 7 (1931).
Fettich	N. Fettich, "Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn," AN, 21 (1937).
FFC	FF Communications ed. for the Folklore Fellows (Helsinki).
FUF	Finnisch-Ugrische Forschungen.
Gibbon	The History of the Decline and Fall of the Roman Empire by Edward Gibbon, ed. by J. B. Bury (London, 1898 - 1900). 7 vols.
Gordon	E. V. Gordon, An Introduction to Old Norse (Oxford, 1927).
Gregoire, Habitat	H. Gregoire, "L'Habitat primitif des Magyars," Byz. 13 (1938), 267 - 278.
Gregoire, Sources	H. Gregoire, "Les sources epigrafiques de l'histoire Bulgare," Byz., 9 (1934), 745 - 786.
Groot, Hunnen	J. J. M. de Groot, Chinesische Urkunden. See Sources, II, 2, C.
Grousset	R. Grousset, L'Empire des Steppes (Paris, 1939).
Haloun	G. Haloun, "Zur Ue-tsi Frage," ZDMG, 91 (1937), 243 - 318.
Halphen	L. Halphen, Les Barbares des grandes invasions aux conquetes Turques du XI-e siecle (Paris, 1926).
Hauptmann, Kroaten	L. Hauptmann, "Kroaten, Goten und Sarmaten", Germanoslavica, Vol. III (1935).
Herrmann	A. Herrmann, "Tocharoi," *PW*, Ser. 2, *12* (1937).
HGM	*Historici Graeci Minoris*, ed. L. Dindorf, Vols. I - II (Leipzig, 1870-71).
Howorth	H. H. Howorth, "The Avars," *JRAS, 21* (1889), 721 - 810.
IF	Indogermanische Forschungen.

IPE	V. V. Latyshev, *Inscriptions Antiquae.* See Sources, I, 1.
JAIG	*Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.*
JAOS	Journal of the American Oriental Society.
JKGS	Jahrbucher fur Kultur und Geschichte der Slaven.
JHS	The Journal of Hellenic Studies.
Jordanis	Jordanis, *Getica.* See Sources, II, 1.
JRAS	The Journal of the Royal Asiatic Society.
KCA	Korosi Czoma Archiwum.
Kendrick	T. D. Kendrick, *A History of the Vikings* (London, 1930).
Kerner	R. J. Kerner, *The Urge to the Sea: the Course of Russian History* (Berkeley and Los Angeles, 1942).
Kruse	F. Kruse, *Chronicon Nortmannorum* (Hamburg and Gotha, 1851).
Kunik, *Berufung*	Ernst [i.c., Arist] Kunik, *Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven* (St. Petersburg, 1844).
Liddell-Scott	*Greek-English Lexicon,* by H. G. Liddell and R. Scott (new ed. in 2 vols., Oxford, 1925-40).
Life	The Pannonian Life of Constantine the Philosopher (St. Cyril). See Sources, II, 3.
Longnon, *Geographie*	A. Longnon, Geographie de la Gaule an Vle siecle (Paris, 1979).
Longnon, *Noms*	A. Longnon, *Les Noms de lieu de la France* (Paris, 1920-29).
Lot	F. Lot, *Les Invasions Germaniques* (Paris, 1935).
LUA	Lunds Universitets Arsskrift.
Macartney	C. A. Macartney, *The Magyars in the Ninth Century* (Cambridge, Cambridge University Press, 1930).
McGovern	W. M. McGovern, *The Early Empires of Central Asia* (Chapel Hill, N. C., 1939).
Mansikka, *Religion*	V. J. Mansikka, "Die Religion der Ostslaven," *FFC, 43* (1922).
Markwart	J. Marquart, *Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge* (Leipzig, 1903).
Markwart, *Bericht*	J. Markwart, "Ein arabischer Bericht uber die arktischen (uralischen) Lander," *UJ, 4* (1924), 262 - 334.
Markwart, *Chronologie*	J. Marquart, *Die Chronologie der altturkischen Inschriften* (Leipzig, 1903).
Menghin	O. Menghin, *Weltgeschichte der Steinzeit* (Vienna, 1931).
MGH	*Monumenta Germaniae Historica.*
Miklosich, I	F. Miklosich, "Die Fremdworter in den Slavischen Sprachen," *AWV, 15* (1867).
Miklosich, II	F. Miklosich, "Die Slavischen Elemente im Magyarischen," *AWV, 21* (1872).
Miklosich, III - IV	F. Miklosich, "Dic Turkischen Elemente in den sudost- und osteuropaischen Sprachen," *AWV, 34 - 35* (1884-85).
Miller, *Sprache*	V. F. Miller, "Die Sprache der Osseten," *Grundriss der Iranischen Philologie,* I, Suppl. (Strasbourg, 1903).

Minns	E. H. Minns, *Scythians and Greeks* (Cambridge, 1913).
Minorsky	V. Minorsky, *Hudud al-Alam* (London, 1937).
Mommsen	Th. Mommsen, "Index Locorum" to Jordanis' *Romana et Getica.* See Sources, II, 1.
Monsen	*Heimskringla, by Snorre Sturlason,* ed. by E. Monsen (New York, D. Appleton & Co., 1932).
Moravcsik	J. Moravcsik, "Zur Geschichte der Onoguren," *UJ, 10* (1930), 53 - 90.
Muellenhoff	K. Muellenhoff, *Deutsche Altertumskunde,* Vol. II (2d ed. Berlin, 1906).
Munch	P. A. Munch, *Norse Mythology,* revised by M. Olsen (New York, 1926).
Niederle	L. Niederle, *Slovanske Starozitnosti,* Vol. I (2d ed. 1925-26); Vol. II (1906-10); Vol. III (2d ed. 1927); Vol. IV (1924) (Prague).
Niederle, Rukovet	L. Niederle *Rukovet' Slovanske Archeologie* (Prague, 1931).
Niederle, *Zivot*	L. Niederle, *Zivot starych Slovanu* (Series 2 of the Slovanske Starozitnosti), Vol. I (1911-13); Vol. II, 1 (1924); Vol. II, 2 (1934); Vol. III (Prague, 1921-25).
NYPL	New York Publik Library, *Bulletin.*
Ostrogorsky	G. Ostrogorsky, *Geschichte des Byzantinischen Staates* (Munich, 1940).
Ostrogorsky, **Avtokrator**	G. Ostrogorsky, "Avtokrator i Samodrzhats," *SKA, 164* (1935).
PA	*Przeglad Archeologiczny.*
PG	J. P. Migne, *Patrologiae Cursus Completus.* Series Graeca.
PL	J. P. Migne, *Patrologiae Cursus Completus,* Series Latina.
Procopius	Procopius, *History of the Wars.* See Sources, II, 1.
PW	Pauly-Wissowa-Kroll, *Realencyclopaedie der Klassischen Altertumswissenschaft.*
Rafn	C. C. Rafn, *Antiquites Russes.* See Sources, II, 4.
Rav. An.	Ravennas Anonymus. See Sources, II, 1.
RES	Revue des Etudes Slaves.
RGA	J. Hoops, *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde.*
RH	Revue Historique.
RHD	Revue historique de droit francais et etranger
RK	*Recueil Kondakov* (Prague, 1926).
RL	VM. Ebert, *Reallexikon der Vorgeschichte.*
Roesler	R. Roesler, *Romanische Studien* (Leipzig, 1871).
Rostovtzeff	M. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks* (Oxford, 1922).
Rostovtzeff, *Animal Style*	M. Rostovtzeff, *The Animal Style in South Russia and China* (Princeton, 1929).
Rostovtzeff, *Centre*	M. Rostovtzeff, *Le Centre de l'Asie, la Russie, la Chine et le style animal* (Prague, 1929).
Rostovtzeff, *Hellenistic World*	M. Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Hellenistic World* (Oxford, 1941).

Rostovtzeff, *Roman Empire*	M. Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Roman Empire* (Oxford, 1926).
Rostovtzeff, *Sarmatae*	M. Rostovtzeff, "The Sarmatae and the Parthians," *CAN, XI, chap. iii.*
Rostovtzeff, *Skythien*	M. Rostovtzeff, *Skythien und der Bosporus* (Berlin, 1931).
Runciman	S. Runciman, *A History of the First Bulgarian Empire* (London, 1930).
Safarik	P. J. Schafarik [Safarik], *Slavische Alterthuemer,* Vols. I - II (Leipzig, 1843-44).
Setala	T. Ya., and S., "Finskii yazyk," *ES, 71,* pp. 23 - 26.
SF	*Sudostdeutsche Forschungen.*
SFO	Societe Finno-Ougrienne, *Memoires.*
SK	*Seminarium Kondakovianim* (Prague).
SKA	Srpska Kraljevska Akademija, *Glasnik.*
Smirnov, *Populations*	I. N. Smirnov, *Les populations Finnoises des bassins de la Volga et de la Kama,* Vol. I (Paris, 1898).
SMYA	*Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja* (Helsinki).
SOF	Societas Orientalis Fennica, *Studia Orientalia* (Helsinki).
SR	*Slavonic and East European Review.*
Stein	E. Stein, *Studien zur Geschichte des Byzantinischen Reiches* (Stuttgart, 1919).
Stender-Petersen	A. Stender-Petersen, "Die Varaegersaga als Quelle der Altrussischen Chronik," *AUA, 6* (1934).
SU	Sofia, Universitet, *Godishnik.*
SZM	Sarajevo, Zemaljski Muzej, *Glasnik.*
Tallgren, *Col. Zaus.*	A. M. Tallgren, *Collection Zaoussailov,* I - II (Helsinki, 1916-18).
Tallgren, *Kupfer*	A. M. Tallgren, "Die Kupfer-und Bronzezeit in Nord-und Ostrussland," *SMYA, 25,* 1 (1911).
Tallgren, *Orient*	A. M. Tallgren, "L'Orient et l'Occident dans l'age du fer finno-ougrien jusqu'au IX-e siecle de notre ere," *SMYA, 35,* 3 (1924).
Tallgren, *Pontide*	A. M. Tallgren, "La Pontide prescythique," *ESA 2* (1926).
Tallgren, *Provinces*	A. M. Tallgren, "Les provinces culturelles Finnoises de l'age recent de fer dans la Russie du nord," *ESA, 3* (1928), 3 - 24.
Tarn	W. W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India* (Cambridge, 1938).
Tarn, *Alexander*	W. W. Tarn, "Alexander and the Conquest of the Far East," *CAH, 7,* Chap. xiii.
Taube	Baron M. Taube, "Russische und litauische Fursten an der Duna," *JKGS, 11* (1935), 367 - 502.
Thomsen, *Origin*	V. Thomsen, *The relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State* (Oxford and London, 1877).

Tillemont	L. S. le Nain de Tillemont, *Histoire des Empereurs,* vol. VI (1739).
TP	T'oung Pao.
UJ	Ungarische Jahrbucher.
Vajs	J. Vajs, *Rukovet' Hlaholske Paleografie* (Prague, 1932).
Vasiliev	A. A. Vasiliev, *The Goths in the Crimea* (Cambridge, Mass., 1936).
Vasiliev, *Arabes*	A. A. Vasiliev, *Byzance et les Arabes,* Vol. I (Bruxelles, 1935).
Vasmer, *Beitraege*	M. Vasmer, "Beitraege zur historischen Voelkerkunde Osteuropas," I - III, *AWB 24* (1932); *18* (1934); *19* (1935). (Part IV is said to have appeared in 1941).
Vasmer, *Iranier*	M. Vasmer, *Untersuchungen uber die altesten Wohnsitze der Slaven,* I: "Die Iranier in Sudrussland" (Leipzig, 1923).
Vernadsky, *Conversion*	G. Vernadsky, "The Date of the Conversion of the Khazars to Judaism," *Byz., 15* (1941), 76 - 86.
Vernadsky, *Eparchy*	G. Vernadsky, "The Eparchy of Gothia," *Byz., 15* (1941), 67 - 76.
Vernadsky, *Goten*	G. Vernadsky, "Goten und Anten in Sudrussland," *SF, 3* (1938), 265 - 279.
Vernadsky, *Lebedia*	G. Vernadsky, "Lebedia: Studies on the Magyar Background of Kievan Russia," *Byz.,14* (1939), 179 - 203.
Vernadsky, *Origins*	G. Vernadsky, "On the Origins of the Antae," *JAOS, 59* (1939), 56 - 66.
Vernadsky, *PHD*	G. Vernadsky, *Political and Diplomatic History of Russia* (Boston, 1936).
Vernadsky, *Spali*	G. Vernadsky, "The Spali of Jordanis and the Spori of Procopius," *Byz., 13* (1938), 263 - 266.
VHA	K. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlinger.
Vinski	Z. Vinski, *Uz problematiku starog Irana i Kavkaza* (Zagreb, 1940).
Wanstrat	L. Wanstrat, *Beitraege zur Charakteristik des Russischen Wortschatzes* (Leipzig, 1933).
WNZ	Wiener Numismatische Zeitschrift.
WPZ	Wiener Prahistorische Zeitschrift.
Zakharov	A. Zakharov and V. V. Arendt, "Studia Levedica," *AN, 16* (1935).
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft.
Zeuss	K. Zeuss, *Die Deutschen und die Nachbarstaemme* (Munich, 1837; reimpression, Heidelberg, 1925).
ZK	*Zeitschrift fur Kirchengeschichte.*
Zlatarski	V. Zlatarski, *Istoria na Bolgarskata Drzhava,* Vol. I, 1 - 2 (Sofia, 1918-27).
ZOG	Zeitschrift fur Osteuropaische Geschichte.
ZSP	Zeitschrift fur Slavische Philologie.
ZVS	*Zeitschrift fur vergleichende Sprachvorschung.*

ЛИТЕРАТУРА

I. Монументальные источники*

1. Эпиграфические

Arne, A., pp. 7 - 14 ("Temoignage des pierres runiques").

Beshevliev, V., "Prvobolgarski Nadpisi" SU, 31, I (1934).

Браун, Ф., "Шведская руническая надпись, найденная на острове Березани", АК, 23 (1907).

Friesen, O. von., "Runenschrift", RGA, IV, 5 - 54.

Gordon, pp. 160 - 172 ("Runic inscriptions").

Gregoire, H., "Les sources epigraphiques de l'histoire Bulgare", Byz., 9 (1934), 745 - 786.

Латышев, В. В., Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini, T. I - II, IV (С.-Петербург, 1885 - 1901).

Латышев, В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России (С.-Петербург, 1896).

Орлов А. С., Библиография русских надписей XI - XV веков (Москва - Ленинград, 1936).

Radlov V. V. Die Altturkischen Inschriften der Mongolei. New Series (St. Petersburg, 1897).

Thomsen, V., "Altturkische Inschriften aus der Mongolei", ZDMG, 78 (1934), 121 - 175.

Успенский, Ф. И., "Надписи староболгарские", РАИК, 10 (1905), 173 - 212.

2. Нумизматические и сигиллографические

Fraehn, C. M., "Drei Muenzen der Wolga-Bulgaren", ANM, Ser. 6, I (1832), 171 - 204.

Лихачев, Н. П., "Материалы для истории византийской и русской сфагистики", МП, I (1928).

Марков, А., Топография кладов восточных монет (С.-Петербург, 1910).

Савельев П. С., Мухаммеданская нумизматика (С.-Петербург, 1846).

Schlumberger, S. Sigillographie de l'Empire Byzantin (Paris, 1884).

Vasmer, R., "Ueber die Muenzen der Wolga-Bulgaren", WNZ, 57 (1924), 63 -

II. Письменные источники

1. Греческие и латинские

Agathias, Historiae, ed. Dindorf, HGM, II.

Amianus Marcellinus, Res Gestae, J. C. Rolfe, ed. and trans., 3 vols. "Loeb Classical Library" (Harvard University Press).

---

* Об археологических свидетельствах см. Гл. 1, 2, а также труды по археологии, которые указаны в сносках на протяжении всего текста

Annales Bertiniani, см. Prudentius

"Anonymi Belae regis notarii de Gestis Hungarorum Liber", Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana", ed. S. Endlicher (St. Gallen, 1849; перепечатка: Leipzig, 1931).

Anscarius, см. Rimbert.

Apollinaris Sidonius, C. Sollius, Carmina, ed. P. Mohr (Leipzig, 1895).

Chronica Gallica, ed. Mommsen, MGH, Auctores Antiquissimi, vol. 9 (1892).

Chronicon Paschale, ed. Dindorf (Bonn, 1832), 2 vols.

Codex Justinianus, см. Corpus Juris Civilis.

Constantine Porphyrogenitus, De Administrando Imperii, PG, 113.

Constantine Porphyrogenitus, De Ceremoniis Anlae Byzantinae, PG, 112.

Constantine Porphyrogenitus, De Thematibus, PG, 113.

Constantine Porphyrogenitus, Excerpta Historica, ed. Boissevain, De Boor, Buettner-Wobst, vols. I - IV (Berlin, 1906).

Cornelius Tacitus, см. Tacitus.

Corpus Juris Civilis: I. Institutiones, Digesta, ed. P. Krueger (1920); II. Codex Justinianus, ed. P. Krueger (1914); III. Novellae, ed. R. Schoell и G. Kroll (1912).

Dexippus, Fragmenta, ed. Dindorf, HGM, I.

Dio Cassius, Historia Romana, ed. Dindorf (Leipzig, 1863-65), 5 vols.

Drepanius, Latinius Pacatus, "Panegyricus Theodosio Augusto dictus", Panegyrici Latini, ed. A. Baehrens (Leipzig, 1874).

Ennodius, Opera, ed. Hartel (1882).

Eunapius, Fragmenta, ed. Dindorf, HGM, I.

Fredegar, Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici Libri IV, ed. B. Krusch, MGH, Scriptores Rerum Merovingicarum, II, (1888).

Georgius Monachus, Chronicon, ed. De Boor, vol. I (Leipzig, 1894).

Gregory of Tours, Historia Francorum, ed. W. Arendt и B. Krusch, MGH, Scriptores Rerum Merovingicarum, I (1884).

Herodotus, Historiae, ed. H. Stein (Berlin, 1884). Также в "Loeb Classic Library", ed. A. D. Godley.

Isidore of Siville, Etimologiae, PL, 82.

Justinus, M. Junianus, см. Trogus.

John Chrysostom, "Epistolae", PG, 52.

John Malalas, см. Malalas.

John of Antioch, Excerpta de Insidiis, Constantine Porphyrogenitus, Excerpta Historica, III.

Jordanis (Jordanes), Romana et Getica, ed. Th. Mommsen, MGH, Auctores Antiquissimi, vol. 5 (Berlin, 1882). Английский перевод "Гетики": C. C. Mierow "The Gotic History of Jordanes", (Princeton, Princeton University Press, 1915).

Malalas, John, Chronographia, ed. Dindorf (Bonn, 1831).

Marcellinus, Comes, Chronicon, ed. Mommsen, MGH, Auctores Antiquissimi, vol. XI (1894).

Mauricius, Strategicon, ed. J. Scheffer, Arriani Tactica et Mauricii Ars Militaris (Upsala, 1664). Выдержки перепечатаны: Niederle, Zivot, I, 27 - 32. Русский перевод С. А. Жебелева и С. П. Коидратьева, ВДИ (1941), сс. 253 - 257.

Mela, см. Pomponius Mela.

Menander Protector, Fragmenta, ed. Dindorf, HGM, II.
Nicephorus Kallistus Xanthopulus, Church History, PG, 147.
Nicephorus Patriarcha, Opuscula Historica, ed. De Boor (Leipzig, 1880).
Notitia Dignitatum, ed. Seeck (1876).
Novellae, см. Corpus Juris Civilis.
Olympiadorus, Fragmenta, ed. Dindorf, HGM, I.
Pacatus, см. Drepanius.
Philostorgius, Historia Ecclesiastica, PG, 65.
Photius, Epistolae, PG, 102.
Photius, In Rossorum Incursionem Homiliae, I - II, ed. A. Nauck, Lexicon Vindobonense (St. Petersburg, 1867), pp. 201 - 232.
Pliny, Naturalis Historia, ed. Jahn (Leipzig, 1870).
Plutarchus, Libellus de Fluviis, ed. R. Hercher (Leipzig, 1851).
Pompeius Trogus, см. Trogus.
Pomponius Mela, Chronographia, ed. Frick (Berlin, 1880).
Priscus, Fragmenta, ed. Dindorf, HGM, I.
Procopius, The Anecdota or Secret History, H. D. Dewing, et. and trans. "Loeb Classic Library".
Procopius, Buildings, H. B. Dewing, ed. and trans. "Loeb Classic Library".
Procopius, History of the Wars, H. B. Dewing, ed. and trans. 5 vols. "Loeb Classic Library".
Prudentius, Annales, ed. Pertz, MGH, Scriptores, I (1826), 429 - 454.
Ptolemy, Geographia, ed. Noble (Leipzig, 1843).
Ravennas Anonymus, Cosmographia, ed. J. Schnetz, Itineraria Romana, II (Leipzig, 1940).
Rimbert, Vita Anscarii, ed. G. Waitz (Hannover, 1884).
Св. Георгий из Амастриса, житие, Василевский, III, 1 - 71.
St. John of Gothia, Life of, Acta Sanctorum, Junii Tomus, VII, 167 - 171. Русский перевод: Василевский, II, 396 - 400.
Св. Стефан Сурожский, житие, Василевский, III, 72 - 76.
Salvinus, De Gubernatione Dei, ed. Pauly (Vienna, 1883).
Saxo Grammaticus, Gesta Danorum, ed. J. Olrik и H. Raeder (Copenhagen, 1931). 2 vols.
Scriptores Rerum Langobardorum, MGH (1878).
Sidonius, см. Apollinaris Sidonius.
Simocatta, см. Theophylactus Simocatta.
Socrates, Historia Ecclesiastica, PG, 67.
Stephanus of Byzantium, Ethnicorum quae supersunt, ed. A. Meinecke (Berlin, 1849).
Strabo, Geographica, ed. H. L. Jones. "Loeb Classic Library".
Suida, Lexicon, ed. A. Adler (Leipzig, 1928-38). 5 vols.
Tacitus, Cornelius, Germania, ed. M. Hutton. "Loeb Classic Library".
Tacitus, Historiae, ed. C. Moore, "Loeb Classic Library".
Theophanes Confessor, Chronographia, ed. De Boor (Leipzig, 1883-85). 2 vols.
Theophanes Continuatus, ed. Bekker (Bonn, 1838).
Theophylactus Simocatta, Historiae, ed. De Boor (Leipzig, 1887).

Trogus, M. Juniani Justini Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi, ed. O. Seel (Leipzig, 1935).

Zocimus, Historia nova, ed. Mendelssohn (Bonn, 1887).

2. Восточные

А. Арабские и персидские*

Al-Bakri, см. Бакри.

Athir, Ibn al-, Chronicon quod perfectissum inscribtur, ed. Tornberg.

Выдержки у Маркварта, см. его указатель источников, с. 554.

Ауфи, Джами аль-Хикайят, изд. Бартольд, ВОЗ, 9 (1896), 262 - 267.

Бакри, Китаб аль-Масалик валь-Мамалик, изд. А. Куник и барон В. Розен, АНЗ, 32, Доп. № 2 (1878), с русским переводом. Выдержки в английском переводе: Macartney, pp. 189 - 190, 192 - 208.

Baladhuri, Liber Expugnationibus Regionum, ed. De Goje (1866). English trans. by K. Hitti and F. C. Murgotten, The Origins of the Islamic State (New York, 1916 - 1924), 2 vols.

Bal'ami, см. Tabari.

Балхи, Абу Саид, автор труда, переработанного Истахри (см. Istakhri). Выдержки в русском переводе: Гаркави, сс. 273 - 277.

Edrisi, см. Idrisi.

Фадлан, Ибн, Катаб (отчет о его миссии у поволжских булгар); известна в двух вариантах, а именно:

А. Вариант Якута (обширные выдержки). Jakuts geographisches Woerterbuch, ed. F. Wuestenfeld (6 vols., Leipzig, 1866 - 1873), I, 112 - 113, 468 - 469, 723 - 727; II, 438 - 440, 484 - 485, 834 - 840; IV, 944.

Выдержки Якута из Ибн-Фадлана были опубликованы порознь с комментариями и немецким переводом К. М. Фраена (C. M. Fraehn) в его следующих работах: 1) "De Chazaris", ANM, 8 (1822); 2) "De Baschkiris", ibid.; 3) Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte ueber die Russen (St.- Petersburg, 1823); 4) "Die aeltesten arabischen Nachrichten ueber die Wolga Bulgaren", ANM, Ser. 6, I (1832).

Б. Оригинальный вариант (неполный): Кодекс № 2 (III, 17, 2) библиотеки Али ибн-Риза в Месхеде (Иран), Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, изд. И. Ю. Крачковским, (Москва - Ленинград, 1939). Фототипическое воспроизведение текста, русский перевод и комментарии.

Faqih, Ibn-al-, Compendium Libri Kitab al-Boldan, ed. De Goje, BGA, 5 (1885).

Firdausi, Shah-nama, done into English by A. G. Warner and E. Warner (London, 1905 - 1925), 9 vols.

Гардизи, Заин аль-Ахбар, изд. Бартольд, АНЗИ, т. I, № 4 (1897), 80 - 103; русский перевод, сс. 103 - 126. Выдержки в английском переводе: Macartney, pp. 189 - 200, 203 - 215.

Хаукал, Ибн, Viae et Regua, BGA, 2 (1873). Выдержки в русском переводе: 1) Гаркави, сс. 218 - 222; 2) Н. А. Караулов, СМК, 38 (1908) 81 - 118.

Худуд аль-Алам, изд. Бартольд (Ленинград, 1930). Фототипическое воспроизведение рукописи.

Худуд аль-Алам, перевод и комментарии В. Минорский (London, 1937).

* Диакритические знаки в транслитерации арабских и персидских имен и названий опущены.

Ибн аль-Атир, см. Athir.

Ибн-Фадлан, см. Фадлан.

Ибн-аль-Факи, см. Faqih.

Ибн-Хаукал, см. Хаукал.

Ибн-Хурдадби, см. Хурдадби.

Ибн-Руста, см. Руста.

Idrisi, "Geographie d'Edrisi", traduite de l'arabe par A. Gauhert (Paris, 1836-40). 2 vols.

Idrisi, La Finlande et les autres pays haltiques orientaux (Geographie, VII, 4), edition critique par O. J. Tallgren-Tullio et A. M. Tallgren, SOF, 3 (1930).

Idrisi, O. J. Tullio (Tallgren) Du nouveau sur Idrisi, SOF, 6, 3 (1936).

Истахри, Viae Regnorum, BGA, I, (1870). Выдержки в русском переводе: Гаркави, сс. 191 - 193.

Хурдадби, Ибн, Китаб аль-Масалик валь-Мамалик, BGA, 6 (1889) с переводом на французский. Выдержки по-русски: Гаркави, сс. 191 - 193.

Marvazi, Taha'i al-haywan, ed. V. Minorsky, forthcoming in the "Forlong Fund Puhlications", см. "A List of Works (1901 - 1940) hy V. Minorsky No. 110 (Camhrige, s. a. [1942]), p. 22.

Масуди, Мурудж аль-дахаб

a) Magoudi, Les Prairies d'or, texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille (Paris, 1861-77). 9 vols.

h) M. Charmoy, "Relation de mas'oudy et d'autres Musulmans sur les anciens Slaves", ANM, Ser. 6, 2 (1834) 297 - 408.

Макдиси, см. Мукаддаси.

Mirkwand, Rawdatu's - Safa. Об изданиях текста см.: Browne, pp. 431 - 432. Выдержки по-французски: B. D'Herhelot, Bihlioteque Orientale (Paris, 1697), s. v. "Rous", p. 722.

Мукаддиси, Descriptio Imperii Moslemici, ed. De Goje, BGA, 3 (1877). Выдержки по-русски: Гаркави, с. 281 - 283.

Руста, Ибн, Китаб аль-Алак ан-Нафиса, ed. De Goje, BGA, 7 (1892). Более раннее издание с русским переводом: Д. Хвольсон, Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Ибн-Даста (С.-Петербург, 1869). Только русский перевод: ЖМНП, 140 (1868), 657 - 771. Выдержки в английском переводе: Macartney, pp. 191 - 215.

Tabari, Annales, ed. De Goje (Leyden, 1879 - 1901). Частичный немецкий перевод: Th. Noldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden (Leyden, 1879).

Персидская версия Балами: Chronique de Tabari traduite sur la version persane par H. Zotenberg (Paris, 1867-74). 4 vols.

B. Dorn, "Tabary's Nachrichten ueher die Chasaren", ANM, Ser. 6, 6 (1844), pp. 445 - 601.

Русский перевод. ЖМНП, 18 (1844). Выдержки по-русски: Гаркави, сс. 74 - 76.

Якуби, Китаб аль-Болдан, ed. De Goje, BGA, 7 (1892). Выдержки по-русски: Гаркави, с. 63.

Якуби, Historiae, ed. Houtsma (Leyden, 1883). 2 vols. Выдержки по-французски: Vasiliev, Arabes, I, 270 - 277.

Yaqut, Geographie Dictionary, ed. Wuestenfeld, Jakut's geographisches Woerterbuch (Leipzig, 1866 - 1873). 6 vols. См. Фадлан.

Б. Армянские и грузинские

Brosset, vols. I и III.

Джанашвили, М. "Известия грузинских летописей и историков", СМК, 22 (1897), 1 - 196, 26 (1899).

Levond [Гевонд], History of the Caliphs. Русский перевод К. Патканова, История халифов, (С.-Петербург, 1862).

Moses of Khoren, History of Armenia. Русский перевод Н. О. Эмина, История Армении (Москва, 1893).

Moses Kalankatvaci (Каганкатваци) History of the Albanians (Agvanians). Русский перевод К. Патканова, История агван (С.-Петербург, 1861), Выдержки в русском переводе И. И. Шопина, Новые заметки, (С.-Петербург, 1866), сс. 417 - 501.

St. Abo, Life of, Latin trans. by P. Peters, "Les Khazars dans la passion de St. Abo of Tiflis", Analecta Bollandiana, 52 (1934), 23 - 28.

В. Китайские

Annals of The Former Han (Ch'ien Han Shu). Английский перевод гл. 96: A. Wylie, "Notes on the Western Regions, IASG, 10 (1881), 20 - 48.

Annals of The Later Han (Heou Han Shu). Французский перевод гл. 118: Chavannes, "Les pays d'Occident d'apres le Heou Han Chou", TP, 8 (1907), 153 - 221.

Бичурин, Иакинф, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии (С.-Петербург, 1851).

De Groot, I. I. M., Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens, vols. I - II (Berlin und Leipzig, 1921-26).

Historical Records (Shi-ki). Английский перевод гл. 123: F. Hirth, "The Story of Chang K'ien", IAOS, 37 (1917), 93 - 116.

Г. Еврейские

П. К. Коковцев, Еврейско-хазарская переписка в X веке (Ленинград, 1932).

Д. Сирийские

Ab-ul-Faraj, Gregory, Chronology, ed. P. I. Bruns and S. S. Kirsch, with Latin trans. (Leipzig, 1788).

Ab-ul-Faraj, ed. E. A. W. Budge, with English trans. (London, 1932).

Bar Hebraeus, см. Ab-ul-Faraj.

John of Ephesus, Ecclesiastical History. German trans. by I. M. Schoenfelder, Die Kirchengeschichte des Iohannes von Ephesus (Munich, 1862).

Michael Syrus, ed. Chabot, Chronique de Michel le Sysien, vol. II (Paris, 1902), with French trans.

Пигулевская Н., Сирийские источники по истории СССР (Москва - Ленинград, 1941).

Zacharias Rhetor. German trans. by K. Ahens and G. Krueger, Die sogenante Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor (Leipzig, 1899).

З. Славянские

Повесть временных лет: а) Ипатьевский список, ПСРЛ, Т. II, Вып. I (3-е изд., Петроград, 1923), б) Лаврентьевский список, ПСРЛ, Т. I, Вып. I (2-е изд., Ленинград, 1926).

Константин Философ, см. Св. Кирилл.

Георгий Монах, Славянский вариант изд. В. М. Истриным: Хроника Георгия Амартола (Ленинград, 1920-30). 3 т.

Иоанн Малалас, Славянский вариант изд. В. М. Истриным: Книга I, АНЗИ, Сер. 8, I, № 3 (1897); Книга II, НУИФ, 10 (1902); Книги IV - V, НУИФ, 13 (1905); Книги VI - IX, АНОРС, 89 № 3 (1911) и № 7 (1912); Книга X, НУИФ, 17 (1913); Книги XI - XIV, АНОРС, 90, № 2 (1913); Книги XV - XVIII, АНОРС, 91, № 2 (1914).

Английский перевод Книг VIII - XVIII: Chronicle of John Malalas, M. Spinka and G. Downey, ed. and trans. (Chicago, 1940).

Никоновская летопись, ПСРЛ, Т. IX (1862).

Св. Кирилл (Константин), Житие, так наз. Паннонский вариант.

Лавров П. А., "Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности", Труды Славянской комиссии (Академия наук), I (Ленинград, 1930), 1 - 66. Pastrnek, F. Dejiny slovanskych apostolu Cyrilla a Methoda (Prague, 1902), pp. 154 - 215. Франц. перевод: Dvornik, Legendes, pp. 349 - 380.

Св. Мефодий, Житие, так наз. Паннонский вариант: Лавров (см. выше), сс. 67 - 78. Pastrnek (см. выше). Франц. перевод: Dvornik, Legendes, pp. 381 - 393.

Св. Стефан Сурожский, Житие, изд.: В. Г. Василевский, III, 77 - 98.

Слово о полку Игореве (Москва, 1800; переиздание: Москва, 1920).

4. Англо-саксонские и скандинаеские

Antiquites Russes d'apres les monuments historiques des Islandais, ed. C. C. Rafn, vols. I - II (Copenhague, 1850).

Beowulf, ed. W. I. Sedgefield (3rd ed. Manchester, 1935).

Snorry Sturluson, Heimskringla, ed. by E. Monsen, trans. with the assistance of A. H. Smith (New York, 1932).

Содержание

Б. Николаев. "Жизнь и труды Г. В. Вернадского" 5
Предисловие 15
Введение 17
I. Предыстория 20
1. Подход к проблеме происхождения русского народа 20
2. Историографические замечания 27
3. Палеолит 34
4. Период неолита 38
5. Медный и бронзовый века 47
II. Киммерийская и скифская эра. (1000 - 200 гг. до н. э.) 63
1. Переход от бронзового к железному веку 63
2. Киммерийцы и скифы в Южной Руси 69
3. Греческие колонии на северном побережье Черного моря 76
4. Северные соседи скифов 81
5. Восточные соседи скифов 84
6. Взгляд на политическую историю Скифии 88
III. Сармато-готская эпоха. (200 г. до н. э. - 370 г. н. э.) 93
1. Выводы главы. Источники и ссылки 93
2. Центральная Евразия в эпоху сарматов 97
3. Сарматы в Южной Руси 103
4. Боспорское царство и греческие города на северном побержье Черного моря 111
5. Наследство иранской эпохи в русской истории 115
6. Западные и северные соседи сарматов 120
7. Восточные славяне в сарматский период 123
8. Некоторые данные о славянской цивилизации в сарматской период 128
9. Готы на Украине
IV. Гунно-антский период. (370 - 558 гг. н. э.) 139
1. Предварительные замечания 139
2. Гуннское вторжение и гото-антская война 144
3. Великое переселение и западная экспансия аланов 149
4. Гуннская империя на Дунае 154
5. Последние годы правления Аттилы 160
6. Регион Азова, Таврида и Северный Кавказ в четвертом и первой половине пятого века 162
7. Падение империи гуннов
8. Анты от конца четвертого до середины шестого века 170
9. Византия, анты и булгары в первой четверти шестого века 175
10. Политика Юстиниана I по отношению к антам и булгарам 181
V. Аваро-антский период. (558 - 650 гг.) 189
1. Предварительные замечания 189
2. Вторжение аваров и появление тюрков 192
3. Византия, авары и анты в правление Маврикия 198

4. Аваро-славянские отношения 202
5. Таврида и Северный Кавказ в шестом веке 205
6. Авары, славяне и Византия в первой четверти седьмого века 207
7. Великая Булгария, авары и славяне во второй четверти седьмого века 212
8. Истоки Хазарского государства и падение Великой Булгарии
VI. Хазаро-булгарский период. (650 - 737 гг.) 218
1. Предварительные замечания 218
2. Хазарский каганат 226
3. Волжские булгары 235
4. Литовцы и финны в Северной Руси 240
5. Угры и асы в Южной Руси 250
6. Дунайские булгары, анто-славяне и Византия, 650 - 701 гг. 256
7. Булгары, хазары и Византия, 701 - 739 гг. 260
8. Асы и русь в Азовском регионе 267
VII. Скандинавы и русский каганат. (737 - 839 гг.) 270
1. Предварительные замечания 270
2. Скандинавы в Северной и Центральной Руси 275
3. Скандинавы, асы и русь в Азовском регионе 281
4. Варяжско-русская проблема 284
5. Первый русский каганат 287
6. Хазарское государство во второй половине восьмого и
в начале девятого столетия 294
7. Византия и булгары, франки и авары, 739 - 805 гг. 299
8. Византия и булгары в период правления хана Крума 303
9. Политика булгар при хане Омортаге, 814 - 831 гг. 306
10. Политический кризис в Северном Причерноморье, 831 - 839 гг. 309
VIII. Образование Киевской Руси. (839 - 878 гг.) 313
1. Русские племена в девятом веке 313
2. Распространение хазарского и мадьярского контроля
над южно-русскими племенами 334
3. Рюрик и варяжско-русское правление в Новгороде 337
4. Русь в Приднепровье и Причерноморье 343
5. Миссия Константина Философа в Хазарии и первое обращение Руси 348
6. Миссия Константина и Мефодия в Паннонии и
зарождение славянской письменности 355
7. Обращение Дунайских болгар 360
8. Киев в 870-х и взятие его Олегом 365
9. Заключительные замечания 370
Хронологическая таблица 374
Примечания 384
Сокращения 427
Литература 439

ББК 63.3.(2) 4
В35

Вернадский Г. В.

Древняя Русь.

Пер. с англ. Е. П. Береншгейна, Б. Л. Губмана.
Под ред. Б. Ннколаева. - Тверь: ЛЕАН,
1996, - 448 с. с картами.

Георгий Владимирович Вернадский (1887 - 1973) - сын В. И. Вернадского. Выдающийся русский историк. Ученик В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера. С 1920 года в эмиграции. Профессор русской истории Карлова университета (Чехословакия) с 1922 г. и Йельского университета (США) с 1927 г. по 1956 г. Один из теоретиков евразийского движения. Л. Н. Гумилев называл себя последователем Г. В. Вернадского.

Георгий Владимирович - автор многочисленных статей и монографий по русской истории. Вершиной творчества Г. В. Вернадского стала многотомная «История России», которая явилась воплощением исторической концепции евразийства.

На русском языке издается впервые.

Отв. за выпуск *А. Московкин*
Гл. редактор *Б. Николаев*
Редактор *С. Финевич*
Художники *В. Корольков, О. Скаковская*
Тех. редактор *Л. Коночкина*
Компьютерная верстка *Л. Гевчук*
Корректор *В. Иванова*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 061845 от 27.11.92 г.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.07.96.
Формат $84\times108^{1}/_{32}$. П. л. 14. Бумага офсетная. Печать ролевая.
Гарнитура Петербург. Тираж 7 000 экз. Заказ № 2127. С 014.

ТОО «ЛЕАН». Россия, 170000, Тверь, Вагжановский пер., 9.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Комитета Российской Федерации по печати. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.